

МУСАГИТ ХАБИБУЛЛИН

БОЖИЙ ДАР

Исторический роман

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2007

УДК 811.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Тат)-44
Х12

Перевод *Фаяза Фаизова*

Хабибуллин М.М.

Божий дар: исторический роман / Мусагит Хабибуллин; перевод Ф.Фаизова. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. — 335 с. — 2000 экз. — ISBN 978-5-298-01601-8

В XIII веке в Волжскую Булгарию вторглись многочисленные монгольские орды. Одолев Булгарию, монголы двинулись дальше, на русские земли. Они захватили Рязань, Москву и направились к Владимиру. Об этих событиях повествует роман писателя Мусагита Хабибуллина. Также в произведении ярко показаны жизнь и героическая судьба великого татарского поэта XIII века Кул Гали.

ISBN 978-5-298-01601-8

© Татарское книжное издательство, 2007

© Хабибуллин М.М., 2007

Со скрипом открылись ворота, и на пороге появился человек в чапане, застегнутом на серебряные пуговицы, и с ярко-зеленой чалмой на голове. Стражник узнал саудагара и крикнул тамгачи, который сидел на дозорной башне:

— Купец из Ургенча Салахутдин, обозов — пятьдесят, товар — ткани, изюм, урюк, дыни и вино...

Хорошо знавший купца тамгачи пошел к открытым воротам навстречу каравану. Передние верблюды, медленно раскачиваясь, подходили к воротам города.

Тамгачи обошел караван, ощупал туго набитые тюки и приказал дозорным:

— Пустить в город верблюдов саудагара Салахутдина!

В Великий Булгар из многих стран мира издавна ходили купеческие караваны. И в Ургенче, и в Великом Булгаре жили народы, говорившие почти на одном и том же языке, чтившие почти одни и те же традиции, исповедовавшие общую религию — ислам. Ургенчские купцы беспрепятственно ходили в Булгар, для булгарских торговцев также не составляло труда навещать ургенчские базары. Но, когда страна хорезмшаха Улуг Мухаммеда попала под власть монголов, ургенчских купцов в Булгары стали пропускать только по разрешению булгарского хана или его визиря. Однако Салахутдин был не просто купцом, но еще и доверенным лицом хана, поэтому тамгачи Асылгирей не проявил особого беспокойства. Даже таможенники не могли без особо веской причины задерживать ханских купцов. Но Асылгирей мог задержать кого угодно и проверить любой товар, потому что знал, что пропыленные и пронизанные степными ветрами купцы нет-нет да привезут в город «живой товар», за право скрытой продажи которого тамгачи перепало несколько золотых монет. Из Бухары, Самарканда, Ходжента, Ургенча, Хивы привозили в Булгары стройных, как кипарис, девушек, выросших под сенью тутовых деревьев и скрывавших свои прелестные личики под сеткой паранджи.

Вообще-то торговля женщинами и детьми на базарах Великих Булгар была запрещена, но купец не может назвать себя купцом, если он не способен продать запрещенный товар. И потом, как говорится, запретный плод сладок. Салахутдин как раз и принадлежал к тем ушлым купцам, которым ничего не стоит договориться с любым тамгачи о пропуске «живого товара» на рынки города. Его кошель всегда был туго набит золотыми и серебряными монетами, а язык подвешен так, что сам шайтан бы позавидовал. Салахутдин-саудагар мог заговорить кого угодно на трех-четырёх языках, и никто толком не знал, кому же он на самом деле служит, — монголам или булгарскому хану Ильгаму.

Наметанный глаз Асылгирея выделил пять верблюдов, которых он и велел остановить. Потом сам лично заставил распаковать тяжелые тюки и плетеные коробки, где бывалые купцы обычно перевозили запрещенные товары. Дозорные бросились исполнять указание тамгачи.

Обеспокоенный задержкой своих верблюдов, Салахутдин-саудагар послал к тамгачи своего сына, а между тем таможенники уже выводили из огромных коробов, опущенных на землю, тех самых стройных, как кипарис, дев Востока.

Асылгирей знал, что купец хана зря не возит запрещенный главой государства «живой товар», знал, что Салахутдин-саудагар очень даже выгодно продаст булгарским купцам и богачам черноглазых гурий Ургенча, а обратно повезет голубоглазых и белолицых, как парное молоко, булгарских девушек. Обо всем этом тамгачи знал давно. Салахутдин хоть и был ханский купец, давно уже висел на золотом крючке главного тамгачи Асылгирея. Сколько кошель, полных дирхемов и золотых бляшек, перешло в руки тамгачи от этого пронырливого купца женских чар! И то правда, Салахутдин надеялся, что хотя бы сегодня он сможет обмануть бдительность Асылгирея. Но не тут-то было! И сегодня остановил его караван этот хитрый, всезнающий и всевидящий тамгачи. И все же Салахутдин посчитал ниже своего достоинства пойти к тамгачи самому, поэтому послал сына-углана. Когда обескураженный углан добежал до конца каравана, помощники главного тамгачи Асылгирея уже уводили девиц в караульный дом сторожевого поста.

— Асылгирей ака! Асылгирей ака! — обратился к тамгачи подбежавший углан.

— В чем дело? — как ни в чем не бывало спросил Асылгирей. — Или горит что-нибудь?

— Мой отец...

— Что отец, где он сам?

— Отец велел не трогать девушек.

Асылгирей усмехнулся, взглянув на углана, затем посмотрел на своих помощников:

— Может, кто-то из вас уже «тронул» девушек?..

— Сохрани Аллах, Асылгирей ака, как можно?! — как по команде крикнули джигиты-помощники.

Асылгирей отвел углана в сторонку и требовательно спросил:

— Сколько девушек привез твой отец?

— Семь, Асылгирей ака, семь.

— Значит, семь золотых, сорок девять дирхемов. Легко богатеет твой отец, углан. Как тебя зовут-то?

— Хайрутдин.

Асылгирей с прищуром посмотрел в глаза углану Хайрутдину. Юноша был еще безбородым. Под носом его виднелась тонкая, как ниточка, черточка усов, а над черными глазами шли вразлет черно-смоляные густые брови.

— Ургенч теперь в руках монголов в Улусе хана Джучи, так?

— Так, Асылгирей ака.

— Значит, мало там осталось праведных людей. Все под монголами ходят. А мы, мусульмане, чужого боимся трогать.

— Нет, Асылгирей ака, в Хорезме монголов сейчас почти нет, а страной правит эмир Махмуд Ялавач.

— А может ли этот эмир выдавать фирманы?

— Кажется, у него нет права выпускать деньги и держать войско.

— Какой же он эмир без своих денег и без своего войска?

— Но фирманы, указы он издает.

— Указы, годящиеся разве что на отправку в Булгары ургенчских девушек?

— И на это тоже, Асылгирей ака. А еще у моего отца есть пайцца от монгольского хана, дающая право на свободную торговлю во всех городах Востока...

— Гм-м, — хмыкнул Асылгирей. — Не перегнул ли ты? Аж во всех городах Востока?.. Хоть верь, хоть не верь. Говорили, что после монгольского нашествия в Ургенче ни одной живой души не осталось.

— Монголы убивают только тех, кто им сопротивляется. Кроме того, они не трогают духовных людей и духовных отцов, к какой бы религии они ни принадлежали, а также купцов, ремесленников, мастеров, девушек...

— Хы, — осклабился тамгачи. — Наверное, поэтому девушек в Ургенче стало так много, что из-за недостатка мужчин их сбывают болгарским наездникам.

— Хик! — вдруг икнул углан Хайрутдин. — Хик! Ик!..

— Икаешь — значит врешь. Да ладно, скажи отцу: девушек я сам к нему в караван-сарай отведу. Сегодня купцов проверяет визирь Тимбай, вы его встретите через перекресток. Поэтому девушек пока лучше оставить у меня. Разумеешь? Клянусь Кораном, что с девушками ничего не случится.

— Хорошо, Асылгирей ака, я передам отцу ваши слова.

— А верблюдов уведи. Повторяю: пусть отец твой не беспокоится, девушек я сам к нему приведу.

— Хорошо, Асылгирей ака.

Проводив углана, Асылгирей поспешил в караульный дом. Он работал тамгачом у Ханских ворот вот уже двадцать пять лет, и ему не очень-то нравился этот увертливый и пронырливый Салахутдин-саудагар, но что делать, многие говорят, что этот купец находится под покровительством самого Ильгам хана. Один Аллах знает, что за поручения дает хан этому проходимцу и плуту.

За эти четверть века кого только не пропускал тамгачи Асылгирей через Ханские ворота. Разные были купцы — и плохие, и хорошие. Да, не нравился ему Салахутдин-саудагар, имеющий пайцзу повелителя монголов и ярлык болгарского хана. Но в то же время Асылгирей не мог придаться к этому купцу. А что девушками торгует — дело обычное. Всякий купец хотя бы понемногу промышляет «живым товаром»: когда одну, когда две гурии продаст. Возит иногда по три короба, а там — красавицы Востока: дескать, это — жена, вторая — дочка, а третья — свояченица. Начнешь расспрашивать — никаких концов не найдешь. Такие, как Салахутдин, всегда сухими из воды выйдут. Мм-да... Хотя Ильгам хан издал фирман о запрете торговли девушками на базарах Булгара, даже сам он на это ремесло, кажется, смотрит сквозь пальцы. Пойманный с поличным работорговец обычно отделяется штрафом в пользу ханской казны. Если Асылгирей донесет хану о Салахутдине, то наживет себе неприятности, ибо поговаривают, он в самом деле ханский купец. Что ж, очень даже возможно. Сын Асылгирея — Бахтияр, один из ханских телохранителей, как-то сообщил отцу, что Салахутдин запросто вхож к самому визирю Тимбаю. Нет, невыгодно Асылгирею доносить на Салахутдина. Придется отдать ему девушек. Пусть продает своих прелестниц, своих «кипарисовых» гурий. Купят их все те же болгарские купцы или арские и черемисские мурзы. Русским князьям-тиунам тоже по вкусу смуглое тело чернооких красавиц Хорезма.

Но в последнюю минуту Асылгирей одну из «кипарисок» Салахутдина решил оставить себе. С женой Бибиджамал они вырастили четверых сыновей, двое из них уже обзавелись семьями, остальные учатся в ханском медресе, а Бахтияр к тому же занимается в военной школе и ходит в телохранителях у самого хана. Единственную дочь Асылгирея — красавицу Гаухар — украл проклятый владимирский князь Святослав.

Бедная Бибиджамал ханум целую неделю проливала слезы по дочери, проклинала разбойника-урусита, но вернуть дочь была не в силах ни она, ни Асылгирей. Конечно, юная ургенчская девушка, которую выберет Асылгирей, родилась от другой женщины, но для Бибиджамал, стосковавшейся по дочери, она сможет заменить украденную дочь хотя бы отчасти. Ну а Салахутдин от одной своей «кипариски» не обеднеет, наоборот, получит от Асылгирея приличную сумму.

Тамгачи вошел в караульный дом, оглядел девушек, усевшихся на скамейке, словно ласточки на ветке. Лица их были закрыты шелковыми покрывалами, поднятыми до самых глаз. Только глаза блестели как изумруды. Девушки жались друг к дружке, словно боялись, что кто-то сейчас примется глотать их одну за другой.

Асылгирей велел стражникам выйти, закрыл за ними дверь, снял с головы шлем, развязал пояс.

— Вы меня не бойтесь, красавицы, откройте свои нежные распрекрашенные личики. Сейчас вас накормят, напоят, а потом мы с вами побеседуем.

Асылгирей хлопнул в ладони — откуда-то из-за печи появились две женщины.

— Мы здесь, Асылгирей.

— Ну-ка, хозяйюшки, накормите досыта этих голубок, а потом меня позовете.

— Хорошо, хорошо, Асылгирей, — закивали головой служанки, наводящие порядок в караульном доме и готовящие трапезу для стражников.

Асылгирей вышел в переднюю и растянулся на низкой лежанке-саке. Он еще не знал, о чем будет говорить с девушками, но знал, что одну из них оставит себе, сколько бы денег ни запросил за нее Салахутдин. Но сначала посмотрит на их лица, взглянет им в глаза, послушает их голос. Да, голос девушки — что сладкая песня, он может заморозить сердце мужчины, пленить самого сурового вояку, околдовать его так, что мужчина с радостью пойдет под власть чаровницы. Многие женщины не знают силы мягкого слова, и многое от этого теряют, разговаривая с мужчинами равнодушно.

Скажем, Бибиджамал покорила Асылгирея именно силой своей слабости, всепроникающей нежностью своего мягкого, деликатного слова. И так продолжается до сих пор. Не успеет Асылгирей войти в дом, а жена уже вьется вокруг него, приговаривая: «А ну-ка, мой старичок, садись, я сапоги с тебя сниму, устал небось на службе. Потом в баньку сходишь, баня готова, пышет жаром, венички с мать-и-мачехой на бечевке висят, по твоей спине скупают, полотенце — в правом углу, чистое, ароматное. Я пока ужин приготовлю, а потом и сама приду, спинку тебе потру, холодный кумыс принесу...»

Он ждал, когда девушки оглядятся, отдохнут после долгого пути, чтобы потом осторожно повести с ними беседу. Но выдавшие виды хозяйки караульного дома доложили Асылгирею, что сначала девушки говорили робко, вполголоса, а потом постепенно осмелели, начали обсуждать молодых стражников у Ханских ворот. Кто на кого и как взглянул, что сказал, кому из девушек подмигнул, — мало ли о чем могут щебетать эти невинные пташки!

Наконец одна из служанок позвала его:

— Асылгирей, девушки поели, отдохнули.

Тамгачи встал, затянул пояс, подтянул голенища сапог и даже шлем надел.

— Славно ли вас накормили-напоили, красавицы? — ласково спросил он, входя в комнату.

Девушки по-прежнему сидели на скамейке закрыв лица платками до самых глаз.

— О чем это мы с вами давеча говорили?

— Дядя караулбаши, наш господин не велел открывать нам лица, — сказала одна — видимо, самая бойкая девица.

— Не беда... Знаю, что у вас не принято показывать лица посторонним мужчинам. Но у нас обычаи другие, наши девушки смело ходят с открытыми лицами. Кроме того, я знаю вашего господина, и если захочу, то могу всех у себя оставить, тем более что у меня четверо сыновей, двое из которых еще не женаты.

— А нас семь, — сказала одна из девиц.

— Не беда, у соседа десять сыновей подросли, джигиты хоть куда. У нас каждый дом полон мальчиков, отроков, джигитов, так что без мужа не останетесь, не бойтесь. А теперь откройте личики. Смелее, смелее... Вот так. Я хочу видеть ваши нежные личики, взглянуть в ваши бездонные глаза. Говорю же, что у нас, в Булгаре, каждая женщина ходит с открытым лицом и смело смотрит в глаза мужчине. Ведь Аллах создал глаза, чтобы смотреть ими, так?

Сначала все девушки показались Асылгирею на одно лицо, но уже через несколько минут он стал замечать их различия. Слов нет, девушки были чудо как хороши. Впрочем, юность сама по себе прекрасна. Такие, как Салахутдин, лежалым товаром не торгуют. Это камни похожи друг на друга. Но лица человеческие, особенно женские, порой отличаются друг от друга, как небо от земли. Асылгирей остановился напротив сидевшей с краю девушки.

— Как зовут? — спросил он строго, будто девушка была перед ним в чем-то виновата.

— Буляк, дочь багатура Баграма, — спокойно ответила девушка и чуть склонила голову.

Асылгирей слышал кое-что о багатуре Баграме, одном из самых славных джихангиров туранского мира. Когда Ургенч находился в осаде, Баграм уложил одного за другим двенадцать лучших багатуров хана Джучи. Город был взят, и Баграм с семьей попал в плен. Монголы зарубили багатура Баграма на глазах его дочери. Его красавицу-жену отправили в распоряжение Джучи хана, двенадцать богатырей которого пали от руки Баграма. Но Джучи хан не успел насладиться прекрасной вдовой, потому что скоропостижно умер. Говорят, что на самом деле он был отравлен по тайному приказу молодой жены Чингисхана Хулан, поэтому вдову Баграма с разрешения Чингисхана отдали тюркскому беку Кунбаю.

— Собирайтесь, красавицы. А ты, Буляк, с сегодняшнего дня останешься в моем доме. Я буду твоим господином. Возьму тебя.

Девушка посмотрела на тамгачи и так же спокойно наклонила голову в знак покорности.

Вечером Асылгирей привел девушку в свой дом, показал любимой жене Бибиджамал.

— Вот, Бибиджамал, голубушка моя, посмотри, кого я привел. Будет она нам вместо Гаухар. Привечай девушку, приголубь ее. Зовут — Буляк, люби ее, как Гаухар любила. Отец ее погиб героически при защите Ургенча от безбожных монголов, мать увели на берега Курелана, а это прелестное дитя волей Аллаха досталось нам. Впрочем, она тебе все сама расскажет. А ты, дитя мое, — обернулся Асылгирей к девушке, — будь тете Бибиджамал вместо дочери, полюби ее как мать. Нашу дочку — ненаглядную Гаухар — похитил разбойник-князь. Утешь, доченька, тетю Бибиджамал, даже если язык твой не повернется назвать ее матерью.

Бибиджамал, теребя пальцами фартук, посмотрела на гостью, пошла ей навстречу и со слезами на глазах заключила ее в объятия.

— Счастье девушки — в руках Аллаха, — проговорила хозяйка. — Иншалла, все будет хорошо, добро пожаловать к нам, доченька... — Бибиджамал снова посмотрела на девушку:

— Господи, как ты похожа на Гаухар, так и хочется назвать тебя этим именем.

Асылгирей, прикрыв дверь, вышел в соседнюю комнату — остальное его уже не касалось. Жена приняла девушку под свое крыло, и это было главным. Он верил своей жене, верил, что она воспитает Буляк как свою дочь, и даже будет хвастать перед соседями, уверяя их, что это Гаухар наконец вернулась. А сегодня Асылгирею нужно идти во дворец. Ильгам хочет сына Бахтияра сделать своим сотником.

Асылгирей был рад, что хан хочет с ним посоветоваться. Военскую науку Бахтияру преподавал внук хана — искусный боец Хансеяр. Бахтияр чуть ли не боготворил своего учителя. Пора и самому взяться за серьезное дело.

Однако Асылгирея почему-то не пустили во дворец, несмотря на то, что готовилось произведение в сотники его сына. Лишь потом озадаченный Асылгирей узнал, что хан Ильгам занят приемом послов монгольского хана Угедея. С Угедеем нельзя было не считаться хотя бы потому, что этот монгольский владыка завоевал уже более половины исламского мира.

Угедей хан, оказавшийся после смерти отца Чингисхана властителем необъятной империи, не зря послал послов к хану Великой Булгарии, расположившейся прямо на пути монголов между Яиком и Волгой. Вероятно, послы приехали по торговому вопросу. Ведь Асылгирей знал, что в Булгарии не очень охотно принимали монгольских купцов. Однако ни одного из них не отправили обратно, но и с распростертыми объятиями не приняли. Да и о каких объятиях может идти речь, когда Ильгам хан бился с монголами по крайней мере трижды и жестоко. Монголы теперь стали для болгар кровными врагами. Сказывали, что в посольстве Угедея есть представители семи или восьми завоеванных монголами государств. Видно, Угедей хан хочет продемонстрировать: дескать, смотри, сколько царей мне подчинилось, а теперь настала твоя очередь, так что смирись и иди под мое крыло... А болгарский хан молчал. В самом деле, ведь у монголов нет имана, хоть и завоевали они много исламских стран. А еще Асылгирею сообщили, что Угедей хан отправил Ильгам хану щедрые дары. Может, хан монголов хочет купить Ильгам хана? Но вопрос: согласится ли Ильгам хан продаваться? Ведь он уже не раз бил монголов, а придет сюда Угедей хан и его побьет. В Булгаре достаточно и войска, и оружия. И все же Ильгам хану не удастся набрать войска столько, сколько есть у хана Угедея, под ногами которого лежит почти половина исламского мира. Наступит день, когда и Булгария окажется растоптанной конницей монголов, а народ — рассеется, будет захвачен в плен, раздавлен под копытами монгольских коней... Что собирается предпринимать Ильгам хан? Намерен ли он просить помощи у князя владимирского, своего вечно беспокойного и агрессивного соседа? Возможно, именно безвыходность положения толкнет хана Ильгама на этот шаг — просить помощи у князя Владимиро-Суздальской Руси. Несмотря на почти тысячелетнее соседство, а может, как раз в силу этого русс-

кие никогда не относились к булгарам как к добрым соседям. Наверное, им неведома древняя тюркская поговорка: «Күрше хақы — Тәңре хақы», то есть «Право соседа — священное право».

Когда Ильгам хан победил монголов в год мыши, владимирский князь сам лично приехал к хану для подписания мирного договора. И хан протянул князю руку в знак дружбы, хотя прекрасно знал о его вероломности и непостоянстве. И действительно, прошло немного времени, и владимирский князь нарушил договор, вторгнувшись в Казанский улус Булгарии. Самого города он не взял, но сжег и разорил много деревень и селений, увел в полон их жителей. В год обезьяны князь под предлогом мести за убитого в Булгарах русского купца Якима Кучтума вновь пошел войной на Булгары.

Поход его оказался неудачным. Нет, не пристало Ильгам хану просить помощи у владимирского князя Юрия Всеволодовича. Не придет князь на помощь булгарам, и рати не даст. Напротив, воспользуется случаем и постарается под шумок пограбить обреченную на гибель Булгарию. Во всяком случае, порадуетеся беде соседа.

Понапрасну надеясь на помощь князя, Ильгам хан может не успеть или не сумеет набрать сил для отражения монгольского нашествия. Да, трудно, очень трудно будет Ильгам хану держать войска и на западных и на восточных рубежах своего государства...

Так думал и старик тамгачи Асылгирей, пока шел домой. Ни слова не сказав жене, он вскоре отправился в караван-сарай к Салахутдину саудагару.

Ему надо было потолковать с купцом, заодно поинтересоваться делами монгольскими. Политика и прежде интересовала его как государственного таможенника, а когда сын Бахтияр стал служить в охране самого хана, политика и вовсе увлекла старого тамгачи. Этот пройдоха Салахутдин преспокойно пользуется и ярлыком булгарского хана, и монгольской казной, значит, он многое знает, многое может рассказать. Он может рассказать о чем-нибудь Бахтияру, тот передаст хану. Конечно, Ильгам хан и сам достаточно осведомлен о монгольских делах, ибо его шпионы до сих пор действуют в стане врага, и все же нелишним будет послушать и рассказы купца Салахутдина. Кроме того, у Асылгирея есть важная причина явиться к купцу, у которого он хочет выкупить одну из девушек по имени Буляк. А ради нее Асылгирей не пожалеет золота, потому что Бибиджамал сразу же полюбила девушку как свою родную дочь.

Асылгирей не спешил, на душе сегодня было легко, он чувствовал себя человеком, сотворившим доброе дело. Ему даже казалось, что он наконец понял, для чего живет на этом свете. Недавно некто спросил его: зачем ты живешь на свете? И не знал Асылгирей, что ответить ему. Тамгачи не был особенно образованным человеком, рука его была более привычной к сабле, нежели к перу. Он честно выполнял свой долг перед ханом и не особо грешил перед своим народом. По мере сил помогал бедным, немощным, старым, уважал ученых, при случае учил молодежь уму-разуму. Но никогда ему не было так легко, как сегодня. Он шел по земле, но душа его словно парила в небесах, во владениях Аллаха. Он не знал, да и не хотел знать причину такого настроения, просто наслаждался наполненностью чувств, ясностью мыслей, умиротворенностью души. Он благодарил Аллаха за то, что может вот так просто ходить по земле, смотреть на мир, растить детей, не знать нужды в еде или одежде, наконец за то, что у него все обстоит благополучно, за исключением, правда, похищенной дочери Гаухар. Да поможет ему Аллах не сбиться с пути истинного!

Салахутдин-саудагар не ожидал сегодня визита тамгачи, тем не менее радушно принял его, усадил на мягкие подушки.

— Присядь, присядь сначала, дорогой Асылгирей-тамгачи. Присядем да помолимся вместе.

Они прочитали дуа, потом испытующе посмотрели друг другу в глаза, ожидая, кто же первым заведет серьезный разговор. Первым нарушил молчание Салахутдин-саудагар. Он деликатно прокашлялся, давая понять, что готов к разговору, но тут тамгачи поднял руку, призывая собеседника к терпению:

— Я пришел к тебе, саудагар Салахутдин, с извинениями, и прошу простить меня. Я оставил у себя одну из твоих девушек. Ты все равно продал бы ее, поэтому спрашиваю: сколько дирхемов просишь за нее, или, может, тебе нужны один-два бьялиша золота?

— Два бьялиша золота хватит, досточтимый Асылгирей. Да, пожалуй, два бьялиша. Однако, тамгачи Асылгирей, эту девушку мне поручил саудагар Биккул для того, чтобы я передал ее ханскому внуку Хансеяру, а тот, в свою очередь, великому шейху и поэту Кул Гали.

— Субханалла! Боже мой! О чем ты говоришь, уважаемый Салахутдин бей? Если мне не изменяет память, у Хансеяра есть жена — прекрасная Сэмбель, дочь багатура Бачмана.

— Я же сказал, что девушка предназначена для шейха Кул Гали, а Хансеяр должен лишь отвести девушку к нему.

— О Аллах! Тебе, конечно, Салахутдин бей, известно, что Кул Гали — очень уважаемый в городе человек, весьма умный, знатный. А этой девочке — от силы лет пятнадцать, не так ли?

— Это уже не наше дело, тамгачи Асылгирей. Хочет — женится, хочет — продаст, хочет — на улицу выгонит, хочет — тебе подарит. Что касается ее добропорядочности, то она закончила медресе, и оченьмышленная, в науке и языках преуспела. Одним словом, умница, к тому же красивая.

Асылгирей начал уже подниматься с места, но снова сел, потому что принесли кумыс.

Салахутдин молча разлил по пиалам пенящийся напиток.

— Сам отвезешь девушку к шейху, Асылгирей, или мне доложить хану Ильгаму?

Асылгирей прочистил горло, хмыкнул недовольно: дескать, какой-то торгаш вздумал пугать его ханом! Однако вслух неудовольствия не проявил, лишь поднял пиалу на кончиках пальцев, отпил и спокойно отвел:

— Эта девушка по имени Буляк останется у меня, Салахутдин. В Булгар ты приезжаешь не первый и не последний раз, помни об этом, не забывай, что я таможенник, а мой сын Бахтияр — телохранитель и сотник хана Ильгама.

Асылгирей вынул из кошелька два золотых бляшища и сунул в карман Салахутдину.

— В Ургенче она была единственной жемчужиной. Настоящей... Я, признаться, в растерянности. Не знаю, что и делать.

— Найдешь выход. На то ты и купец, Салахутдин. Придумай что хочешь, а девушку не трогай. Может, она — судьба моя. Знай, что если ты отнимешь у меня эту девушку, тем самым загонишь в могилу мою Бибиджамал, которая так полюбила Буляк, что ходит сама не своя от радости. Если бы твою совершеннолетнюю дочь похитил неверный кяфир, причем на твоих глазах, что бы ты делал, а?.. Молчишь. Может, я ошибаюсь, беря к себе эту девочку против твоего желания. Возможно, я совершаю грех. Но я ведь не товар, не скот у тебя покупаю, а душу человеческую, душу моей дочери, похищенной злым гяуром.

— Ладно... Не слепой я, Асылгирей, вижу. К тому же, возможно, шейху теперь не до этой девочки, хоть она и дочь Баграма. Если хочешь знать, монголы собирают силы для завоевания Булгар. Ожидается жестокая битва. Мир на дыбы встанет... Что ж, я согласен с тобой, Асылгирей, но в сердце моем ты оставил горький комок, ибо тот, для кого она предназначена, — народный поэт-чичан!

— Монголов мы и близко к Булгарам не подпустим, Салахутдин. Мы не раз бились с ними: и в Жигулевских горах, и у реки Яик, и у града Саксин, и в степи...

— Ты, Асылгирей, верно, не представляешь себе всей силы монгольской.

— Сила — у них, хитрость — у нас.

— Не спорю, военной хитростью вы крепко насолили Субедей багатуру. Он до сих пор кочует возле болгарских границ, зубы точит на Булгары. После смерти Чингисхана сыновья его рассорились было, но это отнюдь не раздор и тем более не вражда. В походах они едины, как гранит.

— Что будем делать, если очередь дойдет до Булгарии? Говорят, что перед смертью Чингисхан завещал своим сыновьям: «Я не успел дойти от одного моря к другому. Это за меня сделаете вы». И сыновья поклялись в этом отцу — потрясателю Вселенной.

— Язык без костей, чего только не наговорит. Чингисхан умер, в земле лежит, а фирманы его, дескать, живут и побеждают. Монголы даже через Итиль не в силах переправиться, а уже мечтают достичь вод Адрана. Охо-хо, на пути к Адрану они должны будут покорить и Булгарию, и уруситов, и наших братьев по крови венгров, и еще десятки народов и племен! Нет, не бывать этому. Не так просто разбить сложившееся государство, у которого есть и войско, и свой народ, преданный Отчизне. А в Булгарии есть самое современное оружие, в том числе и пушки на конной тяге. Иншалла, мы отбросим монголов от наших рубежей, Салахутдин.

— Видит Аллах, Асылгирей, так будет.

— Кроме того, и над монголами есть Бог, и над ними стоит Аллах, единый и всемогущий, милостивый и милосердный. Все — в руках Аллаха. Да, что написано на роду...— Асылгирей не договорил и стал подниматься. — А тебе я повторю, Салахутдин: не пытайся ловить рыбку в мутной воде, не болтай лишнего. Если что-то из нашего разговора достигнет ханского дворца, то не жди добра от Асылгирей. Даже если меня повесят, останутся четверо сыновей, которые найдут тебя хоть в самом сердце Джучиева Улуса, хоть в пагодах Чина. Найдут и расправятся с тобой без крови, по-монгольски.

— Субханалла, земляк Асылгирей! Не говори так, зачем себе и мне душу травмишь? Девушку по имени Буляк не видел ни Хансеяр, ни великий шейх. Так что придумаем что-нибудь, не волнуйся. Найду выход. А если уж никто из оставшихся девушек им не понравится...

— Это дело твое, Салахутдин, решай сам. Нам с тобой еще жить да жить, работать рука об руку. — Помолчав, Асылгирей спросил: — Ну а отсюда какой товар везешь?

— Кожу, мед, зерно, шкуры, сапоги, замки, посуду, плуги...

— Если понадобится оружие, обратись ко мне.

— Хорошо, хорошо, Асылгирей, так и сделаю... Те пушки на конной тяге... Их все еще Бекир-углан льет?

— Он, он... Люди Амира Хаджи. Лучше всех льют пушки. За этими пушками и охотится багатур Субедей. Вот уже сколько лет кочует вдоль наших границ, словно они медом намазаны, — не переходит Яик, но и далеко не уходит. Один глаз мы ему подбили, наверное, и без второго хочет остаться. А будет нарываться — и от границ прогоним... Ну ладно, Салахутдин, я пошел, не обижайся...

— До свидания, Асылгирей, передай привет Бибиджамал, успокой ее.

На улице уже было темно, и только сторожа покрикивали в такт своим колотушкам да глухо вторили им цепные псы за крепкими заборами горожан.

«Буляк будет жить на втором этаже, в комнате Гаухар, — размышлял по дороге Асылгирей. — Чтобы не смущало ее появление моих сыновей. А как уедет Салахутдин, даст Аллах, отдам ее в ханское медресе, пусть у ханской мугаллимы уроки берет. Если не захочет в медресе, приглашу учителя на дом. А потом, даст Аллах, выдам ее замуж за хорошего человека».

2

Ильгам хан неохотно принял послов из Каракорума. Эти монголы были для него чужими, с которыми булгарам довелось уже трижды вступать в кровавую схватку. Да и веру монгольскую трудно было определить. Сказывали, что они веровали и в Тенгре — единого Бога неба, как наши предки. Среди послов были и мусульмане в чалмах, и христиане с крестами на шеях, и буддистские ламы в черных до пят одеяниях. Ильгам хан не понимал людей, поклонявшихся изображениям, статуям, идолам. Ему казалось, что все эти верования подрывают веру в единого и единственного Всевышнего. Молящиеся на лик пророка Иисуса и считающие его Богом — те живут по соседству. Да и жена хана — ханбике Марьям, русская княжна, хоть и давно приняла ислам, но все же когда-то довольно долго блуждала в потемках. Впрочем, и среди христиан есть разные. Одни молятся лику Христа, другие не поклоняются его изображению. Ильгам хан сравнивает их с блуждающими, в душах которых еще только зарождается вера в Бога. В конце концов духовная вера человека вовсе не должна сводиться к выбору той или иной религии, каждый верующий должен через свою религию двигаться к истине — человеколюбию, состраданию, милосердию. В этом смысле ханбике Марьям, прибыв в Булгар, не просто сменила веру, она стала ходить в мечеть и приобщилась к более высоким, единым и более широким духовным ценностям, ибо каждый истинный мусульманин одинаково понимает и Тору, и Ветхий завет, и Библию, и Коран, и, конечно, всех пророков, считая, правда, что пророк Мухаммед — последний и самый истинный пророк всего человечества.

Ильгам хан распорядился, чтобы монгольским послам были оказаны должные почести. Им принесли лучшие кожаные подушки, предложили кумыс, вино, медовуху, разные настойки, экзотические плоды. Уставшие с дороги послы с удовольствием пили чай, наслаждались спелыми плодами. Визирь Тимбай старательно выполнял приказ хана, но на лице его нетрудно было прочесть озабоченность: ему быстрее хотелось узнать, чего же хотят от булгар эти неугомонные монголы. Узнав цель их приезда, можно будет строить и дальнейшие торговые и политические отношения. Ведь все фирманы хана все равно осуществляются через визиря. Ошибка хана — это ошибка визиря. Но если ошибется хан, ему ничего не будет, а визирь Тимбай может распрощаться со своей высокой должностью и вообще с ханским дворцом. Причем его отставку утвердят аксакалы меджлиса, а самого визиря даже не допустят к хану с жалобой. Впрочем, хан и сам примет такое решение.

Визирь Тимбай — ровесник хана, но считает себя гораздо опытнее и мудрее своего господина. В его руках находятся все шпионы, посланные в разные страны, к нему стекаются все новости и тайны. Не так давно визирь Тимбай в образе странствующего купца побывал в самом Каракоруме, тогда еще только поднимающемся.

Каракорумская империя, раскинувшаяся на необъятных просторах, поглотившая десятки стран и сотни городов, теперь вплотную приблизилась к рубежам Великой Булгарии. Что собирается предпринять дальше Угедей хан? Хочет и булгар прибрать под свое крыло? А может, он намеревается превратить богатый купеческий город Булгар, расположенный на перекрестке оживленных торговых путей, в торговый центр своей империи? Или даже в столицу международной торговли? Над этим предложением, если оно поступит, можно подумать. Эти грубые и малограмотные монголы мало похожи на торговых людей. Торговля, особенно международная, вещь очень тонкая, деликатная, учитывающая прежде всего интересы и права соседей, — без этого торговля угаснет. А эти монголы, как слышал визирь Тимбай, камня на камне не оставили от цветущего Хорезма. Одно дело — прогнать шейха и султанов, но зачем же истреблять народ?! Именно по совету визиря Тимбая купцов из Каракорума в Булгарах стали принимать осторожно. Конечно,

хорезмшах Улуг Мухаммед совершил непростительную ошибку, умертвив послов Чингисхана. Никогда не надо забывать, что посол — лицо неприкосновенное. Ильгам хан, конечно, не тронет послов, по крайней мере, не посоветовавшись с визирем.

По совету визиря, зная коварство монголов, Ильгам хан принял послов спокойно, достойно. Не отказался от подарков, выслушал предложения. Речь в основном шла о торговле. Оказывается, если верить монголам, они хотят не воевать, а торговать с булгарами. Но им не нравится состояние торговых путей, поэтому монголы предлагают строить постоянные дворы на расстоянии одного дня пути. На каждом из таких дворов должны быть свежие кони, помещение для отдыха и ночевки купцов и путешественников.

Монголы даже готовы взять на себя все расходы по возведению таких постоянных дворов. Ильгам хан посоветовался об этом со своими придворными. Вопрос, казалось, был ясен: монголы хотят не воевать, а торговать, кто же против такого желания?

Вопрос строительства постоянных дворцов решили быстро, без проволочек. Но потом послы подняли вопрос о закупке оружия, и не каких-нибудь сабель или копий, а пушек на конной тяге — гордости и секрета военного искусства булгар.

Услышав от главы посольства такую просьбу, хан Ильгам в изумлении даже приподнялся с места, но быстро взял себя в руки. Хан и визирь переглянулись: им обоим просьба посла показалась весьма странной. Действительно, булгары выплавляли чугун, ядра, пушки, в том числе маневренные пушечные экипажи на конной тяге. Но кто же будет продавать новое оружие соседу, с которым воевал по крайней мере уже три раза?! Ведь, купив такие пушки, монголы могут направить их против булгар.

— А вот этому не бывать, — наконец твердо ответил послу хан. — Булгары сами нуждаются в оружии, потому что живут по соседству с воинственным народом, склонным к грабежам. Поэтому мы с каждым годом совершенствуем наше оружие, чтобы обеспечивать безопасность государства. Но если у вас есть такое же совершенное оружие, мы можем произвести обмен, правда, предварительно проверив образцы оружия.

— Мы такое оружие привезли с собой, хан.

— Что? Привезли оружие?.. Хорошо, посмотрим, подумаем.

Хан пожалел, что возле него сейчас не было главного пушкаря — внука Хансеяра. Посмотрел бы, какое оружие привезли эти монголы. Во всяком случае, не саблю же или кольчуги они привезли: такого добра и в Булгаре завались. Но не каменотетательное орудие же привезли монголы?! Оно было бы сразу же обнаружено при досмотре. Но что же тогда?

Вскоре монголы внесли и поставили на середину ковра какой-то маленький кувшин. Ильгам хан не вытерпел, встал с трона, подошел и осмотрел кувшин. С одной стороны шарообразного кувшина торчала хлопчатобумажная веревка. Пузатый кувшинчик был чем-то похож на ядра, изготавливаемые мастером Бекиром в Шайтанкале. Ильгам хан снова уселся на трон, и тут же к его уху склонился визирь Тимбай.

— Греческий огонь, — прошептал он. — Такая штука и у нас есть.

— И все же я хочу посмотреть.

Визирь Тимбай подошел к послу и сказал о желании хана. Глава посольства дал знак своему специалисту, и тот вынул из кармана огниво, зажег торчащую из кувшина веревку, потом велел всем отойти шагов на десять-пятнадцать. Как только огонь добежал по шнуру до маленького, чуть побольше кулака, круглого кувшинчика, раздалось шипение и взрыв. Тут же загорелся ковер, и люди визиря, видимо, им уже предупрежденные, быстро потушили пожар песком. Но в середине армянского ковра образовалась большая дыра с опаленными краями.

Не ясно было, намеренно ли это сделали монголы или нечаянно, но хан оставался спокойным, даже глазом не моргнув. В это время монголы ловко свернули и вынесли поврежденный ковер, а вместо него с поклоном занесли огромный, в два раза больше армянского «погорельца», персидский ковер.

Ильгам хан улыбнулся краешком рта, одоббив расторопность монголов, потом сказал визирю:

— Похоже на ядро с греческим огнем, только очень маленькое. Скажи, визирь, неужели ты знал заранее, что наши гости взорвут греческий огонь?

— Конечно знал, ведь среди них есть и наши люди, хан.

Глава посольства склонился перед ханом в поклоне:

— Простите, уважаемый хан, что пришлось испортить вам ковер. Но мы заранее предвидели это и оставим взамен великолепный персидский келям.

— Не беда, — усмехнулся Ильгам хан. — Мы и не то видели. Однажды ханский дворец поразило божье орудие — молния, и все обошлось.

— Ваши города деревянные, хан, — заметил лама, отойдя немного назад. — Только бани каменные.

— А мечети? — возразил визирь Тимбай. — А Дом науки, медресе?

Ильгам хан с улыбкой посмотрел на ханбике, словно говоря ей: ну и посол, смел в речах!

— Мы готовы обменять наше оружие на ваши пушки на конной тяге, — сказал посол.

— Мы подумаем об этом, посол.

— Ваши кровные враги не мы, хан, а уруситы. Они опасны, а мы, монголы, обычно принимаем меры по нейтрализации опасного соседа.

— Это правда, посол, с соседом мы не всегда живем в мире, но, хвала Аллаху, мы не посягаем на государственность друг друга, в то время как вы уничтожаете одно государство за другим.

— Мы, хан, выражаем особое почтение правителям, добровольно присоединившимся к нам.

— Да, я слышал об этом.

— Не раз было, что вы не принимали тех или иных наших купцов, хан. Хотелось бы уяснить этот вопрос. Великий хан Угедей недоволен. Как ваш сосед он ждет от вас ответа.

— Каждый хан, каждый правитель является хозяином своей земли, своего народа, страны, посол. Вы передали мне то, что должны были передать, я, кажется, сказал то, что хотел сказать.

— Значит, так я и передам великому хану?

— Я не против возведения на торговых путях постоянных дворов, но обмена оружием не будет. Что касается торговли, то наши ворота будут открыты для всех купцов, приходящих со скотом или другим товаром, — ответил хан и сделал рукой жест придворным, означавший «а теперь уберите их с глаз долой, разговор с послами закончен».

Послы удалились.

Ильгам хан взглянул на визиря:

— С монголами дружбы быть не может. Этот народ превратился в нашего первейшего врага. Будь осторожен и бдителен, визирь, тщательно взвешивай каждый шаг, каждую мысль сквозь игольное ушко протягивай. Сегодня же отправь гонца к моему старшему брату, эмиру Хаджи, пусть приедет ко мне, разговор есть. И передай ему: пусть крепко стережет город шайтана, от этих безбожных монголов всего можно ожидать.

— Секрет наших «быстрых пушек» находится в руках эмира Хаджи, мой хан, а он ни за что не выдаст его, скорее с головой расстанется.

— Береженого бог бережет, визирь. Поэтому и вызвал его. Хвала Аллаху, мы с ним наконец нашли общий язык, установили полное взаимопонимание. Монгольский полководец Субедей до сих пор пасет наши границы. Он все еще не может забыть свою жену Карлыгач и сына Ташбая? Или что-то другое?.. Может, города наши понравились захватчикам?..

— Углан Ташбай сейчас служит у вашего внука, главного пушкаря Хансеяра, сотником пушкарей.

— Вот-вот, визирь. А знает ли он, что является сыном Субедея?

— Это мне неизвестно, хан.

— Всех пушкарей надо будет отдать под начало багатура Артыка, визирь. И углана Ташбая в том числе. Пусть за ним присматривают не только углан Хансеяр, но и багатур Артык, считающийся сейчас отцом Ташбая.

— Вам, должно быть, известно, что углан Ташбай недавно прогнал монголов, захватил у них обозы и стада скота. Освободил множество плененных болгарок. И тогда, говорят, один из пленных монголов сказал Ташбаю: «Твой отец — монгольский багатур Субедей, а ты — его сын. Пленил нас, разбил наш отряд, пролил нашу кровь». Я велел казнить этого пленного, но слово — что выпущенная стрела, обратно на тетиву не возвращается, мой хан.

— Значит, углан Ташбай знает, кто в действительности является его отцом?

— Видимо, знает или догадывается, мой хан. Другое дело — верит ли?..

Ильгам хан некоторое время сидел молча. Много лет назад багатур Артык в одной из первых схваток с монголами наткнулся на повозку с женщиной и ребенком. И мать, и мальчик были напуганы. Артык-бек взял их к себе, выходил. Потом он получил у Ильгам хана разрешение жениться на этой женщине. Оказалось, что пленница была женой самого Субедея.

Ташбай в то время был еще совсем маленьким, несмышленым мальчонкой, а теперь, поди ж ты, — сотник пушкарей, повелитель сотни изрыгающих смерть стволов — самого современного и мощного оружия. Ташбай уже в детстве отличался от сверстников сноровкой, ловкостью, силой. Ему не было равных ни в копейном, ни в сабельном бою, ни в стрельбе из лука. Внук хана углан Хансеяр был его наставником в воинских искусствах. Не обидят ли они достойного углана Ташбая упоминанием о том, кто на самом деле является его отцом? Может, лучше вообще не вспоминать об этом? Не наводить тень на светлую душу джигита, всем сердцем преданного своей болгарской земле?

— О Ташбае никому ни слова, визирь. Я верю в него, верю в славного джигита Ташбая, чьим бы сыном он ни являлся.

— Хорошо, хорошо, мой хан. Я тоже об этом подумал. Так будет лучше. Правда о происхождении Ташбая не понравится ни углану Хансеяру, ни багатуру Артыку, тот тоже души не чаёт в Ташбае, видя в нем своего сына. Ведь отцом джигита, по сути, является не тот, кто его зачал, а тот, кто его воспитал и вырастил.

Ильгам хан махнул рукой, давая понять, что все и так ясно. Визирь Тимбай удалился. Ханбике Марьям вышла еще раньше, почти сразу после фейерверка, устроенного заезжими монгольскими бомбардирами. Ильгам хан остался один. Он встал и принялся ходить по тронному залу.

Раньше болгары воевали с одним соседом, теперь же приходилось сражаться на два фронта. Даже далекому от воинского ремесла человеку было ясно, что из двух воинственных соседей монголы — наиболее страшный и сильный враг. Субедей безжалостно разрушил города Кандырчу и Карамалу. Правда, углан Ташбай отомстил захватчикам, но что толку? Хочет этого Ильгам хан или нет, но теперь монголы стали соседями болгар, хотя их столица Каракорум и находится на расстоянии нескольких тысяч верст от Булгар. Что же теперь делать? Посоветоваться с князем Юрием Всеволодовичем? Что это даст? Русские князья все больше и больше попадают под власть фанатично настроенных митрополитов, попов, дьяков. Да и отношения между Владимиром и Булгаром ныне, мягко говоря, прохладные. В год коровы так случилось, что возмущенные жители болгарской столицы убили сгоряча русского купца и основателя православной церкви в Булгарах — некоего Яким Кучтума.

Ильгам хан поначалу не поверил этому известию и послал мусульманского судью-кази разобраться во всем на месте происшествия. Через два дня кази вернулся с отчетом и рассказал такую историю. Получив от хана Ильгама разрешение на строительство в Булгаре православного храма, этот уважаемый купец за два года выстроил в русской слободе церковь со звонницей. Колокола, естественно, висели на колокольнях не только для красоты.

Однажды в воскресенье звонарь зазвонил в колокола, созывая на молитву православных жителей Булгар. Мусульмане опешили от такого непривычного им звука. Нашелся особо набожный мусульманин, потребовавший прекратить колокольный звон, якобы осквернявший ухо правоверного последователя пророка Мухаммеда. Нашлись и такие, кто поддержал это требование.

Собрался народ. Но потребовать от православных прекращения колокольного звона — все равно что потребовать умолкнуть звук мусульманского азана — призыва к мусульманской молитве. Где собирается толпа, там разгораются страсти. Толпа двинулась к церкви, зашла внутрь храма, выражая свое возмущение, и тут появился Яким Кучтум. Во Владимире любая церковь — храм божий, но кучтумовская церковь развилась в столице мусульманского государства, мигом превратившись для мусульман в средоточие шайтана, иблиса.

Благородный старец Яким с увесистым крестом на груди пробовал увещевать возмущенную чернь, крича:

— Погодите, братья, погодите, братья-мусульмане! Побойтесь Бога!

Но разбушевавшуюся толпу уже невозможно было унять.

— Кто разрешил тебе строить у нас храм иблиса?— кричали ему с пеной у рта. — Не тревожь покой благоверных мусульман. Уйди с глаз долой, не то растопчем!

И растоптали. Яким не успел отойти в сторону, его смяли, растоптали, поднялись на колокольню, вышвырнули оттуда звонаря, потом скинули на землю колокола.

И тут один из мусульман опомнился:

— Народ! Одумайтесь! Богоугодное ли это дело? Встаньте, остановитесь! Грех на душу берете! Ля хауля ва ля кувата!.. Подумайте, побойтесь гнева Аллаха!.. Бог-то един, благоверные...

Но было уже поздно. Зло было сотворено. Преподобный отец и уважаемый в городе купец Яким отдал богу душу. Дьяк-звонарь, к счастью, упал не на землю, а на дерево и спасся от разъяренной толпы бегством. И только старый купец остался лежать бездыханным на пороге выстроенной на его же средства церкви.

Бесспорно, сие злодеяние никак не украсило болгарских мусульман. Казни искал и нашел зачинщиков беспорядков, виновников трагедии, но хан Ильгам так и не смог ни одного из них привлечь к ответственности.

Дней через десять после трагических событий запылал город — говорили, что его подожгли местные христиане за убийство Якима. Город пылал целую неделю, пожар подобрался даже к ханскому дворцу и к ханским конюшням. Лошадей едва успели спасти. К счастью, на шестой день пожара небо ниспослало сильный дождь, который и остановил огонь.

Хан Ильгам написал владимирскому князю письмо и отправил к нему посла. Но его по дороге перехватил князь Святослав. Убив посла, он завладел письмом, которое потом попало в руки суздальского епископа.

па Кирилла. Епископ принялся созывать народ православный на крестовый поход против болгар. Забили в колокола, в церквах слали проклятья басурманам. Сам великий князь был на охоте, поэтому некому было обуздать народ. Владимирцы начали собираться к Успенской церкви, площадь перед которой была битком набита возмущенным народом.

Как раз в то время во Владимир вернулся со своей дружиной великий князь Юрий. С трудом пробрался он через Золотые ворота сквозь толпу к церкви, где митрополит читал пламенную антибасурманскую проповедь, и сразу же понял, в чем дело. Понял он и то, что если попробует сейчас возразить митрополиту или осадить его, ослепленный яростью народ растерзает и его самого, и дружинников его. Поэтому, будучи человеком сравнительно мягкохарактерным, он вынужден был выступить в поход против Булгарии.

Получив известие о начале русского нашествия, Ильгам хан послал к князю еще одного посла с письмом, в котором просил прощения за печально известные события в Булгаре. В то время он еще не знал, что князь Святослав убил его первого посла. Князь Юрий Всеволодович, подготовившийся к переправе через пограничную Суру, встретился со вторым гонцом и остановился, не приступая к переправе. Видимо, на это решение повлияло и появление у реки войска под началом багатура Джик Мергена. Словом, христоробивое воинство не решилось вступить на болгарскую землю, и пыл многих фанатиков начал остывать.

Начались переговоры. Организатор крестового похода митрополит Кирилл поставил перед булгарами довольно жесткие условия, требуя к тому же вернуть тело погибшего купца Якима, а самого его причислить к лику святых. Вместе с Джик Мергеном переговоры вел Амир Хаджи, который и настоял на выдаче русским тела Якима Кучтума, сославшись, на свой страх и риск, на разрешение хана.

Митрополит был удовлетворен уступками болгарской стороны и повернул войско назад, а князь Юрий Всеволодович послал самых влиятельных своих тиунов заключать договор с булгарами. Узнав об этом, хан Ильгам послал визиря Тимбая на приграничный остров Карачай для составления двухстороннего договора. Карачаевский трактат предусматривал мирные отношения и взаимовыгодную торговлю сроком на шесть лет.

Договор с русскими дал Ильгам хану возможность лучше подготовиться к отражению ожидавшейся монгольской агрессии. Однако от его лазутчиков — Биккула и Маули Хаджи приходили неутешительные известия. Войско под началом Субедея вновь атаковало крепости вдоль рек Черемшан и Кандурча, и хотя не достигло ощутимых успехов, но вынудило болгарского хана держать на этом участке границы не менее трех туменов войска. Самым, наверное, удручающим было известие о том, что на этот раз Субедей решил зимовать у болгарских рубежей, а не в степях близ Каракорума. Упорство неугомонного Субедея ставило хана Ильгама в трудное положение.

Правда, договор с русскими принес булгарам некоторое облегчение, зато резко активизировались монголы. Поэтому хан Ильгам и вызвал в Булгар Амира Хаджи, с которым хотел держать совет. По его сведениям, монгольские послы действительно опасались «быстрых пушек» болгар.

Пушками на конной тяге заинтересовался не только Субедей, но и сам великий каган Угедей. Поэтому нужно было продолжать наращивать производство маневренных болгарских пушек, а все мастерские и специалисты для этого были под рукой Амира Хаджи.

Амир Хаджи приехал к хану на третий день после получения письма. Перед тем как войти в город, он с изумлением осматривал несокрушимые бастионы города, четыре пояса его укреплений, глубокие рвы, наполненные водой. Ему понравилось, как его младший брат Ильгам укрепляет столицу.

Войдя в тронный зал, он поздоровался с братом, прочитал с ним молитву. Затем Амир Хаджи счел своим долгом похвалить венценосного брата за заботу об укреплении обороноспособности столицы.

— Я доволен твоей деятельностью, брат, — сказал он после окончания молитвы. — Душа моя успокоилась.

— Но, абам, мне не хватает пушек.

— Пушки будут, будут, великий хан.

— Хорошо бы слова подкрепить делом. Мы стоим на пороге грандиозной битвы, какую еще не видела Булгария. Угедей хан с войсками подступил к самым границам страны, разрушил некоторые приграничные города. Субедей-багатур кочует на землях башкир, в степях кипчаков, а я ничего не могу сделать.

— Князь Юрий заключил с тобой договор, а сам дарит земли мокшанских и эрзянских мурз. Не бывает года, чтобы он не выступил против нас походом, не полонил наших дев и детей. Митрополиты владимирские Митрофан с Кириллом не только грабят, но и насильно крестят подвластные нам племена, бросают людей нагишом в проруби.

— Да, абам, к сожалению, мы не в состоянии защитить их, что делать? Я бессилён, абам. Слишком силен натиск монголов.

— А если отправить послов к Угедей хану?

— Отчего-то не хочется идти к ним на поклон. Ведь били мы их, и неоднократно. И потом, большинство монгольского войска — народ безбожный, без имана. Все они чтят лишь «Ясу» Чингисхана. Исламские земли Семиречья, Хорезма находятся в руках монголов. Непобедимое войско Угедей хана уперлось в границы Булгарии. Посоветуй, абам, что делать, как поступить?..

— А я зол на русского князя Юрия. Заключил с нами договор, а сам продолжает грабить подвластные нам земли и племена. Совсем распоясался.

— Когда князь Святослав — старший брат великого князя Юрия — разорил город Ашлы и принялся разорять земли эрзи, буртасы стали переселяться в Булгарию. Я выделил им земли на правом берегу Волги. Кажется, князь Юрий не прочь воспользоваться нашим трудным положением и поудить золотых рыбок в мутной воде. Но Аллах все видит и ни одно злодеяние не оставит безнаказанным.

— Только позавчера я отправил багатуру Бачману тридцать две пушки. Он хочет укреплять новый город — Сэмбель. Нам нужно, хан, призвать к себе арских и черемисских мурз. Не забудь и о чувашском мурзе Алатыре, о наших башкирских собратях.

— Башкирские мурзы уже откликнулись на зов и прибыли под город Кандырча, где сидит багатур Артык.

— Дай-то Аллах,— сказал Амир Хаджи и поднялся с места. — Я пойду проведаю родных, давно не виделись.

— Хорошо, абам.

Ильгам хан задумчиво потер рукой подбородок. Когда-то старший брат всегда перечил ему, а теперь, хвала Аллаху, они работают с ним рука об руку. А брат переменялся вскоре после того, как в Булгары вернулся углан Кул Гали, который быстро добился всенародного уважения и стал шейхом. Именно благодаря Кул Гали был растоплен лед в отношениях между двумя братьями.

Когда обсуждался вопрос о присвоении Кул Гали титула шейха, Ильгам хан строго-настрого предупредил имама-хазрета Маули Хаджи: «В стране семь шейхов не бывает, поддерживай кандидатуру Кул Гали». Действительно, Булгария еще не видела человека столь ученого, даровитого и набожного. Имам-хазрет охотно поддержал предложение хана и даже сообщил ему, что сам хотел предложить хану кандидатуру Кул Гали. Вскоре Кул Гали действительно был избран шейхом и стал читать хутбу в ханской мечети. Идя на утренний намаз, Ильгам хан с удовольствием слушал проникновенный певучий голос шейха Кул Гали. После утреннего намаза шейх обратился к собравшимся с проповедью, а потом держал страстную речь о мужестве и стойкости болгарских батыров. Он вспомнил, как болгары окружили в Жигулевских горах монголов и разбили их наголову, не забыв воздать должное и хану болгар Ильгаму. Сам Ильгам хан не любил восхвалений в свой адрес. «Народ побеждает, а слава достается хану»,— приговаривал он. Но в устах шейха восхваление звучало настолько естественным, что хан на этот раз не ощутил никакой досады. А ведь шейх прав: войско Ильгам хана задало тогда такую трепку монголам, что едва две-три тысячи их спаслось на своих маленьких неприхотливых лошадках. В руках победителей оказались богатые трофеи, а также пленные, не говоря уже о возвращенных болгарских пленниках, скоте, награбленном монголами добре. Именно в этой битве багатур Субедей лишился одного глаза.

В конце речи-проповеди шейх прочитал молитву во славу духа великого болгарского народа, чем также растрогал хана.

Так постепенно Кул Гали завоевал любовь и авторитет народа, а также сильных мира сего. Кроме того, в нем открылся дар поэта, чичана, и это только добавило народной любви к нему. Его песни пели на базарах и джиенах, в домах и на полях. Ильгам хан, восхищенный талантом певца, готов был сам склонить перед ним голову, и он сделал это, склонил ханскую голову перед поэтом. После этого слава и Кул Гали, и хана Ильгама стала расти как на дрожжах.

Когда Ильгам хан вернулся с Жигулевских гор с громкою победою, владимирский князь Юрий, внук Всеволода Большое Гнездо, самолично явился к хану с поздравлениями, хотя до этого в Булгар носа не казал, разве что с набегами. Была и другая причина почтительного визита князя к хану: он узнал, что монголами были наголову разбиты заносчивые киевские князья. Но даже тогда, казалось, в пик своей славы, Ильгам хан не возгордился, не занесся в облака, он радушно, по-соседски принял князя, внес в двухсторонний договор взаимовыгодные изменения, уважительно проводил гостя.

Но на сердце хана лежала неизбывная боль, беспокоящая его и днем и ночью. Несколько лет назад старший брат Юрия, князь Святослав, разрушил болгарский город Ашлы, хотя уже был двухсторонний, скрепленный печатями договор. Святослав сжег город, увел большой полон, а среди убитых защитников оказался и сын Амира Хаджи — углан Джаббар. Возмущенный коварством и вероломством русских, ханский внук, главный пушкарь Хансеяр, поклялся на Коране перед всем войском отомстить князю Святославу. Над телом погибшего дяди он повторял как клятву: «Я отомщу за тебя, отомщу князю Святославу!»

Наиболее горячие головы, собрав дружину, переправились через Суру, горя желанием действовать, и разорили несколько русских деревень. Услышав об этом, Ильгам хан послал туда визиря, который передал Хансеяру свой фирман. После этого мстители были вынуждены вернуться.

Хансеяр сделал благое дело, возведя город Сэмбель. Правда, в этом ему помогли и отец, и хан Ильгам, и Амир Хаджи. Когда Хансеяр выбил монголов из города Саксина, то хотел остаться в основанной им Сэмбели, но хан Ильгам позвал его к себе в Булгары, назначил менбаши пушкарей и сказал: «Успокойся, углан, сегодня для нас гораздо опаснее монгольское нашествие, и судьба страны находится ныне в руках таких батыров, как ты».

Хансеяр-углан промолчал, в конце концов согласился с ханом, потому что и сам видел истинное положение вещей. Он лишь сказал хану: «Великий хан, раз так, то разреши моей жене и сыну переселиться в Казань, к родителям моим». Ильгам хан с полуслова понял внука. Монголы напирали с каждым днем, и однажды им уже удалось похитить жену Хансеяра. Говорили, что похититель этот до сих пор жив-здоров и мечтает возвратить прекрасную пленницу. Вот и надумал, наверное, Хансеяр спрятать от греха подальше жену с ребенком. Об этом хану писала и сестра Назлыгуль, правда в то время хан еще не понял причины просьбы, пришлось посоветоваться с визирем. Знавший о зловключениях Сэмбель, визирь обо всем рассказал хану.

По стране шел год собаки, монголы подступили было к городу Саксину. Сможет ли защитить город багатур Бачман? Ильгам хан не знал этого, но, сколько мог, помог багатуру, послал дополнительные пушки, а также выделил дружину башкирского багатура Иштиряка.

— Я позвал твоего кумысника, — сказал Амир Хаджи, входя в ханские покои, — что-то в горле у меня пересохло.

— Что ж, присядем к столу, — Ильгам хан с хрустом расправил онемевшие ноги и подошел к низенькому инкрустированному столику.

— Странный сон мне вчера приснился, — сказал Ильгам хан, разливая кумыс. — Будто явился ко мне князь эрзянский Пургас...

— Он от тебя помощи ждет, брат. Вконец разорил его князь Юрий, вздохнуть не дает, многие эрзянцы на наши земли стали приходять, защиты искать.

В сердце отозвались болью слова брата. Действительно, помочь бы эрзянскому народу, отогнать хищные орды, но, с другой стороны, навалились на Булгарию неукротимые монголы. Ведь князь Юрий, подписывая договор, повторил слова своих предков: «Пусть этот договор нарушится тогда, когда хмель станет тонуть, а камни — плавать». И теперь Ильгам хан раскаивается, что не догадался внести в договор пункт, предусматривающий безопасность приграничных племен. Тогда это условие казалось ему настолько само собой разумеющимся, что казалось, даже не нуждалось в письменном подтверждении. Хан очень выгадал, приняв черемисского мурзу Тимбая на должность визиря. Да, Ильгам хан умел ладить с соседними племенами. Видя дружеские отношения этих племен с булгарами, и русские не особенно тревожили их земли, опасаясь возмездия с болгарской стороны. Но теперь на Булгарию навалились монголы. Что ж, все в руках божьих. Сначала надо разобраться с монголами, потом видно будет. Достаточно еще одной громкой победы над монголами, чтобы князь Юрий с поклоном явился пред очи болгарского хана.

— Абам, передай и ты углану Хансеяру, чтобы до поры до времени не носился с мезтью князю Святославу за смерть ашлыкского эмира Джаббара.

— Если бы только за разорение Ашлы и смерть Джаббара... Ведь там убили и его сестру Энжебике.

— Помню, помню, тогда увели в полон дочь тамгачи Асылгирея, кажется, тот же князь Святослав и увел ее. Тамгачи тоже горит мщением. Но, абам, еще не время для мести, тем более что с русскими у нас договор. Представь, что будет, если с одной стороны нагрянут русские, а с другой — обрушатся монголы? Как бы не рухнула держава болгарская.

— Слышал, что ты намерен сражаться в городах, а не в чистом поле. Рискуешь повторить горькую судьбу хорезмшаха Улуг Мухаммеда. Он закрылся по городам, раздробив непобедимое войско, а потом сдавал их один за другим. А ведь он был, пожалуй, самым могущественным правителем в туранском мире. Надо бы все тщательно взвесить, брат, прежде чем принять судьбоносное решение.

Амир Хаджи был прав. Но и хан уже не раз представлял себе сцены будущих битв с монголами. Монголы собирают на болгарских границах невиданную доселе армию. Биккул передает из монгольского стана, что на курултае в Каракоруме решено идти на Булгары со всеми силами. И сил этих, судя по всему, будет в три-четыре раза больше, чем у болгар. А Ильгам хан знает, что исход битвы с монголами во многом зависит от количества воинов. Главная ударная сила болгар — это артиллерия, крепостные пушки и «быстрые пушки» на конной тяге.

— Монголы уже выступили, абам. Бесчисленные тумени ханов и угланов Тули, Бучека, Кадана, Бури, Байдара, Батгья, Урду, Шайбана, Тангута, Гуяка идут на соединение с кочующими возле наших границ туменами Субедей-багатура и Кунбай-бека. Вскоре вся степь заполнится монголами. Сможем ли мы набрать столько войска? Нет. В степи мы проиграем. Поэтому для нас лучше и эффективнее будет обороняться в городах и крепостях.

— Но ведь и монголы не с пустыми руками к нам идут. В прошлом году покорили тангутов и чжурдженей, у которых тоже были пушки. Поэтому я и предлагаю обратиться к нашему соседу, князю Юрию. Он должен понимать, что в случае падения Булгарии такая же участь постигнет и Русь Владимирскую. Если мы примем вызов на поединок в степи, то хорошо бы укрепить один из флангов русской дружиной. Совместно, быть может, удастся прогнать монголов.

— Мне тоже не дает покоя этот вопрос. Если князь Юрий согласится, и я не против. Он может прийти с дружиной сам, а может просто послать одну из своих ратей, словом, помочь по мере сил.

— Надо бы договориться, и в случае чего не жалеть золота и серебра за дружину уруситов.

— Конечно, конечно, абам. Поставим этот вопрос на рассмотрение в диване или решим его сами? По моему, решать надо самим. И времени мало для заседаний, и лишних слухов плодить не хочется. Наверняка найдутся недовольные тем, что хан обращается за помощью к неверным.

— Что мне делать с Джик Мергеном, братец? Оставить его в Казани или направить сюда?.. К слову, о послах к князю Юрию лучше никому ничего не говорить. Сам все организуй. Кто знает, а вдруг князь Юрий согласится помочь?

— Джик Мерген с дружиной пусть остаются в Казани, абам. Столичное войско я отдам под начало багатура Артыка. Если Биккул ага говорит правду, монгольское войско возглавил внук Чингисхана — Бату хан. Правая его рука — багатур Субедей, левая — Менгу хан.

— Я могу тебе сказать лишь одно, братец. Я уже старею, слабею здоровьем, так что вся надежда на тебя. Защити и спаси Булгар от монголов. Если надо, шли послов к князю Юрию, забудь о гордыне. Гм-м... М-м-да. Ну, я пошел, молодая жена, наверное, волнуется. Утро вечера мудренее, говорили в старину. Завтра еще раз посоветуемся. Хорошо бы завтра позвать и катиба Хафиза, он многое знает, о многом осведомлен, не зря его ходячей энциклопедией называют. Побеседуем с ним, заглянем в историю наших предков, может, уроки истории чему-то нас научат. Древние говорили: у жизни бери опыт, у истории — уроки. Прощай, братец.

— Прощай, абам, — Ильгам хан проводил его до дверей.

Да, Амир Хаджи действительно постарел. Даже в дорогу берет с собой благоверную свою, Зулейху бике, словно боится, что без нее потеряется в пути. Да, старость не радость.

3

Дней через десять Ильгам хан оделся как небогатый купец или путешественник и один отправился на шумный Ага-Базар. Он бродил по базару, общался с людьми, торговался, сидел и слушал, как торгуются другие, и никто, ни одна душа не признала в нем хана. Довольный своим перевоплощением, хан сидел в корчмах, потягивал кумыс, слушал людей и все мотал на ус, пока никто не узнавал его. Даже родная жена — Марьям бике — прошла мимо своего благоверного, не взглянув на него. Видно, за путешественника-мусафира приняла.

Ага-Базар гудел, шумел как улей, словно и в помине не было никаких монголов, грозными туменами подходящих к рубежам славного государства Булгарского. По-прежнему шли по-восточному азартные торги, восхваление и показ товаров принимали почти сказочный характер. Стоило лишь проявить даже не интерес, а слабый, попутный намек на заинтересованность товаром, как тебя уже тянули к прилавку и принимались танцевать вокруг тебя и читать чуть ли не дастан во славу товара...

У берега реки появились аскеры, сопровождавшие своего мурзу.

При появлении отряда вооруженных людей народ загалдел, словно стая встревоженных гусей. Действительно, обычно вооруженным людям запрещалось появляться на Ага-Базаре, а тут отряд дозорных всадников словно прорезал базар посередине. Разговор в базарной толпе тут же переключился на монголов. Кто-то слал на их головы проклятья, но находились и такие, кто держал сторону монголов. Но как только вооруженный отряд прошел, базар тут же вернулся в прежнее, обычное свое состояние, зашумел, заголосил, заспорил.

Сапожник с пеной у рта хвалит свои сапожки, сделанные из мягкой болгарской красной кожи. Он то подбрасывает пару сапожек над головой, то демонстративно топчет их своими ногами: дескать, нет им

сносу, и не будет никогда, еще детям и внукам твоим носить останется! Кажется, только в Булгаре с таким рвением хвалят свой товар.

— Народ! Люди добрые! Посмотрите, какая нежная кожа у этих сапожек! Хотите, я эти сапожки сквозь кольцо пропущу, как нитку сквозь игольное ушко? А подошва, подошву посмотрите! Она сделана из шкуры семилетнего быка. Посмотри на кожу, посмотри, уважаемый, — эта кожа семь дней лежала на солнце, еще семь дней — в соли, еще семь дней — в холодном погребе и еще семь дней — в рыбьем жире и была обработана лишь после того, как лишилась последней бычьей жиринки...

— Вах! — воскликнул кто-то шутивно. — Что же тогда осталось от этой шкуры?

Сапожник обрадовался даже этот иронической шутке — все-таки кто-то обратил на него внимание! — и рысью метнулся к шутнику:

— А ты, земляк, сначала пощупай, потрогай кожу-то. Ведь это — словно тело молодой женщины, это нежное тело прекрасной гурии, которую так и хочется гладить, тискать, вдыхать ее аромат. Понюхай, брат, вдохни аромат этой кожи, и ты позабудешь даже о греческих благовониях!

Услышав такое красноречивое бахвальство, хан решил сам посмотреть и пощупать товар: на самом ли деле он так хорош? Действительно, кожа сапожек была мягкой и нежной, словно женское тело. Ильгам хан даже сравнил ее с телом своей ханбике и плутовато ухмыльнулся. А сапожник уже вцепился в него мертвой хваткой:

— Бери, земляк, бери, не пожалеешь, порадуй свою жену, сделай ей радость на всю жизнь, купи ей чудо-сапожки. Бери, обрадуй ненаглядную свою, смотри, какая кожа, а какая подошва!

Сапожник постучал по подошве костяшками пальцев:

— Ни в жизнь не износить! На века сделана, как женская любовь! Поверь мне, за такие ичиги женушка так отблагодарит тебя, из объятий не выпустит, валлахи! А сапожки-то, брат, со скрипом! Да! Будет ходить в них, как козочка. Знаешь, что я сделал для этого скрипа? О-о, я, брат, аккуратно вшил в нижнюю часть голенища кусочек бересты, и пожалуйста — скрип-скрип! Ходи, красавица, и радуйся. Нынче все модницы предпочитают сапожки со скрипом, это — как музыка! Чарующая музыка женской походки! Ни гармони не надо, ни кубыза, ни свистульки, а только волшебную музыку женских ножек в моих ичигах...

— Ну ладно, сколько стоит?

— Да пустяки, не цена, а тьфу! Для таких, как ты, джигит, это мелочь. Всего два серебряных дирхема, дружище, всего два серебряных дирхема. Разве это цена, честное слово, разве это цена?! Для такого багатура, как ты, это не цена вовсе, а так, почти мусор под ногами. Жену свою так обрадуешь, что она сутки напролет из объятий тебя не выпустит, помяни мое слово.

— Не бери, земляк, — сказал, не глядя на хана, стоящий рядом шутник. — Что от тебя, мужчины, останется, если сутки напролет в женских объятиях валяться?

— Так ведь, — снова взвился сапожник, — это как ты хочешь, брат! Объятия жены — это не амбарный засов, который наш мастер Бекир штампует десятками в день. Хочешь — вылезай из объятий в любое, как говорится, удобное для тебя время. Хвала аллаху, это в воле мужчины. Жена не амулет на шее, чтобы вечно ее таскать с собой. Впрочем, если не хочешь оставлять ее дома, пожалуйста, таскай с собой, хоть на шею вешай, как поп-урусит крест на шею вешает и таскает повсюду с собой. А еще лучше, если она сама тебе на шею сядет. Вот это здорово будет, честное слово! Если уж баба усядется на тебя, оседлает да замукает, тогда и шею без ее соизволения не повернешь ни влево, ни вправо...

— Погоди-ка, земляк, только что ты превозносил женщину до небес, а теперь уже хулишь ее, ругаешь, как последнюю собаку, — оборвал сапожника другой забияка.

Но сапожник уже спрятал в карман полученные от Ильгам хана два дирхема, тут же вынул из мешка следующую пару женских сапожек и призывно возопил:

— Кому ичиги? Кому чудо-сапожки? Сами ходят, сами бегают... — И только потом соизволил ответить на замечание мужика:

— Эх ты, земляк, разве не знаешь, что женщину создал сам дьявол?... Да, Аллах создал Адама и Еву, но, когда он взялся за Еву, день клонился к закату, и Аллах поручил доделать Еву иблису, то бишь шайтану. Ну а тот, бестия, доделал Еву так, как хотел сам. Поэтому половина тела женщины — от Аллаха, а другая половина — от шайтана. Верхняя половина женского тела склонна к святости, а нижняя половина...

— Толкает мужчину на грех, — докончил за него мужик и осклабился.

— Вот-вот, — невозмутимо подтвердил сапожник. — Погоди-ка, погоди, дружище!

Еще минуту назад этот мужик был для него «дурилой».

— Погоди-ка! Ты почему, святой человек, не обращаешь внимание на мои сапожки, а? Посмотри-ка, посмотри, да внимательно. Говорю как на духу: и детям, и внукам носить останется. Бери, жена будет так благодарна, что сутки ...

— Нет-нет, спасибо, я же сказал, что не собираюсь сутки проводить в объятиях жены.
— Хо! Да это ты, земляк? Не сразу признал. Все равно бери. Век благодарить будешь...
— Кого благодарить?
— Хо!.. Как это кого? Меня, конечно, меня, сапожника. Давай два дирхема, не бойся, давай-давай. Что для такого джигита, как ты, несчастные два дирхема? Тьфу! Мусор! А сапожки внучкам останутся...
— Ну ладно, балаболка, дай вон ту пару красных сапожек, так и быть, обрадую жену, — сдался наконец и этот мужик, и хан Ильгам поспешил уйти подальше, прежде чем второй раз попадет на крючок сапожнику.

Люд базарный вновь разделился надвое, пропуская важного имама-хазрета со свитой, направлявшихся на послеобеденный намаз. Имам-хазрет, мюриды и муллы шли чинно, торжественно, ни на кого не глядя, словно были не людьми, а святыми духами, сошедшими с небес.

Как только прошла святая процессия, базар тут же заголосил, зашумел, заспорил, словом, снова стал тем, чем был тысячи лет назад и будет таким же еще много тысячелетий.

Ильгам хан с сапожками под мышкой свернул в переулок кузнецов. Здесь царили совсем другие звуки. Ухали молоты, звонко постукивали молотки, жарко вздыхали мехи. Ильгам хан остановился возле одной мастерской, в горне которой лежало раскаленное докрасна железо. Подхватив длинными щипцами железо, кузнец стал ритмично постукивать по нему молотком, осторожно, словно прислушиваясь к его дыханию, а подмастерье могучего телосложения изредка опускал свой тяжелый молот туда, куда указывал мастер. Из куска раскаленного железа постепенно вытягивался клинок сабли...

Снова сунув железо в раскаленные уголья, мастер взглянул на хана:

— Что, земляк, оружие нужно? Саблю, копье, стрелы?

— Я раньше его пришел! — возразил сидевший неподалеку мужчина и подошел к горну. — Сначала мой заказ сделай, мастер, потом ему сделаешь.

— Ну и дела, — развел руками кузнец. — Простой народ принялся заказывать оружие.

— Не зря говорят, кузнец, что береженого бог бережет. Разве не знаешь, что монголы уже разрушили крепости вдоль реки Кундурчи. Значит, скоро двинутся на Булгар. А врага голыми руками не остановить. Конечно, монголы не впервые суются к нам, и все же нельзя надеяться только на ханское войско. Народ победит — славят хана. Так было, так будет. Нашему хану надо бы опереться на народ, но что-то я не слышал от него обращения к нам, простолюдинам...

— А ты хана не трожь, земляк, — сказал мастер, переворачивая в огне кусок железа. — Как-никак он уже трижды бивал монголов. И на этот раз, иншалла, побьет.

— Дай-то бог, дай-то аллах, — закивал головой бородатый заказчик. — А насчет хана я что? Я ничего! Хан — он есть хан, дай Аллах ему здоровья. Только ведь не зря говорят, что рождаются однажды, и умирают тоже не дважды. А у меня три взрослых сына, да я сам. Если придут монголы, кто защитит город? Не один хан, а мы, мужики, простолюдины. Так-то вот, уважаемый кузнец.

Неподалеку от мастерской за столом сидели двое чувашей с деревянными кружками пива в руках. Народ этот любит пиво.

Ильгам хан сел за соседний столик, заказал кружку пива, и кормач принес ему холодный пенящийся напиток. Ильгам хан положил на стол динар и пригубил ячменное пиво. Чувашки деловито стучали вяленой рыбой о стол, неспешно разговаривали:

— Похоже, на этот раз Ильгам хану туго придется, Хисамутдин, — обронил один из них, очищая рыбу от чешуи. — Говорят, у монголов войска, словно листьев в лесу.

— Кто говорит?

— Жена Садри бея сболтнула соседу Мухаметзяну. А женка садреевская в ханском дворце служит то ли поваром, то ли уборщицей. А ей сказал купец Салахутдин. Он якобы посетовал, что теперь от монголов и вовсе покоя не будет.

— А что же хан Ильгам? Он куда смотрит?

— А что он может поделаться? Выйти навстречу монголам, которых раз в десять больше, чем наших войск?

— Ну и что? Не раз они приходили, и не раз нами биты бывали. Ильгам хан снова их разобьет.

— Единственная надежда, сказал купец Салахутдин, на то, что в войске монголов больше половины тюрков, родственных народов.

— Тюрки тоже разные бывают. Кто-то из них поклоняется идолам, кто-то — огню, а кто-то — солнцу и луне. Интересно, есть ли среди них мусульмане?

— Говорят, что есть и мусульмане. Монголы вроде бы не запрещают ни одну из религий.

— Странно... Везде только и говорят что о войне. Видно, страшная битва предстоит.

— И как ей не быть! Эти монголы столько стран захватили!

— А кто у них во главе войска?

— Багатур по имени Субедей.

— Если хочешь знать, сосед, Субедею наплевать на Булгар. Ему нужна его жена, которая ублажает сейчас багатура Артыка. Отобрал ее у Субедея багатур. Отобрал да и все. С тех пор Субедей зол на булгар. Вот для чего нужен ему Булгар: чтобы вернуть себе жену и сына...

— Иди ты! Не может быть!

— Клянусь богом! Его жена и маленький ребенок много лет назад попали в плен к булгарам. На этой женщине женился багатур Артык. Говорят, красивая, глаз не отвести...

— Пстой, неужели так красива? Да, ты прав, багатур Артык на ком попало не женился бы. Во всех отношениях был молодцом. А тут еще с «довеском», с сыном взял, стало быть, необычайной красоты эта женщина.

— Сын уже взрослый, сотником у главного пушкаря, ханского внука углана Хансеяра служит.

— О-хо-хо... Что-то еще будет, сосед? А будет такое, что не дай бог нам увидеть.

— Почему так говоришь?

— Так сам посуди: ведь он скоро со своим настоящим отцом сражаться будет. Ведь все знают, что углан Ташбай — сын монгольского полководца Субедея, а не булгарского багатура Артыка.

— О чем ты говоришь, сосед? Ведь Ташбая вырастил и воспитал наш багатур Артык — значит, он и есть его отец.

Ильгам хану захотелось присоединиться к алатырцам, поддержать их разговор. Но он не стал этого делать, отошел от столика, но тут и алатырцы засуетились:

— Пошли отсюда от греха подальше, а то люди стали обращать на нас внимание. Если хочешь знать, наши главные враги не монголы, а русские, вот от кого нам покоя нет, и не будет. Вот против кого нам надо бы воевать.

— Ты прав, сосед, но не забывай, что месть вызывает месть, а мы сейчас в мире с уруситами. Не видишь, что ли, как много на базаре уруситских купцов? Ведь и ханбике наша родом из Владимира, из княжеской семьи.

— Так-то оно так... Как будто хан не мог в Булгаре мусульманку себе найти. Ну, пошли, что застыл как истукан? Клади свой дирхем на стол, и потопаем отсюда.

Ильгам хан остановился на полдороге, решив не тревожить алатырских бражников. Он взглянул на солнце, стоявшее почти в зените, и направился к ханскому дворцу. Разговор двух алатырцев не понравился ему, хотя он и чувствовал в их словах правду. Конечно, договор с русскими на время приостановит обоюдную вражду, но пройдет немного, и русские снова возьмутся за старое, начнут ходить войной на Булгар. Так повелось издавна, так продолжается. Чего не могут поделить между собой два соседа? Известно что — волжский торговый путь, базары, караван-сарай, города-крепости... Во времена Андрея Боголюбского уруситам даже удалось захватить и удержать за собой город Ибрагимово, так чего еще им нужно? Все время не хватает чего-то: земель, денег, рабов, еды, женщин. И все же с русскими нужно было заключить хотя бы временный мир, ибо с востока неумолимо надвигается монгольская угроза. Войну на два фронта Булгария вряд ли осилит. А теперь, хвала Аллаху, мир с русскими подписан, и подписан как нельзя своевременно.

* * *

На заседание меджлиса были приглашены лишь Амир Хаджа и катиб Хафиз, однако в последнюю минуту Ильгам хан велел позвать и второго визиря — престарелого Камая, находившегося на отдыхе и уже почти отошедшего от дел, а также вездесущего купца Салахутдина, влиятельных мурз и советников-багатуров.

На столе лежала карта, выполненная на продубленной козлиной шкуре. Ильгам хан заметил, что взоры собравшихся были устремлены на карту. Субедей с ратью кочевал вдоль реки Яик, остальные монгольские тумены двигались на соединение с ним. Все как будто ясно. Катиб Хафиз, любивший во всем точность, успел внести в карту изменения, полученные в результате сообщенных купцом Салахутдином новостей. Фигурки из обожженной глины были придвинуты к границам Булгарии. В саксинском направлении сейчас шли тяжелые, затяжные бои. Всех интересовал один вопрос: сможет ли багатур Бачман отстоять город?

— Братья, — обратился к собравшимся Ильгам хан, — мы сегодня собрались на малое совещание, на которое я пригласил самых близких людей. Не скрою и не хочу скрывать, что мы стоим на пороге больших испытаний. Взгляните на эти фигурки: монголов раза в три больше, чем булгарских воинов. Поэтому, посоветавшись с братом моим Амиром Хаджи, мы решили обороняться в городах и крепостях. «Опора муж-

чины — страна, опора страны — мужчина» — говорили древние. Опора нашего государства — это вы, мужи государственные. Посоветуемся, возможно, мы с братом ошибаемся, может, есть другие предложения. Салахутдин ага, подойди поближе к карте. Вот так. Расскажи о движении монгольских войск. Что они теперь делают? Каковы их планы после объединения туменов?

Салахутдин подошел к карте, взял поданную кем-то указку.

— Уважаемый хан, достопочтенные братья. Рука не поднимается показывать границы державы монгольской. Сын Чингисхана Угедей хан стал обладателем невиданных доселе ни одним правителем земель и народов, степей и городов, гор и лесов, рек и морей. Угедей хан, провозгласивший себя каганом, столицей своей избрал древний монгольский город Каракорум, откуда собирается править подвластными ему странами и народами. Более половины завоеванных монголами народов — тюрки, то есть наши с вами сородичи, которые в силу печальных обстоятельств вынуждены отдавать джигитов своих в войско монголов. Поэтому все войско неприятеля состоит не только из монголов, в нем много тюркских туменов. Но дело в том, что даже наши собратья тюрки беспрекословно подчиняются чингизскому закону «Ясы». «Яса» для них превыше всего, это как религия, как вера. Биккул бей, находящийся в ставке Субедей багатура, поторопил меня известить вас об этом, ибо вражеские тумены уже на подходе к нашим границам. Всеми туменами руководит сын Джучи — Бату хан. Правое его крыло возглавляет Субедей, левое — Менгу хан. В настоящее время город Саксин держат в осаде тумены Кунбай бека и Субедей багатура. Саксин еще держится, по-видимому, монголы ждут подхода основных сил. Если они одолеют Саксин, им откроется прямая дорога на Булгар. Угедей хан обладает всей информацией о болгарской обороноспособности. Ему известно количество наших войск, число наших пушек, перечень городов, подлежащих завоеванию. В прошлом году Субедей багатур оставил свой тумен Кунбай беку и уехал в Каракорум на всеобщий монгольский курултай. Воспользовавшись этим обстоятельством, Ташбай углан прогнал Кунбая за Яик, взял много пленных, трофеев, скота, другого добра. Теперь два этих тумена держат в осаде Саксин, и мы пока не в силах что-либо предпринять.

— Саксин до сих пор в осаде, — подтвердил Ильгам хан, — мой гонец только сегодня вернулся оттуда, багатур Бачман не собирается сдавать город.

— Дай-то Аллах, — заметил Амир Хаджи.

— Достопочтенный повелитель, мне достоверно известно, что монголы сегодня способны остановить и птицу в степном небе. Этот народ ныне как никогда на подъеме. Нам остается лишь одно: наращивать войска и совершенствовать оружие.

— Ты бы осторожнее с выводами, Салахутдин бей, — одернул его багатур Артык. — Мы уже не первый раз бьем монголов, дай бог, побьем и на этот раз. Багатур Бачман не сдаст города, а если даже вынужден будет сдать, наши батыры будут сражаться до последней капли крови.

Ильгам хан призвал Артыка багатура к спокойствию и кивнул Салахутдину, давая понять, что он может продолжать свою речь.

— Вся загвоздка, пожалуй, в том, хан, что монголы ведут с собой тангутских и китайских специалистов по разрушению крепостей. В их руках — каменеты громадных размеров и огромной разрушительной силы. И, как я уже сказал, для них не существует никакой веры, кроме «Ясы» Чингисхана. Из всего сказанного мною попробуйте сделать вывод, достопочтенный.

— А нечего голову ломать над выводом, — вновь подал голос багатур Артык. — Или ты думаешь, что монголы каждый завоеванный народ одаривают золотом и осыпают бриллиантами? Не следует нам праздновать труса, Салахутдин бей.

— Что скажет наш уважаемый аксакал, сервизирь Камай? — обратился хан к своему второму визирю.

— Мое предложение будет таким, углан Ильгам. С монголами надо попробовать договориться... Может, нам лучше предложить им свою помощь для продвижения монголов в земли западных стран, наших известных врагов. По здоровому человеку тоскует жизнь, по больному плачет сырая земля. Пошли гонца к нашим людям в ставку Субедея — к Биккул бею и Маули Хаджи. Нужно, чтобы Биккул внедрил нашу идею в голову монгольских ханов.

— Но ведь это... это пахнет изменой! — воскликнул арский мурза Тактай. — Это трусость, позор! У нас есть великолепное оружие, сильная армия!

— Успокойся, — невозмутимо прервал его Ильгам хан. — Скажи, Салахутдин бей, известно ли точное количество монгольских войск?

— По моим данным, у монголов ныне в наличии сто шестьдесят тысяч воинов, множество стенобитных орудий и каменетов, греческий огонь, таранные телеги, дальнобойные стрелы. С другой стороны, монгольские воины не особенно заботятся о доспехах. Даже щиты — у кого есть, у кого нет, да и те в основном из воловьей шкуры. Но лошади у монголов особенные: низкорослые, но очень сильные, неприхотли-

вые, они рыскают, словно степные лисы. Конечно, их нетрудно подстрелить из лука, но дело в том, что каждый монгол имеет при себе двух-трех заводных лошадей, благодаря чему монголы способны преодолевать огромные расстояния за короткое время. Один их дневной переход наши лошади смогут преодолеть лишь за несколько дней. Пехотинцев монголы не имеют и вообще не любят и не умеют сражаться в пешем строю. Поэтому они как огня боятся лесов, всяких дубрав, даже перелесков. В основном они бьются в открытой степи и применяют всякие ухищрения — притворное бегство, внезапный разворот, и охват противника двумя крыльями в клещи. Стрелы их тяжелее и дальнобойнее наших, монголы хорошо стреляют и с колена. К походу готовятся загодя, очень тщательно. Сначала скрупулезно собирают сведения о выбранной в качестве жертвы стране, посылают туда шпионов под видом купцов, странников, нанимают для этих целей путешественников из числа подданных других стран. Прежде чем выступить в поход, монголы наносят на карту каждый город, деревню, каждую гору, долину, речку, озеро обреченной на захват страны. В этом деле им помогают специалисты из китайцев и чжурдженей. Словом, монголы никогда не пойдут в поход без серьезной подготовки. Вот о чем я хотел вам сказать, достопочтенные.

— Жаль, что наши сородичи-тюрки служат монголам, — заметил Амир Хаджи. — Ведь и Чингисхан из этого рода-племени. Он хорошо знал, что тюрки — непобедимые воины. Тюрк может пристать к любому народу, если земля и народ ему приглянутся.

— Я согласен с аксакалом Камаем, мой хан. Сначала нам нужно сделать попытку договориться с монголами. Если они, не трогая нас, согласятся пойти походом на запад..

— Аксакал, велико мое уважение к тебе. Но есть извечное понятие о праве соседа. Плох или хорош сосед, но с ним мы живем уже почти тысячу лет. Пусть не всегда дружественны наши отношения, но было и немало мирных, благополучных лет соседства. Даст бог, согласится князь Юрий помочь нам, а соединенными силами, думаю, мы не пропустим монголов даже за реку Яик, — сказал Амир Хаджи.

— Дельный совет, дельный совет, — стали переговариваться члены малого меджлиса. — Амир Хаджи говорит сущую правду.

— Кто еще хочет сказать? Катиб Хафиз ага, что бы вы посоветовали?

— Мы, болгары, родственный с тюрками народ. Угузы, киргизы, кипчаки, башкиры, чувашы, мадьяры-буртасы, ары-черемисы — все мы составляли народ, живущий на этих землях, привязанный к нашим рекам, лесам, полям, озерам. Но уруситы испокон веков были враждебны нам, всегда ходили на нас с походами, жгли наши города, грабили наш народ, полонили наших женщин. Булгары всегда видели от уруситов только зло. Они превозносят свою религию как исключительную, организуют на мусульман крестовые походы, изгоняют мусульман со своих земель или насильно крестят их. Я не приветствую обращение к ним за помощью, мой хан. Сегодня русские князья разоряют земли мокши, эрзи, насильно крестят тяготеющие к нам народы, а не желающих креститься бросают в ледяную прорубь. Кто остановит распоясавшихся уруситов? Я согласен с аксакалом Камаем, нам нужно найти с монголами общий язык.

— Хорошо, хорошо, катиб, мы подумаем. Однако нельзя забывать, что Булгария оказалась между огнем, с одной стороны, и бурей — с другой. Какую бы сторону мы ни приняли, легче от этого не будет. Монголы тоже злы на нас, ибо мы их трижды крепко потрепали. Но это не значит, что народ болгарский оказался в безвыходном положении. Мы решили сражаться с монголами. И мы одолеем их. А потом можно будет разговаривать с русскими с позиции силы, а не просителя. «Право соседа — священное право» — говорили наши предки, поэтому мы попробуем в очередной раз найти общий язык с соседями. Возможно, князь откликнется, и если сам не придет, то может послать нам в помощь свою рать. Под лежащий камень вода не течет. Возможно, мы сумеем договориться с князем Юрием. Хотя бы за определенную оплату.

— Уважаемый хан, но поймет ли князь причины, толкнувшие нас на сближение с ним? Не получится ли так, что князь, пользуясь нашим трудным положением, сам пойдет войной на Булгарию в надежде на легкую добычу? — выразил сомнение катиб Хафиз.

— Даст бог, не пойдет, ведь мы, напомним, находимся в состоянии мира с русскими. Повторяю, мы идем не на поклон к князю Юрию, а по-соседски просим у него помощи. Поможет — многие ему лета, не поможет — что ж, пусть нас рассудит Бог.

Так сказал хан, хотя чувствовал, что собравшиеся не совсем понимают его или понимают, но предпочитают держаться точки зрения катиба Хафиза. Ну и что? Кто в стране хан? Он, Ильгам!

И все же умница этот катиб Хафиз. Хан, возможно, и согласился бы с ним, но есть ведь еще и ханское слово, престиж его нужно беречь! И потом, в конце концов, кто до сих пор побеждал этих монголов? Разве не болгары?! Да, мы. Еще раз надерем им холку. А потом со всей серьезностью поговорим с князем Юрием, потребуем, чтобы он ушел с многострадальных земель мокши и эрзи, в противном случае применим силу. Но никогда Ильгам хан не склонит голову перед монголами, какими бы сильными они ни были. Да... и все же над предложением катиба Хафиза стоило подумать. Умница, умница этот катиб Хафиз. Отец Иль-

гама — Салим хан умел привлекать ко двору людей умных, мудрых, дальновидных. И спасибо отцу за это, пусть земля ему будет пухом. Прав, еще раз прав катиб Хафиз. Русские князья при малейшем движении болгарского войска навстречу монгольским ордам могли нарушить договор и вторгнуться в западные улу-сы Булгарии.

— Катиб Хафиз, что бы вы еще хотели сказать? Предложение ваше дельное, и мы обдумаем его. Хотелось бы, чтобы вы привели наиболее веские доказательства в пользу вашего предложения.

— Сидя здесь, уважаемый хан, я перелистывал в голове страницы нашей многовековой истории. Мы были единокровным народом с дунайскими болгарам, которые ныне, к сожалению, отличаются от нас верой и язык родной поменяли. В те далекие времена император Византии Никифор отправился в поход, чтобы подчинить себе болгарского хана Крума, народ которого проживал по берегам Дуная. Войска византийцев были прекрасно выучены и вооружены, да и были гораздо многочисленнее болгарских полков. Конечно, император Никифор завоевал страну дунайских болгар. Однако хан Крум с частью войска покинул столицу и ушел в горы. Там он пополнил свое войско воинственными горцами, а также беженцами, и приготовил засаду возвращавшемуся войску императора. Когорты и легионы византийцев при возвращении потеряли не только свой воинский пыл, но и бдительность, отягощенные богатой добычей. При переходе между двумя горами болгарские отряды разрезали византийскую армию пополам, а чтобы преградить захватчикам пути отступления или бегства, навалили на горные дороги тяжелые камни, огромные деревья. И началась сеча, враг был загнан в мешок. И хотя армия императора превышала болгарскую в четыре, пять, а может, и в десять раз, ни один воин императорской армии, в том числе сам император Никифор, не смог спастись. Захватчики все до единого полегли между этими двумя роковыми для них горами. Крум хан снова стал править самостоятельно и независимо, стал заново отстраивать свою столицу, возвел новый дворец. В год овцы мы победили монголов этим же способом, истребив их в Жигулевских горах. Бросив добычу, Джэбе-найон и багатур Субедей едва унесли ноги с горстью воинов. В той битве Субедей потерял один глаз, а Джэбе-найон, говорят, после той мясорубки вообще зарекся ходить на болгар. Но Субедей-багатур сделан из другого теста. Неудача только озлобила и закалила его, укрепила его стремление покончить с Булгарией. Им словно демон завладел. Теперь он кочует вдоль болгарских границ, как голодный волк, терпеливо собирает все необходимые ему сведения о Булгарии и мечтает о всесокрушающем походе на ненавистную и непонятную страну великих болгар. И он обязательно обрушит на Булгарию всю мощь своей армии, и Булгария, скорее всего, окажется бессильной перед таким нашествием. Тангутское и Чжурджанское государства были ничуть не слабее Булгарского, но и они не устояли перед натиском монголов, хотя чжурджани обладали, как и болгары, артиллерией. Ваше ханское величество, вот что я хотел бы вам посоветовать: вместо того, чтобы идти с поклоном к русскому князю, лучше склонить голову перед ханом Угедеем. Всевышний наделил каждый народ землями и водами, и если какой-либо народ вознамерится подчинить себе чужие земли и закрепиться там, он не найдет на них себе счастья и постепенно вынужден будет принять язык, веру и культуру покоренного народа. Всякий народ может быть счастливым только на собственной земле, на родине своих предков. Что касается князя Юрия, он может нашу просьбу понять превратно, увидеть в этом признак слабости.

— В чем же заключается суть вашего предложения, уважаемый катиб?

— Вместо того чтобы ехать к князю Юрию, лучше склонить голову перед ханом Угедеем.

— Катиб прав, мой хан, если мы не пойдем к Угедее, нас может опередить тот же князь Юрий, — сказал аксакал Камай.

На несколько мгновений воцарилась тишина. Никто, казалось, даже не дышал.

Ильгам хан обвел глазами собравшихся. Он понимал, что меджлис держит сторону катиба. Тишина затянулась, кто-то должен был ее нарушить.

Хан посмотрел на визиря:

— Мой визирь, на совещании почему-то не присутствует шейх Кул Гали.

— Он задержался у Абдуллы Хаджи, а тот сегодня вернулся с учебы из Багдада. Кроме того, к нему приехал башкирский мулла Баймурза. Они читают мунаджат в мечети нижнего квартала.

— Позови завтра ко мне и Абдуллу Хаджи, и муллу Баймурзу, визирь Тимбай.

— Хорошо, мой хан, будет сделано.

— Братья мои, у меня тоже есть что сказать. Я не сторонник договора с монголами. И я не намерен ехать в Каракорум на поклон к хану Угедее. А послов к князю Юрию отправлю. Поможет — хорошо, нет — и бог с ним, пусть нас рассудит Аллах.

— Хорошо, хорошо, брат Ильгам, ты — хан, ты — государь, делай как хочешь, но не тяни с принятием решения, склонись в какую-либо сторону. Ведь беда нависла над страной, — сказал Амир Хаджи.

— Кого пошлем к князю Юрию?

— Сына твоего, углана Абдуллу, тамгачи Асылгирея и внука углана Хансеяра. Сопровождающих пусть выберут сами.

— Да будет так, абам, — Ильгам хан поднялся с места. — Да, будет как ты сказал, абам. Уважаемый катиб Хафиз, я хотел бы, чтобы вы помогли моему секретарю составить письмо князю Юрию. Братья мои, мы решили защищать свою отчизну от монголов, а судьба наша и их — в руках Бога. Спасибо вам всем. Прощайте.

* * *

На другой день Ильгам хан поочередно вызвал к себе полководцев, расспросил о состоянии различных запасов в городе, нуждающимся велел выделить из казны необходимую сумму. После этого он дал распоряжение визирю Тимбау предпринять все меры для надежной охраны запасов, а также приказал осмотреть и проверить все колодцы.

Вопрос войны с монголами рассматривался в ханском дворце в середине лета в год обезьяны. В течение недели было снаряжено и отправлено во Владимир посольство во главе с угланом Абдуллой.

Узнав, что сын Абдулла едет в ее родной город, ханбике Марьям заволновалась, принялась собирать для родни гостинцы, подарки. Ильгам хан немного удивился такому поведению жены, но ничего ей не сказал. «Все-таки сын едет в ее родной город,— подумал он,— вот и радуется она, что может послать восточку родным, обрадовать их подарками».

Но ни результаты меджлиса, ни поддержка брата Амира Хаджи и военачальников, ни даже то, что он сумел провести в Табыне свое ханское слово, не радовали его и не приносили успокоения. Запали в его смятенное сердце слова визиря-аксакала Камая и мудрого катиба Хафиза, не давали ему покоя. С одной стороны, они вроде бы правы, но и хан был прав! Разве трижды не били они непобедимых монголов? Даст бог, еще раз надерут гриву чингизидам. Ну а если нет?

Неизвестно, чем кончится битва. Монголы действительно собрали несметные силы. Правда, в случае договора с монголами торговые пути обростут постоянными дворами, и торговля расцветет лучше прежнего, кроме того, возникнет возможность совместного похода на извечного врага — русских князей. Но ведь они соседи, и разве не про них говорят, что право соседа — священное право? Позволит ли совесть — этот вечный страх чести — объединиться с самоуверенными пришельцами, чтобы сообща с ними наброситься на известного, пусть и беспокойного, соседа — русичей? Душу хана раздирали противоречивые чувства, противоречивые мысли. Как ни крути, как ни вспоминай про совесть и священное право соседа, но именно эти соседи не давали и не дают булгарам покоя своими опустошительными набегами, эрзя и мокша стонут от притеснений и насилия русских князей. С другой стороны, хану все время твердят: дескать, монголы многочисленны, как листья в лесу, свирепы, как черный барс, и прочее, и прочее. Ильгам хан вспомнил, как принимал монгольских послов, как вспыхнул от греческого огня армянский ковер и как быстро он был заменен еще более роскошным, персидским. Ильгам хан не подал тогда виду, что смутился. Но душу до сих пор грыз червяк сомнения. Ведь тогда Ильгам хан мог продемонстрировать наглым послам стрельбу крепостных или «быстрых» пушек, но почему-то не сделал этого. Ильгам хан видел, что на послов произвело впечатление его спокойствие во время взрыва ядра, начиненного греческим огнем, они даже о чем-то пошептались между собой. Кажется, им понравилась смелость и хладнокровие хана, поэтому они поспешили удалиться, видя к тому же, каким небрежным жестом хан приказал убрать послов с глаз долой. Конечно, они доложили в Каракоруме обо всем виденном и слышанном в Булгаре, и доклад их, вероятно, во многом повлиял на решение всеобщего монгольского курултая, а решение было роковым для булгар: поход со всеми силами на Булгарию. На этом же курултае решено было передать Бату хану все земли его отца — Джучи хана. А по завещанию Чингисхана в Улус Джучи входили не только завоеванные к тому времени земли, но и страны, которые предстояло завоевать на западе, вплоть до побережья Адриатического моря.

Да, непомерны были аппетиты Чингисхана, этого «потрясателя Вселенной». Но разве он к тому времени уже не завоевал добрую треть мира?! Такой державы история не знала ни на востоке, ни на западе. И что же должен после этого делать Ильгам хан, что предпринять, на что надеяться? Ильгам хан помнит, как его стойкая пехота ничего не смогла сделать с монгольскими всадниками, зажатыми в Жигулевских горах. И только после того как хан приказал своим воинам сесть на коней, был достигнут какой-то успех... Конный монгол напоминает своим поведением хитрую и коварную степную лисицу: то пускается наутек, то неожиданно оборачивается и свирепо нападает. Ильгам хан уже в достаточной мере изучил военную тактику монголов и поэтому не особенно боялся новых схваток с ними. Но на этот раз монголам придется из-

менить свою тактику, ибо им будут противостоять хорошо укрепленные вооруженные города-крепости. Монголы, привычные к степной войне, вынуждены будут взламывать четыре ряда мощных бастионов, преодолевать глубокие рвы, наполненные водой, взбираться на высоченные стены под градом стрел, ядер, потоками кипящей смолы. Окажется ли им это под силу?

Правда, как кузнец учится ковать на железе, так и солдат учится воевать на собственном боевом опыте. Возможно, монголы уже научились брать укрепленные города, ведь тангутские и чежурджинские города были укреплены не хуже болгарских, но все равно пали. И все-таки болгарская земля окажется для монголов настоящим камнем преткновения. Хан Ильгам искренне верил в это и поэтому выбрал тот способ войны, который выбрал: оборону городов-крепостей. Правда, хорезмшах Улуг Мухаммед тоже пробовал запирается по городам и потерпел сокрушительное поражение, но ведь у него не было пушек, тогда как у болгар в руках имеется превосходная крепостная артиллерия, маневренные пушки на конной тяге. Так что болгар, даст Аллах, спасут именно их пушки. На стенах Великого Булгара установлено уже более сотни пушек, приготовлено для метания множество горшков с греческим огнем. И конечно, наготове самое грозное «оружие» — неустрашимые болгарские батыры, готовые отдать жизнь за независимость родины.

4

Бахтияр пришел домой расстроенным. Открыв калитку, он забежал на крыльцо, поспешил на второй этаж, в комнату матери. Он постучался в дверь, как делал всегда.

— Мама, ты дома?

Но странно — за дверью материнской комнаты раздался совершенно другой голос. Нет, это был даже не голос, а словно соловьиное пение, нежное, чистое. Обычно мать отвечала ему, когда он к ней стучался: «Заходи, заходи, мой птенчик, дверь открыта». А тут... какой-то небесно-нежный голос проворковал:

— Кто там? Сюда заходить нельзя.

Голос волшебной негой пролился на сердце Бахтияра. Будучи ханским телохранителем, он был человеком деловым, вечно куда-то спешил, редко бывал дома. Мать не любила его должность и при случае приводила ему в пример сына соседского купца Фаридуна, который держал свой магазин и вообще катался как сыр в масле. «А ты, — сетовала мать, — охраняешь жизнь и безопасность другого человека, пусть даже и хана. И отец твой хорош, настоял, чтобы отдали тебя в дворцовую школу. Теперь и ты и он дома редко бываете. Зря я тогда согласилась. Скачешь теперь куда-то за тридевять земель, а тут еще и монголы заявились. Город полон завистников, а степь — разбойников. Ты уж береги себя, сынок, от этих проклятых недругов».

Встречая сына из очередной поездки, она обнимала его, хлопала ладошкой по спине и шептала: «Сыночек, когда же ты наконец приведешь в дом невесту?»

Этим вопросом она ставила Бахтияра в неловкое положение, потому что у него до сих пор еще не было зазнобы. Но душа его чего-то ждала, казалось, что вот-вот появится на пороге его суженая, и Бахтияр возьмет ее руки в свои и скажет: «Милая, выходи за меня замуж».

Он подумал и постучал снова. Голосок за дверью завораживал его.

— Кто там? Я же сказала, что сюда нельзя.

Вот это да! В мамину комнату нельзя зайти, потому что там поселилось какое-то существо с ангельским голосом.

Бахтияр недоуменно мотнул головой и внимательно посмотрел на дверь. Эта комната, вне сомнений, принадлежала его матери, но этот голосок из-за двери... словно журчание звонкого ручейка. Может, это проделки домового? Бахтияр вконец потерял терпение и поднял руку для решительного стука в дверь, но рука его повисла в воздухе.

Из-за двери раздалось нежно-мелодичное:

— Кто там? Тетя Бибиджамал, это вы?

Восхищенный Бахтияр прислонился спиной к двери. Похоже, в маминной комнате поселился ангел...

— Это я, — наконец ответил он, чувствуя свое учащенное сердцебиение. — Я, Бахтияр.

Он едва сдержался, чтобы не добавить привычное «мама».

— Бахтияр? — послышался за дверью удивительной чистоты колокольчик. — А кто ты?

— Я... А ты кто? — спросил немного опешивший Бахтияр, вспомнив, что является как-никак ханским телохранителем и сам имеет право задавать вопросы кому угодно. — Это же комната моей матери. Правда, комната принадлежала сестре Гаухар.

Дверь открылась, и Бахтияр наконец увидел «домового» в облике прелестной стройной девушки в расшитом платье — джиляне, кокетливо сдвинутом набекрень калфаке, болгарских ичигах. Глаза их нако-

нец встретились, и Бахтияр сразу понял, что никогда еще в своей жизни не видел столь привлекательного, манящего к себе девичьего личика. Сердце его вдруг сильно забилося, потом пришла какая-то слабость и растерянность, — а ведь он, в конце концов, не кто-нибудь, а ханский телохранитель! Он должен быть твердым, сильным и спокойным в любой ситуации. Но тут его словно связали по рукам и ногам, да и язык будто к небу прилип. Ну что за напасть! Девушка смотрела на него широко распахнутыми зеленовато-голубыми глазами под летящими в полете крыльями точеных бровей; длинные ресницы чуть загнуты кверху, открывая путь волшебному внутреннему свету, способному лишить сил самого могучего богатыря. Во взгляде девушки не было и тени надменности или превосходства, казалось, на тебя смотрит само совершенство вкупе со скромностью и чистотой. На тонкой руке, открывшей дверь, переливался драгоценными камнями великолепной выделки браслет. Бахтияр глупо улыбнулся, будто хлебнул добрую порцию крепчайшего вина, и приблизился к девушке, в которой увидел именно ту, о которой мечтал и грезил всю жизнь. Он нашел ее, обнаружил в собственном доме! В комнате его старшей сестры Гаухар, похищенной когда-то разбойниками.

— Кто ты? Какими ветрами?..

— Я — Буляк, божий дар.

— Тебя зовут Буляк? — Бахтияр посмотрел девушке в глаза. — А где мама?

— А ваша мать, джигит хороший, внизу, хлеб печет.

— Внизу... хлеб печет... — замороженно повторил Бахтияр и повернулся, чтобы уйти, но не спешил, ожидая, что же еще скажет такая прелестница, какое движение она еще сделает. Но Буляк и не думала продолжать разговор, напротив, она попыталась закрыть дверь.

— Буляк, — остановил ее Бахтияр, — ты приехала в гости или на воспитание? Наверное, какая-нибудь родственница мамы?

— Меня твой отец купил, — спокойно ответила девушка. — На воспитание. А сама я издалека, хотя родители мои были родом из Булгара. Нас привезли сюда чуть больше месяца назад.

Нужно было что-нибудь сказать, но на ум Бахтияру не шли слова, которые подошли бы в этой ситуации. И вдруг... Не зря Бахтияр считался одним из лучших учеников шейха и поэта Кул Гали. В голове точно высветились строки:

Сиянье лица твоего — будто полная луна.

А начнешь говорить — заслушаешься тебя.

Все это — великий божий дар...

Увидев тебя, кто удержится от восхищения?!

— Вах, еще стихами говорит, — сказала Буляк, стыдливо закрыв рот краешком платка и снова сделав попытку закрыть дверь. Но Бахтияр настолько осмелел, что уже держал девушку за локоток.

— Улыбнись, открой еще раз личико, не то упаду перед тобой на колени.

Буляк улыбнулась, отчего на щеках появились ямочки, а длинные, пушистые, загнутые ресницы крыльями бабочки махнули вверх-вниз, перехватив Бахтияру дыхание.

— Ну, посмотрел?

— Буляк, Буляк. Завтра я еду во Владимир, потом — в Саксин...

— Там идут жестокие бои, Бахтияр. Салахутдин ага дорогой обогнул Саксин.

— Я еду туда ханским посланцем. Приказ хана — что выпущенная стрела, Буляк. У меня к тебе просьба...

Девушка с улыбкой кивнула головой.

— Будь нашей воспитанницей. И никуда не уезжай, хорошо? Я скоро вернусь. Верь мне — слово джигита!

— Меня привезли сюда, Бахтияр, не гостьей, а купили. Твой отец...

— Хватит! Не говори так! Пожалуйста, не говори...

Внизу послышался голос матери:

— Буляк, доченька! Спустись сюда! С кем это ты разговариваешь? Или Бахтияр вернулся? Бахтияр, дитя мое, спускайся и ты.

Бахтияр взял Буляк за руку, чувствуя, как по жилам растекается странное тепло, и повел девушку вниз.

Мать встретила их внизу:

— Перемячи поспели, сейчас чайку попьем.

— Иняй, — сообщил ей Бахтияр. — Меня хан во Владимир посылает, а потом — в Саксин.

— О Аллах, разве кроме тебя нет у хана гонцов? И визирь Тимбай совсем тебя заездил. Как что — сразу тебя гонцом посылает. Погоди-ка, во Владимир, кажется, и отца твоего посылают?

— Во Владимире соберутся послы, мама. Визирь Тимбай сказал, что, возможно, и меня пошлют.

— О боже! Оба сразу едете!

— Значит, доверяют нам, мама.

— Разве только ты один ходишь у хана телохранителем? Хватит! Пусть во Владимир едет отец или едешь ты, но не вместе.

— Не волнуйся, иняй. Может, завтра же меня в Саксин пошлют. Говорят, плохи там дела. Саксин в осаде. Субедей багатур и Кунбай-бек наседают на город со всех сторон.

— А куда смотрит Бачман-багатур?

— Он должен оставить город, мама. Я везу ему об этом приказ хана.

— Лишь бы все обошлось. Не один, чай, едешь, с аскерами?

— Конечно, аскеров беру, иняй. Не беспокойся, через неделю вернусь живым-здоровым.

— Дай-то Аллах, сынок. Садитесь за стол, чай заварен, как бы перемячи не остыли. Потрапезничайте, а к вечеру я лапшу приготовлю. К тому времени и отец твой приедет.

— А где же Нургали?

— Рано ему еще, пусть учится. Ой, чуть не забыла, его хотел забрать с собой внук хана, углан Галимбек. Кажется, на какой-то праздник. Послушай, сынок, вижу, что уже познакомился с Буляк. Очень хорошо. Относись к ней как к родной сестричке.

— У меня ведь не было сестрички, а только старшая сестра.

— Значит, как к старшей сестре относись. И она тебя как брата полюбит. Так ведь, Буляк, доченька? Бахтияр будет тебе братом, а ты ему — сестрой. С сегодняшнего дня. Слышишь, Бахтияр? Тебе говорю, что ты носом в перемяч зарылся, как будто впервые его видишь? Не забывай и сестренку угостить. Кажется, ты даже не помолился перед трапезой. Не спеши, будто за тобой кто гонится...

Мать ушла за печку, в другую половину комнаты, и Бахтияр тут же придвинулся к девушке, зашептал ей:

— Буляк, может, ты ангел, а? Ты такая красивая! Клянусь Аллахом!

Буляк густо покраснела:

— Не смущай меня, Бахтияр, не то маме скажу.

— А я скажу, что ты ябеда.

Оба приснули со смеху. Мать хоть и слышала их, но не подавала виду. Она вернулась к столу, присела и сказала:

— Буляк, доченька, ты не стесняйся, чувствуй себя как дома. А ты, Бахтияр, не приставай к сестре со своими глупостями. Кстати, чуть не забыла, тебя, доченька, мугаллим Кул Гали спрашивал. Услышав это имя, Буляк вздрогнула и приложила ладошки к своим щекам.

— Мама, это тот самый Кул Гали? Шейх и поэт? — нерешительно спросила она.

— Тот самый, доченька. Шейх, поэт, мударис...

Буляк взглянула на Бахтияра, но тот увлеченно уплетал за обе щеки перемяч. Впрочем, взгляд девушки на себе он тут же ощутил и даже жевать перестал.

— Что случилось? — спросил он, быстро проглотив кусок.

— Я тоже пойду к шейху, Бахтияр. Биккул-бабай через меня послал ему письмо.

И Буляк пристально посмотрела на Бахтияра и на Бибиджамал бике, словно испытывая их.

— У кого же письмо?

— У меня.

— Так отдай мне, я сам вручу письмо шейху в руки.

— Я должна собственноручно отдать ему письмо, Бахтияр. Я обещала это, и не могу отдать письмо никому, кроме шейха Кул Гали.

— Ты что, Буляк! Не доверяешь ханскому телохранителю? Мама, ты посмотри на эту ласточку! — сказал Бахтияр то ли шутя, то ли всерьез.

— Не трогай ее. Нарушить данное обещание — все равно что загубить свою душу. Если она обещала, то должна вручить письмо лично в руки шейха. Поведешь к своему наставнику и ее, сестренку свою Буляк.

— Если его дома не будет?

— Тогда подождете или передадите письмо секретарю Хафизу, что живет напротив.

— Насколько мне известно, Буляк, Биккул ага является кем-то вроде советника при ставке Субедей-багатура.

— При чем здесь Биккул-саудагар? — снова вмешалась мать. — Просто он передал Буляк письмо, предназначенное шейху Кул Гали, и Буляк хочет собственноручно вручить это письмо поэту. Так что не томи более девочку, Бахтияр.

Тут Бибиджамал бике посмотрела в глаза девушки.

— Откуда ты знаешь, дитя мое, саудагара Биккула?

— Биккул бабай выкупил меня из монгольского плена и отдал своему земляку Салахутдину-саудагару, а тот отдал меня на воспитание к Джамал абыстай.

— А твои родители?

— Маму увел с собой нойон, а отца зарубили...

— О Аллах, скольких людей оставляет сиротами эта война! — вздохнула Бибиджамал бике, прочитала короткую молитву и принялась убирать со стола. — Бахтияр, подожди, не уходи. Оседлай для Буляк мою кобылицу. Она смиренная, ходит ровно.

— Она же жеребая!

— Не беда. Поедете не спеша. Никто за вами не гонится. Иди, иди, седлай кобылицу.

Выехав на улицу, Бахтияр по привычке хотел дать шпоры коню, но спохватился, вспомнил предупреждение матери. Впрочем, он и без коня чувствовал себя как на крыльях, как Мухаммед в ночь вознесения, как небесный странник перед воротами, за которыми его ожидает сам Аллах.

Бахтияр подъехал к Буляк и громко воскликнул:

— Буляк! Ты чувствуешь, что Аллах, милостивый и милосердный, благословляет нас быть вместе, как когда-то благословил Мухаммеда на пророчество? Слышишь, Буляк!.. Отзовись! Разве ты не моя сестренка?

— Сестренка, Бахтияр. Но мне немного стыдно, Бахтияр, и неловко. Ты увидел меня и стал говорить такие смелые вещи, что я невольно испугалась. Больше не шути так, Бахтияр. И я постараюсь тебя не обижать.

— Прости, Буляк, прости меня. Это я ведь так... Просто встрече с тобой так обрадовался, что радость эта не умещается у меня в душе, словно река в половодье не умещается в своих берегах.

— А ты прочитай суру «Кулхуалла» из Корана и успокойся. Проси у Аллаха терпения. Перед моими глазами безжалостно зарубили отца моего, а маму увели в полон. Я не знала, что делать от горя, ревела в три ручья, глаза мои стали красными от слез. Тогда и подошел ко мне Биккул бабай, погладил по спине, обнял и начал читать суру «Кулхуалла», а я постепенно успокаивалась. Спасибо бабаю Биккулу, он относился ко мне как к внучке, а потом передал земляку купцу Салахутдину. А Салахутдин ага отдал меня на воспитание Джамалбике абыстай. Каждый день я молилась, прося у Бога добра и милосердия, прощения за грехи, хотя и не было за моей душой никакого греха: в чем может быть грешно бедное восьмилетнее дитя? Пять лет я провела в медресе Джамалбике абыстай, а потом тот же Салахутдин ага каким-то образом умудрился привезти меня в Булгар. А Биккул бабай через кого-то передал мне письмо для поэта Кул Гали. Я поклялась, что если живой и невредимой доеду до Булгара, то лично вручу послание шейху Кул Гали в первый же день приезда. Но меня забрал у Салахутдина твой отец, и я очень испугалась, думала, что он берет меня в жены или наложницы. Но когда он уже дома сказал тете Бибиджамал, что привез ей девочку на воспитание, я успокоилась. А потом и вовсе растаяла душой, когда твоя мать сравнила меня с дочкой Гаухар.

— А потом увидела меня?

— Ты дома, оказывается, редко бываешь. Я уже успела ночь здесь переночевать, и увидела тебя только сегодня.

— А я как услышал твой голос, то будто сердце у меня из груди выпрыгнуло и по полу покатилося. Хорошо еще, что на полу щели нет, не то лишился бы сердца.

— Ох, Бахтияр, Бахтияр. Ведь булгарам грозят монголы, они собирают несметные силы, чтобы растоптать страну, а ты еще так шутишь. Если хочешь знать, я ничуть не хочу обидеть тебя. Но я должна остаться у шейха Кул Гали. Так хотел Биккул бабай, мне об этом говорил Салахутдин-саудагар.

— Разве это возможно, Буляк?! Мама тебя приняла как родную дочь, и я... я... Что я ей скажу?

— Хорошо, не будем спорить, Бахтияр. Как шейх Кул Гали скажет, так и будет. Меня ему должен был передать внук хана Хансейр, но твой отец забрал меня у Салахутдина саудагара, и тот не смог противиться, ведь отец твой — тамгачи, таможенник.

— Биккул карт и Мауля Худжа имам — это люди, посланные Ильгам ханом в стан монголов. А саудагар Салахутдин — всего лишь их посредник, связной, Буляк.

— Я ничего об этом не знаю. Мне ведомо лишь то, что Биккул бабай спас меня от монголов, а потом послал к шейху Кул Гали.

— Значит, ты шпионка?

— Думай что хочешь, но я передам письмо шейху, чего бы это мне ни стоило, даже если мне будет грозить смерть. Когда я услышала из твоих уст имя Кул Гали, сначала почему-то испугалась. Все случилось

так неожиданно. Знаешь, ведь Кул Гали некоторое время был моим мугаллимом, учителем. Он приходил к нам, и я очень его любила.

— Буляк, напомним, что я — ханский телохранитель, значит, имею право забрать у тебя письмо.

— Ты этого не сделаешь, Бахтияр, потому что я сразу увидела в тебе близкого мне человека. Не хочу сказать, что полюбила тебя, не то загордишься, нос задерешь выше небес, но ты, кажется, хороший джигит.

— Странно, почему дед Биккул написал это письмо именно шейху Кул Гали, а не хану Ильгаму?

— Я не знаю об этом, Бахтияр, только прошу тебя, не говори никому об этом письме, пусть это останется между нами.

— Шейх Кул Гали читает хутбу во дворцовой школе-мектебе, а катиб секретарь Хафиз преподает нам историю. Они оба мои учителя, Буляк.

— Бахтияр, ты извини меня, но мое настоящее имя не Буляк, а Лейля. Я была долгожданным ребенком, мама родила меня в муках, поэтому отец и назвал меня Буляк, божий дар. После этого меня стали называть то Буляк, то Лейля, я отзывалась на оба имени. Я действительно была подарком для моих родителей, Бахтияр. Но слишком мало они прожили вместе, монголы растерзали страну...

— Нам направо, в этот переулочек,— сказал Бахтияр. — Знаешь, Лейля... Я буду называть тебя Лейлей, хорошо? Потому что мне очень нравится это имя. Открыть тебе один секрет?

— Открой, если хочешь.

— Тебя нам сам Аллах послал, это судьба. Родители назвали тебя божьим даром, а теперь ты стала подарком для нас, Лейля.

В переулочке их облаяли собаки, изредка встречались прохожие, с интересом глядевшие на Бахтияра: в таких переулочках редко увидишь ханского телохранителя.

— Оказывается, Булгар очень большой и красивый город. Конца-края не видно.

— А ты бы еще центральные улицы посмотрела. Дом Маули, Ханскую мечеть, бани, красивые дома, мечети. Кроме знаменитого Ага-Базара, у нас есть еще несколько базаров поменьше. Там продают все, что душе угодно, за исключением, может быть, птичьего молока.

— Я много слышала о Булгаре, Бахтияр. Ведь мои родители родом отсюда. Не зря Угедей хан зарится на этот величественный город.

— Самое главное — это то, что наш город — торговый, Лейля. От Астрахани можно подняться водным путем, до Китая добраться сухопутно, из Сибири — на санях.

— Теперь почти все торговые пути находятся в руках монголов, которые, если захотят, могут не пропускать к вам ни один торговый караван.

— Субедей багатур тоже пробовал чинить нам препятствия. Но ведь Чингисхан велел не трогать купцов.

— Велел, но если у купца нет пайцзы монгольского хана, его могут ограбить за милую душу. Каждый купец теперь должен брать от монголов пайцзу, то есть разрешительную пластинку с печатью. Монголов много, Бахтияр, и они народ, закаленный в битвах. Они взяли даже Ургенч, казавшийся непобедимым и вечным. Запрудили многоводную реку, наслали на город потоки воды, и дома, крепостные стены, сторожевые башни снесло, будто их не было. Монголы — очень грозные и опасные воины, Бахтияр. Не дай бог встретиться с ними.

— Поворачиваем направо. Вон видишь, у реки стоит двухэтажный дом? Ворота и оконные рамы украшены резьбой. Это дом купца Биккула. Немного подалее минарет слободской мечети, еще дальше, через перекресток, выйдешь к караван-сарая, рядом — базар, потом — бани, у которых даже полы подогреваются. А напротив бань, видишь? Это и есть дом катиба Хафиза, секретаря шейха Кул Гали.

Перейдя с послами через реку Суру, тамгачи Асылгирей приблизился к углану Хансеяру.

— Внук хана Хансеяр, — обратился он. — Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Милости просим, Асылгирей ага, присаживайтесь рядом. Время есть, пока джигиты поят лошадей, говори свое слово.

— Мы ведь уже на русской земле, внук хана Хансеяр?

— Верно, границу уже перешли.

— Брат Хансеяр, я хочу отомстить князю Святославу.

Углан Хансеяр уселся на снятое седло, пристально посмотрел на Асылгирея.

— Мне тоже хочется отомстить, Асылгирей ага, но еще не время. У нас здесь другая задача.

— Злое дело сотворила дружина князя Святослава. Ведь и твою сестрицу Энжебике они убили, лихо-деи.

— Придет время, и я отомщу им не только за сестру, но и за брата Джаббара, и за весь народ города Ашлы. Владимирский князь находился в мирном договоре с булгарами, но, несмотря на это, пошел походом на Ашлы. Князь Святослав — вероотступник, клятвопреступник, душегуб. После разорения Ашлы ханбике написала своему брату Юрию письмо, на что он ответил, что князь Святослав ходил походом без его ведома, без спроса, на свой страх и риск.

— Он ответил так, чтобы успокоить Ильгам хана. Злой, злой человек князь Святослав. И неважно, с ведома или без ведома князя Юрия ходил он на булгар, все равно вина лежит на великом князе Юрии. Бог в конце концов покарает их, рано или поздно. У уруситов есть плохой обычай — замаливать грехи у попа, но разве может церковный поп простить грехи, которые может прощать лишь сам Всевышний?

— И все-таки, Асылгирей ага, мы сейчас — ханские послы и едем просить помощи у князя Юрия. Сегодня нам грозят монголы, а не соседний русский князь. Оставим пока русских в покое, все-таки они соседи.

— Разве они чтят право соседа? Разве чтят?! Ты, Хансеяр, нынче тысячник у пушкарей, можно сказать, багатур, значит, имеешь право попросить выдать нам князя Святослава за причиненные им злодеяния.

— Право такое имею, Асылгирей ага, но говорю еще раз — еще не время. Мы приехали с другой миссией.

— Кушать! Идите кушать! — раздался звонкий клич повара.

Асылгирей посмотрел на поляну, где готовили походную трапезу, и прищелкнул языком:

— Ох, брат Хансеяр, как прекрасны эти летние месяцы! Послушай, как заливаются соловьи. Скоро они замолкнут. Лето на исходе. Приближается месяц сафар. Послушай, какие звуки раздаются вокруг! Какая гармония звуков! Вот где рай, Хансеяр. А потомков Христа все тянет воевать, им всегда чего-то не хватает. Послушай, брат, послушай, как заливаются в тальниках соловей, вон он! О господи, как он поет, душа тает!

— Трогаемся, поедем. Путник должен быть в пути, Асылгирей ага.

Хансеяр углан встал, подал Асылгирею руку, помогая ему подняться, и произнес уже потише:

— Об этом лишь мы двое знаем, Асылгирей ага. Даже эмиру Абдулле не говори.

— Не беспокойся, скорее глаз лопнет у Асылгирея, нежели он проговорится.

Абдулла оглядел собравшихся и, кажется, остался доволен.

— Мы переправились через Суру, джигиты, завтра к вечеру достигнем града Владимира. Я уже послал гонца к князю Юрию. Хочет — встретит, не захочет — нет, во всяком случае нам нужно поторапливаться. Вовремя меняйте лошадей, не отставайте друг от друга. Не забывайте, что мой отец Ильгам хан в скором времени ожидает от нас известий. Поручения его очень важные, времени мало, так что по прибытии на место не очень-то разбредайтесь, каждый должен знать свое место. Будьте осторожны!

— Хорошо, углан, хорошо, — отвечали ему бывалые соратники.

— Примет ли нас князь в первый же день, углан? — спросил внук хана Хансеяр.

— Примет. Я привез ему послание моей матери, его сестры ханбике Марьям.

Абдулла углан взглянул на тамгачи Асылгирея и углана Хансеяра:

— О чем вы думаете, о чем вы переговариваетесь? Предупреждаю, наша цель иная! Не вздумайте нарушать приказ. Договорились?

— Договорились, чего уж там. Договорились, углан, — ответил Асылгирей ага за всех.

— Раз так, двигаемся с Богом.

В пути Асылгирей старался держаться поблизости от Хансеяра. Заводных лошадей держали на правой стороне. Хансеяру хотелось еще поговорить с Асылгиреем, но он не решился. Конечно, кровная месть — древний обычай тюрков, да и не только тюрков. Этот дикий обычай есть у всех народов. Но разве эта мера может остановить кровопролитие, покончить с враждой? Месть рождает месть. С другой стороны, человек, избежавший наказания и божьей кары, как правило, снова примется за старое и продолжает проливать кровь. Кто должен остановить его злодеяния? Мститель! Да, только месть! И ханский внук, углан Хансеяр отомстит князю Святославу, не сегодня, так завтра, не завтра, так... Конечно, не сегодня, ведь Абдулла углан строго их предупредил, особенно его, Хансеяра, узнав, что Хансеяр прилюдно на Коране поклялся отомстить князю Святославу.

— Асылгирей ага, — обратился к тамгачи Хансеяр, — Асылгирей ага, слышишь, отложим наше дело, подождем, потерпим.

— Хорошо, внук хана, пусть будет по-твоему, — ответил Асылгирей и прищпорил коня.

Во Владимир послы действительно добрались к вечеру следующего дня. Князь Юрий послал навстречу им своих телохранителей и приближенных. У городских ворот эмира Абдуллу, ехавшего первым, приветствовал тиун города. Тиун первым спешился с коня, подошел к болгарскому эмиру и поклонился ему, дотронувшись до стремени коня эмира.

— Великий князь Юрий Всеволодович ждет вас, эмир, — сказал густобородый боярин.

На улицы города въезжали уже при закате. В городе в это время народа бывает немного, и тиун напрямую повел посольство в княжеский караван-сарай. После того как послы потрапезничали, их пригласил к себе князь Юрий, видимо, понимавший важность посольства.

Взяв с собой подарки, посольство во главе с эмиром Абдуллой отправилось в княжеский дворец. И спереди, и сзади их сопровождали княжеские телохранители.

В тронном зале князь был не один. По обе стороны от него веером расселись бояре, как куры на насесте. Справа от великого князя восседал, конечно, митрополит Митрофан, чуть позади него духовный отец князя — Кирилл. Слева от великого князя Юрия сидел его старший брат, князь Святослав.

В тронном зале было уже не очень светло, но Хансеяр все же заметил, как старательно князь Святослав прячет от него взгляд. Святослав тоже обратил на Хансеяра внимание, и было мгновение, когда их взгляды пересеклись, высекая искры ненависти. Так, по крайней мере, показалось Хансеяру.

Эмир Абдулла поклонился князю, передал привет от хана Ильгама, потом велел своим слугам принести подарки. Когда подарки были продемонстрированы, князь встал с трона и тоже поклонился. То же самое сделали бояре. Эмир передал князю письмо хана Ильгама. Князь взял послание, посмотрел на ханскую печать, но сам вскрывать конверт не стал, передал стоявшему за спиной переводчику. Толмач вскрыл пакет и принялся вслух читать письмо.

— А углан-эмир приехал без толмача, — как бы невзначай, но с явным подтекстом произнес князь.

— Если мне не изменяет память, великий князь, моя мать как будто бы не очень дальняя ваша родственница, — дерзко ответил ему по-русски эмир Абдулла.

Князь милостиво, даже приветливо улыбнулся. Тут же ослабились и бояре, зашумели, заговорили.

— Да, ты похож на Марию, эмир, очень похож. Ведь я хорошо ее помню. Ну, спасибо за напоминание, эмир. А насчет письма... Я понял вашу просьбу. Ответ будет завтра.

— Великий князь, ваш дед Юрий Долгорукий жил в мире с волжскими булгарами, торговал с ними, не причинял им вреда, пусть земля ему будет пухом. Ваш соотечественник Андрей Боголюбский, хотя, бывало, и ходил походами на болгар, но в целом чтит право соседа, развивал торговлю. И в его время немало русских и болгарских семей породнилось. Нам с вами нужно использовать исторический опыт мирного добрососедства, торговать, развивать разнообразные взаимоотношения, помогать друг другу, когда грянет беда, великий князь.

— Спасибо, спасибо за добрые слова, Абдулла. Видит Бог, это так, воистину так. А теперь перескажи просьбу хана своими словами. Тем более что ты по-русски говоришь так же хорошо, как мать твоя.

— Великий князь, благочестивый Юрий Всеволодович, вам, должно быть, известно, что в 1223 году монголы разгромили 80-тысячное войско киевских князей и принесли великий урон стране. После этого монголы двинулись на Булгарию, но на этот раз сами потерпели поражение. Лишь горстка воинов спаслась от смерти, бросив все награбленное добро, даже женщин. Невредимыми из этой битвы вышли только Субедей-багатур и нойон Джэбэ с остатками своих воинов. Теперь битый полководец Субедей со своими туменами рыскает волком вдоль границ Булгарии, ожидая из Каракорума подхода основных монгольских сил — десятков туменей. Скоро вся эта огромная армия подойдет к болгарским границам. Правда, за прошедшие годы булгары еще несколько раз сталкивались с монголами и, как правило, побеждали. Но основные монгольские орды еще не подошли. Великий хан монголов на очередном курултае вынес решение обрушиться всеми силами на кипчакские, болгарские и русские земли. Значит, дошла очередь до нас, великий князь. Поэтому Ильгам хан призывает вас дать совместный отпор монголам. Идущее на Булгарию монгольское войско возглавляет внук Чингисхана — Бату хан, под началом которого около двухсот тысяч. Булгары не в силах выставить такое же количество воинов, и если мы потерпим поражение, очередь будет за вами, великий князь, ибо многочисленное войско монголов не остановится в Булгаре и двинется дальше на запад. Поэтому будет лучше, если мы объединим наши войска и вместе будем противостоять монгольскому нашествию. Вот с каким предложением послал меня к вам правитель Великой Булгарии Ильгам хан.

— Хорошо, посол, спасибо. Теперь, Абдулла, послушай меня...

Но не успел он начать ответную речь, как к нему наклонился князь Святослав и что-то горячо зашептал на ухо. — Невысокого роста, но толстый, с бычьей шеей, на которой выделялись жилы толщиной чуть ли

не с рукоять камчи, с лицом нездорово-ржавого цвета, рыжей бородой, впалыми щеками. Этот человек сразу вызывал отвращение.

Асылгирей прошептал на ухо Хансеяру:

— Говорят, что моя единственная дочка Гаухар в руках этого князя-злодея. Бедняга, как она терпит его! Ведь у этого Святослава в облике ничего человеческого нет. Слышишь, внук хана, тебе говорю?

— Слышу, Асылгирей ага, слышу. Успокойся, потом поговорим, потом.

Хансеяр взглянул на тамгачи Асылгирея — тот неотрывно смотрел на князя Святослава. Хансеяр знал, что именно князь Святослав, спалив и разрушив город Ашлы, увел в полон болгарских девушек, о судьбе которых до сих пор доподлинно ничего не известно. То ли их продали киевлянам, то ли раздали ратникам, то ли насильно крестили, а не желавших предать свою веру нагишом побросали в полынью. Пленных болгарских юношей тоже крестили, чуть ли не под виселицей. Об этом рассказали Хансеяру те немногие, кому посчастливилось убежать из русского плена.

Наконец и Святослав обратил внимание на Асылгирея. Глаза князя расширились от невольно возникшего видения — его Евдокия, измученная, растрепанная, сломленная и насильно крещенная митрополитом Кириллом... Чем-то она была похожа на этого болгарина, вонзившего в князя ненавидящий взгляд...

Когда умер великий князь Владимиро-Суздальской Руси Всеволод Большое Гнездо, князь Святослав день и ночь бредил престолом. Но покойный отец оставил трон не старшему, а младшему сыну Юрию. И Святослав целовал крест, клялся во всем и всегда защищать интересы брата, ставшего великим князем. Клятву свою он сдержал и готов был отрубить голову любому, кто осмеливался встать на пути Юрия.

Великий князь быстро подметил и оценил собачью преданность брата, приблизил его к себе, повсюду таскал его с собой, и Святослав сделался как бы тенью своего брата. Как только он понял, с какой целью прибыло болгарское посольство, Святослав поспешил дать совет брату: не спешить с помощью болгарам. Пусть, дескать, монголы победят болгар, уйдут, а потом мы легко подчиним себе ослабленных соседей. Прошептав этот совет великому князю, он почувствовал на себе жгучий взгляд Асылгирея, и тогда всплыли в его голове картины разрушенного и разграбленного города Ашлы, откуда он привез себе в жены болгарку Гаухар, в крещении Евдокию.

Сначала князь не помышлял о женитьбе на басурманке, а думал выгодно продать ее, но, увидев прелестное личико пленницы, вспылал к ней нешуточной страстью и решил пойти к давнему своему другу, митрополиту Кириллу, и велел ему крестить девушку.

Верный Кирилл пришел к нему и взялся наставлять девицу на «путь истинный». Но болгарка заупрямилась, твердя: «Не надевайте на меня крест, не окунайте в воду, иначе руки на себя наложу». И даже безжалостный Кирилл, собственноручно бросавший в полынью сотни мусульман, на этот раз почему-то оробел от решительно-отчаянных слов полонянки. И все же, воспользовавшись тем, что юная полонянка потеряла сознание, они нацепили на нее православный крестик и нарекли Евдокией.

Очнувшись, Гаухар равнодушно отнеслась к своему новому имени, а со временем привыкла к нему, как привыкла постепенно к Святославу. Бояре не одобрили поступка князя, насильно державшего в своем доме болгарку-мусульманку. Как-никак, Святослав был из правящего княжеского рода. Среди владимирских купцов были и такие, что дружили с тамгачи Асылгиреем, отцом пленницы Гаухар.

Однажды в болгарский караван-сарай прибыл с товарами давний приятель Асылгирея — владимирский купец Митряй. Придя по делу в караван-сарай, Асылгирей встретил приятеля, поздоровался с ним.

Митряй отвел друга в сторону для разговора:

— Друг Гирей, я слышал, что дочь твоя пропала. Это правда?

— Правда, Митряй, правда. Мать ее все глаза уже выплакала.

— У нас твоя дочь, у князя Святослава. И сын уже у них родился, малайка растет.

Асылгирею показалось, что земля разверзлась под его ногами. Он не знал, что и сказать, он словно окаменел. Во-первых, он не знал, радоваться ему или горевать. С одной стороны, Гаухар жива-здорова. Родила сына, то есть внука Асылгирея. Замужем не за кем-нибудь, а за князем Святославом. Поразительно. Навероятно. Почему-то Асылгирей тогда не сказал об этом никому, даже своей жене. Нет, он не боялся пересудов, того, что называют людской молвой. Не первый раз русские и болгары рождаются, и не первый раз это делается, к сожалению, часто насильственным путем. Но кто бы мог подумать, что именно дочь Асылгирея попадет в такую ситуацию, испытает такой позор и унижение!

Вот почему он изменился в лице, увидев князя Святослава, вот почему не обо всем рассказал Хансеяру. Если бы внук хана узнал всю правду и рассказал об этом в ханском дворце Булгара?! Кроме того, Хансеяр уверен, что его сестру убил именно князь Святослав. Лишь Асылгирей знал, что на самом деле все было по-другому, но рассказать об этом не решался.

А Святослав, отрешаясь от всего, продолжал вспоминать тот день, когда крестили, доведя до бесчувствия, его будущую жену. В тот день он не подошел к болгарской пленнице, но зашел к ней ночью и взял силой.

Девушка снова потеряла сознание, и князь сидел возле нее всю ночь, не уходя, хотя уже удовлетворил свою похоть. Закаленный в разбоях, ни во что не ставивший жизнь человеческую, хмелевший и зверевший от одного вида крови на клинке своего меча, князь Святослав всю ночь смотрел на обнаженную бесчувственную, беспомощную, им обесчещенную болгарскую девушку.

Гаухар не умерла, а была лишь без сознания, сердце ее билось слабо, тихо. Князь иногда проверял ее пульс, но девушка все еще не приходила в себя. И только когда занялась заря и первые робкие лучи солнца упали на щеки девушки, лицо ее стало розоветь, словно солнечный луч придавал ей жизненных сил, и Гаухар застонала, не открывая глаз, но мгновенно поняв, где, с кем и в каком виде она находится, порывисто натянула на себя одеяло и только потом открыла глаза и взглянула на князя Святослава.

Князь не был молод, лоб его был прорезан морщинами, край рта изуродован сабельным ударом, щеки впалые, волосы на висках поседевшие. Он не был, конечно, красив, но и не был некрасивее многих. Девушка, конечно, не улыбнулась своему «рыцарю», а лишь безучастно перевела взгляд на потолок, сияясь, видимо, представить, что же случилось с ней ночью...

Гаухар пришлось смириться со своей новой жизнью, если это можно было назвать жизнью. Князь Святослав имел свою дружину, был братом великого князя, хотя не имел своей вотчины, своего удельного города. Некоторые из владимирцев боялись его, избегали встреч с ним, потому что князь по натуре был и жесток и бесхребетен одновременно: поддерживал то одного, то другого брата, то третьего... Одно время даже претендовал на трон, убил ради этого двух своих братьев. Но не достался Святославу ни трон владимирский, ни суздальский, ни ростовский, ни муромский, ни московский, ни рязанский, а в Городец он сам ехать побоялся, потому что этот город был в опасной близости к булгарам, которые были так на князя злы, что сровняли бы его город с землей. Последние бесчинства Святослава вызывали возмущение не только болгар, но даже самих владимирцев, потому что вконец обнаглевший князь продавал на базаре хаситэ и монеты, даже не освободив их от кос захваченных в плен болгарок, мукшанок, эрзянок. Были такие, что приходили к великому князю с жалобой на супостата Святослава, но князь Юрий почему-то не придавал особого значения этим жалобам.

Почувствовав на себе тяжелый взгляд сразу двух ханских послов, Святослав засуетился, напоминая степного лиса, подвергнувшегося атаке коршуна и не знавшего, в какую сторону вернуться от крылатого хищника. Князь то порывался уйти, то останавливался и возвращался обратно, пряча глаза. Наконец он сказал что-то великому князю, видимо, спрашивая позволения уйти, но князь Юрий жестом приказал ему остаться. И тогда, да, именно тогда, князь Святослав и прошептал ему иезуитский совет не помогать булгарам, а, наоборот, покорить их после ухода монголов.

— А если монголы не уйдут и двинутся на нас? — спросил князь Юрий.

Святослав потоптался, помялся и ответил: «Из Киева ушли же...» Князь Юрий в задумчивости покачал головой. И тогда Святослав снова горячо зашептал ему на ухо: «Не договаривайся, Юрий, не помогай им. Пусть монголы завоюют Булгар, нам же лучше будет. И волки сыты, и овцы целы будут». Пожевав губами, великий князь окинул взглядом брата и поинтересовался: «И кто же тут овцы, а кто волки?» Святослав не ответил и отошел, изобразив на лице обиду: дескать, неужели непонятно, кого нужно считать волками, а кого — овцами?

Наконец великий князь Юрий Всеволодович обратился к послам:

— Эмир Абдулла, я посоветуюсь на этот счет с моими братьями и боярами-приближенными и завтра дам ответ. — И он поднялся с места, давая понять, что аудиенция закончена.

Выходя из тронного зала, углан Хансейр пробормотал себе под нос: «И завтра ты не сможешь решить этот вопрос, великий князь».

Эмир Абдулла оглянулся на него, но промолчал. Разговор с внуком хана был бы не к месту и не вовремя.

* * *

На следующее утро тамгачи Асылгирей упал на колени перед эмиром Абдуллой:

— О, углан, прошу тебя, отпусти меня к дочери. Я найду ее, порасспрашиваю знакомых. Большинство местных купцов знают меня.

— Нельзя, нельзя, Асылгирей ага. Мы прибыли сюда с другим поручением. Войди и ты в мое положение.

— Гаухар была моей единственной дочкой, Абдулла ханзаде, единственной. Четыре моих сына на службе у хана, младший еще учится в дворцовой военной школе. Все четверо готовы все сделать для хана.

— Потерпи, Асылгирей ага, потерпи. Мне кажется, князь пойдет на договор с нами. Если, конечно, не послушается этого супостата Святослава. Князь Святослав доброго совета не даст, потому что он вообще не знает, что такое добро. Дай бог, чтобы великий князь понял одно: если монголы завоюют Булгарию, они уничтожат и владимирцев. Монголы набирают войска из завоеванных народов, так что множество булгар, озлобленных на русских, пойдут потом вместе с монголами в город Владимир, чтобы мстить.

— Углан Абдулла, — сказал Асылгирей, осматриваясь по сторонам, — знаешь что? Может быть, нам вообще не надо искать союза с уруситами, а объединиться с монголами и обрушиться на их земли самим? Вспомни, что уруситы испокон веков жгли и грабили наши города и веси, убивали их жителей, уводили в полон женщин. Не дано нам жить в мире с этим народом, Абдулла углан. Сам Аллах не дает нам мира с уруситами... Не в ладах мы живем с соседом...

— Почему так говоришь, Асылгирей ага? Ведь было немало мирных лет, когда мы торговали и жили дружно, без набегов. Мы, булгары, ведь тоже не святые, делали набеги, делали, Асылгирей ага.

— Было, не спорю. И все же больше было, и еще больше становится, крови и вражды, углан Абдулла. Мы разные и по языку, и по вере. Мы живем на разных берегах... Эмир Абдулла, вот что я хотел тебе сказать. Один мой знакомый тутошний купец рассказал, что дочь моя Гаухар замужем за этим исчадием ада — князем Святославом, а зовут ее теперь Евдокия. И никуда из дома он ее не выпускает. А мне так хочется увидеть свою дочь, углан Абдулла! Ведь отец же я, пойми. Она же моя кровиночка! Я не знаю, что мне делать, углан, позволь мне встретиться с дочкой. Ведь если дома моя Бибиджамал узнает, что я был в ста шагах от дочки и не встретился с ней, она меня обратно во Владимир отправит, Аллах свидетель, отправит...

— Не убивайся так, Асылгирей ага, успокойся. Что делать, от судьбы не уйдешь. Ведь и моя мать родом из Владимира, а всю жизнь проводит в Булгаре. Терпи, терпи, Асылгирей ага. По-моему, ей лучше не встречаться с тобой, сердце ее может не выдержать, и придется тебе хоронить свою Гаухар, даже не успев толком поговорить с ней.

— Гм-м, — хмыкнул Асылгирей и о чем-то задумался. — Хе... Говоришь, если увидит меня, то сердце у нее может разорваться? Не даст Аллах этого, ля хауля ве ля куате, субханалла... Разве можно зайти в дом зятя-неверного?! Не успеешь усесться на намазлык, как зять-кяфир накинёт на твою шею удавку! Не зря говорят: лучше дьявола в советчики, чем русского в попутчики.

— Завтра все решится, Асылгирей ага. Если очень хочешь увидеть дочь, я могу попросить об этом великого князя, думаю, что Святослав не осмелится ослушаться его, если князь Юрий велит ему показать тебе твою дочь.

—О-о-хо-хо, углан! Разве можно верить этим христианам, молящимся на Христа как на Бога?! Как верить людям, прыгающим в холод в прорубь, словно язычники, хотя они это выдают за священнодействие? Не иначе это проделки дьявола. Наш пророк так не мог приобщиться к Богу, пока не стал поклоняться безграничности Вселенной. И как я могу показаться на глаза дочери, потерявшей веру предков? Ведь она же и меня станет укорять: зачем, мол, ты меня в то лето в гости к тетке отвез, в город Ашлы? Если бы не отвез я тогда ее в Ашлы, не знала бы она горя, не лила слез горючих. Хотя и нуждается дочь моя в свете истинной веры, но ты прав, углан Абдулла. Не говори великому князю о моей просьбе.

— Аллах все видит, все простит, за все накажет, Асылгирей ага.

— Я бессилён что-либо сделать. Проклятье им, проклятье этим кяфирам, отнимающим у родителей их чада!

— Асылгирей ага, дочь — это как птица. Едва окрепнут крылья, она покидает родительское гнездо. В народе говорят: птица вернется, дочь — никогда.

— Подскажи мне, углан, что же мне делать, чтобы как-то утихомирить боль в моем сердце?

— Все, что с тобой происходит, написано на роду, так угодно Аллаху. Все, что ты пережил и переживешь, имеет свою судьбу, время, свое отражение в чем-то другом. Терпи, Асылгирей ага, терпи. Сегодня мы исполняем обязанности послов. Повторяю, если очень хочешь увидеть дочь, я могу даже на колени встать перед великим князем, чтобы он разрешил тебе встретиться с дочерью.

— Не дело обсуждать нам то, что уже предопределено самим Аллахом. В день светопреставления все откроется, и каждый из нас получит то, что заслужил, в том числе и этот злодей Святослав. Наш Мухаммед — последний пророк Аллаха, об этом ясно сказано в священном Коране. Терпи, Асылгирей, и Аллах в Судный день сам взвесит добро и зло в каждом из его рабов и рассудит по справедливости.

Углан Абдулла в последние годы брал уроки у катиба Хафиза и шейха Кул Гали. Эти уроки вкупе с его природным человеколюбием, обожанием всего живого на земле создали такой характер, перед обаянием

которого мало кто мог устоять. Словом, согласился с ним Асылгирей, и все же не удержался от резкого слова:

— Пусть лицо почернеет у этого кяфира, пусть горечь моих слез ядом вольется в его кровь и остановит его злодейское сердце. Проклятье ему, будь он проклят!

Показался углан Хансеяр, он был хмур и беспокоен.

— Ты куда, Хансеяр? — спросил эмир Абдулла.

— Не могу дольше ждать. Чего мы ждем? Почему нас не зовут? Скорее бы ответили: да или нет.

— Придут, позовут, ответят. Посиди-ка немного с дядей Асылгиреем, послушай его жалобы и проклятья, не только же мне его слушателем быть. Но предупреждаю вас обоих: одно неверное движение, один ошибочный шаг с вашей стороны — и считайте, что вы предали не только нашего хана, но и нашу веру, иман, честь.

— Байтимур, принеси-ка кумысу, — приказал слуге Хансеяр, усаживаясь возле Асылгирея. — Что-то в горле пересохло.

В это время и появился княжеский тиун, заставив всех посольских людей подняться на ноги и вопросительно посмотреть на него.

— Здорово, тиун! — сказал Абдулла эмир. — Что скажешь?

— Великий князь вас зовет.

Все начали собираться.

— Нет-нет, — жестом остановил их тиун. — Великий князь зовет только вас, достопочтенный эмир Абдулла.

— Хорошо, я сейчас выйду, — ответил Абдулла углан и, посмотрев на тамгачи и ханского внука, предупредил их: — Я скоро вернусь.

Хансеяр снова уселся возле тамгачи Асылгирея и разлил по чашкам кумыс.

— Как-то неловко, неудобно сидеть за русским столом, углан Хансеяр. Чувствуешь себя так паршиво, будто находишься среди язычников, поклоняющихся огню, воде, идолам. Ведь, по сути, мы пришли к этой нечисти с самыми благими намерениями, чтобы предупредить их и протянуть руку помощи. А в итоге вернемся с пустыми руками, помня мое слово, Хансеяр. Остается только помолиться. И надеяться на помощь мусульманского мира. А они так далеки от нас...

— Попей-ка кумыса, дядя Асылгирей. Я слышал, как ты жаловался эмиру, изливал перед ним душу. Углан прав, нам нужно потерпеть. Все равно я доберусь до шкуры этого Святослава, он ответит своей головой и за смерть моей сестры Энжебике, и за неволю твоей дочери. Я отомщу ему, у меня есть на это право.

— Так, — кивнул головой Асылгирей и как-то беспокойно заерзал на месте. — Не знаю, как и сказать тебе об этом, Хансеяр. Но рассказать правду все равно придется. Ведь я собственными глазами видел гибель сестры твоей Энжебике. Да-да, не гляди так на меня... Что было, то было. Я своими руками вытащил тело Энжебике на берег реки. М-да, было, было. Не дай бог увидеть такое еще. Но правда, углан, состоит в том, что Энжебике убил не князь Святослав, а один из его сотоварищей по имени Егорка. Имя убийцы я узнал от знакомого купца Митряя. И если бы я встретил его, тотчас убил бы этого злодея.

Хансеяр медленно приблизился к тамгачи, положил руку ему на плечо и пристально взглянул в глаза:

— Ты хочешь, чтобы я поднял руку на безвинного человека, Асылгирей ага?! Я же поклялся перед своей дружиной, поклялся на Коране, что отомщу князю Святославу. Ты же говорил, что Энжебике погубил князь Святослав.

— Виноват, углан Хансеяр, я очень виноват, но клянусь хлебом, что Святослав неповинен в смерти Энжебике.

— Но кто спалил и разорил град Ашлы? Кто убил моего брата Джаббара? Кто женщин в полон увел? Разве все это зло сотворил какой-то несчастный телохранитель Егорка?! Асылгирей ага, я очень тебя уважаю, но ты сегодня задел мое больное место. Горе и сердце нельзя держать в узде, тамгачи, так что говори, говори, рассказывай все, что ты видел и знаешь. Погоди, а ты знаешь, где он живет?

— Кто?

— Этот Егорка, что убил мою сестру. Где он живет? Вот что, уважаемый тамгачи: сейчас ты встанешь и отведешь меня к этому человеку.

— О Аллах! Откуда я знаю, где он живет? Мы с ним чай не пили.

— А тот знакомый купец? Как его? Митряй?

— Дом купца Митряя знаю, к нему отвести могу. Но нас ведь на первой же улице остановят. Мы тут как белые вороны, сразу в глаза бросаемся. Может, обождем? Потерпим? Абдулла эмир предупредил, что-бы мы никуда не отлучались.

Хансеяр позвал телохранителя и приказал: «Принеси-ка мне одежду тиуна, которую мы в том городе прихватили, помнишь? И живее!»

— Веди меня к твоему знакомому купцу, — сказал он Асылгирею. — Остальное — мое дело.

— О господи! Субханалла! Хорошо, хорошо, углан Хансеяр, пусть будет по-твоему.

Хансеяр быстро переоделся в одежду княжеского тиуна, которая, тем не менее, не очень-то скрывала его мусульманскую внешность.

Асылгирей растерялся, огляделся по сторонам, будто кто-то мог остановить, спасти его от необдуманного, но уже решающего шага, но в конце концов махнул рукой:

— Пошли!

— Пошли, Асылгирей ага!

— Эх, была не была! От судьбы не уйдешь. Аллах поможет...

Владимир — город небольшой, но улицы его довольно широки, дома стоят далеко друг от друга. Дворов почти нет, всюду калитки-ветрянки, иногда украшенные резьбой ворота с навесом. Встречаются и двухэтажные дома, а переулки узкие, едва две женщины с коромыслами разминутся.

Они прошли Золотые ворота, повернули налево, через узкий переулок перешли на другую улицу. Вскоре подошли к большому двухэтажному дому, не похожему на другие.

— Это и есть дом моего друга купца Митряя, — сказал Асылгирей. — Был я как-то у него... Хороший человек, хоть и русский.

— И среди русских есть разные люди, Асылгирей ага.

— И то правда, углан. И среди мусульман достаточно негодяев. Не бывает дороги без камней, а человека — без грехов.

— Собака у него есть?

— Не видел. Последний раз я был у него лет пять назад. Погоди-ка, Хансеяр, не спеши, что-то сердце у меня стучит. Посидим-ка на той скамейке.

— Ты что-то задумал, Асылгирей ага?

— Да нет, что ты, боже упаси. Говорю же, сердце что-то пошаливать стало. Пройдет, вот отдохну немного.

Сели на скамейку.

Хансеяр разглядывал дом, а тамгачи Асылгирей погрузился в мир воспоминаний. Как же все это тогда случилось? Ах да, он отвез Гаухар в гости к тетке в Ашлы. Примерно через неделю один знакомый купец сказал ему: «Сосед, на Ашлы собирается, напасть князь Святослав, так что смотри».

Перепуганный Асылгирей в тот же день выехал в Ашлы. Скакал лихо, едва не загнал обеих лошадей. Приблизился к городу и обомлел: Ашлы уже горели.

Он разнуздал лошадей, отпустил их пастись, а сам побежал берегом реки, ища, где бы переправиться. На свое счастье в прибрежных кустах он обнаружил плот, отвязал его, вооружился вместо весла шестом, с трудом оттолкнулся от берега, поплыл.

Переправившись, выбрался на крутой берег... Ашлы горели, кричали женщины и дети. Мужчин не было видно, очевидно, их вырезали уруситы. Захватчики гонялись то за одной, то за другой бабой, хватали детей, кидали их на седло или привязывали арканом...

Асылгирей потрогал кинжал на поясе, как будто с помощью этого маленького куска железа мог противостоять орде опьяненных кровью всадников, вооруженных до зубов. Прячась в кустах, росших по краям низины, он осторожно пробрался на окраину города и вдруг увидел бегущую в его сторону Энжебике, которую преследовал бородатый всадник. Бедная девушка бежала как раз к тем кустам, за которыми прятался Асылгирей. И тамгачи решил бросить ей свой кинжал.

Энжебике увидела кинжал и схватила его на бегу, а потом остановилась и решительно повернулась лицом к преследователю. Убегая из города, Энжебике, видимо, угодила в наполненную водой канаву или ров, и мокрое платье туго обтягивало ее точеную фигурку, стройную, словно прибрежный камыш.

Асылгирей не видел лица девушки, но на всю жизнь запомнил ее преследователя — рыжебородого, с выпученными зеленоватыми глазами, чуть-чуть горбоносого. Меч его был в ножнах, а в руке он держал камчу. На поясе — кинжал с костяной рукояткой. Ни щита, ни лука со стрелами. В первый раз в жизни горько пожалел тогда Асылгирей, что не взял с собой лука со стрелами.

Преследователь осадил коня. Животное встало на дыбы, потом опустилось. Незащищенная грудь хохочущего разбойника была прямо перед глазами спрятавшегося в кустах Асылгирея. Эх, одну бы только стрелу пустить!.. Урус, посмеиваясь, приближался к своей жертве, Асылгирей даже услышал какие-то русские слова. Кажется, преследователь говорил: «Не беги, не беги как черт от ладана, красавица!»

Когда между преследователем и жертвой оставалось всего два-три шага и Асылгирей готов был беркутом броситься на врага, Энжебике вдруг качнулась вперед, потом неестественно выпрямилась и упала навзничь. Из ее груди торчал кинжал Асылгирея.

Урус как ни в чем ни бывало слез с коня, хладнокровно сорвал хаситэ девушки, вынул кинжал из ее груди, отрезал косы с вплетенными туда серебряными монетами и сложил все, в том числе окровавленный кинжал, в свою походную сумку.

Асылгирей не выдержал и закричал. Урус вздрогнул, огляделся, ничего не понимая, вскочил на коня — и был таков. И только тогда понял Асылгирей, что никакого крика у него не получилось, потому что горло его словно треснуло от волнения и выдало лишь слабый сухой звук.

Асылгирей выбежал из кустов, поднял тело Энжебике и побежал к плоту. Тело девушки было еще теплым. Он положил скорбный груз на плот и поспешно поплыл к противоположному берегу. Кто-то заметил его, вдогонку засвистели стрелы, но ни одна из них не достигла цели. С Энжебике на руках он поднялся на берег, нашел своих лошадей, остановился, не зная, что делать. Он прижался лицом к лицу Энжебике, пытаясь вдохнуть в нее жизнь, но напрасно: девушка была мертва. У тюрчанок всегда меткий удар, даже в собственную грудь.

Асылгирей закрыл глаза девушки и долго-долго плакал. Потом обернул ее тело найденными в торбе тряпками, рогожей, привязал к заводной лошади, взгромоздился на своего коня и медленно тронулся в путь.

Проехав немного, наткнулся он на отряд Джик Мергена. От горя Асылгирей чуть не потерял рассудок и ничего толком не смог объяснить аскерам. Горло его все еще было словно треснутым, голоса почти не было, глаза потухли, спина сгорблена. И только развернув тюк на заводной лошади: это была внучка самого хана, прекрасная Энжебике, дочь прекрасной болгарской принцессы Назлыгуль!

Не счесть достойных джигитов, что посылали сватов к Энжебике, но ни за кого не хотела выходить она замуж, не нашла она еще своего единственного. Поговаривали, что она влюблена в багатура города Ашлы, но никто не верил этим слухам. Энжебике училась в медресе ханского дворца, а летом отдыхала в Ашлах.

Отодвинув джигитов, к телу погибшей подошел и сам Джик Мерген. При виде мертвой Энжебике он стиснул зубы так, что скулы страшно напряглись. Он вопросительно посмотрел на тамгачи Асылгирея, по-прежнему не способного издать ни звука. Кое-как жестами и мимикой тамгачи объяснил ему суть дела.

Джик Мерген крикнул своим джигитам:

— По коням! Вперед, к Итили!

Асылгирей с оставшимся возле него десятником погрузили тело погибшей на телегу и взяли путь на Казань. Перед глазами Асылгирея до сих пор стоят суровые аскеры, замершие при виде мертвой Энжебике с отрезанными косами. Джик Мерген даже дотронулся до раны на груди девушки и потрогал остатки роскошных некогда кос.

Потом ему рассказывали, что аскеры Джик Мергена переплыли Волгу, ухватившись за хвосты своих лошадей, но от Ашлов осталось уже одно лишь пепелище. Город, ласкавший взор своими мечетями, многочисленными арыками и прекрасными садами, медленно догорал.

Джигиты нашли немногих уцелевших жителей, спрятавшихся кто в погребке, кто в канаве или какой-нибудь яме. Оставшихся в живых женщин и детей решили отправить в Казань, а Джик Мерген со своими джигитами помчался вдогонку за разбойниками, гнал их до самой Суры, даже освободил нескольких женщин, но среди них не было Гаухар, дочери тамгачи Асылгирея...

Вот что вспомнилось ему на скамейке возле дома его старинного приятеля, русского купца Митряя, и вот о чем он рассказал притихшему углану Хансеяру.

Долго молчал Хансеяр, потом спросил:

— Скажи, Асылгирей, почему ты мне ничего не говорил о судьбе твоей дочери?

— Боялся, углан, боялся. Этот урус — отъявленный негодяй, но он, как ни крути, — мой зять, пусть и поневоле. Он отец моего внука.

— Сколько лет прошло с тех пор?

— Много воды утекло с тех пор, углан, много.

— Значит, твоя дочь давно растит сына, а ты вроде как и не дедушка.

— Растит, углан Хансеяр, растит. Так мне Митряй сказал.

— Значит, мне нужно найти телохранителя князя Святослава, некоего Егорку.

— Так, сын мой, так...

— Пошли!..

— И мусульмане в походы ходили, но они никогда не резали косы женщинам, — говорил Асылгирей, следуя за Хансеяром. — Я рассказал тебе, углан, все, как было, остальное — твоя забота. Только не забудь,

внук хана, о словах Абдуллы эмира. Мы приехали решать другую задачу. Мы — послы. И если мы, будучи послами, прольем кровь в чужой стране, нас не простит не только хан Ильгам, но и весь народ болгарский.

— Ты только покажи мне его, чтобы я запомнил его. Хоть разочек взглянуть бы на этого ублюдка. Не бойся, дядя Асылгирей, я не трону его и пальцем. Пока не трону. Но клятву свою все равно выполню. Мы с ним еще встретимся. А сегодня мне хочется лишь взглянуть на него, понимаешь? У тебя тут, во Владимире, есть свои люди, и у меня тут свои люди есть, Асылгирей ага.

— Показать-то я покажу его тебе. Этого урода мне вовек не забыть.

— Горе, принесенное захватчиками, не забывается, Асылгирей ага. Зло, причиненное нам русскими, аукнется их внукам и правнукам. Возможно, злонамеренность передается из поколения в поколение, как и благочиние.

— Разве Аллах не учил нас вовремя прощать темных и несведущих? Прости ты его. Пусть на него падет проклятие божье. А проклятие божье в тысячу раз сильнее, чем проклятие человека.

— Можно простить невежду и несведущего, но захватчика — никогда. Извини, но их я не прощу. Этого никогда не будет, Асылгирей ага. Не зря говорят, что добро может забыться, но зло — никогда. Твой так называемый зять Святослав взял твою дочь против ее желания. Значит, и на него падет проклятие божье.

— Падет, вестимо, падет. Пойти бы и плюнуть ему в лицо, да негоже это мусульманину.

Наконец дошли до калитки нужного дома. Асылгирей решительно постучался.

— Гей! Кто там? Калитка открыта!

Вошли. На крыльце стоял опешивший Митряй. Опомнившись, он наконец сбежал с крыльца, протягивая Асылгирею обе руки:

— Господи, никак Гирей? Я думал, мерещится мне. А это кто с тобой?

— Внук хана, углан Хансеяр.

— Здравствуй, браток, здравствуй и ты! Проходите, милости просим. Старуха! — крикнул он в глубь избы. — Принимай гостей! Марфа, встречай дорогих кунаков!

На пороге появилась приветливая миловидная круглолицая женщина в платье с широченным подолом, с цветастым платком на голове. Она поклонилась в пояс:

— Проходите, люди добрые! Наталья, доченька, прибери кружева, гости к нам из Булгарии.

Хансеяр увидел в горнице девушку, занятую вышиванием. Пышные русые косы ниспадали на ее полные девичьи груди, на щеках алел румянец, словно она только что вошла в дом с мороза, а глаза были спокойные, тихие и бездонные, как лесное озеро.

Дева в упор посмотрела на пригожего углана Хансеяра, и щеки ее зарделись еще пуще. Станный юноша был в одежде тиуна, видно, княжий человек, а может, и сват. Насчет свата Наталья подумала не просто так, в этот день она действительно ждала сватов.

— Мамадя, мамадя, я пойду, — сказала она и снова вскинула на Хансеяра лучистые свои глаза и даже слегка улыбнулась.

— Не уходи, доченька, — сказал ей Асылгирей. — Мы с твоим отцом старые друзья. Они с матерью у нас были, гостевали, а тебя вот не взяли. А у меня в Булгаре четверо парней, один краше другого.

— Ладно, останься, доченька, — разрешил ей отец.

— Хорошо, тятя, останусь, — согласилась дочь и снова обожгла взглядом Хансеяра.

Хозяин посадил Асылгирея перед собой, Хансеяра — поближе к дочери.

— Говори, Гирей. Что за нужда привела тебя во Владимир? Тамгачи зря сюда не приедет.

Тетя Марфа поставила на стол квас, хлеб с луком.

— Попейте, гости. Ну, говори, Гирей. За каким товаром приехал? Или за оружием?

— Ни то, ни другое, друг Митряй. Приехал я в составе посольства к великому князю Владимирскому. Есть к великому князю дело. И к тебе просьба имеется. Ты знаешь князя Святослава?

— Как же не знать, Гирей? Его все во Владимире знают.

— Ты же сам сказал, что моя дочь находится у него.

— Правильно, у него, и малайка у них растет. Ха! — вдруг хлопнул себя по колену Митряй. — Мы ведь с этим князем вроде как родственники. Правда, не близкие, а дальние, но все равно родственники. Выходит, друг Гирей, мы и с тобой родственники. «Кода» по-тюркски, то бишь сваты. Но, если серьезно, Гирей, не дай бог породниться с этим князем. Злой человек, плохой, мстительный, жестокий. И не проси, Гирей, не пойду я к нему ни с какой просьбой. Ноги не пойдут... Ведь мне...

— Да не нужен он мне, Митряй. А нужен мне его телохранитель Егорка.

— Егорка?! — Митряй даже привстал. — Тебе Егорка нужен? Так ведь как раз он и помогаете руки моей Натальи, холуй беспутный. Да он, Гирей, даже хуже, чем князь. Хуже собаки — не только лает, но и кусает. Не человек, а сущий дьявол...

— Где его можно увидеть?

— Где? А он сегодня ко мне припрется! Я ждал, ждал, а встретил вас. Марфа, Марфенька, ты что гостей одним квасом потчешь? Неси чего полей!

На столе появился кувшин вина, солёности, сладости, вяленое мясо, вареная рыба.

— Кушайте, дорогие гости, угощайтесь. Выпей, Гирей. А то у себя так угощал нас, продыху не давал. Как там уважаемая Бибиджамал, сыновья? Двоих ты женил, знаю, а остальные?

— Бахтияр служит телохранителем у хана, закончил дворцовую военную школу. И младший уже подрастает, на посиделки бегаёт, к девкам.

Митряй навалился грудью на стол и заговорил потише:

— Послушай, друг Гирей, помоги Митряю. Совсем жизни нет от этого Егорки. Прицепился к Наталье, чуть ли не каждый день у нас торчит. Наталья плачет, не люблю, говорит, его. Друг, увези ее отсюда, а? Увези от греха подальше. Когда все уляжется, я сам привезу ее обратно. А? Не то он меня убьёт, или я его зарежу. Айда выпьем, друг, помнишь, как у вас сидели после бани? Марфа до сих пор вспоминает, все говорит: выучи меня, мол, их языку.

Купец Митряй выпил, крикнул, вытер ладонью рот.

— Сильно зелье. Выпей и ты, Гирей.

— Мне нельзя, брат. Да ты поставь кружку, я потом как-нибудь отхлебну.

— Ладно, не пей, спасибо, что приехал. Соскучился я по тебе. Послушай, Гирей, давай отдадим Наталью за твоего Бахтияра, а? Живёт же с вашим ханом наша княгиня Мария, и ничего! Очень даже, я скажу, ничего! А мы чем хуже? Бахтияр мне сразу понравился, и вообще отличные хлопцы у тебя растут. Мне вот бог сыновей не дал. Да я и не жалею, на доченьку не нарадуюсь. Знаешь, когда я от вас приехал, рассказывал Наталье о Бахтияре, ну и заинтересовал ее в конце концов. «Тятя, — говорит, — хотелось бы увидеть этого хлопца».

— Принимать ли твою просьбу серьезно, Митряй? Или ты рассказываешь мне это, чтобы утешить свою душу?

— Клянусь богом, что говорю со всей серьезностью! Увези Наталью. Говорю же, жизни нам не даёт этот стервец Егорка. Послушай, Гирей, а кто это в одежде тиуна? Действительно внук вашего хана?

— Действительно, друг Митряй. Ты, верно, слышал о хане Салиме?

— Отец мой рассказывал. Сильный, могучий хан был. А почему ханский внук в тиунской одежде?

— Чтобы не узнали. В городе на разных людей можно наткнуться, Митряй. Если бы все русские были такие, как ты...

— Это правда, Гирей. А ты ешь, ешь, о еде не забывай. И ханского внука потчевать не забывай. Удивительно. Невероятно! У меня в гостях — внук самого хана Салима! Эх, приехали бы вы ко мне, когда я помоложе был.

— Почему, друг Митряй?

— А я бы Наталью за него выдал. Теперь один Бог знает, кому она достанется. Ведь все мое богатство к дочери перейдет. По-моему, Егорка хочет жениться на Наталье из-за богатого приданого. Он — словно тень князя Святослава. Эх, друг Гирей, непонятные времена наступили: перед холуями приходится спину гнуть, а? А Наталья грозит, если ее за Егорку выдадут, руки на себя наложить. Марфа плачет, говорит, от судьбы не уйдешь. Я смотрю на нее и тоже плачу, сердце на части разрывается. Разве не отец я? Отец! А ничего не могу поделать с этим Егоркой. Слушай, я думаю, тебя ко мне сам Бог послал. Честное слово! Когда я ответил отказом, Егорка тут же пожаловался князю Святославу, а тот и брякни: дескать, выдаст он за тебя Наташку, куда не денется. Дескать, сам буду главным сватом. Ну, Егорка и возрадовался, стервец. Худо, худо мне, друг Гирей. Вы когда уезжаете?

— Или сегодня, или завтра утром. Если действительно хочешь отправить дочку с нами, приводи ее в караван-сарай.

Митряй поднял голову, огляделся, перекрестился и снова наклонился к Асылгирею:

— Ради бога, увези ее отсюда. Сегодня же приведу ее к тебе в караван-сарай, только Марфе моей — ни гу-гу! А с дочкой я сам поговорю.

— Если серьезно надумал ее с нами отправить, учти, что мы можем тронуться и сегодня.

— Гирей, друг мой Гирей, я ее в мальчика переодену, в болгарского мальчика, понимаешь? Никто не узнает ее!

Митряй выпрямился, потер руку об руку, взглянул в сторону дочери и снова поднял кружку.

— Мы пойдем, друг Митряй.

— Марфа, Марфа, гости уходят. Готовь гостинцы.

Асылгирей взглянул на Хансеяра, сидевшего возле девушки. Углан как мог пытался разговаривать с Натальей, хотя собеседница знала всего лишь несколько тюрко-булгарских слов, которые то и дело повторяла с милой улыбкой. Перекинутся молодые несколькими словами и смеются, глядя друг на друга.

Митряй тоже обратил внимание на молодых и некоторое время смотрел на них с восхищением и какой-то затаенной завистью. Дочка показалась ему такой красивой, такой милой, словно вся была соткана из солнечных лучей.

Дядя Митряй покачал головой. Нет, не хотел он отдавать дочь-красавицу замуж за этого уроды Егорку. Не будет ей жизни от такого горе-мужа. Лучше он отправит ее вместе с другом Гиреем в богатый Булгар. А потом видно будет. Митряй все равно раз в полгода ездит с караваном на булгарский Ага-Базар, надо будет, и почаще станет ездить. До Булгара не так уж далеко, а Егорке можно сказать, что Наталья не захотела за него замуж и поэтому утопилась. Можно будет еще проклинать его за причиненное «горе».

Проводив гостей, отец присел возле дочери, по-прежнему занятой рукоделием.

— Доченька, солнышко мое, отложи-ка работу. Послушай меня.

— Слушаю, тятенька.

— Доченька, ты сама знаешь, как надоел нам этот Егорка. Жизни нам не дает. Что делать будем?

— Я за него не выйду, тятя, лучше утоплюсь. Я боюсь его, боюсь!

— Так-так... А мать уговаривает смириться. Говорит, что это судьба. Дескать, стерпится — слюбится.

— Зачем же она сама не вышла замуж за постылого, а тебя выбрала?

— Гм-м... И она поначалу противилась, да потом смирилась. Что ж, доченька... Если ты против, я могу отправить тебя в Булгар вместе с другом Гиреем. Я так решил, доченька. Словом, я решил укрыть тебя. На время, конечно. Скоро и сам соберусь с товарами в Булгар. А ты пока поживешь у дяди Гирея. Жена у него добрая, приветливая, полюбит тебя.

— Тятя!

Синие глаза дочери округлились, и Наталья бросилась на грудь отца. Очень любила она отца и верила ему. Не раз говорил он ей о булгарских базарах, чудо-банных, высоченных мечетях, медресе, доме Маули и о единственной в Булгаре православной церкви и русской слободе. Рассказывал о богатствах этой страны, где кисельные берега и молочные реки. Отец привез ей чудесные булгарские сапоги, в которых Наталья щеголяла по владимирским улицам, и ей хотелось вечно ходить в этих мягких, легких сапожках со скрипом, так они ей нравились.

— Сейчас мы пойдем с тобой к лавочнику, доченька, об остальном там потолкуем. Собирайся.

6

...Вскоре Хансеяр не вытерпел, сбавил шаг, положил руку на плечо Асылгирея и спросил:

— Что случилось, дядя Асылгирей? Ты мчишься как угорелый.

— Так надо, углан, пошли быстрее, а то на нас уже люди смотрят. Не забывай, что ты во Владимире, чужом городе. Ты знаешь, как здешний народ относится к мусульманам.

Действительно, на них стали обращать внимание, иные с подозрением осматривали их одежду, внешность. Молодой в тиунский костюм наряжен, но уж очень не похож на княжеского человека, уж чересчур молодой, на булгарина смахивает. А кто постарше, тот и вовсе вылитый басурманин.

Хансеяр все это заметил, ощутил на себе враждебные взоры и прибавил шагу.

— Что за город? Стоит появиться чужому человеку, собираются возле него, будто им пляшущего медведя показывают!

— Углан, я же говорил тебе, что это по меньшей мере странный народ. Пошли быстрее в караван-сарай.

— О чем вы с Митряем так увлеченно говорили?

— Было дело, углан, было. Этот бедняга хочет отдать мне на содержание свою дочку, с которой ты так мило болтал.

— Тебе?! Зачем?

— Гм-м... Разве ты не знаешь, что у меня есть двое неженатых сыновей? Бахтияр — ханский телохранитель. Вот для него и взял девушку. А что? Красивая, глаз не отвести, а языку научится, не велика беда. Рот ведь у нее не зашит, а умом бог не обидел.

— А что сама девица говорит? Согласна ли она?

— Согласна, согласна она! Отец сегодня же приведет ее к нам в караван-сарай. Однако, углан, пойдем быстрее, не дай бог, эмир Абдулла от князя раньше нас вернется, тут же и заподозрит нас. Тем более что предупреждал, чтобы не шлялись незнамо где.

— Озадачил ты меня, Асылгирей ага. Какими-то загадками говоришь, чего-то недоговариваешь. Я не верю в случайные совпадения. Ты ни с того ни с сего очутился в Ашлах именно в тот день, когда город жгли и грабили. Кроме того, ты как-то уж очень спокойно воспринял весть, что дочь твоя стала женой князя Святослава. И, наконец, ты везешь своему Бахтияру русскую невесту. Уж не нанялся ли ты к князю Юрию в шпионы?

— Я — тамгачи, внук хана, всего лишь государственный таможенник. В Ашлы я привез дочку на каникулы, в гости к тетке. А про набег Святослава мне сообщил все тот же купец Митряй, мой старый друг. От горя я так обезумел, что плохо помню, как добрался до Ашлов. Остальное ты знаешь. Да, я был свидетелем смерти Энжебике. А дочь свою до сих пор боюсь увидеть. Что мне делать, если она взмолится: отвези, мол, отец, меня домой? Так и представляю: кинется мне на шею, обовьет ручками и заплачет. Боюсь, что тогда я за себя ручаться не смогу. Что касается Натальи, Митряй ни за что не хочет отдавать ее за этого кровопийцу Егорку. Он хочет спасти свою дочь, поэтому и попросил меня о помощи.

Внук хана углан Хансеяр молчал. Он не совсем понимал старого таможенника, но для него ясно было одно: увезя волоокую Наталью в Булгар, они тем самым здорово насолят этому негодяю Егорке и хотя бы частично отомстят ему. А уж в следующий раз... И еще понимал Хансеяр, что они здесь сегодня люди польские, государственные, а значит, не пристало им фортеля выкидывать: мечь может подождать. В противном случае им же самым хуже будет. Самое главное — он узнал, кто убил Энжебике. Пусть гора не встретится с горой, но человек с человеком встретится не раз. Да, встретится еще и он с этим Егоркой, и тогда не будет пощады убийце.

Вернувшись в караван-сарай, эмир Абдулла велел своей свите быстро собираться в обратную дорогу. Все решено, великий князь отказал в помощи, более в этом городе им делать нечего.

— На все воля Аллаха, — произнес Абдулла углан, садясь на коня. — Во всяком случае, мы свою миссию выполнили.

Хансеяр углан взялся за стремя его лошади.

— Погоди, углан Абдулла. К нам должен прийти купец Митряй. У него серьезное дело к нам.

— Дорога дальняя, брат Хансеяр, — ответил эмир.

Но тут во двор караван-сарая въехала небольшая бричка о двух лошадях с русским седоком.

— Этот, что ли? — спросил эмир у Хансеяра.

— Этот, он самый, — сказал Хансеяр и крикнул старому тамгачи:

— Дядя Асылгирей! Встречай своего друга!

В это время к Хансеяру подвели коня, но он сначала подошел к дяде Митряю, который о чем-то оживленно говорил с Асылгиреем.

Купец сошел с брички, на его место уселся Асылгирей, рядом с ним молча сидел какой-то совсем юный джигит, почти мальчик.

— Прощай, внук хана, — поклонился Хансеяру купец. — Мы с другом Гиреем организовали все, как надо.

Купец с Хансеяром подошли к бричке, и углан не удержался, лукаво подмигнул Наталье, и оба чуть не прыснули со смеху.

— Не поминай лихом, друг Гирей, — сказал купец. — Береги дите, она у меня единственная.

— Верь мне, Митряй, все будет хорошо. «Не бери того, что есть, не говори того, чего нет» — говорят в народе.

— Прощай, Гирей. За дочку денег не попрошу, но за арбу стоит поторговаться.

Они посмеялись, но Асылгирей все же вынул из кошелька два золотых и протянул их Митряю:

— Держи-ка, я же вижу, что бричку с лошадьми ты купил только для того, чтобы своих не брать.

— Ну-у, Гирей, не надо, какие между нами счеты?

Золото все же перекочевало в его карман.

— Тронулись! — крикнул Абдулла углан.

Купец Митряй ухватился за бричку, словно не желая отпускать дочку, и посмотрел на Наталью глазами, полными слез.

— Душа моя, доченька, не бойся. Гирей — мой человек, я же говорил тебе. Буду и я там скоро. Может, и мать привезу.

— Я буду ждать тебя, тятя, буду ждать.

Дочь протянула отцу руку, Митряй успел еще пожать эту милую ручку, и тут бричка выехала из ворот и набрала ход.

Хансеяр вскочил на коня, подхватил двух лошадей Асылгирея и подъехал к замершему у ворот купцу.

— Дядя Митряй, оставляю тебе двух лошадей тамгачи Асылгирея. Держи! В Булгарии лошадей много, а этих прими как подарок.

— Спасибо, рахмат, внук хана! Счастливого пути тебе. Обрадовал ты меня. Будешь во Владимире, милости просим ко мне.

— Прощай, Митряй ага!

Посольская процессия покинула караван-сарай и растянулась по дороге длинным обозом.

Купец Митряй долго еще смотрел вслед каравану, держа в руках поводья двух лошадей. И только когда посольский обоз свернул за угол и скрылся с глаз, Митряй вздохнул и тихонько побрел домой. В душе его боролись два чувства: радость оттого, что Наталья спасена, и страх, боязнь какой-то опасности. Кроме того, ему еще предстояло тяжелое объяснение с женой, которая пока ничего не знала об отъезде дочери «в басурмане». Все эти чувства давили на плечи старого купца, шаги его замедлились, ему не хотелось идти домой, но и не возвращаться было нельзя, тем более что надо было отдать лошадей конюху.

Прохожие оглядывались на него, знакомые — окликали, здороваясь, но Митряй словно никого не видел и лишь кивал иногда головой. Он знал, что проклятый Егорка наверняка уже торчит в их доме и опорожняет не первый ковш браги. Марфа, конечно, сказала, что они с дочкой пошли к лавочнику.

Митряй возвращался домой один, если не считать двух тюркских коней. Первой на него накинется, конечно, жена. Поднимет шум, заплачет, заголосит по-бабьи, хоть уши затыкай. Но Митряй останется спокойным, ответит Марфе, что Наталья осталась у дядьки Бориса погостить. Марфа, конечно, не поверит, ведь она своими глазами видела и своими ушами слышала, как ее муж с басурманином о чем-то серьезном толковали, значит, Митряй, как пить дать, продал дочку басурманам.

Он передал коней конюху Федору, посмотрел на окно дома. Егорка, вестимо, уже сидел там. Не тянуло Митряя домой, но делать было нечего. На крыльце появилась Марфа, удивленно посмотрела на мужа:

— Митрий, а Митрий, где же наша дочка? Опять тот... Егорка притащился.

— Опять?

Марфа кивнула головой и смахнула с глаз слезы.

— Пришел. Говорит, по дороге с лошади упал.

— Лучше бы он шею себе сломал, нечестивец.

— Не говори так. Как бы не услышал. Осерчает. Помиришь ты с ним, Митряюшка. Он в приданое маленький сундук серебра привез. И расходы на свадьбу, говорит, сам оплачу. Наталья, мол, как сыр в масле кататься будет.

— Наталья его не любит, и ты знаешь это. Грозится руки на себя наложить, если за Егорку выдадим. Не обманывай саму себя, старуха, не осчастливит он нашу дочь. Злой он человек, душегуб, от него за версту кровью пахнет.

— Ты, старый, не пугай меня! И он, поди, такой же человек, не хуже и не лучше многих. Стерпится — слюбится. Птица без крыльев, а мужчина без жены не бывает.

— Смотри что за птица и что за жена, Марфушка. Или вы уже тут без меня договорились? А? Дикий зверь он, не человек...

— Что ты! Я окончательного ответа не дала, но и без надежды его не оставила. Дочка наша выросла, расцвела. А распустившийся цветок надо срывать вовремя.

— Смотри кто сорвет. Ладно, хватит болтать. Пошли в дом.

— погоди, погоди, где Наталья? Егорка хочет у нее согласия испросить.

— Сказал же, дочь не согласна! Хватит об этом!

Но сердце материнское уже почувствовало что-то неладное. Не веря словам мужа, она кинулась к нему, всхлипывая и причитая:

— Скажи, Христа ради, правду скажи! Неужто ты наше чадо отдал этим басурманам? Собственного ребенка, собственными руками?..

— Не говори глупостей. Она у Бориса осталась! Вернется, обожди малость. И, поколебавшись мгновенье, добавил: — Если ночевать у них не останется...

Егорка, не вытерпев, вылез на крыльцо.

— Ну, чего вы там возитесь? Сколько ждать можно?

— Идем, идем, — сухо ответил Митряй и первым зашел в дом. Следом засемила Марфа.

Митряй зашвырнул шапку на печку, скинул верхнюю одежду на скамью, сел за стол, потянулся к кружке.

— Марфа, квас кончился, в горле пересохло, принеси еще жбан.

Егорка сел напротив него, придвинул к себе небольшой, обитый блестящими железными пластинами сундук, придвинул к Митряю полную кружку вина.

— Здесь кое-что покрепче кваса. Хлебни, батя. Пей, пей, утоли жажду. Мне передали, что ты с басурманами провожался. Не понимаю тебя, батя, зачем тебе эти басурмане? Сколько я их гонял, скольких порубил, и баб тоже... И опять резать их буду, поганых, пока ни одного не останется на земле...

— Как ты их ненавидишь! Ведь и они божьи люди, Егорка.

— Нет, батя, они не божьи люди, а басурмане, гололобые, плохой народ. Вот увидишь, мы скоро выгоним их с Волги, а их земли приберем к рукам. Вот увидишь, батя.

— Побойся Бога, Егорка. Сначала к богу обратись, он и без тебя найдет судью праведного и определит каждому народу место на земле.

— Бог разрешит, ведь басурмане — чужой народ, они должны исчезнуть.

— Бог не простит тебе этого, Егорка. Хотя бы вслух не произноси таких богохульных речей, оставь их в голове. Боже охрани... — И Митряй набожно перекрестился.

— Митрополит Кирилл говорит...

— Он такой же пьяница, как и ты! Не понимает, что говорит.

— Он святой отец, купец Митряй. Не говори худо о духовном лице.

— Каким, прости господи, местом он святой, а? Он сам как набитый грехами мешок. Если он тебе милостиво отпускает грехи, значит, уже святой? Не тут-то было! Не знаешь, за что митрополит киевский прогнал его оттуда?.. За то, что женщин пуще бога возлюбил, ни одной юбке проходу не давал!

— Так и ты, батя, им проходу не давал. Аль дочки жалко?

— А стыд где, стыд? Что она, чужая мне? И чужой тебе не отдал бы...

— Стыд, — невозмутимо сказал Егорка, допивая кружку зелья, — вот он где, — вмиг смывает. Святая водица, святая, батя. — И он подвинул ногой к Митряю сундук с серебром. — Вот где лежат и стыд, и честь, и совесть. Видишь, батя?

— Не называй меня батей. Не имеешь права. Можно подумать, ты зять мне.

— Я тебе, купец Митряй, сундук серебра за твою дочь отдаю.

— Купить хочешь? — выпрямился Митряй. — Теперь не то время, чтобы невест покупать, Егорка.

— Я не покупаю, батя, а даю в приданое. Бери, торгуй себе на здоровье.

Митряй нагнулся и взял пригоршню серебра, попробовал на зуб. Почти все монеты были с дыркой и отчего-то пахли женскими волосами.

— Это серебро с хаситэ и отрезанных кос болгарских женщин. Грешное серебро. Его у тебя ни один торговец не возьмет. Нечистое, оскверненное серебро. Честный, уважающий себе купец никогда не опустится до того, чтобы ценить такое серебро в торговлю, особенно на болгарских базарах, разве только если у него две головы и две жизни.

— Я не купец, а воин. Это богатство досталось мне в битвах как военный трофей. Да, военный разбой моя профессия. Бог сам выбрал для меня ремесло.

— Не назвал бы это ремесло делом хорошим. Однажды и на твой народ могут напасть, увести в плен или порубить. И кто-то чужой, такой же, как ты, будет хвастать перед своими девками своим якобы от Бога данным ремеслом. По плохой дорожке ходишь, Егорка. Наталья не одобрит этого.

— Басурмане — наши кровные враги! — стукнул кулаком по столу Егорка, с треском захлопнул крышку разбойного сундука и схватил старого купца за грудки. — Наталья все равно будет моей, слышишь, старый хрыч?!

— За приданое из отрезанных кос? Благодарю покорно, я брезгую такими деньгами, меня воротит от них. Я боюсь гнева божьего. Если хочешь знать, вплетенные в косы монеты и нагрудные хаситэ собираются годами, монета к монете, чтобы приготовить их к будущей свадьбе как приданое. А ты мешками возишь во Владимир отрезанные косы этих несчастных девушек, да еще похваляешься. Тьфу! Не человек ты, а Иуда!

— Мужики, что вы делаете? — замахала на них руками Марфа. — Старый, ты чего взбеленился? Егорка пришел дочь нашу просить, целый сундук серебра принес... Разве ты не купец? Разве не ради этих денег мыкаешься туда-сюда с торговыми караванами?

— Да, мыкаюсь и торгую, Марфуша, иногда день и ночь не сплю, дела делаю. Но никогда не понимал и не пойму таких, как он. С болгарскими тюрками нам не воевать нужно, а торговать, дружить, родниться с ними. Слышишь, Марфа? Да будь у меня еще одна дочь, я ее тоже отдал бы замуж в Булгар.

— Старый, что ты мелешь? Побойся бога!

— Разве бог против этого, Марфа?!

— Да нет, но... Митряюшка... Погоди, погоди, неужели ты... О боже!.. Доченьку? Наше солнышко?.. Правда ли, Митряй?

— Да, правда, отправил. Хоть вешай, хоть режь на кусочки. Отправил, чтобы не отдавать в руки этого чудовища! — Митряй с ненавистью ткнул пальцем в сторону Егорки.

— Продал за пару лошадей?

— За пару лошадей и два золотых, Марфа. Вот эти два золотых бляшища, которые стоят больше, чем все дырявые монеты разбойника Егорки! На, бери, положи куда надо, — Митряй швырнул на стол два золотых.

Свою ошибку он понял, когда Егорка, подняв над головой сундук с серебром, ринулся на старого купца.

Митряй увернулся от летящего сундука, упал на рассыпавшиеся от удара монеты и в следующее мгновение трепыхался в могучих руках озверевшего Егорки.

— Бесстыдник! Негодяй! — еще не совсем понявшая, в чем дело, Марфа кинулась на мужа со скалкой в руках, но Егорка отшвырнул женщину и прорычал:

— Уйди! Я сам отправлю его в преисподнюю!

Он с такой силой ударил в лицо старику, что у того хлынула из носа кровь. И только тогда Марфа опомнилась и повернула свое оружие против обидчика мужа, но Егорка снова отшвырнул ее.

— Убил ведь, убил! — завывала Марфа.

Она снова бросилась на Егорку со скалкой в руке, и снова тот отшвырнул ее в угол. Женщина ударилась спиной о печку и кулем упала на пол.

Егорка вынул кинжал и поднес его к окровавленному лицу купца:

— Говори, ты вправду отдал дочку басурманам?

Митряй замотал головой в знак отрицания, но Егорка уже не сомневался, что Наталья, которой он так упорно домогался, улетела. Он с силой оттолкнул обмякшего купца в сторону печи, где лежала без чувств Марфа, и стремглав выскочил из дома.

Через несколько минут хозяйка пришла в себя, встала, охая подошла к распростертому на полу мужу, положила его окровавленную голову себе на колени.

Митряй открыл глаза и, не глядя на супругу, произнес:

— Не сиди душой, быстро собери деньги и спрячь на чердаке старой бани. Я не могу двигаться, видно, этот черт сломал мне ключицу, чтоб ему пусто было.

Марфа торопливо начала собирать рассыпавшиеся по полу деньги, сложила их в сундук, вопросительно посмотрела на мужа:

— Ну, старый?

— Не сможешь на чердак поднять, тогда хотя бы в погреб опусти. Не стой истуканом. Егорка со своими бандитами вот-вот может вернуться. По пути домой я видел его головорезов в соседнем переулке.

— Они приехали вдесятером. Егорка зашел в дом один, остальных отпустил.

— Ну иди, делай что велено.

Марфа с усилием подняла сундук и пошла к двери.

Митряй скривился от боли, с трудом доковылял до порога и здоровой рукой закрыл за Марфой дверь. Потом налил себе полную кружку вина, выпил не закусывая и лег на лежанку.

Асылгирей спешил, ему не терпелось скорее пересечь пограничную Суру, за которой уже начинаются болгарские заставы, где несут дозор суровые, закаленные в битвах джигиты. Он хорошо знал, кто такой Егорка и на что он способен. Словно читая его мысли, спешил и Абдулла эмир, и углан Хансеяр. Дорога была знакомой, на полпути они дали отдых лошадям, перекусили сами и снова двинулись к родным рубежам. Шли ходко, и по всем расчетам скоро должна была показаться Сура. Наконец достигли прибрежных лугов. И тут сзади раздался приближающийся конский топот. Уже рассвело, над рекой клубился легкий туман. Из посольской группы кто-то ехал впереди, кто-то трусил сзади. В середине ехала бричка в сопровождении углана Абдуллы и углана Хансеяра. Увидев реку, эмир Абдулла взял с собой двух аскеров и поскакал вперед.

Кто-то из скакавших позади всадников пронзительно засвистел, и Хансеяр оглянулся.

Поручив пятерым аскерам охранять бричку, он с остальными пятью джигитами повернул лошадей назад, навстречу погоне, достал лук, положил на тетиву стрелу. Остальные джигиты сделали то же самое.

Запряженная в бричку пара лошадей пустилась вскачь. Асылгирей стоял во весь рост и погонял коней, размахивая концом вожжей. На траву с брюха животных падали крупные хлопья пены.

— Но, милые, но! — кричал Асылгирей. Переправиться бы через реку, где их ждет спасение и защита. Он ни минуты не сомневался, что за ними гонится Егорка со своими головорезами. Попади они им в руки, и Егорка не пощадит никого, даже Наталью.

Угрожающе крича, преследователи нагоняли бричку. Сверкали над головами тяжелые русские мечи, наготове были луки со стрелами.

Булгарские аскеры выпустили град стрел, и двое преследователей кубарем скатились с коней, но остальные, не обращая внимания на стрелы, всюю гнали своих лошадей.

Когда свалился со стрелой в горле третий всадник, группа преследователей разделилась надвое, пытаясь окружить бричку.

— Они хотят взять арбу в кольцо! — крикнул Хансеяр. — Назад, к бою!

Впряженные в бричку лошади устали, но выкладывались из последних сил.

Повозка стремительно приближалась к переправе, ускользя из кольца. Тогда преследователи изменили тактику и бросились прямо к бричке, но их встретили аскеры Хансеяра.

Еще один урус упал с седла. Но скакавшего впереди рыжебородого Егорку, казалось, не брала ни одна стрела. Не достигнув аскеров Хансеяра, один из друзей Егорки резко свернул вправо и устремился к бричке. Каким-то чудом он умудрился проскользнуть сквозь строй булгарских аскеров. Тогда углан Хансеяр бросил бесполезный лук, выхватил саблю и кинулся вслед за рыжебородым, быстро настиг его и закричал:

— Стой! Стой, говорю!

Но всадник и не думал останавливаться, хотя Хансеяр уже вплотную приближался к нему.

Сабля ударила о меч, высекая искры, и тут сказалось преимущество кривого булгарского клинка перед прямым русским мечом. Сабля не отскочила, а как бы соскользнула, задев лицо рыжебородого и заливая кровью его левый глаз. Он взревел от боли и ярости, отшатнулся в сторону.

До переправы оставалось не более ста шагов. Хансеяр кинул взгляд налево, где русские в стычке ранили двух булгар, хотя и сами понесли потери. К бричке неслись во весь опор два русских всадника с обнаженными мечами. Хансеяр кинулся им навстречу, за ним поскакали еще двое аскеров. Он еще не знал, как встретит врагов. Он привстал на стремянах и закричал своим аскерам, чтобы те стреляли из лука. Но лучники то ли растерялись, то ли промахнулись — русские мечи неумолимо приближались к бричке. Хансеяр очутился один перед тремя противниками. Превосходство врага ничуть не смутило его. Он мчался, ловко перекидывая саблю из правой руки в левую, из левой — в правую, так как одинаково хорошо рубил обеими руками. Но один из русских воинов с такой же ловкостью стал перекидывать меч из одной руки в другую.

За несколько шагов до стычки Хансеяр резко повернул коня вправо, одновременно перекинув саблю в левую руку, и рубанул противника по шее. Но остальные два всадника прорвались к бричке. Один из них метнул копьё в грудь булгарского лучника, и тот свалился с коня. Но другой лучник, выкинув лук, выхватил кинжал и метнул его во врага, попав ему точно в горло.

Оставшийся всадник приближался к повозке. Хансеяр бросился за ним, что-то крича и размахивая саблей. Он видел, как Асылгирей погонял лошадей, которые вот-вот должны были достичь переправы, но и преследователь уже почти настиг бричку. Хансеяр привстал на стремянах и метнул во врага кинжал, но промахнулся. Резвый скакун углана летел стрелой, и через какое-то мгновение Хансеяр пулей вылетел из седла, в прыжке сшиб уруса с коня, краем глаза успев заметить округлившиеся от страха глаза Натальи и перекошенное в бессильной ярости лицо Асылгирея.

Противники покатались по траве, вскочили, но их оружие лежало на земле. Тогда они принялись кружить друг возле друга, как два бойцовых петуха. Первым атаковал урус, но углан отбросил его в сторону. Урус вскочил и вновь пошел в атаку. На этот раз Хансеяр попался на подсечке, но уже в падении перевернулся и приземлился на корточки, а потом сам прыгнул и мощно ударил противника обеими ногами в грудь. Урус охнул и упал, попробовал встать, но снова зашатался и опустился на колени. Подоспевшие аскеры подняли с земли поверженного врага.

— Ты Егорка? — спросил его Хансеяр.

Пленный покачал головой в знак отрицания.

— Ты — Егорка, — не поверил ему углан, — и сейчас мы будем убивать тебя.

Пленный посмотрел в сторону леса, где уже не было видно никого, и понурил голову:

— Да не Егорка я.

— Но кто же ты? Ведь это ты хотел жениться на девушке, которую мы увезли?

— Обманул он меня, обманул, сволочь! — воскликнул урус и зло сплюнул на землю. — Десять золотых обещал.

— Мы убьем тебя, — стоял на своем Хансеяр. — За то, что ты убил сестру мою, за то, что резал косы наших девушек, угонял их в рабство. На! — Хансеяр протянул пленнику кинжал, взятый у одного из своих аскеров. — Бери клинок и прими свою смерть достойно. Убивая других, особенно слабых, ты наслаждался их бессилием, тебя тешил вид их крови. Смой грех своей смертью.

Урус взял кинжал, посмотрел на аскеров, направивших на него натянутые стрелы луков, и понял, что спасения нет. Да, он не Егорка, но правда и то, что вместе с Егоркой он насилывал болгарских девушек и резал им тяжелые от монет косы...

— Позволь, менбаши Хансеяр, я сам отрублю ему голову. Этот урус убил двоих лучших моих людей, — попросил один из аскеров.

Вынув саблю, он готов был уже выполнить свою угрозу, но тут пленный урус вонзил в свой живот кинжал по самую рукоятку.

Запыхавшись, прибежал Асылгирей ага, уже успевший переправить Наталью на тот берег и передавший ее в надежные руки.

Взглянув на труп пленного уруса с кинжалом в животе, он сказал:

— Это не Егорка, джигиты. Невинного человека зарезали.

— Какой же он невинный? Двоих наших джигитов убил.

Хансеяр углан ничего не сказал Асылгирею, только приказал аскерам:

— Тела павших джигитов перевезите на ту сторону и похороните в родной земле.

Тронулись в путь дальше, уже по родной земле.

Когда добрались до первого города, уже стемнело. Решили заночевать. Асылгирей отвел девушке отдельную комнату, а сам в горнице подсел за стол к Хансеяру, который цедил из пиалы холодный кумыс.

— Я потерял двух отборных аскеров, Асылгирей ага, — подал голос Хансеяр. — И не просто аскеров, а превосходных пушкарей.

— С их стороны тоже полегло немало. Семеро ратников остались лежать бездыханными. Возмездие совершилось.

— Возмездие... месть... — повторил углан. — До каких пор мы будем мстить друг другу? Да, ты прав, Асылгирей ага, я отомстил, но душа моя все равно неспокойна. Многие из тех, кто сжег Ашлы, увел в полон болгарских девушек, остались в живых.

— Это так, углан. Даст Аллах, мы еще встретим их. У дороги нет шва, у мести — горизонта.

— Эта война никогда не кончится, Асылгирей ага. Кому-то не хватает земли, кому-то — богатства.

— А кому-то — послушников своей веры. Мою дочку... тот нечестивец... О, как мне хочется отомстить ему! Не знаю почему, но душа моя ожесточилась.

— Мечь ведет к мести, но не мстить нельзя. Замкнутый круг какой-то получается. Завтра нам держать ответ перед ханом. Что мы скажем ему? Впрочем, это дело эмира Абдуллы, главы посольства. Наша миссия провалилась. А ты заметил, как умчался вперед эмир Абдулла, оставив нас одних? А с нами такая беда приключилась.

— Вероятно, он спешил, ведь и хан очень торопил его.

— Это верно, что торопил. Хан боится монголов.

— Ему есть чего бояться: половина тюркского мира оказалась под властью монголов. Очередь дошла до нас.

— Ладно, пошли спать, Асылгирей ага. Утро вечера мудренее. Если бы вы знали, как тоскливо у меня на душе!..

— Скучаешь, наверное, по Сэмбель, по сыну. Большой уже небось?

— Растет как на дрожжах.

— Брат Хансеяр, сколько лет уже меня беспокоит один вопрос. Говорили, что Сэмбель побывала в плену у монголов. Это правда? Или слухи?

— Правда, Асылгирей ага. Ее похитили, потом мы ее освободили.

— Гм-м... вот как оно, значит. Хоть верь, хоть не верь, мою Гаухар ведь... тоже похитили. Ты Сэмбель из плена вызволил, а я, даже будучи во Владимире, не смог встретиться с дочкой, вот беда-то. Ну а сын твой каков? К учебе тянется или больше к сабле да луку?

— К оружию более склонен, Асылгирей ага. Как ни посмотришь, в руке камча, а за спиной — лук со стрелами.

— Это хорошо. Значит, батыр растет, будущий защитник родины.

— Однако я сыт по горло его воинственностью. Хоть бы разок книгу в руки взял.

— А ты отдай его на воспитание шейху Кул Гали. Он быстро сделает из мальчика человека, такой уж он человек, шейх Кул Гали, — почти волшебник. Знаешь, а я ведь у купца Салахутдина одну девушку себе на воспитание выпросил... Ну, выкупил, да... Не удивляйся, углан, и не делай круглых глаз. Привозят, привозят к нам в Булгар таких девушек. Оказывается, ее послал к нам купец Биккул ага. Салахутдин-саудагар сначала должен был отвести ее к тебе, а потом... Словом, я взял у него эту девочку. За два золотых бляши. Привел домой, показал своей благоверной, она так обрадовалась, словно родную дочь увидела. Обняла ее и все причитает: мол, Гаухар моя вернулась, Гаухар, солнышко... А сын Бахтияр вернулся домой из очередной поездки и почему-то отвел девушку к шейху Кул Гали. Оказалось, что купец Биккул отправлял девушку в распоряжение шейха Кул Гали.

— И что?

— А то... Отвел девочку и оставил там. Хотел я Бахтияру холку намять за это, а он, паршивец, сунул меня под мышку и с хохотом раза два перевернул меня вверх ногами. Вот озорник! А сам говорит: люблю ее, женюсь, шейх все равно ее мне отдаст.

— Мне никто ничего об этом не говорил.

— Бахтияр сказал, что Биккул через эту девицу отправил письмо для самого шейха Кул Гали. Но девушка оказалась с норовом, письмо Бахтияру не дала и даже не показала, потому что, дескать, поклялась отдать лично в руки почтенного шейха.

— Ты хочешь вернуть девушку в свой дом?

— Аллах упаси! Как можно просить об этом самого шейха, главу всех мусульман страны?! Тем более что ее послал человек хана — Биккул бей. Ты знаешь, должно быть, в свое время Биккул-саудагар едал с одного стола с ханом, можно сказать, его приятелем был. Да почему был? Он и сейчас выполняет поручение хана. Бахтияр говорил мне об этом...

Асылгирей, вероятно, мог бы долго еще чесать языком, но увидев, что Хансеяр углан с подушкой в руках пошел почивать, и сам счел за лучшее отправиться спать. Но сон не шел. В глазах так и стояло налитое кровью лицо «зятка» — князя Святослава с бегающими глазками. Да, никуда не денешься — пусть против воли, но дочь его Гаухар является женой этого князя и растит от него сына. Он примирился бы с этим обстоятельством, если бы дочь вышла за князя по любви, несмотря на разные языки и религии. Такое случается. Даже хан — правитель страны — женился на владимирской княжне. Но бедную Гаухар похитили и заставили выйти замуж за своего же насильника. Вот что не давало покоя Асылгирею. Как же сердцу не разрываться, как душе не болеть за свое чадо, свою кровиночку!

И каково там дочке? Князь — существо грубое, жестокое, своевольное... Асылгирей теперь ломал голову над тем, как сообщить обо всем этом своей благоверной, Бибиджамал. Если скажет, что дочь жива-здоровая, замужем, живет во Владимире, то жена обязательно спросит, почему же он не привез ее в Булгар или хотя бы не навестил ее. Если же пойти на обман и сказать, что не нашел он Гаухар, то как потом жить с этой ложью? Ведь речь идет о единственной дочери. Ну ладно, пора спать, завтра видно будет. Если Бахтияр правду говорит, то вполне возможно, что Асылгирей выдаст за него замуж эту девушку по имени Буляк. Конечно, если они любят друг друга. И Бибиджамал тогда поймет и простит сына, да и мужа своего, ведь они не совершили ничего не угодного Аллаху. Асылгирей узнал, что это за девушка, у кого она находится сейчас. А дальше — как Аллах распорядится. От судьбы не уйдешь.

На седьмой день месяца сафар года обезьяны эмир Абдулла вернулся в Булгар и прямоком направился к своему отцу.

Ильгам хан вышел ему навстречу, усадил за маленький круглый столик, велел слуге подать чаю. За чаем Абдулла углан рассказал о результатах официальных переговоров с великим князем Владимирским Юрием Всеволодовичем. Ильгам хан слушал сына внимательно, не перебивая, тихонько перебирая костяшки четок. Костяшки четок были сделаны из драгоценных камней, в основном из бриллиантов, изумрудов, редких кораллов. Душой хан был далеко, казалось, он не слушал сына. Он заранее знал, что князь Юрий не откликнется на его просьбу, и все же решил испытать его. Теперь оставалось надеяться только на собственные силы. Князь Юрий не был таким волевым и самостоятельным в решениях, как его отец. Был он мягким, слабозвольным, не очень последовательным, внушаемым человеком. И возле себя собрал он людей под стать себе. И только один человек — старший брат князя Святослав — был прямо противоположен Юрию. Святослав был грубым, злым, коварным, мстительным, упрямым и упорным, бессердечным и в то же время мнительным. Этот человек в какой-то мере дополнял своими качествами великого князя

Юрия. И хан Ильгам понял, что и на этот раз князь Юрий в своем решении попал под влияние старшего брата. Иначе быть не могло.

Бояре и придворные князя, митрополит Митрофан, возможно, и приняли бы предложение хана, потому что знали и помнили, как в год барса булгары спасли народ владимирский от голодной смерти. Тогда хлеб сгорел едва взойдя, на землю обрушился голод, люди принялись резать скот, который быстро кончился. Разразился невиданный доселе голод.

Ильгам хан посоветовался с аксакалами и отправил на имя великого князя множество кораблей с зерном, а всем торговцам специальным своим фирманом приказал продавать русским зерно задешево. Таким образом, Ильгам хан спас от голода народ Владимиро-Суздальского княжества. Об этом хорошо знали великий князь и его окружение, но упрямому князю Святославу было все равно. Он по-прежнему жаждал крови булгар.

Что и говорить, большая обида на князя Юрия была у хана Ильгама. Содеянное добро было позабыто. Ведь можно было хотя бы одну дружину в помощь булгарам послать, в конце концов хан оплатил бы эту помощь золотом, слава богу, казна ханская еще не оскудела. Человек может быть мягким, но если он к тому же слабovolен и не блещет умом и благородством, особенно если он глава государства, то грош ему цена. Великий князь еще раскается в своем решении. Но будет уже слишком поздно, и не только для русских.

— Спасибо, сын мой, что откликнулся на мою просьбу и съездил с посольством во Владимир. Иди проведай мать, а то она беспокоится, места себе не находит. Потом вернешься ко мне.

— Хорошо, отец.

— Говорят, что тамгачи Асылгирей нашел во Владимире свою дочь.

— Дочь Асылгирея Гаухар находится у князя Святослава, отец.

— Удивительно! Какие только новости не услышишь, — сказал Ильгам хан и снова направился к трону, очевидно, он ждал визитера.

9

... И тогда Буляк-Лейля поверила в судьбу. Сам Всевышний послал ее к тому человеку, к которому она и стремилась, — к ее мугаллиму, учителю. Ей понравился сопровождавший ее джигит — красивый, стройный, невысокомерный, к тому же молодой, вероятно, чуть старше ее.

Она как сейчас помнит: монголы взяли Хорезм и появились в окрестностях Ургенча. Отец Лейли — багатур Багман — посоветовал мугаллиму Кул Гали покинуть город. Кул Гали согласился. Багман с дочерью вышли его провожать. Багатур Багман обнял и расцеловал Кул Гали и его спутников.

Мать Лейли со слезами на глазах смотрела на отъезжающих, потом сказала купцу Биккулу баю:

— Биккул ага, береги Кул Гали!

Она отвела взгляд в сторону, прикрыла лицо концом платка и как-то съежилась, словно уменьшилась в размерах.

Путники тронулись. Лейля выскользнула из материнских рук, догнала мугаллима и обняла его за ноги.

Кул Гали погладил ее по голове, нагнулся и посмотрел ей в глаза:

— Когда ты вырастешь большой, я позову тебя в Булгар, ладно, Лейля? Так ведь, Биккул бабай, пригласим ее?

— Аминь, дитя мое, да будет так.

Биккул бабай пристроил путников к каравану, идущему в Булгар, а сам вернулся в Ургенч.

Когда он покупал в Ургенче дом, то не знал, кто окажется его соседом. В народе говорят, что надо выбирать такого соседа, который был бы лучше тебя. И Биккул в душе желал этого, и желание его исполнилось. Аллах послал ему в соседи багатура Багмана. Более того, они оказались земляками. Быстро познакомившись и подружившись, стали ходить друг к другу в гости. Потом красавица-жена Багмана родила долгожданную дочь, и отец назвал ее именем Буляк, хотя по совету Биккула муллы во время обряда имянаречения и дал девочке имя Лейля. Родители зачастую называли ее Буляк, а Биккул бабай предпочитал звать девочку Лейлой.

Мать Лейли вобрала в себя лучшие черты тюркских женщин. Рядом с кряжистым, как дуб, Багманом она казалась стройным, тонким кипарисом. Жили они дружно и ладно, в любви и согласии, чему главным образом способствовал золотой характер Зульхиды. Даже мудрый Биккул бабай не находил с чем сравнить веселый и покладистый нрав Зульхиды. Она была очень чуткая и ласковая в отношении к мужу. Не зря арабские халифы говорили, что целомудрие женщины проявляется в ее отношении к мужчине. Багатур

Багман так крепко любил свою ненаглядную Зульхиду, что иногда даже повидавший всякое Биккул завидовал...

Жили они душа в душу, по-соседски, ходили друг к другу в гости, любили подолгу беседовать за пиапой крепкого душистого чая.

Спустя какое-то время в Ургенч из Хорезма переехал Кул Гали и сразу стал своим в обеих семьях.

Когда Лейле исполнилось шесть лет, Кул Гали принялся учить ее читать и писать. Зульхида занималась рукоделием и с довольной улыбкой поглядывала в сторону учителя и ученицы. Вечерами снова все соби- рались вместе. Биккул бабай с Багманом по обыкновению философствовали о мировых проблемах, а Кул Гали с Зульхидой занимались воспитанием и обучением Лейли. Иногда Биккул бабай брал в руки домбру, остальные запевали песню или просили Кул Гали и Лейлю станцевать, смеясь до слез над столь разными танцорами. В центре внимания в такие вечера, несомненно, была Лейля. Так под чутким руководством Кул Гали развивался ум, становился характер Лейли. Девочка души не чаяла в учителе, любила, как своего ан- гела. Шел ей в то время восьмой год. А потом... Потом нагрянули монголы и убили отца.

Когда уводили мать, перед монгольским нойоном вдруг появился Биккул бабай, рядом с которым был опрятно одетый человек средних лет с пайцзой в руках. В то время Лейля еще не знала, что эта монголь- ская пайцза была своего рода охранной грамотой для привилегированных купцов. Биккул бабай хотел выку- пить Зульхиду, но нойон категорически отказал, несмотря на внушительный мешочек золота, предложен- ный ему. Оказалось, что Зульхиду должны были проводить в стан самого хана Джучи. Зато Лейлю нойон продал охотно.

— Девочку могу отдать, — сказал он, — но не женщину. Она предназначена Джучи хану.

Нойон был плосколицым, узколобым, с клиновидным носом, разговаривал с Биккул бабам свысока, над- менно. Лейля не знала, каким образом удалось Биккулу бабаю вызволить ее из лап монгола. Салахутдин- саудагар отдал ее на воспитание Джамалбике из Ургенчского медресе. Они с купцом о чем-то поговорили, и Лейля осталась у наставницы.

С тех пор прошло много лет. Лейле исполнилось шестнадцать, пошел семнадцатый год. Тогда и объя- вился вновь саудагар Салахутдин. Он о чем-то снова поговорил с Джамалбике и через два дня увез девуш- ку в Булгар.

* * *

Саудагар Салахутдин всегда и все делал так, как советовал ему Биккул ага, и не раскаивался в этом. Торговля его процветала. Что касается Биккул бея, то он с первых же дней нашел общий язык с монгола- ми. Салахутдин не знал, как ухитрился Биккул бей проникнуть в юрту самого Джучи хана и получить из его рук охранную монгольскую пайцзу — мечту всякого купца. Биккул бей посоветовал ему также оста- вить Лейлю на воспитание Джамалбике абыстай. И только потом узнал Салахутдин, что монгольские но- йоны отдавали в это медресе на воспитание понравившихся им девочек, за плату, разумеется, а по дости- жении девочками совершеннолетия забирали их к себе и, если хотели, женились или выгодно продавали их. Естественно, настоятельнице медресе тоже перепала немалая сумма. Но не все нойоны возвращались за своими девочками, некоторые из них погибали на поле брани, и их девочки оставались как бы сиротами. Настоятельница оказывалась полновластной хозяйкой таких девочек и могла сама продавать их. Однако Лейлю она не продавала и даже не показывала никому, потому что получила за нее от Салахутдина очень большие деньги и знала, что у этой девочки имеется настоящий хозяин.

Наконец по приказу Биккула ага Салахутдин бай снова пришел к настоятельнице медресе. Обыкновен- но требования монголов были весьма своеобразными, и настоятельница старалась воспитывать девочек со- образно монгольским понятиям о семье. Так, у монголов женщина никогда не должна перечить мужу, во всем с ним соглашаться, поддакивать ему, безропотно выполнять все его приказы. Она должна снимать с вернувшегося из похода мужа сапоги, менять ему одежду, укладывать на стиранную в щелоке простыню.

Словом, абыстай обо всем подробно рассказала купцу Салахутдину, показывая одну за другой своих воспитанниц, каждая из которых жила в отдельной комнате, видимо, во избежание контактов девиц между собой. Но Джамалбике вовсе не препятствовала девичьей дружбе. Она прекрасно понимала, что ее девоч- кам иногда требовалось излить кому-то свою душу, в противном случае они замыкались, становились уг- рюмыми, что портило их красоту и веселый нрав. Девочек в этом медресе учили не только наукам, но и ве- дению хозяйства: кулинарии, кройке и шитью, вязанию, прядению, вышиванию.

— Кто дает им уроки? — поинтересовался Салахутдин-саудагар.

— У нас есть для этого знатные мугаллимы, — высокомерно ответила настоятельница.

— Вот что, Джамал туташ, — сказал ей Салахутдин. — Мне хочется скорее увидеть оставленную для меня девочку.

— Я не туташ, купец, а ханум. Муж мой погиб на войне.

— Простите, — ответил Салахутдин, которому все больше нравилась эта женщина.

— Лейля — очень способная девушка, стремится к знаниям, много читает, даже иногда вступает в спор с мугаллимами, — говорила Джамалбике. — Если бы вы не приехали ее забирать, на будущий год я сделала бы из нее мугаллиму, учительницу.

— Но я заберу ее, Джамалбике ханум, потому что так пожелал ее дедушка.

— Если хотите ее увезти, прежде всего нужно получить благословение тархана города. А за благословение он потребует много денег.

— У меня есть пайцца, ханум. Если можно, я забрал бы не только свою девушку, но еще семь-восемь ее подруг.

Джамалбике ханум остановилась, вздернула брови и вопросительно посмотрела на купца:

— Зачем вам еще семь девушек?

— Я ведь купец, Джамалбике ханум. Кроме того, я холостяк, то есть вдовый мужчина, бобыль. Хожу, понимаешь, как гусак-одиночка...

— Семь — число священное.

— Мне нужны девушки, родившиеся в годы мыши, коровы, барса, зайца, дракона, змеи, лошади. Для чего — это уж мое дело. Если отдадите мне девушек, Джамалбике ханум, я денег не пожалую.

— Говорите вы красиво. Впрочем, мужчины народ непонятный — то лицом к тебе повернутся, то спиной.

— Джамалбике ханум, я ведь... я в тебя с того самого раза влюблен, честное слово, билляхи, клянусь Аллахом.

Салахутдин сказал это искренне, но все равно испытывал некоторую боязнь, думая, что наговорил лишнее. Если найти с этой женщиной общий язык, можно обеспечить бесперебойную доставку в Булгар красивых девушек. Каждая из девушек стоит одной подводой добра.

— Согласится ли тархан? Кроме того, есть еще и я...

— Тархан уже знает об этом, Джамалбике ханум.

— Хорошо, — ответила женщина, и тут Салахутдин увидел, что глаза ее зеленого цвета, словно лесная лужайка, а щеки и нос покрыты мелкими симпатичными веснушками. На ушах висели подковообразные золотые серьги с изумрудами, поблескивавшими от каждого движения ее головы.

— По вашей осанке видно, ханум, что вы из ханского рода.

— Поверил бы, если бы я сказала, что была седьмой, невенчанной женой Джучи хана? А мать моя была третьей дочерью хорезмского тархана.

— Я счастлив, что смею лицезреть такую благородную особу и столь прекрасную женщину. Если бы вчера, допустим, ко мне пришла смерть, то, страшно подумать, я так и не смог бы увидеть вас и умер бы во второй раз от тоски по вас!

Салахутдин не поверил своим глазам, увидев, как вдруг покраснела до кончиков ушей благородная Джамалбике ханум.

— Салахутдин-саудагар, мой муж погиб на поле битвы. Он был сотником у Субедей багатура. Я не советовала бы смеяться над такими женщинами, как я.

— Простите меня великодушно, простите дуралея-холостяка, Джамалбике ханум. Но я от всей души полюбил вас, верьте мне. — Салахутдин быстро огляделся и, увидев, что они одни, встал перед женщиной на колени.

— Встань, Салахутдин, встань. Говори, глядя мне в глаза. Я не люблю обмана. Искренни ли твои слова для моей истосковавшейся души? От сердца ли они идут? Я — вдова, ранимая женщина, меня легко обидеть.

— Прими меня, Джамалбике, не оставляй меня. Я хочу жениться на тебе, прочитать никах, сыграть свадьбу. Моя Гульзифа уже два года как умерла, а я все один и один... Могу поклясться на Коране в моем искреннем чувстве к тебе.

Джамалбике дотронулась до его лица, легонько потянула за бороду и сказала:

— Когда выберешь девушек, позовем муллу читать никах.

«Аллах помог, и только Аллах!» — подумал Салахутдин и застыл в изумлении. Он не думал, что все свершится так быстро, ведь надо было хотя бы с Биккулом ага посоветоваться. Но отступать уже было поздно.

— Любовь — от Аллаха, одиночество — от самого человека, счастье — от шайтана. Так, кажется, говорят в народе. Зови муллу, Джамалбике, соединим свои души перед Аллахом.

— Сначала выбери девушек. Пошли. Но с одним условием: вместе с Лейлей девушек должно быть семь. Скажи, Салахутдин, Лейля — это твоя девушка?

— Нет, не моя, Джамалбике. Мать ее взял к себе Кунбай бек, а отца зарубили на ее глазах монголы.

— Сабля жертву не выбирает. Пусть душа его пребывает в раю.

Они повернули направо и зашли в большой зал, где сидели за рукоделием девушки. Как только Салахутдин зашел, все девушки, как одна, подняли на него глаза. В их глазах читался один вопрос: «За кем пришел этот эфенди?» По виду зашедший мужчина не был похож на монгольского нойона, значит, он принадлежал к сословию купцов. Пришел купить девушек. Знали девицы, что воспитательница иной раз продавала кого-нибудь из них, особенно тех, кто засиделся у Джамалбике.

— Девочки, соловушки мои, — заворковала Джамалбике и хлопнула в ладоши. — Оторвитесь-ка от работы. Встаньте и разделитесь по годам рождения. Да-да, по группам. Лейля, и тебя это касается. Быстрее, живее!

Салахутдин повидал на своем веку немало властных женщин, но такую, как Джамалбике, встретил впервые. В девичьей комнате наставница открылась перед ним с новой стороны — как решительная, волевая, властная, не терпящая возражений женщина. Салахутдин обратил внимание на ее одежду и обувь — ведь он как-никак был купец и должен был как следует осмотреть товар.

На Джамалбике были красные болгарские сапожки. «Наверное, из моего привоза», — подумал он и ухмыльнулся: Джамалбике все больше и больше нравилась ему. Правда, она была несколько полноватой, ходила вперевалку, словно утка, но плечи ее были округлые и привлекательные, и даже властное выражение ее лица и голос очень нравились Салахутдину.

Девушки разделились по годам своего рождения: барса, зайца, дракона, змеи...

— Прекрасная Лейля тоже родилась в год барса, — сказала купцу Джамалбике. — Возьмешь еще двух девушек этого года. Как подарок от меня.

Подведя к Лейле третью девушку из года барса, Салахутдин поразился тому, как горяча была ее рука. Его словно раскаленным углем обожгло.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Хаерниса, — дрожащим, словно струна домбры, голосом ответила девушка.

— Остальные продолжайте работу, а вы, которых выбрал Салахутдин бей, идите в свои комнаты и собирайте вещи, готовьтесь к отъезду. Завтра отправитесь — так сказала настоятельница и, не оборачиваясь, вышла из девичьей. Салахутдин последовал за ней.

— Сейчас я пошлю слугу за муллой, а также позову в свидетели мугаллимов, — сказала по пути Джамалбике.

— А я в это время схожу к тархану и заплачу ему деньги, — предложил Салахутдин.

— К нему можешь не ходить. Я все улажу сама.

Салахутдин взял женщину за локоть, посмотрел в глаза и поцеловал в щечку.

— Ты стала для меня настоящим божьим даром, Джамалбике.

— Свадьбу играть необязательно. Без свадьбы обойдемся, а вот без никаха нет.

— Свадьбу сыграем только когда, даст Аллах, вернусь из Булгар, — сказал Салахутдин. Он был слегка взволнован. Человек бывалый и тертый, он, тем не менее, находился во власти какого-то волшебного, неожиданного случая, ему даже казалось, что не он разговаривает с Джамалбике, а кто-то другой, похожий на него. На отобранных девушек он то смотрел, то нет, ясно понимая, что девичья молодость сама по себе является первозданной красотой.

Они вышли из здания медресе.

Увидев какого-то мужчину, Джамалбике позвала его:

— Мирхайдар ага, позови-ка мне слободского муллу Хаджихамета, пусть не откладывая явится ко мне.

— Хорошо, абыстай, сейчас позову, — ответил мужчина и ушел.

«Волшебный случай» на глазах превращался в реальность, но Салахутдин уже понемножку успокаивался. Что делать, такова, видно, судьба? Лишь бы добром все кончилось. Только не слишком ли внезапно обрушилось на него счастье? Он нашел Лейлю, хвала Аллаху, она превратилась в настоящую красавицу, райскую гурию. Самым неожиданным и чудесным подарком судьбы явилась для него Джамалбике ханум. Вот чего никак не ожидал Салахутдин. Не ожидал, но посчитал это хорошим предзнаменованием. Уже третий год влачил он жизнь бобыля, устал от одиночества, неустроенной жизни и вот наконец нашел свою вторую половину. Будет кому заботиться о нем, Салахутдине, да и в торговле помогать будет. Не завтра, так дня через два-три он отправится с караваном в Булгар.

— Мне, наверное, нужно пойти к себе переодеться, Джамалбике?

— Долго не ходи, — она испытующе посмотрела ему в глаза.

Салахутдин знал, что он нравится женщинам. Многие заглядывались на него, особенно в Булгаре, а здесь, в Ургенче, женщины обычно носят паранджу. Салахутдин был завидным женихом: среднего роста крепко сложенный мужчина сорока с лишним лет, уверенный в себе, процветающий купец с именем и даже всемогущей монгольской пайцзой — надежным оберегом купцов. Салахутдин умел разговаривать с женщинами, был бойким на язык, знал, что женщины любят ушами. Он умел своими сладкими речами превращать дурнушек в красавиц, а перед красавицами метал бисер и мог пылко стать на колени. И вот судьба связала его с этой удивительной женщиной — Джамалбике. Но Салахутдин еще не знал, даст ли согласие на этот брак его старший друг — Биккул мугаллим. Но он верил, надеялся, что мудрый Биккул ага не будет против его брака.

* * *

Мулла и пришедшие в качестве свидетелей мугаллимы быстро провели обряд мусульманского бракосочетания — никах. Накрыли обильный дастархан, отметили торжество.

Во время никаха и после него Салахутдин не выпускал из своей руки руку Джамалбике. Он чувствовал, что вконец влюбился в эту удивительную женщину. Как и предполагалось, мугаллим Биккул ага дал разрешение и благословение на брак, хотя сам на бракосочетание не смог прийти из-за болезни.

Салахутдин смотрел то на муллу, то на руки мугаллимов, принимавших обрядовые монеты — садака, и лишь ухмылялся в усы. Если бы он вдруг сейчас умер и воскрес заново, то все равно женился бы на Джамалбике. Ему нужна была именно такая женщина. К такому окончательному выводу он пришел наутро после никаха, застолья и первой брачной ночи. Проснувшись, он увидел, что его благоверная уже приготовила завтрак, а сама пришла к его ложу с медным тазом и кумганом для омовения, с полотенцем на плече.

— Салахутдин, — улыбнулась она, — вставай, пора.

Ее белое упругое тело маняще светилось сквозь ночное полупрозрачное кружевное платье.

Сладкое тело и горячее дыхание жены снова возбудили Салахутдина, и он вновь почувствовал себя двадцатилетним юношей, правда, чувства его, облагороженные сорокалетним разумом, были на порядок выше.

Нужно было встать, умыться, позавтракать и поспешить к Биккулу ага. Но до того как навестить наставника, надо было попросить разрешение на каждую выбранную им девушку из медресе Джамалбике и выкупить ее. Хотя Джамалбике пообещала сама уладить дела с тарханом, но Салахутдин, как опытный купец, предпочитал вести свои финансы сам. Его товар непростой. Впрочем, даже обычный товар теряет ценность и привлекательность, пройдя через многие руки.

Салахутдин снова и снова смотрел на Джамалбике, и ему не хотелось уходить от этой женщины. Жилая комната абыстай была уютной, хорошо и со вкусом обставленной. Пуховая перина, теплые и мягкие одеяла, полупрозрачный полог ложа, а за пологом с кумганом в руке и белоснежным полотенцем на плече стоит его богиня. Чуткие ноздри Салахутдина уловили запахи вкусного завтрака. Впрочем, ему хотелось не столько есть, сколько попить какой-нибудь наливки. Странно, но в этом доме Салахутдину хотелось видеть и Биккула, и Маули Хаджи. Но это уже к осени, даст Аллах, по возвращении из Булгара.

Салахутдин встал, умылся, вытерся полотенцем, глядя в глаза Джамалбике.

— В передней стоит большой таз, помойся, соверши омовение, — сказала Джамалбике. — Там налита три ведра воды, можешь трижды вымыть тело. Бисмилляхи-рахмани рахим...

— Я всегда готов угождать тебе, Джамалбике. Ты меня просто очаровала, заколдовала.

— Ты сам меня заколдовал. За мной кто только ни увивался, никого я и близко к себе не подпускала, а тебя увидела и словно растаяла. Ну ладно, иди мойся. Ты с постели, а после постели нужно мыться основательно, одним полосканием рта не обойтись.

— Я с супружеской постели, — со значением поправил ее Салахутдин. Почему-то ему хотелось подразнить Джамалбике.

— Помойся, позавтракай и начинай готовить свой караван.

— Мне еще к тархану надо сходить.

— Не ходи, сказала же, сама все улажу.

— Не забудь о Лейле. Без нее Биккул-мугаллим меня и на порог не пустит.

— Девушки твои готовятся, не волнуйся, Салахутдин. Ты веришь мне, нет?

— Все, все, — замахал он руками и пошел мыться.

Лейля сначала не узнала его. В пору ее детства у Салахутдина еще не было ни усов, ни бороды. Но глаза оставались теми же, она узнала его по взгляду, но несколько удивилась его поведению, вернее, слишком теплому обращению с настоятельницей медресе Джамалбике ханум. Они понимали друг друга, кажется, с полуслова. А Лейля видела в стенах этого медресе многих мужчин, и со всеми из них Джамалбике была строга, сдержанна, по-деловому немногословна, даже чуть-чуть высокомерна.

Он подошел к Лейле, взял ее за руку и тихо сказал:

— Я приехал за тобой, ничего не бойся. Увезу тебя в Булгар, к шейху Кул Гали. Он ждет тебя. Дедушка Биккул тоже жив-здоров, шлет тебе привет. Не удивляйся, что он не навещал тебя, монголы держат его под наблюдением, хотя он и на свободе.

— Салахутдин ага, Салахутдин ага...

— Ну-ну, ради Аллаха, не плачь только, успокойся. Джамалбике ханум отправляет вместе с тобой еще шесть девушек.

Он оставил ее с подружками и ушел из медресе вместе с абыстай. Радости Лейли не было границ. В Булгар, в Булгар, в Булгар! К любимому мугаллиму Кул Гали! На какое-то мгновение она вновь почувствовала себя заплаканной восьмилетней девочкой, обнимавшей ноги уезжавшего из обреченного Ургенча Кул Гали. Теперь она уже взрослая девушка, возможно, Кул Гали не узнает ее... И вообще, не сон ли это? Правда ли? Но Лейля явственно слышала приказ абыстай готовиться к дороге. Сомнений не оставалось. В Булгар! На крыльях к свободе!

В свою очередь радовался и Салахутдин, словно человек, выпустивший из рук синицу, зато поймавший в небе журавля. Потихоньку он подбирался к своей цели. Женившись на Джамалбике, он прежде всего сумеет приблизиться к Субедей багатуру. Именно это и поручал ему хан Ильгам. Кроме того, теперь Салахутдин мог чаще и запросто заходить к Биккулу-мугаллиму и Маули Худже, уже укрепившимся в ставке Субедей багатура. А Джамалбике поможет ему открыть прямой доступ к этому великому монгольскому полководцу. Значит, сам Всевышний послал ему Джамалбике. «О Аллах, не оставь меня без своей помощи! — взмолился Салахутдин. — Помоги мне увидеть и мугаллима Биккула, и хазрета Маули Худжи!»

После трапезы они вышли во двор. Джамалбике велела конюху привести коня Салахутдину, а также приготовить и для нее гнедую кобылицу. Потом повернулась к мужу:

— Салахутдин, дай мне пайцзу, я иду к тархану.

Салахутдин бережно вынул из внутреннего кармана заветную табличку-пайцзу и спросил:

— А цена? Какова цена?

— За каждую девушку тархану придется отдать по золотому.

— По золотому бялишу?

— Да, по бялишу.

— Сейчас приготовлю.

Салахутдин вынул кошель, раскрыл его.

Джамалбике с улыбкой посмотрела на него:

— Не утруждай себя, я все улажу сама. А эти золотые нам самим еще пригодятся. Слышишь, Салахутдин?

— Ладно, ладно, душечка. Конечно, золото нам самим пригодится, можно рассчитаться твоим серебром. Ведь отныне наши деньги — общие, семейные.

Аллаху было угодно, чтобы Лейля вновь встретилась с мугаллимом Кул Гали. Сначала он был ее учителем. Любимым, обожаемым наставником. Потом судьба разлучила их. Теперь Лейля, уже взрослая девушка, снова едет на встречу с мугаллимом Кул Гали. Вернее, даже не едет, а возвращается к Кул Гали, возвращается в Булгар, потому что именно в этом чудесном городе родились и выросли ее родители. Человека извечно притягивает родная земля. Вот и Лейлю с невероятной силой манит сказочный Булгар, хотя она и родилась в другом городе.

Лейля представила, как Кул Гали сидит на полу на кожаной подушке, за маленьким, высотой всего с локоть, столиком и что-то пишет. На столе аккуратно разложены чернильница, отточенные перья, бумага.

Почти все стены заняты полками с книгами. С двух сторон стоят свечи в тяжелых бронзовых подсвечниках. Но свечи не горят, потому что уже день.

Вот Кул Гали перестал писать и задумался. Вот он посмотрел в сторону двери, будто чувствуя приближение к нему Лейли, потом посмотрел еще раз, встал, прошелся до двери и обратно. Он уже слышит, как кто-то взошел на крыльцо и стучит в дверь.

На крыльце Лейли не было, а стоял привратник Хайрулла и нерешительно прочищал горло, как-то неопределенно хмыкая.

— Что тебе, Хайрулла ага?

— Кхм-м... Господин шейх, к вам пришли ханский телохранитель с какой-то девицей.

Кул Гали положил руки на стол и посмотрел на слугу.

— Ханский телохранитель?

— Так точно, господин шейх. Говорят, что у них дело к вам, какое-то письмо хотят передать.

— Пусть зайдут.

Кул Гали встал, вопрошающим взглядом посмотрел вслед Хайрулле. Он знал ханского телохранителя Бахтияра, сына тамгачи Асылгирея. Бахтияр из ханского двора, учился и у Кул Гали, подавал большие надежды, был весьма смышленным юношей. Но что за девушку он привел с собой? Наверное, жениться хочет, за благословением пришел. Скоро будет смеркаться, пора зажигать свечи. А может, хан послал за ним? Но почему к концу дня?

— Хайрулла ага, зажги светильник.

На пороге появились Бахтияр углан и Лейля. Поначалу он не узнал ее.

Говорят, что девушка с детства попевает раз пять. Лейле уже шел семнадцатый год, немудрено было не узнать ее.

— Милая барышня, и вы присаживайтесь, не стесняйтесь, — сказал Кул Гали и внимательно поглядел на Лейлю.

— О мой учитель! Мой мугаллим!

И тут он узнал ее, видимо, по голосу, и еще по глазам. Лейля, это была Лейля, дочь Зульхиды!

— Субханалла! О Аллах! Неужели Лейля?

Он обнял ее, прижал к груди, глаза его повлажнели от слез.

— О господи! Дитя мое, дождался все-таки я встречи с тобой! — Он внимательно посмотрел ей в глаза.

— Мой мугаллим, я приехала к тебе. Меня направил Биккул бабай, а привез Салахутдин-саудагар.

— Хвала Аллаху, дитя мое, хвала Аллаху! Значит, они живы? А я беспокоился, что от них никаких вестей нет.

Лейля опустила глаза и промолчала.

Он приказал привратнику:

— Хайрулла ага, скажи Мафтухе апа, чтобы накрыла для гостей стол, из Ургенча гости приехали, из самого Ургенча...

— Мой мугаллим, — сказала Лейля и почему-то опустила глаза. — Меня Бахтияр привез к вам, ханский телохранитель. Сама бы вас не нашла...

— Спасибо ему. А ты, Бахтияр, не стой у порога, проходи, садись, не стесняйся. Когда мы в Ургенче жили, я Лейле давал уроки. Прилежно училась, так старалась, что сама стала учить сверстников читать и писать. — Он вопросительно посмотрел на Лейлю и замолчал, испытывая какую-то неловкость: — Мать, отец?..

— Отца зарубили монголы.

Он так разволновался, ожидая ответа о матери, даже чуть вскрикнул:

— О Аллах... А мать, Лейля, как твоя мать, дитя мое?..

По голосу Лейля поняла, что Кул Гали больше всего хотел знать о ее матери, о Зульхиде ханум. Кажется, даже сердце его забилось сильнее, во всяком случае, Лейля почувствовала его волнение и, отпустив глаза, тихо добавила:

— Маму увезли в стан Джучи хана, но он уже к тому времени скончался, потом ее взял к себе туменбаши Субедей багатура — Кунбай бек. Так мне сообщили, мугаллим.

Кул Гали недоверчиво улыбнулся, он не мог представить Зульхиду чьей-то женщиной, ведь для него она была святой, и всякий человек, посягнувший на нее, в его глазах уже не мог считаться человеком, не мог рассчитывать на милость Аллаха.

Улыбка Кул Гали вышла странной. Пленение Зульхиды его безмерно огорчило и расстроило. И одновременно в душе родилась надежда. Кул Гали чувствовал себя, как после доброй порции вина. Он был безмерно рад, что Зульхида жива. Жива! «Она жива!» — пела в его сердце радостная мысль. Жива. А это зна-

чит, что им суждено встретиться вновь, и Кул Гали свято верил в это. Подтверждением этой незыблемой веры служила Лейля — плоть от плоти, кровь от крови Зульхиды.

— Присаживайтесь к столу, прошу вас, Лейля, не стесняйся, ты у себя дома, в Булгаре.

— Прежде всего примите это письмо, мугаллим, не то оно начало уже жечь мою грудь. Биккул бабай строго-настрого велел никому не показывать это письмо, а вручить лично вам в руки.

— Да вы присаживайтесь, устраивайтесь. Лейля, будь хозяйкой, разливай чай, угощай Бахтияра, чувствуйте себя как дома. А я, вы уж простите, прочитаю письмо.

— Мама меня на порог не пустит, Лейля, без тебя, — шепнул ей Бахтияр. — Выгонит из дома и пошлет разыскивать тебя.

— Если мугаллим меня отпустит, то я вернусь к вам, Бахтияр, встану на колени и попрошу прощения. Я полюбила твою мать, Бахтияр, она такая добрая, открытая.

— Тебя же мой отец привел, так?

— Чтобы я была твоей матери вместо дочери, так, Бахтияр?

— Не рассердишься, если скажу, что тебя мне сам Аллах послал? Если рассердишься, то я сейчас же встану и уйду, потому что...

— Да, Лейля, ты привезла очень важное, очень серьезное письмо, — сказал Кул Гали, присаживаясь к столу. — Спасибо тебе за доставку этого сообщения. Вы угощайтесь, угощайтесь чем бог послал. Вот фрукты, сладости... Мафтуха апа вчера на Ага-Базаре купила вкусную халву. Сегодня в моем доме — дорогие гости: мой шакирд, а другая... Лейля, расскажи, как удалось Биккулу ага спасти тебя из рук нойона? Какими путями Аллах послал тебя ко мне?..

— Не знаю. Кажется, он заплатил ему. Он и маму хотел вызволить, но нойон отказал, не отдал маму.

— Да, не отдал, потому что она была отправлена Джучи хану. У нойона тоже не две головы, понимал, чем может обернуться для него самовольная продажа твоей матери. Но меня удивило другое: оказывается, монголы открыли в Ургенче медресе для воспитания девочек. Кто надоумил на это Субедей багатура?

— Им девичье медресе нужно для воспитания будущих жен и наложниц. Когда девочки подрастают, их забирают себе монгольские нойоны.

— И о тебе спрашивали?

— Меня абыстай Джамалбике никому не отдавала, хотя за меня предлагали очень большие деньги. А зачастую она меня просто прятала от приезжих нойонов. Запирала в своей комнате и выпускала только тогда, когда нойоны уезжали.

— В Хорезме сидит монгольский тархан?

— Монгольский тархан не собирает ясак с народа, за него это делают баскаки. Весь ясак потом отправляется в Каракорум. Кроме того, в войско Субедей багатура забирают одного юношу из десяти. Сам Субедей багатур не часто бывает в Ургенче, один раз в два-три месяца, но во время каждого приезда обязательно навещает медресе, осматривает воспитанниц. Подружки еще шутили, что он выбирает невест для своих сыновей.

— Каков он из себя? Говорят, что суровый воин, великий полководец.

— Один глаз его перевязан, щеки впалые, сухощавый, но крепкого телосложения, высокого роста. Ни усов, ни бороды, может, бреется, может, от рождения такой. На вид очень суровый, немногословный, требовательный. Так его нам обрисовала Джамалбике абыстай. Ему подчиняются все, даже ханы с ним считаются, не говоря уже о нойонах.

— Значит, твоего отца Багмана багатура в плен взял Субедей?

— Не знаю, мугаллим. Когда нас привели, отец уже был там, среди пленных.

— Бахтияр, говорят, ты собираешься ехать в Саксин?

— Да, шейх, завтра отправляюсь.

— Саксин в осаде, — сказала Лейля. — Мы с Салахутдином ага объехали этот город.

— Я везу в Саксин фирман хана, святой шейх, — сказал Бахтияр и взглянул почему-то на Лейлю.

— Значит, монголы намереваются захватить Саксин, собрать свои силы в кулак, а потом двинуться на Булгар, — заметил Кул Гали. — Лейля, Биккул ага направил тебя ко мне, будешь у меня секретарем. Если, конечно, ты согласна.

— Мугаллим, я ждала этого дня семь лет. Но сегодня, с вашего разрешения, я вернусь в дом Бахтияра. Его отец Асылпирей ага хотел взять меня на воспитание, я не знала поначалу об этом. Его супруга, благочестивая Бибиджамал ханум, очень обрадовалась мне, приняла меня как родную дочь. Я хочу ее успокоить, утешить, приласкать. Я буду называть ее мамой.

— Хорошо, пусть будет по-твоему. Но не забывай и меня. Многие мои рукописи надо привести в порядок, переписать.

— Я понимаю вас, шейх, но войдите и в наше положение, — сказал Бахтияр. — Мама потеряла единственную дочь, которую русский князь похитил во время разгрома Ашлов. С тех пор она не перестает плакать по ней. А Лейлю она приняла как родную дочь, полюбила ее. Если я не приведу сегодня Лейлю домой, боюсь, сердце матери не выдержит.

— Мугаллим, я завтра же приду к вам, а сегодня договорюсь обо всем с Бибиджамал апа. Верю, что она поймет меня. Я не брошу ее, буду часто навещать.

— Хорошо, хорошо, не надо меня уговаривать. Я уже давно согласился. Бахтияр, к тебе у меня есть одна просьба. После возвращения из Саксина зайдешь ко мне, ладно?

— Зайду, святой шейх.

— Лейля, кто преподавал в вашем медресе?

— Одна абыстай, приехавшая из Булгара. Она знает вас, читает наизусть ваши стихи. Говорит, что ее Субедей багатур привез из города Каргалы.

— Да, тогда и погиб эмир каргалинский Булат багатур. Жаль, что погибают лучшие наши батыры, — сокрушенно сказал Кул Гали. — Нечистая душа этот Субедей, сколько наших людей погубил.

* * *

Он проводил их до самых ворот. Еще раз обнял Лейлю, похлопал ее по спине и спросил с улыбкой:

— Помнишь, как ты меня провожала?

В сумерках Лейля не увидела улыбки мугаллима. Она встала на цыпочки, чмокнула учителя в щеку и ответила:

— Разве можно такое забыть, учитель?

Бахтияр уже сидел на коне. Кул Гали подошел к нему:

— А ты, джигит, будь в пути осторожен. Передавай привет багатуру Бачману и его жене Акбике. Дай Аллах тебе благополучного возвращения.

— Все будет хорошо, мугаллим. Спасибо, что отпустили Лейлю. Тысячу раз спасибо.

— Счастливого пути! Аминь.

Когда стих топот конских копыт, Кул Гали присел на скамейку.

Вечер был замечательным: сумерки наступали тихо, медленно закрывая небосвод. Ни ветерка, словно воздух застыл в природной неге. То там, то сям слышалось блеяние баранов, мычание телят. Лениво лаяли собаки. Небо усыпали сверкающие серебром звезды. Какие тайны мироздания хранит это вечно безмолвное небо? Где, в какой стороне находится благословенный рай? О Всевышний, ты помог отыскать Лейлю, прояви же милосердие еще раз, помоги отыскать ее мать, прекрасную Зульхиду, помоги нам встретиться и обрести любовь! О прекрасная Зульхида! В нее были влюблены все мужчины, все джигиты и угланы. А муж, багатур Багман, просто не сводил с нее глаз. Ах, багатур Багман, прости, что я был влюблен в твою супругу. Я тоже не мог отвести от нее взгляда, с каждым днем мне все сильнее хотелось видеть ее. И дочка, Лейля, поразительно похожа на свою мать. Голос, улыбка, даже ямочки на щеках — все напоминает ее мать, несравненную Зульхиду. До встречи с Зульхидой я хранил в душе моей юношескую, почти детскую любовь — Зулейху. Все помыслы мои были о ней. А встретил Зульхиду, и все в душе перевернулось. Первые стихи, даже поэму посвятил я Зулейхе, но увидел Зульхиду, и забыл обо всем на свете. При взгляде на нее я не знал, куда себя деть от смущения. Я старался не выдать своих чувств, не хотел, чтобы Зульхида почувствовала мое трепетное отношение к ней и внезапно вспыхнувшую любовь. Но она, вероятно, все равно догадывалась о моих чувствах, слишком явно они проявлялись на моем лице. Наверное, ей нравилась моя стеснительность, скромность и мое молчание. Однажды она сказала мужу: «Багман, думаю, что дочь нашу Лейлю, как только она подрастет, выдадим за мугаллима Кул Гали». И она при этом не смеялась надо мной, нет. Благородный муж Багман багатур искренне поддержал ее предложение и даже добавил: «Если, конечно, он подождет ее. А то ведь нынешняя молодежь скорая, бойкая, долго ждать не любит». Она спросила: «Будешь ли ты ждать, мугаллим?» Я растерялся, не зная, что и сказать, не зная, куда деть нелепо торчащие руки, словно они были лишними, ненужными для меня. Мне показалось, что Зульхида видит меня насквозь. Потом багатур Багман полушутя сказал: «Если он согласен ждать, сегодня же позволю ему укунить Лейлю за ушко». Господи, я готов был сквозь землю провалиться от стыда! Мне хотелось сказать, что я давно и безнадежно люблю Зульхиду. Но если я послушаюсь багатура Багмана и прикушу Лейлю за мочку уха, то по обычаю должен буду на ней жениться, когда она достигнет совершеннолетия. Этот полушутливый разговор в какой-то степени сблизил нас с Зульхидой еще сильнее. Я не мыслил свою жизнь без нее. Когда писал стихи, перед глазами возникал ее образ, хотя в поэме имя героини было

Зулейха, потому что и юношеская любовь для меня была святой. Но даже эта святая, непорочная любовь юности поглощалась, растворялась в огромном, безбрежном чувстве к Зульхиде. До сих пор, смотря на небосклон, я ищу там звезду Зульхиды. Ведь каждый человек рождается под своей звездой. Может, и Зульхида со своей звезды наблюдала за страданиями влюбленного в нее Кул Гали. Теперь я далеко уже не юноша, но в душе я тот же робкий, стеснительный, безумно влюбленный юноша, до сих пор неженатый, стало быть, еще джигит, несмотря на возраст. «Что ты думаешь, Зульхида, обо мне в эту минуту? — хотелось мне спросить ее. — Где находишься, комуливаешь свою душу, с кем делишься наболевшим? Вспоминаешь ли ты иногда влюбленного в тебя юношу Кул Гали, который так и не смог признаться тебе в этом? Наверное, нет. Тебя, милая, занимают другие проблемы, другие заботы, мучают иные переживания. Среди тысяч прекрасных полонянок Субедей багатур выбрал тебя для самого Джучи хана, наследника великой империи. Если бы хан увидел твою красоту, он склонил бы перед тобой свою гордую голову. Но Аллах не дал ему насладиться твоей красотой, послал на тот свет. Впрочем, говорят, что его отправила в мир иной младшая жена его отца. Может, и так, ведь человек, стремящийся к власти, способен уничтожить даже самых близких ему людей. Но если все-таки Джучи хан успел бы увидеть твою красоту, он никому бы тебя не отдал, если, конечно, в его груди билось сердце истинного джигита. Ты встречала меня и ласково говорила: «Проходи же, проходи, Кул Гали, не стесняйся, Багмана дома нет, только мы с Лейлей». Но я не мог сдвинуться с места, пока ты за руку не вела в горницу, за стол. Я сидел и молча робко протягивал спрятанный за пазухой цветок розы. Не тебе, конечно, а маленькой Лейле. Ведь я чувствовал, что эту розу ты через дочь принимала себе. «Доченька, — говорила ты, — иди поставь цветок в вазу да воды налить не забудь». А сама так на меня смотрела, что я готов был взлететь на облака. Иногда, когда я сажал на колени Лейлю, ты подходила к нам и говорила: «Ну, доченька, поцелуй дядю Кул Гали в щеку, поцелуй». А когда твоё платье задевало мое плечо, я вздрагивал и замирал от счастья. Но, сколько бы я ни мечтал о тебе, я не решался даже в щеку тебя поцеловать, потому что рядом с тобой стоял твой муж, благородный багатур Багман. Кроме того, наверное, ты считала меня слишком юным, хотя мы с тобой были ровесники. Я же видел: ты махала мне рукой, а у самой на глазах стояли слезы. До сих пор помню: я сидел на коне, а Лейля подбежала ко мне и обняла мою ногу. Я сошел с коня, встал перед девочкой на колени, посмотрел ей в глаза и увидел в них тебя. А сегодня, когда Лейля, уже взрослая, появилась в моем доме, я снова увидел в ней тебя, Зульхида.

О Аллах, велика милость твоя! Это ты направил ко мне Лейлю и хоть немного успокоил мою смятенную душу. О Аллах, могучий, милосердный, я всегда верил в твоё величие и всемогущество и удостоверялся в этом еще раз. Прости меня, Всевышний, за излишнее упоминание об этом, но я ни на минуту не сомневался в твоём единстве и величии. Ты для меня един, и нет бога кроме Аллаха и Мухаммед пророк его. Помоги же нам еще раз, дай нам силы обрести друг друга, найти любовь и возблагодарить тебя за это! О пророк, ты подарил священный Коран многим языческим народам, спас их от тьмы невежества, наставил на путь истинный. О Мухаммед галяйхиссалам, нет никого, кто бы мог сравниться с тобой в святости, ты герой и величие не только народа арабского, ты пророк и освободитель множества народов на земле. Даже те народы, что еще не освещены лучом ислама, рано или поздно вступят на путь истинный и приобщатся к Аллаху, единому и всемогущему. Наступит время, и каждый язычник или неверный, отрешившись от своих заблуждений, будет поклоняться Аллаху, просить помощи и милосердия, ибо только Он един, вечен и всемогущ... Долго еще молился Кул Гали, потом зашел в дом, зажег свечи и принялся писать с необычайным вдохновением. Душа его была с Зульхидой, но перо выводило ставшие уже привычными имена героев поэмы — все еще неоконченной поэмы о Зулейхе и Юсуфе.

Перо не останавливалось, строка возникала за строкой, и только когда свечи оплыли и стали мерцать, он отложил перо в сторону, лег в постель и перед сном успел подумать: «Завтра же нужно идти с Лейлей на Ага-Базар, закупить ей нарядов, сколько пожелает. Негоже ей ходить в таком балахоне, хоть и из дорогой ткани. Булгары любят изящную, яркую, ладно пригнанную одежду. Булгары не среднеазиатские огузы, хотя у нас общий язык, одна религия. У нас действительно образ жизни другой, более свободный. У нас зима посуше, а лето помягче и женщины любят одеваться ярко и пестро, как цветы на лесной поляне, и уж, конечно, не закрывают паранджой свои прелестные личики».

* * *

В месяц джамадель-ауваль 633 года по хиджре в год обезьяны из Каракорума на завоевание еще не подчиненных земель и городов на западе улуса Дешти-Кипчак двинулись со своими туменами ханы и угланы: Бучак, сын хана Менгу из рода хана Тулея; Кадан, старший сын хана Гуяка из рода хана Угедая; Бу-

ри и Байдар — сыновья хана Чагатая; Кулькан — приемный сын Чингисхана; сыновья Джучи хана — Батый, Урда, Шайбан и Тангут ханы и несколько нойонов. Летние месяцы они провели в пути, а осенью соединились с туменами Субедей багатура и Кунбай бека, стоявшими на западных рубежах улуса Джучи и державшими в напряжении болгарские сторожевые посты. Через неделю в Булгар пришла еще одна плохая весть: основная армия монголов выросла до 150 тысяч воинов.

С этими силами монголы осенью подошли к давно осажденному городу Саксину и после недели упорных боев взяли его. Бачман багатур подчинился приказу Ильгам хана и оставил город; сохранив костяк своих отважных джигитов, он отступил в город Сэмбель.

Ильгам хан ежедневно проверял укрепления столицы, осматривал пушки. До внешнего города путь врагу преграждали четыре вала с рядами заостренных кольев, наполненные водой глубокие и широкие рвы, каналы и арыки. У городских стен враг попадал под смертоносные залпы пушек и огнеметов. В городе имелось шестнадцать башен с пушками, готовыми разить монголов. Каждая слобода за чертой внешнего города также была сильно укреплена.

Эмир Абдулла не отставал от своего отца в деле укрепления своего города — второй столицы Биляра. Сильные укрепления имели город Кашан, другие города. Ильгам хан был уверен, что они дадут врагу достойный отпор. Запаса продовольствия должно было хватить на полгода, колодцы и родники находились под надежной круглосуточной охраной. Ташбай углана Артык багатур оставил в Булгаре, а Хансеяр углана отправил в Казань.

Ильгам хан не вмешивался в распоряжения военного коменданта: Артык багатур хорошо знал свое дело. После падения такой твердыни, как Саксин, монголам, конечно, не составит особого труда взять и относительно слабо укрепленный город Сэмбель. Но у стен каждого города монголы оставят не сотни, а тысячи погибших бойцов. Таким образом, болгары надеялись измотать силы противника и вынудить его пойти на переговоры. Столицу страны — славный Булгар — защищает сам хан и его правая рука — багатур Артык, тот самый, который уже не раз бил монголов. Ильгам хан раз в неделю обменивается новостями с братом Амиром Хаджи, который переехал в Кашан. Шайтанкалу защищает храбрый Джик Мерген, в Казани укрепился углан Хансеяр, а черемисские и арские мурзы готовы были день и ночь терзать врага дерзкими вылазками из своих дремучих лесов. Ильгам хан договорился также с эрзяцким багатуром Пургасом, багатуром города Сувар Буртасом и арским багатуром Алатырем, которые готовы были оказать помощь в защите болгарской столицы, не забывая, конечно, и о своих городах. Вечером от Биккула и Маули Худжи пришла весть о приближении монголов. Ильгам хан смог собрать в городе не более 30 тысяч воинов. Торговцы, ремесленники и все, кто был не способен держать в руках оружие, вместе со своими семьями были отправлены на север, в лесистую местность. В городе остались лишь повара, врачи и некоторая часть женщин, обученных уходу за ранеными. Все кузнецы, оружейники, пушкари, метатели греческого огня были отданы под начало багатура Артыка.

Мауля Худжа сообщил из ставки Бату хана, что тюрков в войске захватчиков насчитывается 135 тысяч человек.

Через некоторое время пришло сообщение, что Чагатай хан с сыновьями отправился на завоевание Армении и других кафских стран. «Значит, — подумал Ильгам хан, — Бату хан уверен в собственных силах, иначе не разделил бы войско».

Ильгам хан вызвал тархана города и спросил о запасах продовольственных складов, приказал усилить их охрану.

После тархана явился багатур Бачман, и Ильгам хан сам пошел ему навстречу.

— Ассалямегалейкум, хан! — зычно приветствовал его прославленный полководец.

— Вагалеюкумассалям, багатур, — пожал ему руку хан. — Слышал, ты оставил Саксин.

— Мы не смогли собрать в Саксине сил, достаточных для противостояния монголам, хан. В этом виноваты и вы, и я. Пушкари также не смогли нанести врагу ощутимого ущерба. Всадники Субедей багатура завязывали своим коням глаза перед атакой. Они без страха шли на пушкарей.

— Да, мой багатур, враг хитер и коварен, стремится всеми силами захватить наши города, страну.

— Монголы не прекращают свои атаки ни днем, ни ночью. В крепости народу мало, а монголы могут атаковать и несколько раз, давая отдых каждой волне атак. Словом, они не оставили нам выбора, и я вынужден был оставить город и уйти, сохранив главные силы. Однако и потери наши ощутимые.

— В Саксине, насколько я помню, после первого с монголами сражения осталось немало татар. Как они вели себя во время осады?

— Не поверите, хан, но татары храбро сражались на нашей стороне. Когда мы выходили из города, именно татары обманули Субедей багатура, уведя его совсем в другую сторону, и, что уж совсем удивительно, они каким-то образом ускользнули от дозорных и позднее благополучно присоединились к нам.

Хан, это бесстрашный народ, татары дерутся, как львы, и все без исключения меткие стрелки. В Саксине все они приняли ислам и аккуратно посещали мечеть. Если бы татар было больше, вряд ли монголам удалось бы взять Саксин. Что касается наших воинов, то они, к сожалению, уступают монголам в боевом искусстве.

— Мауля Худжа сообщает, что в монгольской армии много тюрков, но все они язычники, поклоняются идолам.

— Это неправда, хан, они поклоняются небесному божеству нашему. Однако этими тюрками командуют монгольские десятники и сотники. А дисциплина в монгольском войске очень жесткая, об этом вы, должно быть, знаете, хан.

— Багатур Бачман, мы сейчас беседуем с глазу на глаз, без свидетелей. Разные мысли приходят в голову. Скажи, у тебя не возникало мысли о возможности заключения договора с монголами?

Багатур Бачман даже отшатнулся, как от удара, выпрямился, посмотрел хану в глаза, нахмурил густые брови, и его суровое лицо выразило недоумение.

— Великий хан, — несколько официально начал он. — Я служил еще твоему отцу, славному Салим хану. Да, я еще и кипчакский багатур, я был джихангиром у хана Сарбая. А наш народ не только перед битвой не склонен к компромиссам, но вообще никогда не складывает оружия, если только сам этого не захочет. И мы тоже не сложим оружия, даст Аллах. Когда мы, кипчаки, соединились с родственными булгарами, ни покойный Сарбай хан, ни его союзники ни разу не изменяли булгарскому скипетру. Могу тебе поклясться на Коране, что и я не изменю и до последней капли крови буду сражаться с врагом. Я люблю говорить открыто и прямо, хан. Чего ты хочешь от меня? Чтобы я изменил стране, народу, тебе? Но этого не будет, хан, потому что никогда не будет. Когда на страну обрушился враг, тут уже нет времени для философских размышлений и суфийских мудрствований. Во всяком случае, это не свойственно мне.

Багатур Бачман хотел подняться, но Ильгам хан порывистым движением взял его за локоть:

— Не спеши, мой багатур, погоди. Я вовсе не хотел тебя обидеть. Я хотел лишь посоветоваться с тобой. Пойми меня, багатур, я тоже против сговора с монголами, просто мне пришло в голову...

— «Что пришло в голову, то ушло вперед» — говорят в народе.

— Может быть. Я всегда относился к тебе как к равному, уважал тебя. Нам сообщали, что монголы одинаково избивают и всех покорных и непокорных. Значит, у этого народа нет чести, нет имана. А против такого врага желательно воевать его же оружием. Разные мысли приходят в голову, багатур.

— Честь и иман монголов заключаются в их Ясе, мой хан. Нам тоже можно было бы принять нечто вроде Ясы, то есть закона военного времени, но уже не осталось времени, слишком поздно. Нам остается только сражаться с ними лицом к лицу. Или они одолеют нас, или мы — их. Третьего не дано, мой хан.

— Скажи, багатур, могли бы мы внедрить в наши войска монгольские порядки?

— Нет, мой хан, для этого нужно родиться и вырасти монголом. Впрочем, монголы позаимствовали тактику боя у древних тюрков. Все же, хан мой, между нами есть одна весьма существенная разница. Сегодня монголы — захватчики, мы — защитники, а это два совершенно разных понятия. Если героизм булгар рождается от любви к родине, идет из сердца, из души, то монгольский бой построен на страхе и жестком порядке. На человека несведущего и неверующего бесполезно влиять прибегая к его разуму, сознанию. Но с помощью страха такого человека можно сделать практически непобедимым, заставить его карабкаться на головокружительные горные кручи, идти в атаку под градом стрел. Я сам видел это во время их атак. Но правда и то, что эти качества относятся, несомненно, к сильным, но отрицательным свойствам человеческой природы. Даже одержав над нами победу, этот народ в скором времени распадется, разредится или вовсе исчезнет. Наш народ, как правоверные мусульмане, предпочитает умереть смертью шахита в борьбе с врагом. Знаешь, хан, я едва удержался от того, чтобы не призвать народ к газавату — священной войне. Газават привел бы народ или к гибели, или к победе. Но я предпочел не рисковать, сохранить народ, и рассеял его по степям и лесам.

— Газават — неплохое оружие, багатур.

— После газавата побежденный народ останется почти без мужчин, без воинов, и наши женщины и дети станут легкой добычей врага, а имя славных булгар останется только на страницах истории.

— Значит, ты против газавата?

— Против, хан. Я понял одну истину: рано или поздно язычники-монголы воспримут не только наши обычаи и традиции, но и наш язык, веру, и таким образом победители окажутся сами как бы в роли побежденных.

Ильгам хан пригласил багатура за маленький круглый столик, разлил по чашам кумыс.

— Кто был твоим имамом, багатур?

— Махмуд Ясави, мой хан. Теперь он в Каракоруме, переметнулся к монголам.

— Бачман багатур, Всевышний оделил каждый народ и землей, и водой. Если кому-то не хватит земли и он протянет свою алчную руку к соседям, то все равно не найдет счастья на чужой земле, ибо Аллах сказал, что каждый созданный им народ может быть счастлив только на своей земле, на той, которую он ему выделил. В ставке Субедей багатура находятся мои люди — купец и имам, которые докладывают мне о каждом шаге монголов. Но армия монголов по-прежнему во много раз больше нашего войска, и это заставляет меня глубоко задуматься. Вот почему я и хотел с тобой посоветоваться, багатур. Я понимаю, что даже в случае договора с монголами мы рискуем остаться в положении несчастного хорезмшаха Улуг Мухаммеда, тем более что монголы злы на нас за нанесенные им прежде поражения.

— Эта битва будет последней, хан, и мы снова победим.

— Аминь, багатур. Дай-то бог...

— Ваше величество, мы не смогли найти общий язык с монголами. Не раз они были биты нами, и, вы правы, оттого они и злы на нас. Надеяться на милость монголов — все равно что самому совать голову в петлю, хан. И это мое последнее слово.

— Багатур Артык говорит то же самое. Однако во главе монгольского войска стоит не Субедей багатур, имеющий на нас зуб, а внук Чингисхана Бату хан.

— Бату хан только начал пробовать себя в ратном деле. На самом деле армией командует старый волк Субедей. Нам известно, что именно слово Субедея явилось на курултае решающим.

— Значит, багатур Бачман, нам остается сражаться до последней капли крови и защищать наши города и крепости.

— Мой хан, не забывайте, что опорой государства является его столица — Великий Булгар. Если падет Булгар, то и народ падет духом, разбредется по земле... Что касается меня, то я не дам покоя монголам ни в городах, ни в степи.

— У нас хорошее оружие, даст бог, мы найдем в себе силы выстоять против монголов.

Ильгам хан не знал, почему Бачман багатур пожаловал в Булгар, к хану, а спросить, уточнить не захотел. И только потом, когда багатур ушел, хан пришел к выводу, что Бачман приезжал прощупать настроение хана. А душевное состояние хана было, откровенно говоря, далеко не радостное.

Ильгам хан вызывал к себе поочередно для беседы всех придворных, приближенных, государственных и военных чиновников: дворцового тархана, визиря дивана, казья и малика дивана, наиба города, казначея, начальника телохранителей, главу стражи, командира конных разъездов и начальников дозорных. Большинство населения уже отправило свои семьи в Казань, Джукетау, Шайтанкале и другие города или селения. Все мужчины, способные держать в руках оружие, остались в городе, чтобы защитить его, и уже распределили между собой обязанности.

Беклербек вызвал хазрета Хафиза и обязал его довести до сведения мюридов всех мечетей: с благословения шейха Кул Гали следует идти к багатуру Артыку для освоения воинского искусства. Те из мюридов, кто не способен воевать, должны покинуть город.

Хан приказал взять под строгий контроль каждое письмо, выходящее из дворца или направленное во дворец.

Ильгам хан не терял времени зря. Он постарался через купца Биккула наладить связь с Ахметом Ясави, исполнявшим в Каракоруме обязанности визиря при хане Угедее.

Вскоре его усилия увенчались успехом, и от Ахмета Ясави пришло первое известие. Но оно, увы, было безрадостное. «Если хан Ильгам намерен замирился с чингизидами, — писал Ясави, — то пусть склонит голову перед ханом Угедеем». Угедей хан, оказавшийся после смерти Чингисхана предводителем всех монголов, сам в походы теперь не ходит, находится в городе и собирается оттуда править всеми народами — завоеванными и теми, кого предстоит завоевать. Войска, собранные из всех покоренных народов, готовы сокрушить Булгарскую державу.

Ильгам хан мучился от тысячи мыслей, лезших в голову. Чтобы как-то отвлечься от мыслей и предчувствий, он в сопровождении телохранителей и визиря Тимбая в который уж раз отправился проверять укрепления столицы.

Он видел высокую боевую готовность, неприступные бастионы, мощные пушки, и это немного успокоило его. Всюду его встречали с должным почтением и уважением. Многие при виде его пылко восклицали: «Ваше величество, наш хан! Верьте, враг не сможет взять город!» Бодрое настроение защитников города

добавило уверенности и самому хану, душа которого колебалась в принятии решения. «Бояться нечего, — решил хан. — Они отстоят столицу, не отдадут ее врагу».

Кул Гали не верил своим глазам. Лейля стала точной копией своей матери, похожа на нее как две капли воды: фигура, походка, жесты, улыбка как у ее матери Зульхиды. От Лейли исходил такой же внутренний свет, как от матери ее Зульхиды. Он не переставал изумляться сходству дочери и матери. Он оглядывал фигурку девушки и под складками одежды угадывал контуры восхитительного девичьего тела и от этого густо краснел, как пойманный с поличным проказник-мальчишка.

Отведя взгляд от девушки, мугалим крепче сжимал перо и начинал записывать на бумаге строки, рождавшиеся в его сердце. Иногда он испытывал желание позвать к себе девушку, и тогда откладывал перо на край чернильницы и задумывался, уставившись взглядом в какую-нибудь точку.

Жизнь его не была гладкой. В поэзию его привела юношеская любовь к Зулейхе, а тайная страсть к Зульхиде еще более разожгла в нем костер поэзии. Теперь ему уже не спастись от всепоглощающего огня стихов, не вылезти из этого кипящего котла чувств, да и не хочется Кул Гали делать этого. Напротив, чем больше он пишет, тем больше хочется писать, словно кто-то водит его пером, не давая ему передохнуть.

Любовь к Зульхиде оказалась настолько глубокой и страстной, что не было ночи, свободной от мечты о ней. Он не знал, да и не мог знать, что, возможно, Зульхида также питает к нему не только дружеские чувства. Ведь она никак не могла сказать об этом Кул Гали, ибо была женой багатура Багмана, доброго соседа и старшего друга Кул Гали. Говорят, на сердце узду не накинешь. Но если и Кул Гали, и Зульхида старались держать в узде свои чувства друг к другу, то свет влюбленных глаз невозможно было спрятать. Они оба знали об этом, но не переступали черту, за которой начиналось предательство, да и не в силах были они это сделать. Их любовь была слишком чистой, святой, разве мог он ей сказать о своей любви? Но разве возможно обуздать душу?

Теперь он ежедневно встречается с ее дочерью Лейлей, которая переписывает его стихи, отдает их в переплет. Кул Гали отдыхает душой, когда Лейля находится возле него, водит своим пером по бумаге или проходит мимо него по каким-то делам.

Кул Гали окунулся в творчество сразу же по возвращении из Средней Азии в Булгар, и с тех пор писал почти не переставая. С приездом Лейли тихий родник его вдохновения превратился в шумный источник, бурливый ручей. Вот уже близок к завершению и дастан о Юсуфе и Зулейхе. Он обязательно допишет его, допишет, а потом, усталый и счастливый, пойдет в ханский сад, побродит среди сосен, буйных кустов, притихших арыков и прудов, зайдет в мечеть прочитать хутбу. Но остается написать еще последнюю главу поэмы.

Вечером они с Лейлей будут ужинать вместе, и Кул Гали снова будет любоваться дочерью своей возлюбленной, восхищаться каждым ее движением, каждым словом, в которых увидит любимую Зульхиду...

Кул Гали отложил перо, сложил руки и посмотрел на Лейлю, не скрывая своего восхищения. Потом не вытерпел и перечитал только что написанные им строки.

— Я помешала вам, мугаллим? — спросила она, подойдя к столу, улыбаясь, точно как ее мать, — слегка склонив набок голову.

Когда-то и Зульхида с такой же улыбкой и таким же наклоном головы подходила к мужу и говорила полушутя: «Посмотри, Кул Гали так похож сегодня на ангела!»

Кул Гали наряжал Лейлю в дорогие платья. Она то и дело меняла сшитые у лучших портных отороченные соболем камзолы, украшенные драгоценными камнями калфаки. Лейле нравилось одеваться красиво.

Весть о девушке несравненной красоты, которая живет в доме шейха, быстро разнеслась по городу. Правда, никто толком не знал, кем приходится Лейля знаменитому поэту и шейху. Наконец слухи о Лейле достигли и ушей хана Ильгама, который решил пригласить к себе на вечернюю трапезу поэта с его наперсницей.

Когда Кул Гали сказал девушке об этом, она тут же схватила мугаллима за руку:

— Скажите, у хана Ильгама есть внуки?

— Есть, но они еще дети. А что? Ты боишься, как бы тебя не выдали замуж за одного из ханских внуков?

— Я не хочу расставаться с тобой, мугаллим. Во имя памяти о моей маме, не выдавай меня замуж ни за кого!

Кул Гали стойко удерживал себя от любви к Лейле. Он боялся обидеть ее, видел в ней всего лишь ребенка, словно она была ему родной дочерью, хотя Лейля уже выросла и стала прекрасной девушкой.

— Лейля, лето проходит. Наступает месяц сафар. И хан Ильгам и весь народ болгарский готовятся к великой битве. Пришла весть, что проклятые монголы со всеми силами двинулись на нашу страну.

Услышав о монголах, Лейля на мгновение сжалась от страха и не найдя, что ответить мугаллиму, пролепетала:

— Я сейчас переоденусь и приду.

Много раз Кул Гали испытывал желание сказать Лейле что-то сокровенное, но не мог. Будто кто-то говорил ему: «Не к лицу к тебе пылать страстью к девушке, которой ты в отцы годишься. Тот, кто не способен обуздать свою страсть, не способен удержать и свой язык, и, наоборот, тот, кто не способен удержать свой язык — не способен и свою страсть обуздать». Наши предки каждый свой поступок взвешивали на весах нравственности, а так как слова предков в незапамятные времена некому было записывать, они переходили из поколения в поколение, шлифовались, оттачивались и становились языком народным, достоянием всего народа. Но прислушиваемся ли мы к мудрости наших предков? К сожалению, мы часто изменяем заветам древних. Например, хан Ильгам женился на дочери князя Владимирского, наплевав на нравственные устои своего народа. После женитьбы на владимирской красавице Ильгам хан заключил неравноправный договор с владими́ро-суздальскими князьями, а теперь они отказались помочь в самое трудное для болгар время. А хан Ильгам, напротив, спас народ княжества Юрия, когда на его земли обрушился невиданный доселе голод. Будь на месте Ильгама хана другой правитель, коварный, двуличный, он не преминул бы воспользоваться соседской бедой, захватил бы, разорил их земли, поживился бы на чужой беде. Ильгам хан на это не пошел, потому что взвешивал свои поступки на весах честности и мудрости, помня о заветах предков. Булгары всегда старались жить с соседями мирно. А теперь на них надвигается беда — нашествие родственных им по языку и происхождению племен монголов и тюрков, объединенных в государство Дешти-Кипчак. Полукочевые кипчаки не смогли добиться крупных успехов в культуре, потому что кипчакские орды не хотели и не могли строить города, дворцы, медресе, библиотеки. Но эти народы, необычайно воинственные и очень искусные в боевых науках, стремились завоевать своих же братьев. То ли из ревности, то ли от зависти.

* * *

Лейля надела новое, вышитое узорами платье, набросила на плечи отороченный соболиным мехом камзол, натянула на ноги малиновые болгарские сапожки и нарочно прошлась перед мугаллимом, постукивая каблукчиками, чтобы звонче звенели вплетенные в ее косы серебряные монеты. Она хотела привлечь его внимание к своим нарядам.

— Просто глаз не отвести, — сказал Кул Гали, подняв голову от рукописи. — Прекрасно, прямо чудо! Хоть на ханские смотрины иди. А там какой-нибудь шахзаде...

— А ты, мой мугаллим, не позволяй меня похитить, — пошутила Лейля.

* * *

Вышли с шумом, сели в карету, и в пути Лейля как бы ненароком спросила:

— А там и Бахтияр будет?

— А как же, ведь он ханский телохранитель. Хан без стражи — как человек без головы, Лейля.

— Только я, кажется, никому не нужна, мой мугаллим. — с едва уловимым кокетством сказала девушка.

— Ты всем нужна, особенно мне и твоей матери, Лейля.

— А она когда-нибудь...

— Аллах всемогущий все равно пошлет ее сюда к нам. Не сегодня, так завтра, не завтра — послезавтра, не послезавтра, так... Мы даже после смерти встретимся...

— О, мой мугаллим, — слегка растерялась Лейля, — неужели ты до сих пор ждешь мою маму?..

— Жду, Лейля, — ответил Кул Гали и обратился к кучеру: — Эй, Мирхайдар, гони лошадей, поспевай в ханский дворец.

* * *

Лейля впервые была в ханском дворце. Как только зашли, она обратила внимание на белолицую ханбике Марию, на ней было длинное бело-голубое платье. Потом она перевела взгляд на хана Ильгама, высокого с суровым взглядом чернобородого мужчину в широкополом джиляне. На голове его была причудливой формы шапка из золотистого меха какого-то очень ценного зверька. Издали шапка напоминала золотой калыпуш.

Хан, увидев Лейлю, слегка повернул голову в ее сторону и чуть заметно поклонился, а шейху Кул Гали сердечно пожал руку. Ханбике тоже учтиво поздоровалась, а потом все уселись за трапезный стол.

При виде белолицей ханбике Лейля почему-то вспомнила свою мать. Странно, но в чем-то они были похожи.

Когда монголы уводили мать, Зульхида попросила у нойона разрешения попрощаться с дочерью. Нойон согласился. Зульхида обняла дочь и заплакала: «Доченька, душа моя, свет очей моих, я вернусь за тобой, только не плачь!» «Ты сама не плачь, мамочка, — обливаясь слезами, пыталась утешить ее Лейля. — Не плачь, мамочка, видишь, я уже не плачу». Уводили от нее мать, уводили в неизвестность, но почему-то она не испытывала страха, может, потому, что рядом с ней стоял спаситель ее, Биккул бабай. Но когда мать стали уводить и Лейля увидела поникшую спину матери, она не выдержала, залилась слезами и истошно закричала: «Мама, мама, не уходи, не покидай меня!..»

Биккул бабай прижал ее к себе, принялся утешать, потом указал на стоящего рядом мужчину и сказал: «Вот этот дядя отвезет тебя домой, слушайся его. Скоро и я приду, успокойся, не плачь».

Мужчина посадил ее на арбу, но повез не домой, а в медресе, к Джамалбике абыстай. Так горько они расстались с матерью.

Усадив гостей за стол, хан первым потянулся к пиале с чаем, отпил, взял горстку изюма.

— Кул Гали, когда пала держава хорезмшахов — опора туранского мира, я, признаться, сильно обеспокоился. Хорезм был самым драгоценным бриллиантом в короне шаха. Еще в незапамятные времена, если верить нашим аксакалам, царь Искандер, победив персидского шаха Дария, пошел на древних тюрков. Но очутившись в тюркских степях, растерялся, потому что столкнулся с невиданным доселе сопротивлением. С целью подчинить себе неукротимые тюркские племена царь Искандер, если верить преданию, решил жениться на дочери тюркского кагана. Девушку звали Раушания. Древние утверждали, что именно в честь Раушании царь Искандер и построил город солнца — Кояшкалу. Говорят, что даже этот древний город находится теперь в руках монголов. Я знаю, достопочтенный Кул Гали, что хорезмшах Улуг Мухаммед сотворил неслыханное зло — приказал убить послов Чингисхана. Правда, говорят, что приказ этот был отдан не лично хорезмшахом, а его визирем. Но все равно виноватым остался Улуг Мухаммед, и вся ненависть Чингисхана обрушилась на него.

— Не совсем так, уважаемый хан, — возразил Кул Гали, ставя пиалу на стол. — В 1206 году в Хорезме вспыхнуло восстание ремесленников. Подавив бунт, Улуг Мухаммед велел повесить свыше тысячи бунтовщиков. Но искра недовольства не угасла. В 1212 году восстал народ Самарканда. В ответ войны Улуг Мухаммеда разрушили цветущий город и три дня грабили горожан: шах начал воевать уже с собственным народом! А ведь страну, мой хан, защищают не только войска, но и народ. В 1219 году в державу хорезмшаха вторглись монголы. В 1221 году они овладели Ургенчем, Самаркандом. Бухару взял сам Чингисхан. Улуг Мухаммед передал свой трон сыну Джалилетдину и ушел в сторону Хазарского моря. Молодой шах с отважными воинами оторвался от врага и ушел в Иран. Чингисхан за молодым шахиншахом послал полководцев — Джэбе и Субедея, которые по пути захватили города Мерв, Герат, Балех, Рей, Истхабад, Хамадан, Тебриз. Наконец, преследуемый монголами шах Улуг Мухаммед достиг Кафских гор, добрался до моря Хазарского и с двумя верными телохранителями высадился на остров, где нашел свою смерть. Не мог он противостоять монгольской армии, в каждой битве шаха ждало поражение, ибо народ не защищал его, помня о его злодеяниях. О кончине шахиншаха Улуг Мухаммеда, уважаемый хан, вы и сами знаете.

— Да, так это и было. Улуг Мухаммед не только принес гибель своей стране, но и прервал свою династию, шейх Кул Гали. Народ — это всего лишь рыба в пруду. Выловят рыбу, и кажется, омертвело озеро, но глядишь — через два-три года озеро снова полным-полно рыбы. Но если высохнет корень родословной, пресечется династия правящего хана, на трон сядет представитель другого рода. Вот это плохо, шейх. Очень плохо. Уже не восстановить прежнюю, а еще труднее создать новую династию. Недавно я еще раз прочитал записи своего отца, славного хана Булгара. Он занимал престол Булгара более сорока лет, отстроил много городов и, главное, сделал средоточием такие города, как Казань, Ашлы, Джукетау. Я очень ценю такие слова отца: «История и справедливость насаждаются в стране не мечом, а молитвой и проповедью. Хан, склонный к обману и двуличию, не сможет долго усидеть на троне, против него поднимется народ. Всякий обман кончается насилием и коварством. Склонный к двуличию хан не способен осчастли-

вить свой народ, не может принести ему благосостояние и процветание. Горькая правда во много раз слаще, чем притворный обман. И нет ничего хуже, чем ложная истина, чем ложь, стремящаяся выдавать себя за правду.

— Верные слова, мой хан, истинные слова, — заметил Кул Гали.

Хан посмотрел в сторону женщин, улыбнулся Лейле, о чем-то оживленно, увлеченно беседовавшей с ханбике. «Эта молодая особа, получающая у шейха уроки, даже с ханбике нашла общий язык», — подумал он и многозначительно улыбнулся.

— Уважаемый шейх, — положив руку на плечо Кул Гали и слегка похлопав, Ильгам хан вдруг всерьез увлекся с беседой с шейхом, — мне кажется, всякий правитель, хочет он этого или нет, вынужден временами прибегать к жестким мерам. Несомненно, никакой трон не обходится без философских бесед и диспутов, без проповедей благочестивых суфиев. Однако народ наш настолько практичен, что ему не закружишь голову суфийской философией. Для суфия достаточно тропы, по которой он идет. А нам нужно управлять целой страной. Древние говорили: когда приближается мор, из города бегут даже собаки. Хвала Аллаху, из Булгара никто не бежит, наоборот, к нам отовсюду стекаются огузы и кипчаки и другие тюркские единокровные братья. Они в Булгаре не останавливаются, Кул Гали, а двигаются к городам Кашан, Казань и дальше. Не останавливаются не потому, что в Булгаре для них нет места, а потому, что сейчас в городе каждый рот на учете, и лишних мы просто не вправе держать. Даст бог, хватит нам сил для отражения монголов, не зря мы их уже трижды били. Мы хорошо подготовились к встрече врагов. Наши имамы тоже молились, укрепляя дух народа.

— Одними молитвами страну не спасешь, уважаемый хан.

— Я опираюсь не только на молитвы. Я укрепил города, усовершенствовал оружие. Кроме того, я верю в свой народ, он не склонит голову перед врагом. Большие надежды возлагаю и на тебя, брат мой Кул Гали, ты ведь и есть душа народа, поэт, сказочник, любимец болгарских тюрков.

— Да, хан, одними молитвами нам город не спасти.

— Народу нужны и пламенные слова такого великого поэта, как ты, Кул Гали. Сила народного духа отразится в твоих стихах, одах и поэмах. А сила народного духа — сила бессмертная. Слышал, что ты заканчиваешь свой дастан — «Сказание о Юсуфе».

— Да, это так, мой хан.

— Скажи, как допишешь. Я дам тебе самых лучших переписчиков и переплетчиков сарая.

— Спасибо, мой хан. Постараюсь воспользоваться вашей добротой.

— В каждом вражеском стане есть наши люди, Кул Гали. Это имамы, купцы... Все они, естественно, пользуются грамотой тюркских уйгуров. Я слышал, что в свое время и Чингисхан хотел принять ислам, но имамы поставили ему условие совершить хадж в Мекку. Чингисхан посоветовался со своим советником и ответил: «Зачем мне ездить так далеко, если ваш Аллах у меня в душе будет» — и отказался.

— Примерно так, наверное, это было. Правда, Чингисхан, сказывают, отказался не из-за дальних дорог, а из-за того, что вошел в конфликт с халифом, через земли которого надо было идти в Мекку.

— Хвала Аллаху, мы не язычники. Наша религия — ислам, отсюда мы пьем, как из родника чистых знаний. Медресе стал открывать еще хан Ханджал, при нем начали готовить мугаллимов. Впрочем, к знаниям стремились и наши далекие предки — Кубрат хан, его сын Кудрак, сын Кудрака — Ишкул, сын Ишкула — Иллек, сын Иллека — Булгар, сын Булгара — Тукый, сын Тукыя — Айдар, зять Айдара — Хамджал, сын Айдара — Зубаир, сын Зубаира — Мухамметэмин, сын Мухаметэмина — Силки, сын Силки — Алмас, сын Алмаса — Микаил, сын Микаила — Ахмет, сын Ахмета — Мамун Первый, сын Мамуна Первого — Талиб, сын Талиба — Мамун Второй. Мамун Второй еще сам при жизни посадил на болгарский трон шахзаде дунайского хана — Шамгуна. Хан переехал со своим богатством и людьми в Волжскую Булгарию, вызвал уважение Мамун хана. У Мамун хана не было сыновей. Тогда аксакалы дивана согласились пойти под власть шахзаде Шамгуна, посадить на трон его. Дальше сын Шамгун хана — Хайдар, сын Хайдара — Мухаммед, сын Мухаммеда — Сагид, сын Сагида — Барак, сын Барака — Ибрагим, сын Ибрагима — Салимхан, — тут Ильгам хан перевел дыхание и продолжил: — И вот, наконец, я Ильгам хан. Всего двадцать пять ханов, двадцать пять правителей страны. Двадцать пятый я. Ты человек ученый, Кул Гали, и заметил, наверное, то, на что я особенно обратил внимание. Ведь и пророков на земле было ровно двадцать пять. Случайно ли это? Совпадение ли? Мне кажется, это лишь совпадение. Однако и здесь есть глубокий смысл. Вслушайся в имена наших пророков: Адам, Идрис, Нух, Худ, Салих, Ибрагим, Лот, Исмагил, Исхак, Якуб, Юсуф, Аюп, Шегаип, Муса, Гарум, Зулькафиль, Даут, Сулейман, Ильяс, Алисаг, Юнус, Закария, Яхья, Гайса и, наконец, наш Мухаммед, мира ему и благоденствия. Пророк Мухаммед говорил: «Пусть мусульмане всегда помнят слова Аллаха: для хороших я готовлю рай — джаннат, для плохих — ад — тамуг. После того как человек уверует в Аллаха, ангелов, в святыя писания и пророков, он должен уверовать так-

же в плохую и хорошую стороны своей судьбы, в предопределение как доброго, так и злого начала. Каждый мусульманин должен верить, что все напасти и беды коснутся человека только по воле Аллаха, чтобы человек их преодолел и выработывал в себе те или иные качества, а после уверовал, что Аллах — единственная опора и надежда народов на лице земли.

— Уважаемый хан, вы меня удивляете.

— Поэтому, брат мой, я никому не отдам трон, оставленный мне многими поколениями предков. Я буду сражаться со своими врагами до последней капли крови.

— Повторяю: вы удивляете меня, хан. Вы знаете наизусть имена всех ханов, а также всех пророков. Такие знания неувидительны и даже обязательны, скажем, для Хафиза или меня, но для вас, человека власти...

— Все это написал мне отец, тоже, кстати, человек власти. Кроме того, он оставил некоторые увещевания, наставления, советы. Вот слушай: «Посылка шпионов в соседние государства вообще, чтобы в курсе событий соседних стран — значит продлить жизнь собственного государства. Для такой цели не грешно использовать путешественников, купцов, врачей, странствующих философов — суфиев. Пусть каждый из них, богатый или бедный, знатный или простолюдин, глазами и ушами узнает своего хана. Плохую весть пусть немедленно, не откладывая доставит в ханский дворец. Дворцовым шерифом нужно назначать людей надежных, верных и хорошо платить им, чтобы они не продавали на сторону вести, идущие во дворец. Шпионов и лазутчиков хан по возможности пусть принимает сам, ибо информация из первых уст много ценнее информации, переданной кем-то. Визирем лучше назначать человека из другого народа, потому что всегда существует опасность того, что визирь продается врагу; но опасность эта значительно уменьшается, когда визирь принадлежит к другому народу и не обладает в столице многочисленными родственными и другими связями. Ученых и советников во дворце должно быть поровну. Ученый человек говорит мало и, если его не теребить и не подталкивать, проку от него будет мало...» Все это, брат мой Кул Гали, написал мне отец...

— Когда я преподавал в Ургенче, мой хан, то услышал однажды от шакирда любопытную историю. Как-то византийский император, под началом которого было двухсоттысячное войско, столкнулся с тюркским султаном Али Арсланом, имевшим не более пятнадцати тысяч всадников. Султан не смог избежать кровавой бойни и обратился к своему войску: «Кто не хочет воевать, пусть уходит, ибо перед вами сейчас стоит не султан, а простой воин!» Сказал так султан и заплакал. Впервые увидев слезы султана, тюркские воины воодушевились и смело бросились на врага.

В битве Али Арслан получил семь ран, под ним были убиты три коня, но он одержал полную победу над императорской армией. Самого императора на аркане привели к султану. Ни слова не говоря, султан трижды стегнул его камчой и сказал: «А теперь убирайся на все четыре стороны, но впредь не вздумай ступать на мои земли».

— Поучительный рассказ, — сказал Ильгам хан, подливая Кул Гали кумыс.

— Рассказывали еще один примечательный случай в истории, мой хан. Когда великий Искандер Двурогий победил персидского шаха Дария, в руках его воинов оказался шахский гарем. Об этом сообщили Искандеру. И еще сказали ему, что среди шахских одалисок есть девушка чрезвычайной красоты. Увидев эту лунолицую и светловолосую деву, воины Искандера онемели от изумления и восхищения, а потом наперебой принялись уговаривать Искандера Зулкарная взглянуть на эту бесподобную красавицу. Великий полководец отказался, сказав: «Я победил мужей этих дев и не желаю терпеть поражение от дев этих мужей. Это было бы сравнимо разве что с богоотступничеством».

— И снова поучительная история, хотя и не совсем правдоподобная, — сказал Ильгам хан. — А ты, брат, не тяни с завершением поэмы. Я жду ее. Хочу прочесть твою поэму прежде, чем сюда нагрянут монголы. Есть ли в дастане картины битв?

— В дастане есть многое: коварство, любовь, тоска, верность, мораль и честь, но батальных сцен там нет, мой хан. Я верю, что в будущем народы научатся жить в мире, ибо война никому еще не принесла счастья. У одного мудреца спросили: «Что спасет человечество от бед?» Он ответил: «Красота».

Вдруг Ильгам хан перевел разговор на другую тему:

— А что, эта девушка, которую ты привел, — она твой переписчик?.. Очень мила и хороша.

— Это моя ученица и воспитанница. Уже поздно, уважаемый хан, с вашего позволения нам пора домой.

— Конечно, конечно. Я очень рад был вас принять, мой шейх.

Ильгам хан и ханбике Марьям проводили гостей до крыльца. Возле Ханских ворот стоял Бахтияр, который хотел что-то сказать Лейле, но та лишь улыбнулась, застенчившись то ли мугаллима, то ли смотрящего ей вслед хана Ильгама.

Шел седьмой день месяца сафар. Оставалось шесть недель до начала монгольского нашествия. Булгары, казалось, жили обычной, размеренной жизнью, но улицы города притихли, словно в ожидании тайфуна. Шел самый опасный, страшный для булгар год — год обезьяны.

Конечным результатом земледелия, как известно, является сытость. Перо в руки для сочинительства может взять только тот человек, у которого нет забот о своем пропитании. Если он думает о добывании пищи, то у него для творчества не будет времени. Но если кто-то обеспечит его пропитанием, тогда он, если у него в душе есть искра божья, может с головой уйти в сочинительство.

Кул Гали с детства не знал забот о хлебе насущном. Его отец — Биккул ага дал ему возможность учиться у видных мугаллимов. И сейчас он по-прежнему находится под опекой отца, живет на его средства. Во многом богатство отца позволило ему писать, творить, пользоваться авторитетом и достичь звания шейха. Да, в дастане о Юсуфе и Зулейхе нет образов героев, батыров битв. Нет даже образа легендарного тюркского героя — Алди батыра. Но он написал о чувствах Зулейхи, душу которой сорок лет снедала любовная страсть. Зулейха явилась поэтическим воплощением Зульхиды. В поэме Зулейха претерпевает много нравственных и духовных изменений, очищая свою душу. Все герои его дастана — рабы божьи. Они любят, страдают, надеются, отчаиваются, подвергаются унижениям, но остаются верными чувству большой любви. А когда находят наконец друг друга, то не знают, куда девать свою любовь, ведь до этого они знали лишь страдания. Они с самого рождения шли друг к другу, но им суждено было встретиться только много лет спустя. Горечь и сладость ожидания, муки и радости неразделенной любви, утрата, поиск, предчувствие встречи — все это в строках дастана. Правда, в жизни Кул Гали так и не признался в любви своей возлюбленной, но кто помешает мечтать об этом в своей поэме? Более того, Аллаху было угодно, чтобы в жизни Кул Гали встретил дочь своей возлюбленной — Лейлю, как две капли воды похожую на свою мать...

Лейля переписала последнюю главу дастана. Переписав, она аккуратно подшила листы, чтобы легче было работать переплетчику. Сегодня она занимается в своей комнате; после визита к хану Лейля притихла, стала необычно серьезной, повзрослела на глазах.

Едва Кул Гали взялся за перо, чтобы записать очередные строки, как в комнату тихо вошла Лейля. Кул Гали сразу потерял нить мыслей, приготовленные для бумаги слова рассыпались. Кул Гали теперь видел только ее. Перо выпало из рук. Он поправил тюбетейку и даже пошевелил ушами, как бывало в детстве.

Что-то с ним творилось, едва Лейля показывалась ему на глаза. При виде этой девушки он не мог писать, мысли его путались, появлялось какое-то смутное ощущение нарастающей радости. Посторонний человек сразу бы заметил изменения в настроении Кул Гали, но сама девушка, казалось, не видела и не замечала этого. А он в такие минуты не знал, что делать.

Перо покатило к краю стола. Кул Гали схватил его и молча посмотрел на Лейлю — она была божественно красива!

— Мугаллим, — обратилась к нему девушка, — вам понравилось в гостях у хана? Вы говорили, долго говорили... наверное, о важных делах говорили. О войне, о монголах. Мне ханбике понравилась. Она такая простая, милая, красивая...

Перо снова легло на стол. Какая поэма? Какой дастан, когда перед тобой стоит юная богиня?!

— Ильгам хан весьма обеспокоен монгольской угрозой, Лейля. Он обо всем знает, ему отовсюду сообщают, но это ничуть не приносит облегчения. Словом, забот у него... Думаю, ему не до нас...

Перо вновь очутилось в его руке.

— Ханбике говорила, что у них в каждом вражеском стане есть свои люди. А недавно сын багатура Артыка Ташбай углан бился с туменом Кунбай бека и прогнал его за реку Яик, отбив у врага обозы, захватив много пленных, в том числе женщин из шахского двора. Я сказала ей, что в руках Кунбай бека находится моя мать, захваченная в плен в Ургенче. Возможно, что джигиты Ташбай углана освободили и мою мать.

— Аминь, Лейля, аминь. Да будет так. Прочитаем молитву, чтобы так оно и случилось.

Помолились, посмотрели друг другу в глаза.

— Лейля, я сел писать последнюю главу. Твоя весть взбудоражила меня.

- Ты будешь описывать смерть Юсуфа?
- Если ты будешь стоять передо мной, я вообще не смогу написать ни строчки, Лейля.
- Извини меня, мой мугаллим. Я пойду. Надо еще к переплетчикам зайти.
- Хан обещал сам заплатить переплетчикам, но ты им золотые горы не обещаешь.
- Хорошо, мой мугаллим.

Лейля ушла. В клетке затрещал попугай. Кул Гали закрыл глаза и сразу же увидел Зульхиду. От ее лица исходило такое сияние, что даже луне стыдно было бы взойти перед ней. Даже руки Зульхиды, казалось, источали свет, проникавший прямо в сердце Кул Гали, наполняя его радостью.

Кул Гали быстро взял перо, от которого будто все еще исходило тепло рук Зульхиды. Так к нему приходило божественное вдохновение: чистый разум отдыхал, уступая место половодью чувств, образов. Лилась строка за строкой, ручьем вытекали стихи из каляма, а за спиной... нет, не ангел, а сама богиня Зульхида стояла за спиной, положив ему на плечо нежную, мягкую руку. Вот она ласково погладила его по голове, словно ободряя: пиши, твори, Кул Гали, заканчивай последнюю главу и послесловие, этого хочет любовь твоя, Зульхида...

И он писал, писал, писал... Вот и закончена последняя глава дастана. Кул Гали знал, откуда к нему приходит вдохновение, но впервые образ Зульхиды так явственно, так ощутимо стоял перед ним. Он даже чувствовал кончики ее пальцев в своей руке, слышал ее дыхание, ощущал тепло ее тела. Этот неземной образ становился для Кул Гали почти осязаемым.

Кул Гали встал из-за стола, молча походил по комнате, остановился, в задумчивости теребя свою бороду, снова заходил взад-вперед... Зульхида, милая, жива ли ты? Соединит ли нас Аллах? Или суждено нам быть в вечной разлуке, как легендарным тюркским родам Саку и Соку?

Он снова сел, потянулся к перу. На бумагу полилась музыка слов...

Однажды имам-хазрет сказал ему: «Правда и реальность твоей поэзии стояли много выше правды и реальности жизни, Кул Гали».

Но что написано, то написано, больше Кул Гали так не напишет. Он испытывал чувство огромного облегчения, словно гора непосильного груза свалилась с его плеч. Ему до боли в сердце захотелось поделиться с кем-то своей радостью.

— Мафтуха апа! — крикнул он служанке. — Позови-ка сюда Лейлю!

Но когда они зашли, он вдруг растерялся, глядя на них, не зная, что и сказать им. И спешно стал собирать написанные листы.

Увидев, что он пытается привести в порядок свои рукописи, Лейля все поняла, собрала его бумаги, прижала их к груди и тихо спросила:

— Мой мугаллим, дастан закончен?

— Лейля, Мафтуха апа! — наконец торжественно объявил поэт. — Сегодня, в месяц сафар 633 года хиджры, я закончил свой диван.

— Хвала Аллаху, дитя моя, хвала Аллаху! — Мафтуха обняла поэта. — Ты, сын мой, вручаешь народу болгарскому бесценное сокровище, настоящее достояние. Этот дастан будет ходить в народе из рук в руки, внуки и правнуки будут гордиться тобой, твою поэму будут чтить как священное писание, как посланный Аллахом Коран!

«Боже! — подумал Кул Гали. — Откуда знает эта женщина, что я создал сокровище болгарского народа? Неужели мой дастан будут читать и благословлять потомки Мафтухи?..»

— Пусть твоими устами заговорят ангелы, Мафтуха апа. Ты относилась ко мне как к родному сыну, спасибо тебе. Безмерна моя благодарность Биккулу ага. Даст Аллах, он вернется и увидит дастан своего сына...

И он впервые без стеснения, без ощущения неловкости поцеловал Лейлю в обе щеки, крепко обнял Мафтуху, как родную мать.

— А теперь, думаю, мой мугаллим, ты напишешь заключение, и я отдам рукопись переплетчикам, — сказала Лейля со слезами на глазах, боясь показать их учителю.

Он не ответил, только улыбнулся, и в этой улыбке было все: любовь, радость, тоска, надежда...

Субедей багатур ждал этого дня целых тринадцать лет, на протяжении которых он беспрестанно беспокоил болгарские рубежи и добирался даже до городов-крепостей Черемшана, Кундырчи, Карамалы... Он нападал, брал и разорял города, села, но болгары его вновь и вновь прогоняли, возвращали и восстанавли-

вали свои города. Он кочевал в степях за Яиком. Булгары тоже не решались переправляться через реку, а соседи булгар башкиры предпочли укрыться в горах Яика. Наконец в прошлом году — году овцы — великий хан Угедей отозвал его в Каракорум на всеобщий курултай, на котором Субедей сказал свое твердое слово о булгарах, ничего не скрывая, ничего не прибавляя. Он сказал, что булгар невозможно одолеть не только тремя, но и шестью туменами. Субедей лишь однажды немного отступил от истины, намеренно сгустив краски, говоря о трех поражениях от булгар, ибо знал, что только так можно вызвать гнев хана и настроить его на завоевание непокорной и гордой Булгарии.

В поездку между Яиком и Каракорумом он взял с собой кишектинов — личный свой отряд, наиболее преданных воинов, своего рода «неприкасаемых», или «бессмертных», какие были при ставке Чингисхана. Он вообще предпочел бы отправиться в путь один, но все же несколько кишектинов сопровождали его: мало ли что может случиться в дороге. С собой он взял четыре заводные лошади, которых менял по два-три раза на дню, покрывая за полдня дневное расстояние между двумя стоянками. В пище он был крайне неприхотлив, ему достаточно было куска мяса, провяленного под жарким седлом скакуна. Если жажда слишком одолевала, Субедей делал надрез на шейной артерии коня, напивался крови, закрывая потом надрез густой глиной. Да, Субедей багатура нельзя было ни с кем сравнить — ни со степным волком, ни с шакалом. Одет был просто, но на макушке шлема торчали четыре пера беркута, что говорило о его высоком звании и было знаком принадлежности к высшей военной касте.

Если путник не слеп, то при виде четырех перьев на шлеме Субедея он за сто метров до него должен был спешиться с коня и преклонить перед багатуром колени. Только нойоны и угланы могли не оказывать ему таких знаков уважения, что не особенно-то волновало Субедея, ибо он знал: с началом боевых действий все эти гордые и непокорные нойоны да угланы будут в его распоряжении, и только Субедей будет знать, кого из них куда послать, и все будут слушаться его беспрекословно, пошли он их хоть в самое пекло. Ослушаться в битве приказа багатура — все равно что положить голову под топор палача, во всяком случае, так думали многие воины его тумена.

Свой тумен Субедей оставил помощнику — Кунбай беку. К тому времени они уже снова захватили город Кундырчу и, укрепившись, перезимовали там. Булгарский хан Ильгам на этот раз почему-то не послал воинов отбивать город, видимо, готовился к решающей битве. Кроме того, в ставке Субедей багатура находились два высокопоставленных булгара, два аксакала, выступавших в роли советников. И Субедей вполне доверял им. Мауля Худжа — тот и вовсе был святым человеком, успешно склоняя к исламу тюрок и татар, которых в его тумене не менее половины. Что ж, пусть склоняет, пусть проповедует, сам Чингисхан проявлял доверие к служителям религии.

Что касается купца Биккула, то он был подробно осведомлен о жизни Великого Булгара. Он сообщил, сколько войска у хана Ильгама, каким оружием он обладает, нарисовал на карте расположение городов и крепостей страны. Эту карту Субедей и привез на всеобщий курултай в Каракорум и продемонстрировал ее на высшем совете. Карта была ценна тем, что на ней значились не только города и границы Булгарии, но и давались сведения о русских княжествах, мадьярских землях и даже о побережье Адриатического моря. После знакомства с этой картой хан Угедей наконец преодолел в себе последние сомнения и решил идти в великий поход почти со всеми имевшимися в наличии туменами. За эту карту Биккул саудагар и хазрет Мауля Худжа получили столько денег, что их хватило бы и на две жизни. Хан Угедей, как и Чингисхан, не жалел денег для ученых людей. Его правилом было: платить больше, чтобы человек не продавался врагу и чтобы он говорил правду. Во всяком случае и Субедей, и Угедей хан полагали, что они закупили этих двух булгарских старцев, и были в общем-то недалеки от истины. Еще Чингисхан считал, что деньги могут сбить с пути истинного любого праведника. Действительно, и Биккул ага, и Мауля хазрет преданно служили своим новым хозяевам, зная, что монголы свято следуют заветам Чингисхана: защищать купцов и служителей религии.

Недаром монголы, перед тем как отдать обреченный город на разграбление воинам, позволяли выйти из него всем религиозным служителям, купцам и ремесленникам. «Потрясатель Вселенной» любил говорить: «О кормлении моего войска забочусь не только я, но и купцы». Поэтому он строго наказывал тех нойонов, которые, забыв об этом, обижали имамов и купцов. А если промашку делали приближенные к трону люди, расправа над ними была жестока: им ломали хребет и оставляли умирать в степи долгой мучительной смертью. Никто из путников не смел оказать помощь несчастному, ибо хорошо понимал, что и сам может подвергнуться такой же участи. Обреченных безжалостно терзали степные волки. Даже Субедей багатур содрогался, представляя мучительную смерть таких осужденных. Не дай бог такой смерти! На брошенных стойбищах и столбищах часто можно было встретить четвероногих и пернатых хищников, уже почуявших вкус человечины. Такие хищники не давали покоя путникам, бросались с воем, наводя страх на людей. На обратном пути из Каракорума Субедею приходилось встречаться с такими хищниками, опья-

ненными вкусом человеческой крови. Собственно, Субедей сам был виноват в этом приключении, потому что не взял с собой из Каракорума ни одного кишектина, желая быстрее доехать до своего тумена. А кто мог быстрее Субедея доставить эту весть? Никто! Багатур был доволен, да что там, он был почти счастлив! Наконец-то получено разрешение на завоевание болгарских, угорских, русских земель. Субедей особенно рвался в Булгарию, где остались его любимая жена Карлыгач и сын Ташбай, захваченные булгарами еще пятнадцать лет назад. Сначала Субедей всеми силами навалится на Саксин и выдвинет багатуру Бачману такие условия, которые не раз выдвигал в свое время Чингисхан. «Все замки от востока до запада завещаны мне, и об этом знают все правители, эмиры и народы. Кто покорится мне, тот будет прощен, кто воспротивится, будет казнен». Бачман багатур прочтет это послание, писанное уйгурскими буквами, и легко поймет его, ибо язык уйгуров — тюркский, и вынужден будет или оставить город, или покориться непобедимым туменам Субедея. Потом монголы пойдут на Булгар, где Субедей отыщет Карлыгач и Ташбая. Да, грозный Субедей так и не смог найти покоя на своей родной земле. Жена его Сэябель, казалось, вовсе не ждала его, более того, в его отсутствие она разрешилась ребенком мужского пола. Ребенок был не от Субедея. Узнав об этом, он напрямую спросил жену, чей это ребенок? Сын вовсе не был похож на Субедея. В предпоследний свой приезд он не обратил на это особого внимания, есть ребенок, и ладно, пусть растет, но теперь он ясно видел: ребенок не его. Тогда еще был жив Чингисхан, и Субедей поделился с ним своими сомнениями, на что тот заметил: Не такому багатуру, как ты, мстить женщине. Поговорим об этом после, когда покорим тангутов. Хочешь, мой багатур, я усыновлю твоего ребенка?

Субедей спросил:

— Которого?

Он знал, что его сын, усыновленный самим Чингисханом, в будущем станет туменбаши и даже сможет претендовать на престол.

— Как кого? — усмехнулся в ответ Чингисхан. — Кулькана, конечно. Ведь он-то действительно твой сын, не так ли?

— Кулькан — да, он мой сын, — уже не веря своим ушам, ответил Субедей, для которого предложение хана явилось полной неожиданностью.

«Почему же он не хочет усыновлять Уряка, который родился не от меня?» — смятенно подумал он, но вслух об этом спросить не посмел. Как бы советуясь с самим собой, для того чтобы успокоить себя, но не посмел сказать вслух хану, понимая, что усыновление Чингисханом его сына — великая честь по отношению даже к такому верному старому сподвижнику, как Субедей.

На очередном курултае Чингисхан действительно объявил углана Кулькана своим приемным сыном и отдал ему один из туменов, целиком состоявший из его кишектинов — отборных воинов, своего рода «бессмертной гвардии».

Субедей очень удивился, но снова промолчал, только сглотнул тугую, густую слюну. А ведь Субедей предполагал, что Чингисхан усыновит Уряка, как неродного сына, но хан сделал по-своему. И тогда впервые в жизни Субедей рассердился на Чингисхана, хотя, конечно, сказать великому хану о своей обиде не осмелился. Как нарочно Чингисхан сказал Субедею, что, очень даже возможно, в завещании своем он доверит войско и Уряку. Это уже было похоже на издевательство. Глядя на Чингисхана, мужчину в расцвете сил, трудно было поверить в то, что он готовится проститься с этим бранным миром.

Вернувшись в свою ставку, разгневанный Субедей выместил зло на главном табунщике, выпоров его камчой. Он, наверное, и убил бы его, но тут перед ним оказалась жена Сэябель. Субедей в горячке мог бы убить обоих и успокоился только тогда, когда откуда-то появившаяся старуха, взяв его за руку и крепко сжав, сквозь зубы процедила:

— Отпусти его, не гневи бога, не бери грех на душу. Сэябель сама позвала его. Любит она его.

Странно, но Субедей никогда не мог перечить этой властной женщине с морщинистым лицом — своей теще, которую он когда-то называл по традиции мамой.

— Мать, — скрипнул зубами Субедей. — Ты бы ушла лучше. Потом, стиснув зубы, добавил: — Уйди с глаз долой...

— Не уйду, сын мой, не уйду. Разве ты не знаешь, что если жеребец не покроет пасущуюся в степи кобылицу, а охотник будет убивать зверей во время их брачного сезона, то живности в мире будет все меньше и меньше. Если твои джигиты годами в походах, а жены их будут ждать, кто пополнит твои тумены?.. Или ты думаешь, что пришел в этот мир навечно? Тенгре все видит, и он свидетельствует, что ни Сэябель, ни табунщик не виноваты. Ты сам виноват, сам! Вижу, что ты уже не летаешь на коне как прежде. Кто заменит тебя? Кто примет из твоих рук твою саблю? Слышала я, что великий хан усыновил нашего Кулькана. Но если Кулькан стал сыном Чингисхана, то чьим же отцом будешь ты? Молодая жена хана не смогла родить ему сына, она все время подзывала к себе маленького Кулькана, угощала его сладостями, играла с

ним. Наверняка она и подговорила хана усыновить понравившегося ей Кулькана. А ты на курултае сидел покорно опустив голову? Не так ли? Значит, ты теперь — отец Уряка и принимай сына, каков он есть. Он — твой сын, и более не надейся на Кулькана. Будучи сыном великого хана, Кулькан очень быстро задержит нос, возгордится. Так что ты теперь — отец Уряка. И будь им!..

Субедей жестом прогнал с глаз долой жену с табунщиком, приказал принести полный ковш кумыса и залпом осушил его. Потом велел подать крепкую араку, выпил ее и завалился спать там, где сидел.

Утром теща дала ему чашку араки, ковш кумыса и большой кусок вяленого мяса.

— Поешь и попей, не смейши людей, зять. Потерпи. Уряк — тоже мальчик хоть куда, уже теперь не расстается с камчой, саблей, луком. Тебе радоваться надо...

— Радоваться надо... — повторил Субедей, чувствуя, как хмель ударяет в голову, и криво, недобро усмехнулся: — Радоваться этому или нет? Так он ушел от них, не оглядываясь, как прокаженный пес.

* * *

Когда его тумен взял крепость Ургенч, то Субедей, увидев Зульхиду, чуть было не оставил ее у себя. Однако женщина была предназначена Джучи хану. Так решили его нойоны. Субедей промолчал, ничего не сказал. Ведь у Джучи хана были около тридцати жен. Не оставил, послал-таки Джучи хану, хотя сам пленил прекрасную женщину. Она ему понравилась. Даже тогда, когда скончался Джучи хан, он не взял ее в свою юрту, отправил через своего кишектина своему сподвижнику — Кунбай беку. Теперь Кунбай бек даже из юрты ее не выпускает, то ли боится, что украдут ее, то ли действительно настолько влюблен в турчанку-красавицу.

Перед тем, как уехать из Каракорума, Субедей все-таки еще раз хотел увидеть Сзябель. Он не знал, что будет ей говорить, но все равно ему для чего-то нужно было увидеть ее. Уряка он видел всего раза два-три; Сзябель, вероятно, лгала, сказав Субедею, что Уряк играет со сверстниками, то с отцом коней пасет. До сих пор зримо помнит Субедей, как увидел мальчишку и сердцем почувствовал — ребенок не его. Хотя Сзябель очень хотела, чтобы он принял его, как сына. Мальчик, правда, был очень похож на мать, и это отчасти успокоило его, но на душе все равно было паршиво, что-то скребло. Субедей до сих пор не может успокоиться, хотя давно уже оставил Каракорум, Сзябель с ее сыном Уряком.

Поев и попив, Субедей растянулся на постели. Перину он захватил из Ургенча, посуду — из Бухары, одежду — из Самарканда. Богато жили хорезмийцы, только не ценили свое богатство, не берегли его. Не зря говорил Чингисхан, что лишь дурной правитель способен потерять бесценную страну. Он имел в виду, конечно, несчастного хорезмшаха Улуг Мухаммеда, гарем которого был отдан на утеху монгольским всадникам. Сам великий хан запрещал своим воинам брать в походы жен, для себя, правда, делая исключение и вечно таская с собой эту сучку Хулан, по прихоти которой Кулькан, сын Сзябель, вдруг стал ее сыном. Субедей, послушав хана, не взял с собой в поход жены, и вот результат: в его отсутствие Сзябель грела в своей постели табунщика.

Никто не мог напомнить Чингисхану, что он сам нарушает собственный приказ, запрещающий идти в поход с женами. На это отважился лишь его старший брат Джебе.

Нисколько не смутившись, Чингисхан ответил: «Разве мало вам женщин в покоренных странах? Разве не льстит вашему тщеславию, когда животы чужих жен служат вам подушками для отдыха? Так наслаждайтесь же, орлы мои!»

Тенгре было угодно, чтобы Субедей встретился с Карлыгач и полюбил ее. Сначала ее прислали к нему служанкой. Субедей цепким глазом увидел в ней женщину. Только лишь женщину. Потом приказал никому ее не давать, держать в его юрте. Когда ее не было рядом, мир для него стал неинтересным. Потом он пригласил ее к себе и сказал твердо, как отрезал: «Ты будешь моей женой, я на тебе женюсь, Карлыгач». В ту же ночь сделал ее своей. А когда через год Карлыгач родила ему сына, он не находил себе места от радости.

Субедей положил руки под голову, закрыл глаза. Курултай прошел, Субедей добился нужного ему решения, но дела в собственной семье он так и не смог уладить. На поле боя счастье сопутствовало ему. Видимо, Тенгре счел излишним одарить Субедея сразу двойным счастьем: в семье и на войне. Не успел Субедей нарадоваться первым шагам сына, как потерпел горькое поражение от болгар, потерял в бою глаз, но самое страшное, потерял жену Карлыгач и сына Ташбая...

* * *

Как сейчас помнит, после его возвращения беззвучно вошла в его юрту Сэябель, что-то тихо сказала, но видя, что Субедей спит, молча опустилась на колени и притихла возле него. Субедей не открыл глаз, не протянул к ней руку, сдержался. И в любви сказалась его стойкость воина. Даже с закрытыми глазами Субедей угадывал каждое ее движение. Он ждал, что Сэябель наконец ляжет около него, полежит, потом протянется к его объятиям, скажет, что соскучилась по нему. Субедей, привыкший в бою одним взмахом рубить врагу голову, на этот раз боялся даже шевельнуть рукой. В его душе боролись две силы: первая побуждала его вскочить, схватить Сэябель и овладеть ею силой, как в первый раз, и утолить страсть; а вторая заставляла его намотать на руку косы Сэябель и выпороть камчой, не оставив на теле живого места, а может, даже рассечь ее пополам саблей, как он часто поступал с наиболее отчаянными врагами. Но он не двигался, будто все его тело, руки и ноги были чужими и не слушались его.

Сэябель наконец поднялась и вышла из юрты, позванивая вплетенными в косы серебряными монетами. Чувствовалось, с каким облегчением она вздохнула и поплелась в юрту матери.

Субедей не помнил когда заснул, но когда проснулся, Сэябель рядом не было. Он вскочил, быстро оделся, опоясался саблей, нацепил кинжал, ткнул за голенище камчу. Он еще не знал, куда поедет. Субедей вышел из юрты, пошел в сторону юрты главного табунщика, но ноги не шли туда, и Субедей остановился, повернулся, пошел к юрте тещи. За внутренним пологом на постели спала старая седоволосая женщина, а на полу, на кошме, спала ее дочь Сэябель, крепко обняв сына Уряка. Субедей долго смотрел в лицо спящей Сэябель. Она словно почувствовала его взгляд, застонала, помахала рукой перед лицом, будто отгоняя муху.

— Кияу, — прошептала за пологом теща, — не позорь свою славу, не вызывай на себя насмешки. Углан Уряк — твой сын. Сэябель вчера ходила к тебе...

— Я спал, — ответил Субедей. — Спал. Сегодня уезжаю. Если захочет увидеть меня, пусть приходит с ребенком. Мы отправимся из ханской ставки.

— Хорошо, кияу, я скажу ей. Но если не придет — не обижайся. Человек не лошадь, на которую можно ярмо наложить.

— Прощай, мать!

— Прощай! Счастливого тебе пути!

* * *

Четыре лошади, четыре живых существа, Субедей багатур с ними. Лошадей он менял часто, дорога была знакомой. Спасибо Чагатай хану, который взял в свои руки этот тракт с постоянными дворами, — ямы, где можно было переночевать и поменять лошадей. Но на свою саврасую кобылицу Субедей не садился, берег ее, заставляя скакать порожняком и не оставляя ее ни на одном постоялом дворе. Кобылица эта была своего рода знаком его туменбаши.

Перед выходом в степь он послал вперед гонца, который должен был в каждом постоялом дворе сообщать, что за ним едет Субедей багатур... Служители ям ждали его с сотней кишектинов, но Субедей приезжал один; везде ему оказывали большие почести, клали лучшие куски бараньего мяса, подавали лучший кумыс, стелили самые мягкие перины. Торопливость работников постоянных дворов, казалось, переходила и к Субедею. Он спешил, даже проехал, не останавливаясь, мимо двух постоянных ям. Ему хотелось быстрее доскакать до стана Кунбай бека и сообщить о решении курултая.

Они уже почти достигли ворот Великих Булгар, осталось только открыть их. Субедей найдет Карлыгач. Не может быть, чтобы она забыла его. Да и как можно забыть его, ведь их связывает еще и сын Ташбай. Он, наверное, уже давно сотник или даже тысячный у булгар. Как хочется видеть его. Интересно, на кого он похож? Наверняка похож на своего отца, ведь он — дитя любви. Субедей любил Карлыгач, любила ли она, он не знал. Но это не беспокоило его. Главное, он любил ее.

Лето в год обезьяны пришло рано. Казалось, недавно только бушевало половодье, а глянть, уже всюду колышется ковыль, зеленеют луга.

Субедей вспомнил, как после взятия Бухары Чингисхан велел собрать все ковры зеленого цвета, выстлал ими полы в своих юртах и ходил по ним босиком. Эти ковры хан привез с собой в Керулен, а два из них подарил Субедею, который тоже выстлал ими пол в своей юрте. Он вдруг подумал: вдоволь, должно быть, покувыркались на этих коврах Сэябель с табунщиком...

Нет, никак не может прогнать он от себя эту черную назойливую мысль: Сэябель в объятиях грубого пастуха. Только Карлыгач поможет ему освободиться от этого. Значит, нужно идти на Булгар.

Через Биккула ага Субедей узнал, что Карлыгач отдали замуж за Артыка, которого назначили багатуром, главой обороны города, который будет защищать столицу булгар. Когда Субедей возьмет город, он не станет разрушать Артыка пополам, как делал в других городах с защитниками, он просто сломает ему хребет и бросит в степь, на съедение волкам и одичавшим собакам. Видимо, Ильгам хан, как и хорезмшах, решил отсиживаться в городах. Что же, пусть закрываются в своих крепостях, там их и похороним. Остальные города Субедей возьмет один за другим, сожжет, разграбит, а пленных уведет в Каракорум.

Таков был план Субедей багатура, когда он ехал к своему тумену через киргизскую степь.

Проехав киргизскую степь, Субедей решил остановиться на живописной лужайке возле небольшой речки. Пустил коней на лужайку, а сам с удовольствием растянулся на траве. Заложив руки за голову, устремил взгляд в синее небо. И опять вспомнил Кунбай бека. Он не поверит, наверное, что Субедей багатур выехал в такой долгий путь один, без верных кишектинов и слуг. Но Субедей никогда не боялся ездить в одиночестве. Его, как избранника, хранил сам Тенгре.

Впрочем, на этом тракте движение было всегда оживленным. В ту или другую сторону ехали купцы, путешественники, искатели счастья или приключений, бродяги и авантюристы. Некоторые бежали из Каракорума, другие устремлялись туда в поисках лучшей доли. Ведь именно в Каракорум уплывали богатства десятков покоренных стран. Там жить было легко, цены на товары были низкие. Человек ищет где хорошо, рыба — где глубже, конь — сочную траву.

К монголам добровольно или вынужденно присоединялось все больше и больше тюркских племен. Завоевывать пришлось только тюрков Хорезма и степных кипчаков. На очереди стояли издревле живущие в городах гордые булгары... Субедей очень хотел увидеть Великий Булгар, увидеть этот город растоптанным под копытами монгольских коней. И как можно раньше, прямо сейчас, сию минуту! В Булгаре осталась его любимая жена, его единокровный сын... Бесспорно, булгары умеют драться, они храбры, кони их легки, стрелы метки, как у всех тюрков, сабли острые. Правая рука Субедея — Кунбай бек тоже тюрк. Впрочем, все урэнхойцы знают тюркский язык, потому что когда-то жили вместе с тюрками и лишь позднее перекочевали в Уйгурию. Сыновей и внуков Чингисхана обучали уйгурские мугаллимы во главе с мудрым Гата Тунге, привезенным молодым Чингисханом, тогда еще Темуджином, из очередного похода. С помощью этого ученого тюрка-уйгура Чингисхан наладил государственные дела по образцу нойманских и уйгурских тюрков, научился управлять посредством ярлыков, фирманов и других государственных документов. «Неужели эти письмена помогут удержать в подчинении любого человека?» — недоверчиво спросил Чингисхан у Гата Тунге. «Да, мой хан», — ответил Гата. К великому удивлению хана, после рассылки в разные области этих дощечек с фирманами в юрту Чингисхана явилось множество эмиров с изъявлением покорности и послушания. После этого Чингисхан велел своим сыновьям и внукам, видным нойонам учить уйгурскую письменность. Однако Субедей, отдав сына уйгурским учителям, сам почему-то не горел желанием овладеть уйгурской мудростью. Но Чингисхан упорно учился письму, держал у себя уйгурского учителя и уже собственноручно ставил подписи на всех ярлыках, пайцзах, у него даже появилась своя личная печать.

Но все это было уже в прошлом, Субедея все это не беспокоило. Бату хан, внук Чингисхана, теперь во главе монгольских туменов, а он податлив и доверяет багатуру.

Небо было ясным. Близился полдень. Жужжали шмели, звенели жаворонки, куковала в ивняке кукушка.

Субедей не стал считать, сколько раз она прокукует, он не верил в эту примету. Услышав отчаянное ржание лошади, он вскочил как ужаленный. Слух никогда не обманывал его: так мог ржать только конь смертельно раненный во время битвы. Субедей, бывалый воин и полководец, все время жалел на поле боя своих коней, предсмертное ржание которых заставляло его сердце больно сжиматься. Единственный глаз Субедея быстро заметил стаю из семерых или восьмерых волков, поваливших у густого ивняка его любимую саврасую кобылицу, которую он берег как свой талисман.

Субедей издал грозный клич, выхватил саблю и побежал к ивняку.

— Тей! Тей! Что вы делаете, кровожадные морды?!

К его удивлению, волки не слышали Субедея, более того, вожак стаи молча накинута на приближавшегося человека. Волк прыгнул так высоко, что Субедей разрубил его еще в воздухе. Туловище хищника упало ему под ноги, а голова с оскаленными клыками покатила в сторону. Из горла хлестала кровь, лапы и туловище все еще дергались.

Субедей прыжком настиг кобылицу, в которую вцепились хищники, и разрубил пополам еще двух волков. Волки были настолько поглощены трапезой, что только после третьего разрубленного сотоварища бросились наутек, поджимая хвосты и даже не оборачиваясь. Горло кобылицы было перегрызено, вымя растерзано. Субедей снова крикнул в сердцах и принялся кромсать саблей неподвижные тела уже разрубленных волков.

Он пришел в себя, когда от волков остались лишь мелкие кровавые кусочки. Субедей огляделся и увидел, что теперь волки потрошили уже вторую его лошадь. Субедей побежал к уцелевшим лошадям, на ходу прыгнул на ближайшего коня, пересек речушку и погнал лошадей подальше от кровавого пира волков. И только переправившись через вторую речушку, придержал коня. Вдруг взгляд его устремился вдаль, он узнал местность и речушку. Он ясно вспомнил, что три года назад, в год змеи, на этом месте сражался с одним башкирским багатуром. Потерь было много с обеих сторон, в конце монголы стали одолевать, и башкиры бежали, переправившись через эту речку. Субедей не стал тогда преследовать их: монголы и так несли потери, а башкиры даже во время бегства не переставали метко отстреливаться. Субедей хотя и одержал победу, но счел за благо оставить это проклятое место. На поле боя остались лежать сотни его воинов, павших коней, но Субедей даже не стал их хоронить. И они стали, видимо, пищей для степных волков. С такими волками и довелось встретиться Субедею сегодня. Волки, отдававшие человечины, уже не боялись людей, а, напротив, стаями бросались на них с налитыми кровью глазами.

Отъехав далеко от проклятого места, Субедей, наконец поменял лошадей. До реки Яик было уже рукой подать, а там его ждал верный Кунбай бек с туменом.

* * *

Случилось это ближе к вечеру того дня, когда он встретился с волками. Говорят, что неудачно начатый день обычно так же плохо и заканчивается.

К закату, на расстоянии одного перехода до Яика, Субедей встретил гонца, мчавшегося к нему во весь опор.

Едва отдышавшись, гонец сообщил:

— Багатур, утром на тумен Кунбай бека неожиданно напали болгары с башкирами, мы потерпели поражение, спасли лишь аксакалов, а весь обоз и провизия попали в руки болгар.

— Сколько было болгар? Сотня, три сотни, тумен? — спросил Субедей спокойно, будто это его вовсе не касалось.

— Не знаю, то ли тумен, то ли алай. Кунбай бек вынужден был оставить крепость Карамалы и переправиться через Яик в киргизскую степь.

— Его жену тоже похитили?

— Да, его жена тоже попала в плен к болгарам. И обоз...

— Прекрасно, прекрасно, — процедил сквозь зубы Субедей. — Лихо надрали бока?

Наконец до сознания Субедея дошло, что случилось. Огорошенный дурной вестью, он молча направился к джайляу — летнему пастбищу. Он еще не знал, что делать с Кунбай беком, но, чем ближе подходил к стану, тем сильнее гнев душил его. Как бывалый воин, он ценил боевое искусство тюрок и даже завидовал им. Это были отчаянные рубаки, смелые воины, бесстрашные рыцари, редко отступавшие перед врагом. Но тюнкам не хватало осторожности и предусмотрительности.

С приближением к Яику гнев в душе, однако, стал утихать. Монгольская рать таяла год от года. Только тумен Субедея за последние годы оставил в итильских степях и Жигулевских горах двадцать шесть тысяч воинов. Тумен его старшего брата Джэбе нойона не в счет, потому что Джэбе уже после первой битвы с болгарскими покаялся не ступать больше на их земли и подговаривал на это и Субедея. Джэбе хотел завладеть болгарскими землями, чтобы присвоить хотя бы часть богатств этой страны, а еще — увидеть здесь шахскую дочь, у него это не получилось. Проиграв битву, он возвратился с большими потерями к Чингисхану.

В тот год Субедей багатур понес особенно большие потери, едва оторвался от Джэбе и достиг Гульстана, где тогда была ставка Чингисхана. Достиг ставки и свалился в юрте Чингисхана вне себя от ярости, обиды и унижения за проигранную битву. Потерянный глаз не стоил даже сотой доли той боли, которая овладела его поруганной душой. Хорошо, что мудрый Чингисхан понял его состояние и только сказал: «Чем горше поражения, тем слаще вкус побед, мой багатур». Слова эти неожиданно смягчили окаменевшее сердце Субедея. Да, умел великий хан задевать нужные струны людских душ.

Субедей помнит, как они в год свиньи отправились в завоевательный поход на Тангутское царство. Взяв крупные тангутские города Су-Джай и Там-Джай, переправившись через реку Сарысу, они достигли тангутской столицы, взяли ее, пленили многих воинов и остановились затем на лугах, что неподалеку от реки Сарысу.

Вдруг на охоте Чингисхан упал с лошади и тяжело заболел. Лекари ничего не могли сделать. Тогда Чингисхан пригласил к себе в юрту сыновей и наиболее близких людей. Субедей сидел рядом с ним. Чингисхан приподнялся опершись о локоть, обвел всех взглядом и слегка дрожащим голосом сказал:

— О родные мои, сыновья, дети и внуки! Верные мои сподвижники, без которых я был бы немощен, как без собственных ребер! Слушайте меня! Я сегодня страдаю так, как не страдал даже во времена собиранья моего великого народа. Я старался для моего народа, для вас, дорогие мои! Когда я сражался с врагом, железные крюки стремян от напряжения растягивались. Но никогда я не был в таком тяжелом положении, как сейчас. Чтобы собрать воедино наш народ, я готов был сутками не слезать с коня, питаюсь на ходу распаренной под седлом бараниной, терпел голод, холод и жажду, но и тогда мне не было так тяжело, как теперь. И камни рассыпаются, и железо ломается, и души уйдут когда-нибудь из наших закаленных тел... Трон мой останется за сыном Угедеем. Все остальное прочитаете в моем завещании...

И тогда не выдержал Субедей багатур, обратился с пламенной речью:

— Мой великий хан! Своими словами ты заполнил душу каждого из нас. Ты летал, словно не на коне, а на крыльях коршуна. А теперь ты, увь, стал грузом для скрипучей арбы. Ты оставляешь нас сиротами. Здесь, на покоренной тобою чужбине, нет твоего народа, твоей страны, нет твоей верной жены Бурте, которая была тебе опорой еще до того, как ты стал великим ханом. Наши великие певцы и плакальщики, твой золотой трон — все это осталось далеко, на берегах Керулени. Мы возем тебя на родину, ставшую средоточием твоей славы и центром мироздания, и пусть эта скрипучая монгольская арба будет тебе временным троном...

Услышав такую речь, заплакали, царапая себе лицо, сыновья, внуки, родные, близкие. Нашлись и плакальщики. Чингисхан прожил 65 лет и завоевал столько стран, сколько и не снилось никакому другому завоевателю в мировой истории.

Субедей багатур все время пытался выработать в себе терпение, выдержку и упорство, свойственные только Чингисхану. Но часто срывался, вспыхивал, горячился, хватался за камчу. Над могилой Чингисхана он поклялся, что выполнит его завещание и покорит все земли от Татарского пролива до реки Дениз, нет, до самого Адранского моря. А для этого ему нужно много войск, и он нашел эти войска у народов тюркского мира. Он не ошибся в тюрках — это народ мужественный, верный своему слову, умеющий сражаться до конца. Булгарские тюрки явились крепким орешком на пути завоеваний Субедея. Когда подойдет со своими туменами Бату хан, они посоветуются, что делать дальше. Предстоит решить, с какой страны начать дальнейшие завоевания. Булгары соседствуют с русскими, и эти два народа постоянно воевали друг с другом. Впрочем, с ними они пока находятся в мире, подписали договор. Хорошо бы снова натравить их друг на друга. Если не удастся, прежде всего нужно покорить Булгарию, потому что основное население этой страны составляют тюрки, которых много в войсках монголов. Если бы удалось присоединить к себе болгарскую армию с ее пушками на конной тяге, двигаться дальше на запад было бы значительно легче, тем более что булгары знают все слабые стороны своих соседей. Но как этого добиться?

Вероятно, придется воевать. Поэтому Субедей не будет строго судить Кунбай бека, скорее всего повторит ему слова Чингисхана, сказанные Субедею после первого поражения от булгар.

Достигнув Яика, он увидел множество юрт — остатков тумена Кунбай бека. Сердце его сжалось при виде знакомой картины кочевья. Как всякий природный кочевник, он любил просторы необъятной степи. Среди разноцветных шатров Субедей быстро обнаружил ставку Кунбай бека. Шатер Субедей багатура был разбит в самом центре кочевья на холме. На куполе шатра развевалось белое знамя Чингисхана.

Увидев это знамя, Субедей отчасти успокоился, даже попридержал коня, и только гонец, не понимая настроения багатура, спешил вперед, однако, увидев отставшего багатура, тоже натянул поводья, поджидая полководца.

— Багатур, что вы собираетесь делать с Кунбай беком? — спросил он.

— Для начала я попробую на твоей спине крепость моей камчи.

— Но, мой багатур...

— Да-да, — сказал Субедей, поправляя повязку на отсутствовавшем глазу и вынимая из-под седла кусок распаренного мяса. — Не посмотрю, что ты из славного монгольского племени уренхоев. Иди, иди сюда, не бойся.

Гонец был из касты кишектинов, с которыми считались даже нойоны. И все же он нехотя, но подъехал к своему знаменитому военачальнику, откинувшись всем телом назад, словно ожидая удара.

— Иди, иди, не бойся, — Субедей ухватил гонца за рукав. — А теперь слушай издавшего виды человека, гонец. Если мы будем казнить каждого татарского багатура, с кем дойдем до Адранского моря, и дойдем ли?.. До сих пор впереди шли татары. Тумены Бату хана давно уже состоят из татар.

— Зато жена великого хана наказала нас называть ее анам, или я ошибаюсь, мой багатур?..

— Не сказал бы, что это плохое слово. Две жены Чингисхана были татарками, а их сыновья теперь руководят целыми туменами. А сама жена Бурте тоже была татарской крови.

— Ваша жена Карлыгач, багатур, тоже была татарка.

Этих слов не надо было говорить гонцу, ох не надо было! Затронул он самое болезненное место в душе Субедея, насыпал соль на старую рану. Но багатур на этот раз сдержался:

— Да, ты прав, кишектин, Карлыгач была татаркой. И была несравненная во всех отношениях. Теперь я понимаю, почему Чингисхан женился на татарках. Он сам был татарской крови. Это был зов крови, гонец, зов крови его предков.

— Кунбай бек тоже хвастался своим татарским происхождением, — заметил гонец, не зная, что творится в душе багатура.

— Мы теперь все — татары, гонец, все! Понял?

— И Чингисхан?

— И Чингисхан ушел из мира как татарин, и предки его были татарами. В стародавние времена монгольские племена, кочевавшие у китайских границ, подчинялись татарским ханам. Монголы усилились во времена деда Чингисхана багатура Баргана и его брата Хутумы хана и стали грозить Китаю. Но во времена отца Чингисхана — Ясугей багатура монгольская сила вновь пошла на убыль. И только Чингисхан вознес славу татар-монголов на небывалую высоту, и я горжусь этим, гонец.

— И я, мой багатур.

Навстречу им выехал Кунбай бек с сотней отборных всадников.

Приблизившись к полководцу, Кунбай бек спешил и поклонился ему.

— Благополучно ли вернулись, мой багатур?

— Благополучно, хвала Тенгре, — ответил Субедей, тоже спешиваясь. — Только я, кажется, не вернулся, а приехал.

— Верно, мой багатур, ты приехал, а не вернулся. А у нас беда приключилась. Пришлось оставить правый берег Яика. Нежданно-негаданно навалились болгары, отбили стада, обозы, увели женщин. Много моих рыцарей пало на поле битвы.

Субедей багатур положил руку на плечо бека, посмотрел ему в глаза и повторил услышанные им когда-то слова Чингисхана:

— Чем горше поражение, тем слаще вкус победы, Кунбай бек.

Лицо расстроенного бека, ожидавшего экзекуции, просветлело от таких слов, и он даже сделал попытку улыбнуться.

— Я отомщу им, мой багатур.

— Хорошо. Верно. А теперь сядем на коней и донесем до моих джигитов радостную весть. Скоро сюда прибудет Бату хан с десятью туменами.

Они поскакали в кочевое стойбище. Из юрт и шатров высыпали воины. Глашатаи стали созывать всех нукеров к юрте Субедея багатура.

Вскоре на площади перед юртой яблоку негде было упасть. По зову глашатаев перед юртой военачальника собирались обычно все — от сотников до тысяцких.

Субедей багатур встал во весь рост на седло, обвел взглядом тумен и сказал:

— Джигиты! Орлы мои! Внук Чингисхана великий хан Угедей посылает в помощь нам десять отборных туменов для покорения Булгарии и лежащих на западе от нее других стран. Главой всех туменов назначен сын Джучи хана Бату хан. Так решил великий курултай. Хур-ра!

Воины стали кидать в небо свои шлемы, воодушевленно крича древний туранский клич: «Ур-ра!.. Ур-ра!» Субедей обратил внимание, что это крик воинов Кунбай бека. «Скоро и мы, монголы, станем кричать «ур-ра», как татары, — подумал он и опять вспомнил Карлыгач. — Будь здесь моя Карлыгач, она тоже кричала бы «ур-ра».

По окончании военного схода, к вечеру Субедей позвал бека в свою юрту.

Когда Кунбай зашел в его шатер, полководец беседовал с двумя аксакалами. На скатерти стояли кувшины с кумысом, аракой, подносы с мясом и фруктами.

— Сначала выпьем, друзья. Аксакалы, вас я тоже приглашаю. Бек, и ты возьми пиалу. Впрочем, аксакалы не пьют, не будем настаивать из-за уважения к ним. Устраивайтесь поудобнее. А ты, мой бек, осуши пиалу и расскажи подробнее, как тебя болгары с башкирами надрали.

Выпили, пожевали мясо.

— Даже и рассказывать не хочется, мой багатур. Они навалились неожиданно, откуда ни возьмись, стали стрелять из своих «подвижных» пушек. Кони испугались, понесли. Джигиты мои рассыпались и бросились бежать. Аксакалов удалось спасти.

Субедей бросил взгляд на Биккула и сказал Кунбаю:

— Мне мои аксакалы очень дороги, бек, очень дороги. Скоро мы двинемся на Булгар, и там, в завоеванном городе, нам понадобится их помощь, очень даже понадобится. Верно, купец?

— Совершенно верно, багатур. Страна не может жить без торговли, а человек — без сородичей.

— А ты, бек, видел его?

— Кого? — переспросил Кунбай бек.

— Ташбая, сына багатура Артыка, чьи пушкарки прогнали нас на эту сторону Яика, Кунбай бек, — ответил Биккул, сразу поняв, о ком идет речь.

— Да, верно, — подтвердил его догадку Субедей. — Так ты видел Ташбай углана или нет, сына моего?..

На этот раз Кунбай бек не на шутку встревожился. Он не понимал, почему Субедей интересуется Ташбаем, и потому некоторое время молчал. Потом он взглянул на Биккула, а тот чуть заметно кивнул головой. Понял Кунбай бек, что Субедей интересуется не столько причина его поражения, сколько личность этого бравого пушкаря Ташбая.

Когда-то в неудачной для монголов битве у Итили жена и сын Субедея попали в плен к булгарам, и теперь, спустя 15 лет, сын Субедея Ташбай углан стал у булгар сотником пушкарей. Именно вездесущие пушки на конной тяге и решали исход стычки булгар с туменом Кунбай бека. Вот за кого, оказывается, переживает теперь Субедей. Кунбай понял это по едва заметному кивку Биккула и принялся на все лады расхваливать Ташбая.

— А-а-а! — протянул он, словно только что вспомнил. — Ташбай углана? Да-да, видел я его, как же не видеть! Нагнал он на нас страху, багатур. Так метко стреляли его пушки, кони наши понеслись, словно сам бес гнал нас, мой багатур. На моих глазах он завалил десять моих джигитов. Если бы я своими глазами не видел этого...

«Не преувеличивай, Кунбай, как бы не перестараться, — мысленно одернул себя бек, — как бы все дело не испортить».

Кунбай видел, что Субедей, слушая его едко улыбался. Взгляд его при этом был обращен внутрь, как у человека, погруженного в воспоминания. Ведь Ташбай — пушкарь, не мог он с саблей в руках воевать.

— Я потерял их неожиданно, Кунбай бек. Было это в первую войну с булгарами. Конь мой упал, я потерял сознание, один мой глаз вытек. Меня перевезли за Итиль кишектины с помощью урусита Плоскини. Основные мои силы полегли в засаде между двумя горами в Жигулях. Булгары обманным путем завлекли нас в западню между гор, закрыли выход камнепадом, отрезав путь к отступлению. Остальное даже вспоминать не хочется. Нетрудно было расстреливать из луков попавших в ловушку монголов, тем более что булгары стреляли сверху, с гор, из укрытий. Поражение было тяжким, и я, Кунбай бек, никогда не забуду этого позора. Тогда я и потерял свою жену и сына. Жизнь течет, и теперь мой подросший сын из булгарских пушек прогоняет тебя, бек, за реку Яик. Не беспокойся, Кунбай, мы снова переправимся через реку и возьмем Булгар, освободим наших жен.

— И углана Ташбая, — осторожно тихо сказал Кунбай бек, боясь опять затронуть болезненное место багатура. — Опыт войны приходит с годами...

— Он еще юнец, — сказал Субедей. — Когда его приведут ко мне, он очень скоро поймет, что против нас воевать нельзя. Мы взялись за покорение мира, и мы завоюем его. Так ведь, аксакалы?

— Беседуя с аксакалами, мой багатур, ты как будто со всем миром беседуешь, — подтолкнул Кунбай бек. — Для них и Тенгре — бог, и Аллах — бог. Впрочем, и для меня тоже. Пять раз в день совершаю намаз.

— Вот как? — усмехнулся Субедей. — А как же во время битвы?

— И на это у меня есть ответ. Во время битвы, конечно, не до намаза, поэтому считается, что ты за время битвы как бы уже совершил намаз, естественно, в душе, сердцем.

Субедей не ответил, он был не против принятия воинами исламской веры. Только бы придерживались законов Ясы. Чингисхан тоже не запрещал, а даже поощрял разные религии. Он считал, что человеку верующему можно доверять, потому что он ответствен, прежде всего перед своей совестью и Богом. Более того, будучи однажды в Бухаре, Чингисхан сам чуть было не принял ислам, даже, кажется, принял, но имамы потребовали от него совершения хаджа в Мекку. Чингисхан отказался, сославшись на больные ноги. Но Субедей знал, что ноги здесь ни при чем, просто в то время Чингисхан серьезно конфликтовал с халифом, через которого пролегал путь в Мекку.

В юрте стало жарко. Субедей снял с себя джилян, облокотился на кожаную подушку. Гнев, душивший его в конце пути, словно куда-то улетучился. Рассказ бека о Ташбае пробудил в нем воспоминания. Перед

его глазами прошли сцены женитьбы на Карлыгач, рождения сына, вспомнились поступки и характер его татарской жены.

— Я завоевал много стран, Кунбай бек, — сказал Субедей. — Пора бы, кажется, и остановиться, но почему-то не могу, а может, и не хочу останавливаться. Мой старший брат Джэбе поступил мудро, сославшись на больные ноги, и теперь ходит у хана Угедя в аксакалах. Я тоже мог остаться, меня никто, даже сам хан Угедей, не гнал в поход. Я сам, по своей воле пришел сюда.

— Наверное, душа позвала. Так бывает иногда, когда тебя зовет какое-то пастбище, те или иные кочевья. Места себе не находишь, сердце ныть начинает.

— Если бы только душа и сердце! Вон спроси стариков, они жизнь прожили и знают, что человека своя кровь тянет, свое дите — плоть от плоти к себе зовет. Как только услышу имя сына, земля уходит из-под ног, сердце сжимается в кулак. А ведь меня нельзя назвать мягким человеком, Кунбай бек.

«Все, хватит плакаться, — вдруг приказал себе мысленно Субедей. — Пусть не думают, что я, рассказав про сына, растаял. Я ведь поначалу хотел этого Кунбая бека зарубить за то, что проворонил свой стан булгарам, а теперь, ишь ты, сижу с ним за одним дастарханом».

— Багатур, — обратился к нему бек, словно читая его мысли. — Я от тебя не ожидал такой милости. Думал, что казнишь меня. Спасибо тебе. Ты — настоящий человек, благородный, справедливый и милосердный.

Субедей не обратил внимания на его слова, потому что уже ощущал себя в роли самого Чингисхана. Впрочем, так оно и было: он — продолжение Чингисхана, его будущее, а это значит, что можно быть таким же великодушным, как Чингисхан.

— Завтра же начнем переправу через Яик, Кунбай бек, — сказал Субедей. — Мы с тобой должны снова отвоевать пограничные крепости булгар Карамалы, Кундырчу, Чирмешан. Все торговые пути, ведущие к булгарам, нужно немедленно перекрыть, товары изымать. Худжу я отправлю в Булгар, а купца Биккула — с торговым караваном. Так, Биккул-саудагар?

— Совершенно верно, багатур.

— Твоими бы устами да мед пить, багатур, — заметил Кунбай бек и первым потянулся к пиале с аракой.

Хотя на другой день Субедей багатур не смог переправиться через реку Яик, но через день, как только перешел реку, он, верный своему слову, отправился с двумя туменами к Карамалинской крепости, но не нашел там ни единой души — население покинуло город. На улицах среди брошенных домов бродили лишь одинокие собаки и кошки.

В тот же день Субедей решительно перекрыл все караванные тропы, скупая у купцов их товары, не говоря, зачем они ему нужны. Как и Чингисхан, Субедей багатур не спешил делиться своими планами, пока не приступал к их реализации. Он, конечно, мог хотя бы частично восстановить крепость Карамалы, оставить свой обоз и часть своего войска и ожидать здесь прибытия туменов Бату хана. Однако Субедей, как истинный кочевник, презиравший всякие прелести города-крепости, через два дня оставил Карамалы и возвратился в свой милый сердцу кочевой стан. Но и здесь долго не засиделся и вскоре со всеми туменами двинулся на город Саксин.

Ехали не спеша, останавливаясь на стоянках. Травы было много, лошади откормлены, кобылицы жеребились, табуны скота множились, год обещал быть плодородным и богатым. Вечером, остановившись на отдых, Субедей багатур попивал в своей юрте кумыс и не переставал думать о булгарах, которые много лет назад захватили Карлыгач и сына Ташбая.

Когда сына Кулькана усыновил Чингисхан, Субедей старался не показываться сыну на глаза. Он видел, как быстро менялся Кулькан, гордый новым своим «отцом», видел, как росло в нем высокомерие, как всерьез он начинал верить, что стал «сыном» самого Чингисхана — «потрясателя Вселенной».

А ведь его сын Кулькан когда-то был без памяти влюблен в болгарскую красавицу Сэмбель, к тому же не девушку, а жену какого-то знатного булгарина. Он буквально сох от любви, желтел и чах. Никакие лекарства и травы, никакие заговоры и молитвы не помогали ему. Как сумасшедший, он то и дело повторял имя Сэмбель.

Субедей не выдержал, послал лучших своих джигитов, чтобы те выкрали эту женщину. Верные его удалыцы сделали свое дело, привезли болгарскую красавицу и из рук в руки передали Кулькану.

Джигит стал на глазах поправляться, исцеляться. Он стал улыбаться, шутить. Тогда Субедей убедился, какой целительной силой обладает настоящая любовь. А ведь и он сам так же вот уже который год рыскает вдоль болгарских границ, снедаемый все той же болезнью — любовью. Он верит, что найдет лекарство от болезни, но для этого нужно прежде всего захватить гордый Булгар. Там он отыщет Карлыгач, при имени которой до сих пор начинает трепетать его отнюдь не молодое сердце.

Вечером он позвал к себе болгарских аксакалов, велел приготовить для них обильный стол, посадил их на мягкие подушки. Он лично угощал их, даже аракой потчевал, но старцы ничего, кроме кумыса, не пили. Субедей не настаивал, велел принести аксакалам чаю. Юрта стояла на берегу реки, и через приподнятый полог в жилище проникал свежий ветерок.

Перед беседой с аксакалами Субедей взглянул на старого купца. Тот выглядел благообразно, говорил намеками. На правой щеке его темнела родинка. Бородка круглая, аккуратно подстриженная, усики — как стрелки девичьих бровей. Что касается имама-хазрета, то у него была остроконечная, немного козлиная бородка и удлиненное смуглое лицо. Пальцы его рук были длинными, тонкими, изнеженными, не знавшими физического труда.

— Аксакалы, — обратился к старцам Субедей, когда те прочитали традиционную молитву и протянули руки к угощению на столе. — Я хочу посоветоваться с вами.

— Баракалла, хвала Аллаху, — ответил имам-хазрет Мауля Худжа. — Пожалуйста, мы с удовольствием выслушаем тебя. Конечно, мы не святые, но, будучи искренними последователями пророка Мухаммеда, мир ему и благочестие, и опираясь на милость Аллаха, честно исполняем свой долг. Иншалла, Аллах вознаградит нас за наши богоугодные деяния. Мы, багатур, никому не причиняли зла, помыслы наши чисты, так что смело излагай свою просьбу.

— Хорошо, хорошо, имам-хазрет. Вижу, что вы несколько оторваны от реальной жизни. Впрочем, это ваше дело, живите, как велит вам ваша совесть. Я буду доволен, если вы по вашей святой наивности не сотворите какую-нибудь явную глупость, я имею в виду глупость житейскую, уважаемый хазрет, поймите меня правильно. Скоро сюда придут наши главные силы, чтобы двинуться в решающий поход на Булгар. Но одно дело взять город, другое дело — управлять народом. Тут и понадобится нам ваша помощь, аксакалы.

— Если будет на то воля Аллаха, багатур. Все в мире этом творится по воле Аллаха.

— Конечно, конечно, уважаемый хазрет, пусть будет по-вашему. Но нам для управления страной понадобится угодный нам хан, или тархан. В общем было бы хорошо, если бы вы подумали об этом.

— Гм-м... багатур, нельзя быть выше Аллаха, все в руках божьих.

— До сих пор Тенгре был на нашей стороне, — спокойно ответил Субедей, — он защитит нас и в будущем.

— Истинные мусульмане, чистые душой правоверные никогда не причинят вам зла, багатур.

— Что это за слово такое — «иман»?

— Иман — это когда люди верят в Аллаха, его ангелов, в священные писания, пророков, в Судный день, предопределение, в доброе и злое начала бытия...

— Ну хорошо, предположим. А еще вы часто говорите об исламе. Что же это такое — ислам?

— Ислам — это религия Аллаха и пророка его Мухаммеда. Ислам всем людям ставит условие: признавать существование единого и всемогущего Аллаха и его пророка Мухаммеда, творить пятикратный намаз, стараясь не пропускать ни одного, жертвовать для исламских целей одну сороковую часть своих доходов, держать мусульманский пост во время священного месяца рамазан и совершать хотя бы один раз в жизни хадж, если позволяют здоровье и средства.

— Что ж... Мне нравится твоя религия, имам-хазрет. Но скажи мне, почему Аллах столь всемогущ, но не помог хорезмшаху Улуг Мухаммеду? Почему он не спас его от позора поражения?

— Значит, у него накопилось много грехов, багатур, и Аллах за это послал на него вас как кару небесную.

— А теперь ваш Аллах посылает нас на Булгар. Значит, хан Ильгам тоже не безгрешен. И мы победим его. Но нам не хотелось бы, чтобы болгары видели в нас только завоевателей и поработителей. Мы не хотим зла болгарам. Если хан Ильгам придет к нам с поклоном, мы оставим в покое его и страну, правда, обязав его платить ясак с каждого города и с государства в целом, а также давать мне в войско одного джигита из десяти. Таково будет мое условие Ильгам хану, аксакалы. Если примет — хорошо, не примет — пусть нас Тенгре рассудит. Гм-м... Саудагар, почему ты все молчишь?

— Я думаю, багатур. Во главе туменов стоит Бату хан. Не спутает ли он нам все договоренности?

— Верно, его приход многое может изменить. Поэтому я и даю Ильгам хану возможность, пока не поздно, избежать позора поражения. Саудагар Биккул, а также вы, уважаемый хазрет, у меня есть к вам просьба. Я решил послать вас в Булгар.

— О Господи! О Аллах! Верно ли это, багатур? — взволнованно спросил хазрет.

— Имам-хазрет, насколько мне известно, в городе Кашане растет и учится внук хана Галимбек. Ты поедешь туда и будешь готовить этого отрока для вступления на болгарский престол. А ты, саудагар, привезешь сюда мою Карлыгач. Таковы ваши задачи, аксакалы.

— Гм-м... багатур, пристало ли мне, старому, почтенному человеку, заниматься похищением чужих жен?

— У почтенного человека и ум и дела должны быть почтенными, саудагар.

— А Ташбай углан?

— Его не трогать. Он человек военный. Я сам найду его... Живого или мертвого. С такими людьми можно разговаривать лишь после завоевания страны.

— Я подумаю, багатур.

— Почему вы перестали есть? Угощайтесь, аксакалы, не стесняйтесь.

— Багатур, мне нужно прочитать послеобеденный намаз, — сказал имам-хазрет.

— Ради бога, читай. И не забудь при войнах-мусульманах и мне прочитать хутбу.

— Я славлю вас в каждой молитве, в каждую священную пятницу, багатур.

— Хорошо, хорошо, имам-хазрет. Читай на здоровье свою хутбу, но только не морочь мне голову своей религией. Я слушал в свое время таких китайских аксакалов, как Сэм-Джу, Эй-Джез, Чи-Мен, был свидетелем беседы хана с великим китайским астрономом и прорицателем Юляй-Чусяем, который так понравился Чингисхану, что тот целыми месяцами не выпускал его из своей юрты.

— Ни одно существо на свете не может ни жить, ни умереть без воли Аллаха, — сказал Мауля Худжа и ушел за занавеску творить намаз.

Субедей пальцем поманил Биккула поближе к себе.

Когда купец подсел к нему, багатур положил руку ему на плечо и сказал:

— Аксакал, я решил уже на этой неделе послать тебя в Булгар. Передашь мое предложение Ильгам хану. Пусть решает сам, как поступать. Секретарь напишет послание на серебряной табличке.

— Боюсь, что вы взваливаете на мои плечи непосильную ношу, багатур. Ведь я купец, а не дипломат. Ты мне лучше товар дай, обозы, приказчиков.

— Хорошо, купец. Все у тебя будет. Только с тобой поедут несколько моих джигитов.

— А вот этого делать не надо, багатур, не то Ильгам хан может недоброе заподозрить. Лучше я сам нужных людей выберу.

— Хорошо, купец. Но хотя бы одного моего человека возьми, и это уже не просьба, а приказ. Если кто и узнает Карлыгач, то только посланный мною человек.

— Договорились, багатур.

— А как ты думаешь пробраться в город?

— Это уж мое дело, багатур.

— Хорошо, хорошо, саудагар. Завтра же велю готовить обозы.

В это время из-за занавески вышел Мауля Худжа. Он слышал разговор багатура с купцом. Возможность вернуться в Булгар тоже радовала его, но он старался не показывать эту радость багатуру. Как бы там ни было, а Мауля Худжа в стане Субедея во многом достиг своих целей. Правая рука Субедея Кунбай бек принял ислам. Но хазрет еще раз удостоверился в том, что, даже принимая ислам, тюркские и монгольские воины остаются верными законам Чингисхана. И Мауля хазрет понял: одна лишь религия монголов не остановит. Хорезмшах Улуг Мухаммед сказал: «Если монголы примут ислам, я не буду воевать с ними». Но самих монголов не остановит принятие ислама. Поэтому Мауля Худжа чувствовал себя неуверенно, как путник на распутье. Но что делать — он сделал все, что мог, усердно потрудился на ниве обращения монголов в ислам. Осталось только назначить среди них муллу и отправиться домой, в Булгар.

— Садись, садись, имам-хазрет. Я тебя уважаю, поклоняюсь Тенгре. Небо и Солнце — вот истинное лицо вашего Аллаха. Не будет Неба и Солнца — не будет и вашего Аллаха. Если ваш Аллах равен Тенгре — что ж, это хорошо. Но куда вы, имам, денете Небо и Солнце, Луну и звезды? В степи я ориентируюсь по звездам. Полярная звезда для меня — это Белый Путь: все живое в мире испытывает влияние Солнца, Луны, звезд. Не против твоего Аллаха, имам-хазрет, но не забывай и те дары на твоем столе, каким ты обязан Земле, Солнцу, Луне, звездам.

— У меня есть только один повелитель, один господин — Аллах, милостивый и милосердный.

— Ладно, ладно, имам. Теперь слушай меня и спустись с небес на землю. Я решил послать в Булгар купца Биккула с большим торговым караваном. Пусть Ильгам хан удивится. Мы к нему идем с миром. Товары мы собрали и верблюдов нашли, скоро отправитесь в Булгар. Задачу свою вы знаете.

— Знаю, знаю, багатур.

* * *

Вот так неожиданно купец Биккул, разменявший уже седьмой десяток, отправился в Булгар. Было это в год обезьяны, летом. Даст Аллах, дней через пятнадцать они будут в Булгаре. Субедей багатур все-таки навязал им своего человека, да не какого-нибудь, а сотника. Что ж, на все воля Аллаха.

Биккул знал, что Субедей поручил сотнику привезти из Булгара его жену Карлыгач. А Биккул хорошо знал, как относится сотник к порученному делу. Для него это дело чести, и скорее камни станут падать с небес, нежели монгол не выполнит задания. Честь превыше всего. Субедеевский сотник был человеком угрюмым, себе на уме. И имя у него было странное: Йэгерек, что значит быстрый, проворный.

Когда все было готово к дороге, Биккул подошел к Субедею и спросил:

— Багатур, а если я не сумею выполнить вашего поручения?

— Я найду тебя, саудагар, из-под земли достану.

— Хорошо, багатур. Прощай. Пожелай нам счастливого пути.

* * *

Дорога в Булгар пролегла в стороне от главного тракта. Этой дорогой булгары ездили из Карамалов в Булгар и обратно. Именно на карамалинской дороге погиб эмир Булат. Монголы настигли его и сорвали арканом с лошади, долго тащили за собой и потом зарубили.

Караван шел ровно, медленно. Биккул ехал верхом, а Мауля Худжа дремал в арбе.

Каравану некуда было спешить. Товаров набралось много: и китайские шелка, и самаркандский урюк, и бухарский изюм, и хивинские кувшины, кумганы и серебряная посуда, лампы с нефтью, дорогие седла, разукрашенные уздечки и множество других товаров. Кунбай бек предложил Биккулу и товары, отобранные у булгар, но купец отказался.

— Я — честный купец и дорожу своей репутацией. Не хочу подводить Субедей багатура. Кроме того, булгары могут узнать свои товары, и к чему это может привести, наверное, не надо объяснять.

Кунбай бек согласился с купцом.

Путь был не особенно долог, поэтому и не спешил караван. По обе стороны дороги колосились хлеба. Скоро настанет пора жатвы. Но пока деревни пребывали как бы в дреме. Многие из них были пусты: жители бежали, бросив дома, поля, хозяйство. Да, крепко монголы напугали булгарских земледельцев. Кто будет убирать хлеба? Впрочем, привыкших к мясной пище монголов не волновали пшеничные поля. Главное для них — обильные травой пастбища. Впрочем, в последнее время и монголы стали употреблять в пищу хлеб, а также разные каши, толокнянки, затирухи.

Биккул смотрел на хлебные колосья и думал. Что он скажет Ильгам хану? Конечно, он покажет ему письмо Субедея, скажет о его условии.

И что? Разве послушает его Ильгам хан? Чего доброго, обвинит его, собственного шпиона, в измене.

Они ехали мимо деревень, не заворачивая в них, — таков был приказ багатура. Об этом знал каждый купец и свято исполнял приказ. Впрочем, на расстоянии дневного перехода их ожидает вполне благоустроенный караван-сарай. На завоеванных землях монгольские ханы, следуя примеру булгар, построили на протяжении всего тракта постоянные дворы. Субедей багатур сам охранял их, сам содержал и сам брал плату с путников. В таких постоянных дворах есть все необходимое: лошади, верблюды, корма для них, еда и толмач для путников.

* * *

Угедей хан направил к Ильгам хану послов для упрочения торговых связей. Возможно, он хотел спровоцировать булгарского правителя. Но Биккул саудагар предупредил Ильгам хана, чтобы он и пальцем не тронул монгольских послов. Послы Угедей хана возвратились из Булгара невредимыми, но с пустыми ру-

ками — не добившись от Ильгам хана изъявления покорности. Теперь Угедей хану оставалось только одно — завоевать непокорных болгар.

Сердце сжималось у Биккула при виде брошенных болгарских селений. Не было слышно ни звука, село будто вымерло, лишь через дорогу перебегали голодные собаки.

И в стане Субедея и в дороге Биккул бей все старался представить себе встречу с Ташбай угланом. Кем будет этот молодец? Завоевателем мирных стран, как его отец, или защитником болгар, как его воспитатель и приемный отец Артык багатур? Один лишь Аллах знал об этом.

Вечером, когда солнце уже скрылось за горизонтом, караван остановился. После ужина прочитали намаз. Разговаривали мало, все было давно обговорено. Каждый теперь думал о делах предстоящих. А дела эти были очень важные, ответственные. Кроме того, обоих мучил вопрос: кому же они служат в действительности? Верно, что их послал к монголам Ильгам хан. Но и Субедей багатур доверяет им, советуется с ними, не обижает их. Первоначальной их задачей было благородное стремление помочь своему народу, а потом... Потом все как-то смешалось, стало непонятным...

— Хлеба нынче хорошие, Биккул, — сказал наконец и Мауля Худжа.

— Да, я сам бы повел хлебные караваны, — поддержал разговор Биккул. — И Владимир повидал бы. Соскучился я по белым пышным булочкам, чистым родникам, по дому, по Мафтухе.

— Ты, кажется, собирался на ней жениться?

— Не только собирался, но и женился. Да сам видишь, какая потом заваруха получилась. Пришлось срочно уезжать.

— Не беда, найдешь ее по возвращении, Аллах поможет.

— Если здорова и жива, то с помощью Аллаха я отыщу ее. До сих пор не могу нарадоваться, что каким-то чудом мне удалось отправить в Булгар дочь багатура Багмана. Если бы тогда я смог спасти и мать ее, Зульхиду...

— Ты же знаешь, что всех женщин Кунбай бека отбил углан Ташбай. Значит, и Зульхида была среди них.

— Так-то оно так, но все же сомнения не дают покоя. Да и Кунбай бек ведет себя спокойно, будто не увели у него женщин. А ты посмотри на Субедея, — как он скучает по Карлыгач, хотя прошло уже пятнадцать лет после ее потери.

— Для кого-то женщина — что садовая роза, для другого — что репей прилипнет, не отстанет. Видно, надоела Кунбай беку его жена, поэтому не кручинится особо.

— Это Зульхида надоела?! Не говори чепухи! Такая женщина рождается один раз в тысячу лет!..

* * *

Тихо спускалась на землю ночь. Загорелись звезды. Биккул знал каждую из них. Сколько лет он глядел на эти звезды в своих бесчисленных путешествиях. Он знал, что сегодняшнее путешествие будет последним в его жизни. Больше он никуда не сможет поехать. Никуда.

Звезды, звезды... В пути во время ночлегов ему снились чудные сны. Звезды, звездочки, скажите, что меня ждет, кто... Иногда звезды сыпались на его голову, словно звонкие монеты. Он торопливо с криком начинал собирать эти звезды и... просыпался от собственного крика. Да, жизнь его прошла под этими звездами.

В каждом городе у него были свой дом и хозяйка, и все же больше всего ему пришлось жить в Ургенче. Когда в Булгаре умерла его мать, проведя поминки, Биккул оставил дом, хозяйство, слуг на попечение вдовы Мафтухи, муж которой погиб на войне, а сам снова отправился в Ургенч.

Счастлив был в те годы Биккул. Рядом с ним был его друг поэт Кул Гали, которого он принимал как родного сына. Кул Гали отвечал ему сыновней любовью. В общем так оно и было. Биккул давно привез маленького Кул Гали в Ургенч, где мальчика воспитывала жена Биккула. Потом Биккул отдал мальчика на обучение известному ученому Востока Пахлевану Махмуту. После этого Кул Гали учился у мастера Мунарика. Овладев искусством воина, Кул Гали затем брал уроки у персидского ученого Раджана Назари и арабского суфия Нур Мухаммеда.

Когда Кул Гали достиг совершеннолетия, он сам стал давать уроки, учить детей. Тогда-то он и встретился с женой багатура Багмана — Зульхидой. Встретился, чтобы полюбить на всю жизнь. Биккул бей всерьез боялся, как бы их отношения не зашли далеко. Кул Гали тянулся всем сердцем и душой к этой женщине. Видел Биккул, и она мучилась, пытаясь скрывать свое чувство. Биккул все это видел, тем не менее был уверен, что ни Кул Гали, ни Зульхида не сделают ничего, что опозорило бы честь багатура Багма-

на. Действительно, они достойно выдержали испытание любовью и не дали пищи для пересудов. Видно, тогда оба смирились со своей судьбой.

Затем пришел год змеи. На Ургенч напали монгольские орды. Город пал. Багатур Багман с семьей попал в плен. Остальное Биккулу даже вспоминать не хочется.

С того дня и начались кошмары. Салахутдин бей привез Биккулу приказ от хана Ильгама: внедриться в стан монголов и сообщать обо всем, что делается во вражеской ставке. Приказ был подкреплён тысячью золотых монет. Это золото весьма пригодились для спасения Лейли из рук монголов.

...Утром, едва караван тронулся в путь, навстречу попался отряд болгарских воинов. Биккул подумал, что это снова объявился Ташбай, но ошибся: они встретили тысячного Баймурзу. Джигиты монгольского сотника Йэгерек тут же насторожились, но Биккул велел им не вмешиваться и успокоиться. Ему приходилось видеть этого тысячного в ханском дворце, поэтому он кивнул ему в знак приветствия, как старому знакомому, назвал себя и подтолкнул вперед оробевшего имама-хазрета.

Менбаши тоже узнал купца, повернулся к своим нукерам и приказал им повернуть назад:

— Ханский купец! Поворачиваем в сторону Кундырчи!

Они продолжили путь.

Мауля Худжа, улучив момент, сунул в руку купца маленький листок бумаги.

— Менбаши оставил для тебя, — тихо сказал он.

В записке было написано: «Биккул ага, все ворота крепости будут закрыты. Въедешь через Ханские ворота. Ильгам хан».

Биккул чуть не вскрикнул от радости, он не ожидал, что маленький, с птичий язык, клочок бумаги может принести ему такое облегчение. «Не забыл меня хан, не забыл», — подумал он с удовлетворением.

На двадцать девятый день месяца сафар Биккул-саудагар со своим караваном остановился у Ханских ворот Булгара. Его встретил давний приятель, таможенник Асылгирей.

— Что за товар, откуда? — привычным зычным голосом спросил он, хотя прекрасно видел и знал, кто и откуда к ним пожаловал.

— Из Ургенча, из Хивы! — крикнул в ответ Биккул.

— Пропустить купца! — приказал Асылгирей. — Опустить подъемный мост, открыть ворота!

Мост опустили, ворота открыли, и караван медленно стал заходить в город. Биккул-саудагар и хазрет Мауля, увидев родной город, чуть не пали ниц от избытка чувств. Они готовы были целовать стены, землю, знакомые до боли мечеть, дома, бани, медресе... Биккул покосился на сотника Йэгерек — тот пристально следил за купцом...

— В ханский караван-сарай! Трогаемся! — крикнул купец, отвернувшись от монгола.

Вскоре радость от встречи с родным городом сменилась тревогой. «Что если сотник Йэгерек вздумает сегодня же выкрасть Карлыгач? — обеспокоенно подумал он. — Добром это не кончится».

Едва разместив свой товар в караван-сараях, он дал имаму лошадь, отправил его домой, а сам позвал к себе сотника Йэгерек.

Тот пришел и остановился на пороге, не решаясь пройти в комнату.

— Проходи, присаживайся. Хочу дать тебе совет. Отдохнем недельку. Здесь у меня свой дом. Кроме того я — глава всего каравана. Завтра же вынесете товары на базар, сам же проследи, чтобы их с выгодой продали, не бойся, торгуйся, у нас так принято. В общем, назначаю тебя главным купцом, выручку от продажи тоже доверяю тебе. А потом, через недельку, посидим поговорим, подумаем, что дальше делать.

— Хорошо, саудагар. Если что, как тебя найти?

— Здесь меня все знают. Но ты меня не ищи, я сам тебя найду. Верь мне, все будет хорошо.

Сотник закивал головой в знак согласия.

— Я буду жить здесь?

— Да, здесь. Отныне на целую неделю ты — глава и хозяин всего каравана. Понял? Прощай!

— Прощай, саудагар!

Биккул прошел через ворота караван-сарая и вышел на улицу. Глубоко вздохнув, он с облегчением проворчал: «Ну вот, слава богу, от одной напасти избавился».

Он даже не стал брать лошадь, пошел домой пешком. Ему хотелось быстрее встретиться с Кул Гали, Лейлей, Мафтухой. Странно, но именно на чужбине, вдали от родины он начал любить эту женщину по имени Мафтуха. Если она жива, быть ей хозяйкой его дома. Так он решил еще в дороге. Интересно, чем сейчас занимается Кул Гали? Закончил ли свою поэму? Если закончил, подарил ли ее хану Ильгаму?..

Биккул почему-то очень хотел, чтобы Кул Гали подарил свою поэму именно Ильгам хану. Даст бог, Биккул обязательно настоит на этом и убедит поэта подарить свой многолетний труд хану Ильгаму. Может, они даже вместе с поэтом пойдут на встречу с ханом Ильгамом. И возьмут с собой Лейлю...

* * *

Кул Гали вышел в сад, прошел к лежанке, зестеленной войлоком. Лег, заложив руки за голову. День клонился к закату, с пастбища возвращалось стадо. Блеяли овцы, устало мычали коровы...

Двухэтажный дом купца Биккула был окружен весьма уютным и богато обставленным роскошным садом. Располагался он на живописном месте возле речки. По вечерам Кул Гали любил отдыхать в этом саду, слушать журчание речки, которая будто говорила ему о чем-то. Иногда рано утром он спускался на берег, когда над речкой еще клубился легкий белесый туман. Именно в такое безмятежное, тихое утро Мафтуха и сообщила ему радостную весть:

— Кул Гали, сын Асылгирея Бахтияр вернулся, привез хорошую весть. Ташбай углан, сын багатура Артыка, освободил женщин из монгольского плена, прогнал за Яик войско монголов. Говорят, что освобожденные женщины находятся на Ханской площади. Бахтияр спрашивает, не хочешь ли ты посмотреть на них?

Кул Гали встрепенулся, образ Зульхиды тотчас словно молния пронзил его мозг. Он бросился к воротам, вскочил на приготовленного Бахтияром коня, забыв даже поздороваться с юношей, и опомнился лишь несколько секунд спустя и, обернувшись, на всем скаку крикнул:

— Саламалейкум, джигит. Извини, даже поздороваться забыл. Не узнали, у кого отбили пленных женщин?

— У какого-то Кунбай бека, говорят...

Екнуло сердце Кул Гали. Резко натянув поводья, он остановил коня и переспросил, не веря своим ушам:

— Повтори, повтори-ка, Бахтияр, повтори, милый!

— Прогнали за Яик тумен Кунбай бека, захватили обозы, освободили женщин, привезли их в ханский дворец.

— Женщины там?

— Там, все там. И пленных монголов туда привезли.

Кул Гали вновь прищипорил коня, не задавая больше никаких вопросов. Он спешил к ханскому дворцу. На улицах играла детвора. Кул Гали нервничал. Бахтияр не понимал его состояния, хотя догадывался, к кому спешит шейх.

Наконец они подъехали к ханскому дворцу.

Бахтияр спрыгнул с коня, помог шейху сойти. Кул Гали едва успел поблагодарить джигита и побежал к воротам дворца. Именно побежал, а не пошел, как приличествовало его высокому духовному сану. Прохожие недоуменно смотрели на бегущего шейха, который всегда ходил не спеша, медленно и величественно. Но Кул Гали ничего вокруг не видел, а бежал к женщинам, сидевшим на скамейках около дворцового сада. Перед женщинами маячила фигура багатура Артыка.

Увидев уважаемого шейха, бежавшего к ним, багатур отошел в сторонку, давая дорогу шейху:

— Саламе-галейку-у-м-м, шейх!

— Вагалейкум ассалам, багатур! — громко поздоровался Кул Гали.

И тут он увидел ее. Увидел и застыл изваянием.

— Зульхида! Зульхида! — выдохнул Кул Гали и вдруг повалился в ноги багатуру Артыку. — Тебе, багатур, спасибо! Великое спасибо!

— Чу-чу, шейх, негоже так стоять достопочтенному шейху булгар. Встань, Кул Гали. Это я должен стоять на коленях перед тобой.

— Нет, нет, багатур, это я, и только я должен встать перед тобой на колени. Я у тебя в вечном долгу. Всю жизнь буду молиться за тебя.

— Аминь, шейх. О Аллах! Но что вы хотите, уважаемый?

— Среди этих женщин находится моя жена, багатур.

— Субханалла! Вы женаты! О, теперь я понял, шейх...

— Я могу ее увести, багатур?

— О Аллах! — воскликнул багатур. — Конечно, конечно, бога ради, шейх, забирайте свое сокровище! Я скажу хану, он поймет. И хан будет рад, шейх!

— Это вы освободили, багатур, пленных женщин?

— Нет, уважаемый шейх, не я, а мой сын Ташбай, — ответил багатур со скрытой в голосе гордостью.

— Я и к нему пойду, багатур, пойду и скажу, что буду молиться за него.

— Достопочтенный шейх, — перебил его Артык, — забирайте быстрее вашу любимую, забирайте. Сын мой сам придет к вам...

Кул Гали шагнул навстречу Зульхиде, та тоже подалась вперед. Остальные женщины удивленно смотрели на них. Но особенно были удивлены Артык багатур и его воины, которые хорошо знали благочестивого шейха, не раз слушали его хутбу в ханской мечети, читали его стихи и поэмы. И вдруг этот уважаемый, известный поэт со слезами на глазах бежит к какой-то полонянке из тех, что джигиты Артыка освободили от монгольских туменов! Было чему удивляться.

Кул Гали смотрел на эту женщину так, словно она была светом его жизни. Зульхида прикрыла рот уголком платка и тихо плакала.

Кул Гали подошел к ней, взял за локоть, посмотрел в глаза. Женщина ахнула и бросилась на грудь шейху, воскликнув:

— Кул Гали, ты жив, жив, жизнь моя!..

Это был не просто крик, это был глас сердца, души, это было и торжество радости и предчувствие беды... Целая гамма чувств была в этом крике.

В следующее мгновение Зульхида подняла голову, взглянула на Кул Гали со счастливой улыбкой и светящимися от радости глазами и тихо сказала:

— Это сам Аллах нас соединил, Кул Гали, сам Аллах...

Артык багатур и его аскеры молча переглянулись. Кул Гали взглянул на синее-синее небо, обвел взглядом джигитов, освобожденных ими женщин и детей, широко улыбнулся и сказал:

— Ну, мы пойдем, люди добрые. Я нашел наконец своего дорогого человека, свою любовь.

И тут к ним подъехал Бахтияр на тарантасе.

Он спрыгнул с подводы и воскликнул:

— Карета подана, милости просим, шейх. Садитесь и езжайте. За лошадь не беспокойтесь, я ее потом заберу.

Кул Гали поблагодарил его, помог Зульхиде сесть в тарантас. Потом, положив руку на сердце, поблагодарил всех собравшихся, сел рядом с любимой и взял в руки вожжи. Лошадь пошла легкой рысцей.

Когда они выехали из Ханских ворот, Зульхида пригнулась к его плечу:

— О, Кул Гали, ты ли это?

— Я, Зульхида, я, милая. Аллаху было угодно, чтобы мы еще раз встретились. Сколько лет мечтал я об этой встрече, Зульхида, сколько ночей не спал, думая о тебе! Все эти годы твой образ водил моим пером, грел, вдохновлял...

Зульхида продолжала плакать.

— Не сон ли это, Кул Гали? Неужели я снова в Булгаре? Неужели это ты сидишь рядом со мной? Ты, а не кто-нибудь другой?!

— Как там Биккул ага, имам-хазрет Мауля Худжа? Ведь они, говорят, тоже были в стане Субедея?..

— Имама я однажды видела, когда он проходил мимо юрты. А меня никуда не выпускали, никому не показывали. А когда болгары пошли в атаку, Биккул ага с имамом успели перевезти меня через Яик вместе с другими. Я проклинала их, Кул Гали, проклинала и просила Аллаха...

— Проклинала?! Разве ты не знаешь, что их сам Ильгам хан послал во вражеский стан?

— Так это были люди Ильгам хана?..

— Если хочешь знать, именно Биккул ага, на которого ты так неосторожно послала проклятие, спас Лейлю из рук монголов.

— Правда ли это, Кул Гали? Правда ли? Где же моя дочь, где она? В какой стране ищет она свою бедную, несчастную мать? Не томи душу, если знаешь, скажи, где сейчас моя кровиночка? Кул Гали, душа моя, скажи! Может, тебе не нравится, что я назвала тебя так ласково: душа моя?..

— Зульхида, Зульхида, неужели ты не чувствовала еще тогда, в Ургенче, что я люблю тебя, люблю безумно? Или так просто насмеялась над бедным влюбленным юношей?

— Кул Гали, милый, не говори так, не смей так говорить. Что я могла тогда сделать с моей и твоей любовью?!

— А что Багман багатур?

— Его на моих глазах зарубили монголы.

— Погиб, значит, багатур, — сказал Кул Гали, хотя уже знал об этом от Лейли. — Да пребудет его душа в раю. А Лейля здесь, Зульхида, у нас, в Булгаре. Она жива и здорова, очень рада будет маме, очень. А выросла как!

— Что ты говоришь, Кул Гали?!

— Правда, правда, Зульхида.

— О, как она кричала, когда меня уводили монголы!

Кул Гали остановил экипаж у красивого двухэтажного дома, помог Зульхиде сойти. Выбежал слуга Хайрулла, принялся открывать ворота.

— Хайрулла абзы, лошадь привяжи здесь, — сказал ему Кул Гали, — в стойло не заводи, сейчас за ней придут.

— Хорошо, Кул Гали углан, так и сделаю.

На крыльцо выбежала Лейля в голубеньком платьице, с калфаком на голове. Первым она увидела мугаллима. Увидела и сразу почувствовала: что-то случилось. Тут она перевела взгляд на женщину и ахнула. Она узнала свою мать и, едва не упав со ступеней крыльца, кинулась в ее объятия.

— Мама, мамочка моя! — она спрятала лицо на ее груди. — Мама, мамочка, дорогая моя мамочка жива! Жива... — рыдала Лейля в объятиях матери.

— Дитя мое, звездочка моя, вот и встретились мы, солнышко мое! Лейля, Буляк... Доченька...

Кул Гали смотрел на них, не скрывая слез радости. Ждал ли он этой встречи? Ждал и надеялся на чудо. Молил Аллаха. И его мечта сегодня исполнилась — он нашел Зульхиду. Кроме того, он помог матери отыскать дочь. Двойная радость. Разве можно быть счастливее на этом свете?..

Слезы радости текли по щекам Зульхиды.

— Лейля, доченька, ты жива, какое счастье! Скажи, кто спас тебя?

— Биккул бабай, Салахутдин абзы и Джамалбике абыстай помогли мне уехать из Ургенча в Булгар, — ответила Лейля и вновь повторяла, как заклинание: — Мама, мама, мама, мамочка...

Она гладила мать по лицу, трогала ее тяжелые косы, словно не верила своим глазам.

— Дитя мое, доченька! Свет моих очей, как ты выросла! Совсем взрослая... Выше меня стала...

Зульхида взглянула на Кул Гали, улыбнулась и смущенно покраснела.

— Сколько раз я мечтала сказать это слово — «мама»! По ночам я плакала и все звала тебя: «Мама, мама!»

— Я тоже плакала по тебе, милая. Думала, так и умру, не увидев тебя. Иссохла, пожелтела вся от горя. Но Аллах помог нам. Спасибо и учителю твоему Кул Гали. Это его молитвы привели нас к нему...

— Потом, потом будете благодарить, — засуетился Кул Гали, — пойдем в дом, сначала пообедаем. Хайрутдин абзы сейчас баню затопит. На чердаке веники с душицей висят, парься — не хочу! Монголы, говорят, вообще не знают, что такое баня. Хайрулла абзы! Затопи баню женщинам на радость.

— Будет сделано, Кул Гали.

Поднялись на второй этаж. Кул Гали разместил гостей. Пообедали. Мать и дочь, обнявшись, сели на саке и стали расспрашивать друг друга. Кул Гали тихо ушел в свой кабинет, сел за стол, взял в руки перо, обмакнул в чернильницу и задумался. Еще не было написано хатиме — заключение к поэме. И вот строки потекли легко, сами собой, словно радуясь своему появлению на бумаге.

Написав два четверостишия, он остановился и снова погрузился в думы. Сердце трепетало тихо, как листок на слабом ветру, душа куда-то стремилась, тревожилась... Нашел он ее?.. Или потерял, найдя?.. Ведь он всегда думал о ней, даже во сне любил и ласкал ее. Правда, когда в его доме стала жить Лейля, он часто думал и говорил с Зульхидой, видел сны, обнимал то Зульхиду, то дочь ее Лейлю. Проснувшись и вспомнив подробности сна, он обычно густо краснел. Но Кул Гали был уверен лишь в одном: все эти сны, мечтания исходили из великой любви, юношеской любви к Зульхиде, а потом к Лейле. И строки его дастана были посвящены этой неиссякаемой чистой любви. Он страстно ждал Зульхиду, любовь к которой принесла столько же радости, сколько и страданий. И сегодня наконец она находится совсем рядом. Стоит только открыть дверь и протянуть руку... Но есть ли у него право на это?.. И сам же отвечал — есть, есть, есть!

Вечерело. Кул Гали тихо вышел в сад. Уже мерцали звезды. Кул Гали даже не заметил, как закатилось солнце, наступила ночь.

Из бани доносились женские голоса. Кул Гали убавил шаг и прислушался. Голос Зульхиды; ей вторил со смехом голос Лейли. Мать с дочкой не могли наговориться. Много, должно быть, им нужно сказать друг другу. Шутка ли — расстаться с ребенком и через десять лет встретиться со взрослой уже девушкой...

Взошла луна, окрасив в серебристый цвет кроны деревьев, клумбы, кусты смородины. И только далеко-далеко на западе на горизонте алела полоска таявшего заката. Чистый, мягкий летний вечерний воздух наполняет грудь свежей силой, очищает душу и, кажется, даже разум... Мерцают звезды. Вон Полярная звезда, помогающая путникам не сбиться с пути, вывесила свой ковш Большая Медведица, протянулись через весь небосвод звездочки Млечного Пути. Где-то среди них была и его звездочка, но сегодня она упала к его ногам. Да-да, упала — неожиданно-негаданно. Словно понимая состояние его души, даже луна светила как-то загадочно, вдохновенно, ведя его сердце по пенным волнам безбрежных чувств.

Кул Гали сел на скамейку под ивами. Пели сверчки. Манила к себе волшебной неизведанностью серебряная тропа, освещенная лунным светом. Мечтание в летнюю ночь зачастую возвращает человека в детство или превращает его в сказочного героя. Если бы рядом с ним на скамейке сидела она! Но с какой стати она должна прийти сюда? Даже если бы он позвал, она не придет. Да и как он мог ее позвать? Кроме того, он не смог бы признаться в любви. Но ведь он не был слепым и видел: ее глаза тоже светились счастьем и любовью. Между ними стоял разум, он, только он, не допускал их сближения. Не то что любить, а даже обращать внимание на замужнюю мусульманку для мужчины считалось нарушением не только обычаев, но и канонов нравственности, хотя сама любовь как таковая у мусульман не считается грехом, как у христиан, лицемерно утверждавших, что женщина — это сосуд греховности. Напротив, любовь в исламе во все времена воспевалась и приветствовалась, даже обожествлялась.

Кул Гали поднялся со скамейки. Речушка под лунным светом была словно усыпана серебряными монетами, которые приплясывали на водной ряби. Речушка шепотом говорила о чем-то. Журчание воды словно скрывало какую-то тайну, завораживало. Оно то стихало, то снова начинало свою нескончаемую песню. То там, то здесь лениво плескалась рыба или крикала дикая утка. Фантазия Кул Гали часто превращала эту тихую притоку в полноводную могучую реку, заселенную зеленоглазыми русалками и хвостатыми водяными, зовущими его куда-то. Влажный чистый воздух распрямляет грудь, ветерок легко колышет ветки ивняка, и они начинают о чем-то шептаться.

Женщины вышли из бани. «Водяные ушли, — подумал Кул Гали, — теперь моя очередь». Мафтуха апа наверняка приготовила для него чистое белье, а Хайрулла абзы — ароматные веники с душицей.

...Кул Гали разделся, взял веник, налил в таз горячей воды, погрузил в нее веник и, пожившись, словно от холода, взобрался на полочку...

Из бани он вышел поздно, переоделся во все теплое и снова вышел в сад. Он тихо шел по освещенной лунным серебром тропе. Под ногами прошмыгнул деловитый ежик. Какая-то птица с шумом взлетела с ветки. Протяжно зауехал филин. По улице, стуча колотушкой и зычно покрикивая, прошел сторож. Кул Гали поднялся на крыльцо, зашел в дом. Из комнаты, где расположились Зульхида с Лейлей, не доносилось ни звука. «Легли спать, наверное, — подумал Кул Гали. — Шепчутся о чем-нибудь или уже спят». Он прочитал молитву, лег на саке, закрыл глаза, представив себе обнявшихся мать и дочь, обретших наконец друг друга. Обе они были очень дороги ему, его любовь к Зульхиде теперь больше не нужно скрывать. Да и не сможет Кул Гали скрывать далее свои чувства. И не захочет. Завтра же он скажет ей об этом и позовет муллу, чтобы он прочитал никах и они соединились с Зульхидой как муж и жена. Как долго он ждал этого дня! Да, завтра он решится на объяснение. Теперь Кул Гали верит в предопределение — в судьбу. Он еще раз уверовал во всемогущество Аллаха, благодаря которому нашел Зульхиду. Удивительно, что после стольких испытаний и страданий они все-таки снова встретились. Это было похоже на чудо, сотворенное Аллахом. Зульхида действительно стала для Кул Гали его судьбой, его суженой, его жизнью.

Увидев на пороге Биккула ага, он на мгновение замер, ощущая себя между небом и землей, потом наконец вернулся к действительности, встал и заключил отца в объятия; на глаза навернулись слезы, дыхание участилось. Биккул ага ласково похлопал его по спине.

— Ну, ну, успокойся. Видишь, я жив, хвала Аллаху, вернулся.

— О, Рабби! О, Аллах! Отец! Наконец я и тебя дождался. Мафтуха апа, Зульхида, Лейля! — крикнул он радостно. — Идите сюда! Биккул ага вернулся!

Вышли Зульхида с Лейлей.

— Бабакай! Биккул бабакай! — воскликнула Лейля и кинулась к нему в объятия. Биккул ага погладил ее по голове, краем глаза посмотрев на Зульхиду.

— Бабакай, и моя мама здесь!

— Вижу, — ответил Биккул бабай. — Здравствуй, невестушка, жива-здоровая?

— Слава Аллаху, Биккул атакай, — ответила Зульхида, посмотрела на Кул Гали, потом шагнула к хозяйке дома и скромно, как подобает женщине-мусульманке, приложив правую руку к сердцу, сказала:

— Благодаря вам я нашла свою дочь, атакай. Склоняю перед вами голову. — Зульхида встала на колени и поцеловала край чапана Биккула.

— Ну-ну, встань, — поднял он ее. — Это судьба. Не плачь. Даст бог, все будет хорошо, иншалла. Не спрашиваю, как очутилась здесь, всему сам свидетель. Ты счастлива, Зульхида?

— Безмерно счастлива, Биккул атакай. Если бы не вы...

Вышла Мафтуха, подошла к Биккулу и молча встала, низко склонив голову.

— О Аллах! — всплеснул руками Биккул и обнял женщину. — Да что это с вами? То одна с ног валится, то другая. Ну, здравствуй, что ли, хозяйюшка!

— Ах, Биккул абы, лучше бы ты не уезжал. При тебе у меня в руках все кипело.

— Ну, ну, полно слезы-то лить. Радоваться надо. Вернулся вот, жив-здоров, целехонек, ничего со мной не сделалось. Помыться бы с дороги, баню затопить...

— Баню недавно топили, она еще теплая, сейчас еще чуть-чуть подбросим дровишек и будет готова, — сказала Мафтуха и, вытирая углом платка слезы, вышла отдать приказание Хайрулле.

— От судьбы не уйдешь, Биккул атай, это верно, — еще раз заметила Зульхида. — Действительно, это судьба собрала нас сегодня вместе в вашем доме.

— А ведь это божий дар, Кул Гали, верно? Ты чего молчишь? — обратился Биккул к поэту. — И ты, и Лейля, и Зульхида. Вспомни, Лейля, что отец твой называл тебя Буляк — божьим даром. Ну-ну, не печальтесь. Багман багатур пребывает в раю. Такова его судьба. А знаешь, Зульхида, я даже благодарен Кунбай беку, в руках которого ты была столько лет. Да-да, не смотри так на меня! Знаешь, за что я ему благодарен? За то, что не стал бросаться в бой из-за женщин и обозов, а спокойно пропустил нас, а сам быстро улизнул на ту сторону Яика. Если бы туменом командовал Субедей, пролилось бы много крови. Даже пушкари Ташбая мало чем помогли бы. Этот монгольский вояка умеет выйти сухим из воды и в огне не сгореть. Настоящее исчадие ада! А Кунбай бек, как ни крути, все-таки мусульманин, и он не помчался сломя голову в атаку на своих единоверцев и сородичей.

— Стол накрыт, милости просим к чаю, — позвала гостей Мафтуха апа.

— Пойдем, договорим за столом, — сказал Биккул ага. — Как говорили наши предки, нельзя заставлять еду ждать нас, это было бы неуважением к ней.

Кул Гали взял Зульхиду под локоть, улыбнувшись ей одними глазами. Зульхида нежно жала его руку в знак благодарности и любви.

— Иди сюда, Лейля, посиди рядом с дедушкой Биккулом. Помнишь, в Ургенче ты всегда сидела напротив меня? — пустился в воспоминания хозяин дома. Он был рад и доволен. Сколько раз в Ургенче он мечтал, чтобы собрать всех близких вот так, за одним столом. И все-таки не предполагал, что это случится именно сегодня, здесь, в его болгарском доме. Самое главное — это то, что в его душе уже не было страха. Конечно, внедренный в его караван субедеевский сотник мог многое изменить, попортить кровь, но Биккул сумел обезопасить себя. При сотнике неотлучно находился верный Биккулу человек, сообщавший о малейшем движении Йэгерек, от которого всего можно было ожидать. Биккул видел, на что способен этот сотник. Бесплезна была любая попытка арестовать его: у этого отчаянного головореза было полно всякого оружия: от сабли и кинжала до маленьких бумерангов и дротиков. Всеми видами оружия он владел отменно и виртуозно. Кроме того, он был великим мастером рукопашного боя и восточных единоборств: обезьяна, барс и лев в одном лице. Среди кишектинов Субедея не было бойца, равного этому Йэгереку. На полном скаку он мог спрыгнуть с седла на землю и вскочить обратно, легко метал кинжалы, змеей мог проползти, не замеченный никем, арканом сдергивал с седла кого угодно, издали поражал врага копьем, а при случае мог оглушить противника простым ударом кулака. И при этом Йэгерек выглядел скромным, даже стеснительным юношей, скупым на слова. Но это лишь на первый взгляд. В действительности в жилах этого «стеснительного паренька» текла кровь самого дьявола. От такого человека нельзя было спастись, если ты был выбран им в жертву. Думая об этом, Биккул снова посмотрел на Лейлю, и в его голове появилась идея: нужно познакомить Йэгерек с Лейлей. Приручить с помощью Лейли самого искусного телохранителя Субедея — значит наполовину выиграть битву. Ни Ильгам хан, ни Кул Гали, ни даже ее мать Зульхида, вероятно, не будут против возможного союза Лейли с Йэгереком.

— Бабакай, — живо обратилась к нему Лейля. — Мне так нравятся перемячи Мафтухи апа!

— Нравятся, так ешь, кушай на здоровье, дитя мое, — Биккул наконец отрешился от своих мыслей и взглянул на Мафтуху, да так взглянул, что даже самому неудобно стало. Ощущая смущение, он сказал: — Ты, Мафтуха, найди нам повариху, видишь, нас много стало, тебе одной не управиться.

— Ладно, Биккул ага, сегодня же пошлю Хайрутдина на поиски помощницы. Только ведь народу в городе мало осталось, Биккул абзы, люди покидают Булгар.

— Кто боится, тот покидает, а кто не боится — остается. Я видел: улицы по-прежнему полны народу, детвора бегают.

— Да-да... Повариху, конечно, найдем, Биккул абзы, — согласно закивала головой Мафтуха, вытирая руки о фартук. Потом она повела полными плечами и сказала: — Ох, бабакай, бабакай, мне плакать хочется от радости, что вижу тебя опять.

— Не надо плакать, радоваться надо. Завтра, даст Аллах, позовем имама... — тут Биккул посмотрел почему-то на Кул Гали с Зульхидой. — Да, позовем имам хазрета, Коран почитаем... Гм-м... Ну а потом... Кхм-м... А потом... Там видно будет, так, Мафтуха?

— Так, так, хозяин мой. Чего же заранее гадать? Кукушка заранее не кукует, не то без голоса останется.

— И ты права. Сегодня вечером, после бани, все и решим. А еще я хочу пригласить сотника Йэгерка. Днем схожу во дворец, заодно проведаю его. Я же много товару привез, за всем глаз да глаз нужен.

— Может, послезавтра, в пятницу, совершим никах? — предложил Кул Гали.

— Баракалла, я согласен! Пусть будет так! Даже лучше, если отложим до пятницы. Говорю же, что мне нужно побывать у хана. А никах пусть почитает имам Мауля Худжа, мы пошлем за ним Хайрутдина. Так, Кул Гали?

— Я с тобой во всем согласен, атам. Зульхида тоже согласна.

— Лейля, а ты согласна? — спросил Биккул. — А ты, Мафтуха?

— И мы согласны, Биккул абы. Я на все согласна, — отозвалась Мафтуха. Я все еще не могу успокоиться от радости. Вот сидим мы все вместе дружно, чай пьем. А то раньше Кул Гали запрется в своей комнате и целыми днями не выходит. Все пишет, пишет что-то, строчит... Теперь и он словно ожил, от бумажек своих отвлекся.

— Да, он словно ожил, встретив Зульхиду, — сказал Биккул. — Это она вдохнула в него вторую жизнь.

— А как дастан, Кул Гали?

— Он закончил его, бабакай, — ответила за поэта Лейля. — Вчера и хатиме написал.

— Хатиме еще не совсем закончил, — уточнил Кул Гали.

— Не забыл, наверное, что обещал подарить поэму хану Ильгаму?

— Как можно, отец.

— Спасибо, спасибо, углан. Я рад, что услышал приятную весть из твоих уст. Ну-ну, хватит нам болтать, пора и трапезе воздать должное. Спасибо, Мафтуха, за угощение.

Все было готово к торжеству. Накануне вечером Биккул ага зашел к Кул Гали, присел на кожаную подушку.

— Ну а теперь читай, Гали углан, мне хочется своими ушами послушать твои стихи. Много лет ждал этого дня. Вчера я с удовольствием помылся в бане, распарился, расслабился. Эти язычники-монголы даже не знают, что такое баня. Поносят обновку, пока в ней вши не заведутся и бросают ее в огонь. Разбогатели, цену богатству не знают. А мы с хазретом Маулей мучились от грязи, не знали, где помыться. Потом начали мыться в реке, а они стояли и смотрели на нас если не с удивлением, то как на чудаков. Затем мы стали собирать в кучу гальку, булыжники, развели на них костер, сверху натянули что-то вроде маленькой юрты, словом, сделали в степи баньку. Субедей смотрел-смотрел на нас, да и сам решил помыться. Понравилась ему походная наша баня, так распарился да размяк, два дня потом спал как убитый. Сегодня вечером снова в баню пойду, вместе пойдем, спину мне потрешь.

— Хм-м, — ухмыльнулся Кул Гали, — кажется, у тебя есть кому спину подставить для мочалки. Женись ты на Мафтухе апа. Ведь она так тебя любит, Биккул атам...

Биккул подсел к нему, взглянул на приемного сына из-под густых бровей, улыбнулся:

— Станный вы народ, поэты, словно мысли читаете. Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить. Ты, к примеру, женишься на Зульхиде. Вот я и подумал: чем же твой отец хуже, а? Надоела мне жизнь бо-быля, осточертела. Постой, а ты сам сказал Зульхиде о своем намерении? Моя Мафтуха как миленькая согласится, я ее знаю, но что скажет тебе Зульхида?

— Я еще не говорил с ней об этом, отец.

— Ты посмотри-ка на него, а! — воскликнул Биккул. — Может, тебе все еще семнадцать лет? Стесняешься, как красна девица. Хочешь, я сам скажу Зульхиде? Нет, ты сам скажи ей, порадуй женщину, которая без ума от тебя. А я тоже скажу ей, будь спокоен. Кроме того, мне еще надо повидать хана. Вчера приходил Бахтияр, сказал, что хан ждет меня, но не торопит, дает немного времени отдохнуть, прийти в себя после монгольских мытарств. Так что прежде всего закончи хатиме, без этого не бывать нашим свадьбам, понял?

— А я уже дописал и хатиме, отец. Вот, послушай, если терпения наберешься...

Дослушав хатиме, Биккул спросил:

— Все?.. Удивительно, сын мой, удивительно. Это великий труд, достойный вечности. Народ болгарский век не забудет тебя, обнять хочу, обнять как сына и поблагодарить великого мученика болгарского поэта.

Он встал, заключил Кул Гали в объятия и чуть не прослезился: — Я рад, о как я рад за тебя, за весь народ болгарский, сын мой!

— В этом есть и твоя заслуга, отец.

— Брось! Никто и не вспомнит меня, а твое имя будет жить вечно, Гали углан. О Аллах!.. Я всегда буду славить тебя, покорно склонив голову и очищаясь с твоей помощью от всей грязи нашего мира! Для меня недостижимо и свято величие твоего имени. Нет бога, кроме Аллаха, и только тебе я поклоняюсь, великому, единому, всемогущему!

— О-о, мой добрый, славный отец! Я написал хатиме к поэме и посвятил его тебе. Да продлятся бесконечно дни твои на этой святой земле предков, да будет жизнь твоя благополучной и долгой-долгой... Отец, я закончил эту поэму еще три года назад и с тех пор, боясь сразу выставить ее на суд народа, очищал, облагораживал ее, обрабатывал, шлифовал, стремясь достичь совершенства, вдохнуть побольше мелодии своего сердца и искреннюю, чистую любовь.

— Сын мой, — сказал Биккул, не в силах сдержать слез восхищения и умиления, — ведь твоя поэма — это дар божий, ты как мусульманский святой Абуталип... Ты оставил болгарам вечный звездопад своего бессмертного дастана. Твоя книга будет для болгаро-тюрков руководством к жизни, мерилем нравственности. Не только болгары, но и весь тюрко-мусульманский мир будет почитать твою поэму, как истинный мусульманин почитает Коран, и находить в ней силу, чистоту, вдохновение и надежду. Твой дастан научит молодежь уважать старших, ценить святое чувство любви, верность и стойкость в невзгодах, призовет к справедливости, терпимости и взаимопониманию. Твой дастан прибавит нам силы, чтобы любить ближнего своего, своих возлюбленных, наконец, свой народ, свою страну, откроет путь для любви между народами и странами. Любовь — это великая сила, сын мой, чудотворная сила. Это великий дар божий! Извини меня, но я вчера взял у Лейли твою поэму и всю ночь читал, не смыкая глаз. Читал и не стыдился слез. Я горжусь тем, что воспитал такого сына, чье имя навечно останется в душе народа. Теперь и моя жизнь не кажется мне напрасной. Пройдут годы, эпохи, и возможно, когда-нибудь земля покроется пылью забвения, и только всемогущий Аллах вправе будет возродить или забыть человечность. И тогда твоя поэма будет в основе возрождения, потому что она бессмертна. Ты слушай меня, сын мой, слушай. Ведь я торговец, а все торговцы — народ на язык бойкий. Но сегодня я склоняю свою седую голову перед мастерством и волшебством твоего языка...

Биккул встал перед сыном на колени, но Кул Гали быстро поднял отца на ноги и обнял его. Биккул ага продолжал:

— Ты, сын мой, словно оседлал легендарного коня Бурака, который вознес нашего пророка на седьмое небо. Читая дастан, я так и видел перед глазами украшенное изумрудами седло и серебряную уздечку коня Бурака. Ты летишь на коне, летишь в вечность. А теперь скажи честно, не таясь: кто дарил тебе вдохновение? Я чувствую, что без великой любви это сказание нельзя было бы написать. Ну-ну, не красней, не стесняйся. Скажи прямо — это Зухида или та Зулейха, в которую ты был влюблен на заре юности? Чьей дочерью она была?.. Я уже забыл. Ну, ты скажешь наконец?..

— Обе, отец мой, они обе вдохновляли меня.

— Только не смущай своими взглядами Лейлю, сынок, не бери грех на душу. Возле тебя есть Зухида, я сегодня же с ней переговорю, а завтра придет имам Мауля Худжа и прочитаем никах.

— Отец, — бросился ему в ноги Кул Гали, — я так благодарен тебе!

На этот раз Биккул поднял сына на ноги, обнял его и сказал:

— Она сегодня вечером будет ждать тебя в саду, ты выходи как стемнеет, поговори с ней, объяснись.

Кул Гали готов был прыгать от радости, как мальчишка, но перед отцом сдержался.

— Отец!

— Ведь знаешь, что она любит тебя, давно любит, сын мой.

— Знаю, отец.

— Хорошо, что знаешь. Сейчас я выйду, а ты позовешь Мафтуху. Поговори с ней о нас. Вместе и свадьбы сыграем. А может, отложим до осени?.. Нет. На пороге страны монголы. Нельзя встать поперек большой любви, которая дана человеку от Бога.

— Теперь, кажется, не время свадьбы устраивать. Монголы...

— Назло монголам сыграем свадьбу. Тихо, мирно, но обязательно справим. Ведь народный поэт женится! Кул Гали! А монголам нас не одолеть. Конечно, они очень сильны, но и мы не слабы. Вон Ташбай углан со своими джигитами целый тумен их прогнал, а сил-то у болгар было всего пять тысяч сабельников

да отряд пушкарей. Я понимаю, Ильгам хан хочет защитить, уберечь государство от гибели, а основу государства составляет войско и то, что оно защищает: независимость, земли и уголья, реки и озера, города и села, дома и дворцы... Трудно нам, конечно, придется, очень трудно...

— Ну ладно, отец, я пойду к тете Мафтухе.

— Иди, иди, сын мой.

Кул Гали вышел, а Биккул ага еще раз взглянул на исписанные сыном страницы, перечитал последние строки хатиме и снова задумался.

Биккул хотел позвать к себе Мафтуху еще в первый день приезда, но почему-то не решился. Зачем ему делать такое святое дело тайком? Нет, он женится на Мафтухе, прочтает никах, сыграет свадьбу. А потом втянется в семейную жизнь. Впрочем, он и так к ней давно привык, как привыкают к жене.

Монголы со своими женщинами особо не церемонятся, заведут к себе юрту — и все, женщина считается его супругой. Надоест, может прогнать ее. Хотя и у мусульман развести довольно просто, нужно лишь трижды произнести слово «талак». Но если бы все было так просто! Имам после развода будет строго следить за дележом нажитого имущества, сколько и чего достанется каждому из бывших супругов. Словом, хлопот не оберешься. Лучше не разводиться, если уж угораздило тебе жениться. Старики не зря говорят: «Первая жена — от Бога, вторая — от человека, третья — от сатаны». В этой поговорке есть доля истины.

Как бы то ни было, но Биккулу нравилась голубоглазая, белолицая, миловидная, немного полноватая, но подвижная Мафтуха с нежными, умопомрачительно округлыми плечами. Он обратил на нее свой мужской взор еще тогда, когда взял ее поваром в свой дом, но не стал пользоваться своим положением хозяина. А теперь он женится на ней. Он любит ее, любит той любовью, которую описал в своей поэме Кул Гали.

Мафтуха пришла немного взволнованная. Она, конечно, была согласна на предложение Биккула, но не думала получить его так быстро.

— Хорошо ли, ладно ли так будет, Биккул? — спросила она, глядя его по бороде, щекам и заглядывая ему в глаза. — Если хочешь, я могу сегодня муллу позвать, прочитаем никах.

— Субханалла, Мафтуха, и очень хорошо будет. Заодно прочитаем никах Кул Гали и Зульхиде. Иди скажи Хайрулле, чтобы он пригласил слободского муллу Насыбуллу. Надо ковать железо, пока горячо, не то наши барышни капризничать начнут, упаси бог. А хазрета Маулю мы в другой раз позовем, правда? Ну, иди быстро...

До вечера было еще далеко, когда в их дом пришел слободской мулла. Увидев известного каждому горожанину шейха Кул Гали, ханского купца Биккула, он невольно заробел. Он начал искать глазами жениха.

— Гм-м... — вежливо подал он голос. — А где же жених, Биккул бей?

— А что, я, по-твоему, не похож на жениха? А Кул Гали? Да-да, вот тебе два жениха — я да преподобный шейх. Мы женимся. Так что не тняи, давай рассаживай нас и приступай к никаху.

— Хорошо, хорошо, пусть будет по-вашему. С Аллахом! К тому же и свидетели есть, — мулла посмотрел на Хайруллу с супругой. — Рассаживайтесь, господа.

— С меня начинай, мулла, с меня, — торопил его Биккул. — Эй, Мафтуха, где ты?

Появилась разодетая по-праздничному Мафтуха, такая красивая, что даже старый мулла разинул рот. Мулла протяжно, напевно, с выражением прочитал никах, спросил о согласии каждую сторону и аккуратно записал имена сочетающихся в свою метрическую книгу. Очередь дошла до Кул Гали и Зульхиды. Свидетелями их бракосочетания стали новоиспеченные «молодожены» — Биккул ага с тетей Мафтухой. После совершения обряда и Биккул, и Кул Гали щедро одарили муллу болгарскими монетами.

Потом был накрыт стол, и все отпраздновали бракосочетание двух пар. Сытого, довольного, отяжелевшего муллу Хайрутдин сам отвез домой.

Все произошло так быстро, даже не верилось. Но дело было сделано, и четырьмя молодоженами в городе стало больше.

Вечером, даже не дождавшись заката, Биккул позвал к себе Мафтуху.

— Чего тебе еще, старый? — с улыбкой поддразнила его Мафтуха. — Никах прочитали, чего еще?.. Ну...

— Как это чего? Как это ну?.. Ты смотри, благоверная, особенно не ерпенься, а то ведь того... Я и «талак» сказать могу, дорого не возьму...

— Ладно, ладно, согласна я, сама ждала этого дня. Ложись. Сейчас приду...

— Не уходи. Здесь, при мне раздевайся.

— Тогда не подсматривай, отвернись...

Мафтуха раздевалась не спеша, медленно, со вкусом. Она знала, с каким нетерпением глядел на нее Биккул. Что ж, мужчины любят глазами, а женщины — ушами. За окном неумолимо таял закат, в убываю-

щем свете которого качалась полупрозрачная занавеска, за которой раздевалась Мафтуха. Биккул видел ее белые, упругие груди, пупок на плоском животе.

Она бесшумно, гибко скользнула к нему в постель. Биккул принялся страстно целовать и ласкать ее. Растаяв от его объятий, Мафтуха прошептала:

— Ты обнимаешь меня так крепко, как пылкий джигит. Я так рада, Биккул, так рада. Если хочешь знать, я полюбила тебя сразу, как пришла в твой дом. Думала: вот бы хоть разок очутиться в его объятиях! Но ты быстро уехал. А я все ждала тебя.

— Монголы каждый день кормили меня кониной, а конина, известно, мужской силы прибавляет. Поневоле пылким и страстным станешь. А если серьезно, то я очень скучал по тебе. Поклялся жениться на тебе, когда вернусь. Приехал домой, а тут полная чаша счастья. Зульхида здесь, Лейля. Кул Гали поэму дописал. Замечательно! Мне казалось, что я никогда не смогу вернуться, и все же я — дома, а ты в моих объятиях.

— А ты не можешь бросить эту работу, Биккул? Опасно ведь.

— Это приказ хана, дорогая. Повидал, послушал немало и понял, что ни Ильгам хану, ни мне не удержать монголов. Но я все-таки обо всем сообщал хану. Теперь судьба страны в его руках.

— Лучше бы сказал: в руках народа.

— Народ опомнится и поднимется позднее, когда ему уже холку намнут. Так было всегда и везде. Боюсь, так будет и с нашим народом. Боюсь, что вся тяжесть ответственности падет на плечи Ильгам хана. У него, по правде говоря, есть только единственный путь спасти страну — склонить голову перед Угедей ханом и присоединиться к нему. Но я слышал, что Ильгам хан против этого предложения. А зря... В случае согласия на предложение монголов удастся хотя бы частично сохранить самостоятельность страны и избежать людских потерь. Я приехал с ярлыком от Субедея, который ставит ему именно это условие: подчинение в обмен на частичную самостоятельность, ясак в пользу монголов и один юноша из десяти в их армию. Субедей багатур заверяет, что если Ильгам хан подчинится монголам, то они не станут воевать с Булгарией, а пойдут дальше.

— Дальше — это же куда?

— На земли мокшей, эрзи, русских.

— О господи, неужели они надумали завоевать весь мир?

— Один бог знает, чего они там надумали. Говорят, перед смертью Чингисхан сказал: «Пройдите и завоюйте земли от моря до моря, омочите копыта коней в океане, и пусть все захваченные земли превратятся в пастбище для наших коней». Вот это завещание и выполняют теперь его сыновья и внуки.

— Да что ты все о монголах талдычишь? Кто лежит возле тебя? Разве не Мафтуха, три года ждавшая тебя?

— Ты действительно так ждала меня?

— Ждала, Биккул, очень ждала. Извелась вся. Хочешь, верь, хочешь, не верь, но я даже без никаха готова была прийти к тебе, не побоялась бы греха. Хорошо, что Аллах избавил меня от этого.

— Кстати, ты еще не нашла себе помощниц?

— Ты разве не видел двух девиц на кухне? Хорошиестряпухи и милые девушки. Насчет оплаты пока не договорились, я сначала решила испытать их некоторое время.

— Денег не жалеи, — сказал Биккул. — Моего богатства хватит еще на три поколения.

— Если мир и благоденствие будут в стране, Биккул.

— Да, если все будет благополучно. Даст Аллах, избавимся мы от этих монголов. Вон хорезмийцы сколько натерпелись от них, а все-таки избавились. Построили город Хиву, где монголов по пальцам пересчитать можно, да и те уже по-нашему, по-тюркски говорят.

— Ты только снова не уезжай, не покидай меня, Биккул. Обещаешь?

— Все в руках божьих, — вздохнул Биккул. — Все во власти Аллаха, Мафтуха...

Смеркалось. Заквакали по берегам реки лягушки, где-то заливался соловей: «Я здесь, я тут, иди ко мне, милая, и мы вырастим вдвоем маленьких пташек...»

Когда на небе появились звезды, в саду на тропинке послышались шаги. Кул Гали пошел на встречу — с ней, любимой, единственной. Давно уже между ними протянулась связующая их души нить. Эта нить с каждым годом крепла, обрастала невидимыми узами, сокращая расстояние, чтобы в конце концов сблизить любящие сердца. Сегодня, кажется, два конца этой нити соединятся, и соединятся два сердца в одну любовь. Но почему где-то в саду, а не в доме? Этого Кул Гали не знал. Знал лишь, что, встретившись с ней,

тут же станет говорить ей о своей любви. Впрочем, Лейля уже успела сказать Кул Гали о чувствах своей матери. Зайдя утром к нему в комнату, она сказала:

— О мугаллим, мама всю ночь читала твою поэму и плакала.

Кул Гали ничего не ответил ей, лишь посмотрел на румяные ее щеки и мокрые от радостных слез глаза:

— Помнишь, Лейля, как в Ургенче я навещал вас? Помнишь?

— Помню, мугаллим. Мама к твоему приходу всегда надевала новое платье, подводила глаза, прихорашивалась.

— С тех пор я и люблю твою маму, Лейля. Извини, может быть, я лишнего наговорил. Ведь твой отец багатур Багман был в то время жив-здоров, а вы были образцовой, счастливой семьей. Но я все равно любил твою мать. Хотя не имел на это права.

— Разве любить — грех? Ты же сам говорил, что любить не грешно.

— Ты не обижайся на меня, Лейля, я решил жениться на твоей матери. Сегодня придет мулла. Биккул ата торопит.

— Я не обижаюсь, мугаллим, совсем нет. Я обиделась бы, если бы ты не любил мою мать. Ты влюблен в мою маму, а я была влюблена в тебя. Теперь я хочу быть вместе с вами. Навсегда.

— Все в руках Аллаха, Лейля. Я постараюсь заменить тебе отца, мой Божий Дар. Ты до самой моей смерти будешь любимой моей дочерью, Лейля.

— Вот и я теперь плачу, не знаю, почему. Биккул бабакай сказал маме что-то насчет меня, и я...

* * *

Чу! Зухлида, Зухлида идет. Это ее голос, нежный, заволаживающий. Ее красивые черные глаза, тонкий стан, милое лицо.

— Кул Гали, это ты?

— Я, Зухлида, я...

Они обнялись нежно, но как-то украдкой, все еще стесняясь чего-то или кого-то. Горячее дыхание Кул Гали обожгло ее губы, щеки, мочки ушей. Слова были излишни. Говорили их тела. Куда-то исчезла стеснительность, свойственная обоим. Луна и звезды свидетели: влюбленные были томительно-нежными, истосковавшимися друг по другу... Они сели на густую траву, еще не успевшую остыть от дневного зноя. В нос ударил аромат цветов, заставив сердце затрепетать по-особому. Они прижимались друг к другу порывисто, тонули в бездне, искали друг друга руками, словно слепые. Их охватила невыразимая страсть, копившаяся годами. Странно, что они ничего не говорили друг другу, будто им нечего было сказать, за них говорили руки, губы. Дыхание прерывалось, в ушах звенело. Казалось, они умрут, если не удовлетворят свою долголетнюю страсть. Сегодня никто им не мешал, они были одни под небом. Если Зухлида, будучи замужем, была скована законами морали, чести, нравственности, то сегодня она была свободна от всего, сегодня все на свете должно было принадлежать ей: все годы, когда она была наложницей или женой врага, она не испытывала ни малейшего удовольствия от физической близости с мужчиной. Она была просто равнодушной, безучастной. Да, Кунбай бек по-своему любил ее, старался дать как можно больше ласки, но не находил ответа. Как только он удовлетворял свою похоть, тотчас уходил от Зухлиды, не забывая приставить к ней стража, чтобы она даже из юрты не могла отлучаться. А в сердце Зухлиды всегда жил Кул Гали, завладевший всей ее душой, всеми помыслами, не раз она думала о самоубийстве, но что-то сдерживало ее от этого шага, может, безумная надежда на встречу с ним? Она молилась часами, перебирая четки, прося у Аллаха встречи с Кул Гали. Наконец Аллах сжалился над ней. Теперь Зухлида и Кул Гали — счастливые муж и жена. Но почему тело ее по-прежнему сковано, будто она все еще в положении рабыни? Почему так? Что это с ней? Ведь она лежит в объятиях любимого, за которого готова была принять любые муки и без ласки которого готовилась умереть, покорная судьбе. Но судьба смилостивилась, и Зухлида обрела своего суженого. Как-то все сразу обрушилось на нее: свобода, обретение любимого и дочери. Может, потому и чувствует она себя неловко, скованно, непривычно. Да, да, ведь она еще не привыкла к счастью! Если, конечно, к счастью можно привыкнуть.

Почему, ну почему она не может расслабиться в объятиях любимого? Когда Кул Гали начал целовать ее лицо, глаза, Зухлида заплакала, даже всхлипнула несколько раз, чем испугала своего любимого. Он сел, обнял ее, принялся успокаивать, но она все никак не могла успокоиться. Он поднял ее на руки, как ребенка, и понес в баню. Зухлида обняла его за шею, все еще всхлипывая, и зашептала:

— Ты прости меня, Кул Гали, прости, любимый мой. Тело мое будто сковано, наверное, от страха, что кто-то может увидеть нас...

— Да-да, милая, пойдем в баню. В предбаннике уединимся, поговорим. Ты моя любимая, моя любовь, — шептал он, нежно целуя Зульхиду.

— Опустит меня, опустит, я ведь тяжелая.

— Нет, ты легкая, словно пух. Я давно мечтал носить тебя на руках.

Зульхида успокоилась, расцеловала его, пощекотав горячими губами его ухо.

— Я тоже люблю тебя, Кул Гали, люблю. До сих пор не верю, что это ты, милый. Ты ли несешь меня на руках? Это сам Аллах нас соединил...

Он опустил ее на землю, не выпуская из объятий, и открыл дверь бани. Они зашли внутрь. Кул Гали закрыл дверь, зажег светильник.

В просторном предбаннике, за пологом, была удобная широкая лежанка, покрытая белым войлоком, на котором лежали пышные подушки и большое стеганое одеяло.

Кул Гали запер задвижку двери, подошел к Зульхиде и принялся осторожно, ласково, шепча милые сердцу слова, раздевать ее. Сглотнул слюну, увидев ее белоснежные груди. Дальше Зульхида разделась сама. Кул Гали поднял ее, трепетавшую от близости любимого, погасил светильник. Только луна светила в окно, бросая серебристые блики на тело женщины. Каждое мгновение желанной физической близости неповторимо. Его нельзя повторить, как нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Каждое движение придавало новый всплеск нежности, погружая их в волшебный океан страсти, заставляло забыть обо всем на свете. В такое мгновение любовь устремляла их куда-то в запредельную высь... Зульхида наконец расслабилась, стала ласкать любимого горячо, отдаваясь ему всей душой, всем телом. Кул Гали целовал ее всю, до кончиков пальцев ног, и нежно шептал слова любви к своей единственной. В его объятиях Зульхида превращалась в Зулейху, а Зулейха — в Зульхиду. Кажется, он даже прошептал в страсти имя Зулейхи, но Зульхида знала, что так он зовет ее, Зульхиду, свою любовь.

— Зульхида, Зульхида, ты ли это, ты ли лежишь в моих объятиях, моя желанная, моя сладкая, нежная, ласковая...

— Я, мой Гали, это я. Ты тоже очень нежный и желанный. Я так давно ждала этого дня, так ждала. Как часто я молилась со слезами на глазах, прося Аллаха отдать мне тебя. Ах, если бы ты знал, любимый, как противно прикосновение нелюбимого мужчины! Я лежала, стиснув зубы, и умоляла Аллаха забрать мою душу. Сколько раз я тянулась к кинжалу, но так и не решилась покончить с собой. Боялась Всевышнего, боялась греха...

Кул Гали целовал ее талию, живот, бедра, губы его постепенно подбирались к ее плечам, шее, лицу, волосам. Зульхида со стоном прижималась к нему, обнимая его.

— Народы воюют за земли, им почему-то не хватает земли, а мы с тобой, не имея двух аршин земли, умеем находить невообразимое блаженство, счастье, — шептал ей Кул Гали.

— Мне хочется плакать, Кул Гали. Разве можно быть такой счастливой?.. Аллах дал нам такую короткую жизнь! Мне кажется, что я начала жить только сейчас, когда встретилась с тобой, а прежде я лишь ждала этой встречи. Я подумала: почему Аллах не подарил нам счастье раньше? Почему?..

— Аллах не дает людям долгого счастья, потому что такое счастье постепенно теряет свою ценность, привлекательность.

— Я ведь полюбила тебя сразу, при нашей первой встрече в Ургенче.

— Пойдем к реке, искупаемся. Потом вернемся в баню, она еще не успела остыть.

Они побежали к речке, уселись на мостик, заболтали ногами в воде. Сначала в воду вошел Кул Гали, потом Зульхида. Кул Гали доплыл до противоположного берега, скрылся в тальнике. Зульхида поднялась на мостик, стала расчесывать волосы. Вдруг где-то рядом раздался смех, кто-то, видимо, пришел набрать воды, но, бросив ведра, побежал к дому.

— Кул Гали, Гали, — позвала Зульхида. — Иди сюда, иди быстрее, нас увидели.

— Пусть видят, — ответил Кул Гали, но быстро приплыл обратно к мосткам, где уже одевалась Зульхида.

— Поддай и мою одежду, — попросил он. — Наверное, повариха за водой приходила и тебя на мостках увидела. Она, наверное, подумала, что ты русалка или водяная.

— Возьми ведра, принесем в дом воды, — предложила Зульхида.

У дома они увидели вооруженного дубинкой Биккула, идущего к реке. За ним шли Хайрулла, Мафтуха и конюх с вилами.

— Зульхида! Кул Гали! — воскликнул Биккул. — Боже мой! А Насима прибежала и кричит, что на мостках сидит водяная и расчесывает волосы. А в речке барахтается сам шайтан.

— Это мы купались, — ответил Кул Гали.

— Эй, Насима, — обратился Биккул к молодой поварихе. — Смотри, вот твоя водяная пришла, — показал он на Зульхиду, — за тебя воду принесла, и вот твой шайтан.
— Я испугалась, дядя Биккул, — виновато опустила голову Насима.
— Ну, ладно, иди в дом, — отправил ее Биккул и обратился к Кул Гали. — Слушай, а вода теплая?
— Как парное молоко, вылезать не хочется.
— А, Мафтуха? — подмигнул Биккул своей благоверной. — Может, и мы искупаемся?
— Пошли, — как ни в чем не бывало ответила Мафтуха. — Кул Гали, там стол накрыт, идите почаевичайте.
— Спасибо, Мафтуха апа, с удовольствием попьем чайку.

По правде говоря, Бахтияр ничего не понимал, вернее, не успел понять. С этими девицами все так в его голове завертелось, закружилось. Не прошло и недели, как Лейля ушла под опеку шейха Кул Гали, а отец уже привез из Владимира еще одну девушку — юную красавицу. С Лейлей хоть на родном языке можно было поговорить, а эта русская сидит молча и смотрит тебе в глаза, да так смотрит, что аж мурашки по коже бегают. Из комнаты даже выйти боится, а если пить захочет, то показывает на ковш: дескать, подайте водицы. А как она удивлялась чаю — думала, что это просто травяной отвар. Чудеса да и только!

Вернувшись из очередной поездки, Бахтияр первым делом решил проведать владимирскую девицу. Постучал в дверь ее комнаты. К тому времени юная Наталья начала понимать кое-какие слова по-тюркски. Например, «мин» — «я», «син» — «ты», «аша» — «кушай», «эч» — «пей», особенно быстро выучила краткое слово «чык», что значит «выходи», «уйди», потому что Бахтияра подолгу нельзя было выставить из ее комнаты. Девушка все время занималась рукоделием, что-то вязала, вышила полотенце какими-то необычайными узорами. Бахтияр заходил к ней в светелку и говорил по-русски: «Здравствуй!». Наталья лишь улыбалась в ответ. А глаза у нее были такие синие-синие, словно лесное озеро, иногда даже окунуться в них хотелось. Сидит Бахтияр напротив девицы, сидит и смотрит, подаст ей то один, то другой моток ниток. Наталья качает головой и говорит: «Нет, спасибо, мне ничего не надо, нужные нитки я сама возьму». И опять улыбается — приветливо, светло, почти ласково, отчего на румяных щеках появляются симпатичные ямочки. И стеснительно моргает длиннющими пушистыми ресницами.

Словно чувствуя состояние сына, Асылгирей ага отдал его на обучение знакомому русскому купцу. Теперь Бахтияр осваивает язык Натальи. Как только выпадет свободная минута, заходит он к девице и начинает с ней разговаривать на русском языке, а заодно обучает Наталью своему языку. Когда Бахтияр засиживался у нее в светелке и слишком смущал девушку, она говорила ему не слишком ласково: «Кит инде» — «Уйди, пожалуйста». Бахтияр извинялся и пятился к двери, и тут девушка, сама не зная, что делать, говорила: «Утыр» — «Садись».

Бахтияр послушно садился, они переглядывались и прыскали со смеху. И им становилось так хорошо на душе! Джигит, осмелев, придвинулся поближе к Наталье, смотрел на ее проворные пальчики, выводившие диковинные узоры, цокал от восхищения языком и говорил:

— «Матур!» — «Красиво!»
— «Матур!» — повторяла Наталья.
— «Матурым!» — «Красавица моя», — говорил юноша.
— «Матурым!» — «Красивый мой».

Они снова переглядывались и начинали смеяться.

Дней через десять Наталья уже умела кое-как изъясняться по-тюркски, а чего не знала, объясняла жестами. В последний свой приход Бахтияр вдруг встал перед девушкой на колени, положил голову на ее вышивку и сказал:

— Я люблю тебя, Наталья.

Девушка не ожидала этого. Она отложила вышивку в сторону, округлив в изумлении глаза. Потом погладила Бахтияра по голове и сказала:

— Я боюсь. Боюсь, Бахтияр. Я тоже полюбила тебя.
— Скоро приедет твой отец и увезет тебя.

При этих словах на глазах девушки навернулись слезы: она соскучилась по родителям.

— Я и правда домой хочу, Бахтияр, только боюсь.
— А ты оставайся здесь, у нас. Живи тут долго-долго, ты привыкнешь, у нас хорошо. Ты столько живи у нас...

И Бахтияр принялся загибать пальцы.

— Один, два, три, четыре года, пять лет... Навсегда останься. Бахтияр оставляет тебя здесь.

— Я без родины умру.

— Тогда и я умру. Давай вместе умрем. И похоронят нас в одной могиле, под одним саваном.

Наталья встала, подошла к Бахтияру, положила руки на его грудь и посмотрела ему в глаза. Ей нравился этот парень — черноволосый, кареглазый, белолицый, с маленькой ямочкой на подбородке. Он улыбался ласково, и тонкие усики слегка раздвигались под его прямым носом.

— Син — мин. Мин — син. Я — ты. Ты — я. Мин сине яратам. Я тебя люблю. Но мне нельзя тебя любить.

— Почему нельзя? Бахтияру, может, тоже нельзя, но он любит тебя, любит!

Зашла мать, Бибиджамал бике, и строго сказала:

— Не морочь девушке голову. Придет время, и она сама всему научится, сама все поймет.

Она взяла девушку за руку:

— Пошли, доченька, в столовую. Я беляши испекла. Нечего трели этого соловья слушать. Сайрасын былбыл.

— Бибиджамал апа, а что такое «сайрасын былбыл»?

— Ну... Это... Пусть, как соловей поет...

— О-о, пусть немного как соловей поет...

— Он целый день может соловьем заливаться, доченька. Отныне имя твоё будет Насара. Бахтияр, и ты тоже так к ней обращайся — Насара.

— А что такое — Насара?

— Ну... Это... Как тебе сказать... тут она увидела спускавшегося по лестнице мужа и поспешно обернулась к нему. — Эй, старый, объясни-ка, что такое Насара?

— Сказал бы я тебе, старая, — буркнул Асылгирей, не глядя на жену. — Садитесь за стол, беляши стынут. Остывший беляш вкус теряет. Остывший беляш — все равно, что старая жена, — ни ответить ей, ни с какого бока не подойти...

— Бахтияр, смотри, что за слова твой отец говорит! Бессовестный! Не стыдно перед детьми?

Асылгирей, словно опомнившись, поднял голову, улыбнулся Бахтияру с Натальей и примирительно сказал:

— Ладно, мать, прости меня... Руки вымыли? Иди, Бахтияр, ты чего истуканом застыл? Иди помоги Наталье руки помыть. А ты, Бибиджамал, чего смотришь, будто впервые видишь меня? Оставила стол, ушла куда-то. Я голодный, неровен час, тебя саму съем. Нет человека злее, чем голодный муж. Тогда он хуже голодного волка.

— Ладно, ладно, муженек, придешь ко мне вечером, покажу я тебе голодного волка, — вскинулась Бибиджамал бике. — Я тут полдня на кухне кручусь, беляши пеку, а он, вишь, меня саму съест собирается.

— Кажется, до тебя очередь не дойдет. Беляши так и просятся в рот. А вкус какой!.. Вкуснятина!.. Ноздри щекочет. А тебя, женушка, я глазами буду есть. Ведь я насмотреться на тебе не могу, стало быть, люблю.

— У-у, ненасытный. Подожди, пока дети подойдут. Что это с тобой, Асылгирей? Не видишь, на девушке лица нет. С утра уже плакала.

— Если дева не плачет, у ней и волосы расти не будут. Девичья слеза — что утренняя роса, солнце выгланет — и слеза девичья высохнет. Вот увидишь, за столом она будет улыбаться во весь рот. А вот и они идут, садись же за стол, хозяйничай.

— Садитесь, дети мои. Бахтияр, перед едой «бисмиллу» прочитай. И ты, Наталья, прочитай, скажи: «Бисмилляхи-иррахманиррахим»...

Услышав от девушки слова молитвы, она успокоилась, потянулась к беляшам.

— Мать, а, мать. Тебе говорю, — снова обратился к жене Асылгирей. — Сходи с Натальей на базар, пусть на мир, на людей посмотрит. Не то ей наш дом темницей покажется. А провожатым пусть Бахтияр будет.

— Буду, буду! — откликнулся юноша. — Я хоть весь день готов сопровождать Насару.

— Да? — иронически заметил отец. — А кто же хана охранять будет? Что-то ты, Бахтияр, в последнее время дома околачиваешься. Или визирь Тимбай тебе поблажки делает?

— Визирь Тимбай, если хочешь знать, святой человек, просто ангел.

— Ну? — снова ухмыльнулся отец. — А кто же в таком случае хан?

— Хан... Кто у нас выше хана есть?

— Аллах, Бахтияр. Бог выше хана. Не забывайся. И не забывай, кто ты такой. Ты — сын тамгачи Асылгирея. А я всю жизнь верой и правдой служу хану и буду служить до самой смерти.

— Истинно так, — с нарочитой важностью подтвердила Бибиджамал бике, подливая чай. — Во сне ты служишь спокойно и верно, иногда, правда, ногами сучишь, зато не пристаешь по пустякам.

— Субханалла! О, господи! Астагафирулла! Бибиджамал, душенька моя, что ты такое несешь? Как у тебя язык поворачивается? Мы всю жизнь прожили душа в душу, нас и сейчас водой не разлить...

Бахтияр не слушал родителей, а Наталья вообще не понимала их. Ее родители тоже иногда перебранились, а к вечеру снова становились как голубь с голубкой. Она лишь уплетала за обе щеки беляши — в жизни не видела еды вкусней. Зайчатина так и таяла во рту, невозможно было оторваться от трапезы. Девушку даже не смущали выразительные взгляды влюбленного Бахтияра. Насара поела беляшей, попробовала вишневую наливку, с удовольствием выпила чаю с медом.

После трапезы девушка убрала со стола, пошла мыть посуду.

— Горячая вода в маленьком казане, доченька, — напомнила ей Бибиджамал бике, все еще сидя за столом. — Повяжи фартук, чтобы платье не испачкать.

— Мам, — улыбнулся Бахтияр. — Ты, кажется, собралась насовсем оставить у нас Насару? Или я ошибаюсь?

— Отец, ты посмотри на этого шалопаю! Мало того, что морочит девке голову, так еще над матерью насмехается!

— Камчи просит сорванец. За Насарой скоро отец придет.

— И что? — как ни в чем не бывало спросил Бахтияр.

— А ничего особенного. Увезет ее домой во Владимир.

— А если я не пущу ее?

Родители переглянулись с улыбкой.

— Не дури, сын, — сказал Асылгирей. — Ты что, уже забыл ту гурию, что теперь у шейха живет?

— Нет, не забыл. Я люблю и ее, и Насару.

— Да ну? — вскинула брови мать. — Это как же тебя понимать? Женишься на обеих, построишь два дома для них? Думаешь, что они так и рвутся обе в твои объятия?

— Не знаю, рвутся или нет, но два дома для них я построю, и если они согласятся, женюсь на обеих.

— Астагафирулла! Господи! Сдурел ты, что ли? Тебе сколько лет?

— Восемнадцатый пошел, и я уже зрелый мужчина. Другие в моем возрасте...

— Ты с другими себя не сравнивай. Другие магазины держат, торговлю ведут, а ты хана охраняешь. Другие!.. Другие каждый день по куче дирхемов зарабатывают. Вон, сын соседа Миннегалимуллы уже второй магазин строит!

— А мне хан оба дома построит!

— Не заблуждайся, сынок. У Насары во Владимире есть нареченный.

— Кто сказал?

— Отец твой...

— Погоди, мать, — вмешался Асылгирей. — У Насары нет никакого нареченного. Правда, один парень домогался ее, так она от него сюда сбежала, потому что не любит, боится его.

— Того не полюбила, а нашего полюбила? — надула губы Бибиджамал бике.

— Мама! — сказал Бахтияр. — Ведь даже хан наш женился на русской Насаре! И живут припеваючи, душа в душу.

— Марьям выдали за хана против воли, ее сюда отец привез, князь владимирский. Надеялся, что этим браком помирят русских и болгар. Но разве это мир? До сих пор продолжаются обоюдные набеги.

— Ну, не-ет, мать, тут ты не права. Булгары никогда не ходили на русских первыми, никогда не поднимали на них оружие просто так, без причин, а вернее всего, для того, чтобы пограбить и нажиться. В этом я могу поклясться на Коране. А вот русские сколько раз нападали на болгар! И Долгорукий, и Боголюб, и Всеволод Большое Гнездо. Да и нынешний князь не прочь поживиться за счет болгар. Кто сжег и разграбил Ашлы? Кто нашу дочь Гаухар...

Асылгирей испуганно замолк, но было уже поздно. При имени похищенной дочери Бибиджамал бике всхлипнула, поднеся платок к глазам, и заплакала.

— Все мужчины бессовестные, — сквозь слезы сказала она. — Все бы вам воевать, убивать друг друга.

Асылгирей поспешил переменить тему разговора:

— Ну, ладно, мать. Я пойду, у меня дела. А ты, Бахтияр, выбери время, да сходи с мамой и Насарой на базар. Лучше идите на главный — Ага Базар. Запряги гнедого мерина, жеребца не трогай, горяч очень, — Асылгирей чувствовал себя неловко. Он понимал, что Бибиджамал теперь долго не сможет успокоиться, вспоминая свою ненаглядную дочку Гаухар. Будет плакать, пока все слезы не выплечет. Но делать было нечего — слово улетело, обратно не воротишь.

Бахтияр ласково обнял мать за плечи:

— Мама, мамочка, купим Насаре на базаре болгарских платьев, камзол, ну... калфак еще, сапожки, оденем ее, как Гаухар...

— Ох, сыночек, — вздохнула Бибиджамал бике. — Какая же это жена, если с ней и не поговоришь на материнском языке.

Усилием воли она прогнала на время воспоминания о дочери, потому что на ее семью надвигалась новая беда в образе чужеземной невестки.

— Так и будешь с ней лопотать: я тебя любит, ты меня любит. Разве это разговор, сын мой? Родной язык входит в человека через сердце. Ведь нам, женщинам, так нужны от вас ласковые слова, чтобы за душу задевало. Одним телом душевной ласки не дашь. Ни ты, ни она. А со временем появится в ваших сердцах недовольство, нарушится целостность души. Да и отец не согласится.

— А ты, мама?

— Я — мать, дитя мое, и этим все сказано. Я больше, чем отец, имею прав на твою душу, твое сердце. Аллаху угодно, чтобы каждый находил себе богом суженую, в противном случае семья будет несчастливой, и родители, и даже их дети. Будете искать друг друга до самого Судного Дня, как Сак и Сок.

— А если сам Аллах послал нам Насару?

— Не знаю, не знаю, сынок. Трудно, ох трудно будет ей здесь, воспитанной в другом мире, на другом языке, других обычаях и понятиях. Боюсь, она начнет страдать, сохнуть и готова будет бежать отсюда куда угодно. Охо-хо, дитя мое... Можно изменить характер, поведение, но вряд ли изменишь веру, потому что она — понятие духовное.

— Но Марьям бике ходит в мечеть, читает намаз, а на нашем языке разговаривает не хуже нас с тобой.

— Ханбике, сын мой, это государыня, правительница, она замужем за главой государства. Ей все можно... А ты кто? С кем посмел сравнить себя?

— Я — ханский телохранитель, мама.

— Ну, хватит, хватит, не томи мне душу. Если ты телохранитель — так и будь им ради Аллаха. А Насаре голову не морочь. В ее нежном возрасте девушки очень доверчивы, ведь и она может поверить тебе, а что потом? Как бы не пришлось раскаиваться бедняжке.

— Ты, мама, поставила меня в очень трудное положение.

— Я наставляю тебя на путь истинный, сын мой. Я ведь мать тебе, верно? А дальше как поступать, сам подумай.

Теперь все стало предельно ясным: монголы действительно собирались обрушиться на Булгар почти всеми своими силами. Об этом подробно сообщил Мауля Худжа. Все монгольские ханы с туменами сосредоточились в Тургайской долине, что неподалеку от города Саксина. Там же был проведен Малый курултай, где были определены направления ударов каждого тумена. Много спорили, пили, ели, и в конце концов решили ждать известий от своих лазутчиков.

Во главе Малого курултая сидели Бату хан и его братья, Субедей багатур и знатные нойоны. Они еще более укрепились в своем решении завоевать земли от Волги до Адриатического моря. Однако, следуя заветам Чингисхана, они должны были собрать как можно больше сведений о странах, подлежащих завоеванию. О питании не беспокоились, ибо в их распоряжении были огромные стада, кроме того, поступал в изобилии скот от жителей завоеванных земель. Особенно много скота было у башкир. Сами башкиры во множестве бежали в сторону Уральских гор. Из каждой деревни и каждого города монголы брали в свою армию каждого десятого юношу.

Субедей, наконец, не выдержал, после походного Курултая шестьюдесятьютысячной армией двинулся на город Саксин. Через неделю город пал. Багатур Бачман сумел сохранить костяк своего войска и отступил из Саксина в город Сэмбель. Впрочем, приказ об отступлении ему привез ханский гонец Бахтияр. Хвала багатуру Бачману за то, что он сохранил часть своего войска. Теперь его джигиты, разделяясь на быстрые, подвижные отряды, очищают болгарские села от монгольских баскаков. Убитых врагов с головами на копьях они привязывают к седлам их же коней и отправляют обратно в стан Бату хана. Ильгам хан не очень одобрял действия своего багатура, но и не запрещал. Если хотите знать правду, не болгары напали на монгольские степи, а монголы пришли войском на болгарские земли. Никому не хочется отдавать чужакам свою землю, поэтому естественна месть болгар монголам. Видя такое положение, Бату хан решил ускорить завоевание стропливой Булгарии. Значит, крепко досадила Бачману багатуру Бату хану своими лихими

кавалерийскими рейдами. Монголы спешили, а от спешки, известно, прок небольшой. «Пусть монголы придут, — думал Ильгам хан, — мы не собирались и не собираемся их принимать с распростертыми объятиями. Мы били их, еще раз побьем».

Ильгам хан позвал к себе шейха Кул Гали, который находился в гуще народа, читал проповеди и хутбу, а раз в неделю в пятницу выступал с проповедью в Ханской мечети. Шейх читал хутбу хану, а народ призывал дать отпор врагу. Призывал к достойному отпору.

Кул Гали зашел в тронный зал, учтиво поздоровался. На нем был длинный, до пят, желто-зеленый бухарский чапан, ярко-зеленая чалма, а в руке посох.

— Салямалейкум, уважаемый хан!

— Вагалеюкум ассалам, преподобный шейх. А где Биккул? Я ведь и его велел позвать.

— Биккул саудагар здесь, ожидает разрешения войти, — объявил привратник.

Биккул зашел с позолоченным подносом в руках, на котором лежала какая-то книга толщиной с Коран. Саудагар подошел к хану, поклонился.

— Здравствуй, Биккул ага, проходи, присаживайся.

— Многоуважаемый, досточтимый мой хан, — сказал Биккул, делая шаг вперед и снова почтительно склоняя голову. — На этом подносе лежит только что завершенная книга шейха Кул Гали — дастан о Юсуфе и Зулейхе. Эту книгу он дарит тебе, мой хан!

— Баракалла! — Обрадовался хан. — Хвала Аллаху, мир ему и благочестие! Где визирь? Где мой визирь?

— Я здесь, мой господин, — подошел к нему визирь Тимбай.

— Позови казначея. Пусть придет немедленно.

Пока они рассаживались за столиком, пришел казначей.

Хан пальцем подозвал его к себе.

— Вот и казначей. Поди-ка сюда.

Казначей подошел к нему и встал на колени. Ильгам хан что-то сказал ему на ухо и уже громче прибавил: «Одна нога здесь, другая там!»

Визирь с казначеем вышли. Ильгам хан принялся листать книгу, останавливаясь то на одной, то на другой странице. Наконец он положил книгу обратно на поднос.

— Кажется, великий персидский поэт Фирдоуси тоже подарил свой знаменитый дастан султану Махмуду Газневи.

— Да, но султан не оценил поэта, ничем не одарил его за труд.

— Хорошо, хорошо, Биккул. Но почему молчит сам автор — уважаемый шейх Кул Гали?

— Досточтимый хан, я обещал подарить эту книгу вам, и я делаю это с благодарностью.

— Спасибо, уважаемый. Биккул, мы ведь с вами, кажется, еще и родичи?

— Да, мой хан, родичи.

В это время пришел визирь с тазом, полным серебряных дирхемов. Ильгам хан взял у него таз с деньгами, встал напротив Кул Гали:

— Я от всей души благодарю тебя за чудесный подарок — бессмертный дастан. Прими же и ты мой скромный дар!

Кул Гали заколебался, но Биккул ата легонько подтолкнул его в бок, и поэт принял дар, опустившись на колени и произнес благодарственную речь.

Довольный Ильгам хан передал поднос с книгой визирю:

— Визирь Тимбай, отдай книгу переписчикам и переплетчикам, пусть сделают сто экземпляров и распространят по мечетям всех городов страны.

— Слушаюсь, мой господин.

— Теперь присаживайтесь, предстоит серьезный разговор, — сказал хан. — Посмотрим на эту карту.

— Мой хан, эта карта имеется и у монголов, — сказал Биккул.

— Странно. Я приказал сделать всего семь копий карты, одна, правда, потерялась. Видимо, к монголам попала эта потерянная карта? У кого находились карты?

— У вашего старшего брата Амира Хаджи, у внука хана Ибрагима углана Хансеяра, у багатура Артыка, у визиря, у багатура Бачмана, багатура Джик Мергена и у вас. Но одна лишь карта не поможет монголам, мой хан.

— Монголам, может, и не поможет, а вот нас поставит в затруднительное положение, потому что на карте, кроме всего прочего, указаны подземные ходы, правда, не на всех. Конечно, не всякий поймет, что это изображены именно подземные ходы, но Бату хан возит с собой китайских ученых, которые легко поймут, что к чему. Кроме того, и Бату хан, и китайские ученые знакомы с нашим письмом. Биккул саудагар, в

конце концов, меня беспокоит не столько карта, сколько численность монгольских войск, наличие у них греческого огня, а также взятые у чжурдженой большие камнеметы.

— Пушек у монголов я не видел, хан, — возразил Биккул.

— Да, — согласился хан. — У Субедея пушек, действительно, нет. Камнеметы везет с собой Бату хан. Поэтому нам нужен человек, способный проникнуть в стан Бату хана.

— Вы имеете в виду меня?

— О вас речи нет, вы — человек пожилой. У меня есть одна идея. Если примете ее — хорошо, нет — будем искать другие пути. Думаю, что нам нужно устроить брак между дочерью Зульхиды ханум — Лейлей и монгольским сотником Йэгерек. И сделать это как можно быстрее. Пусть встретятся, познакомятся, сблизятся. Если юноша понравится девушке, быстро прочитаем им никах и поженим. Пусть Бату хан думает, что мы хотим мира и дружбы. Биккул ага, Кул Гали, девушка находится под вашей опекой, она получила прекрасное воспитание у Джамалбике абыстай, наконец, она красива, умна, образованна. В свое время я отправил Салахутдин бея с хорошим товаром в Каракорум — не для того, чтобы дотянуться до Угедей хана, а чтобы завязать с ним равноправную торговлю. Но теперь мне нужно проникнуть в логово Бату хана, а еще лучше — в саму его юрту. Для этого и нужен Йэгерек — сотник из отборной гвардии кишектинов монгольского хана. Биккул ага, ты знаешь, что иначе этого человека не приручить. Что касается нашего сокровища, луноликой Лейли... Надеюсь, что она полюбит молодого, удалого кишектина. Если, конечно, девушка согласится. Мне кажется, джигит достойный...

Кул Гали не знал, что и сказать. Он вообще недолго любил политику и всякие политические интриги. Бедный поэт понял лишь одно: их любимицу Лейлю, этот невинный Дар Божий, хотят отдать замуж за монгольского сотника Йэгерек! Для вида хан решил посоветоваться с ними, но кто же осмелится возразить главе государства?! Ни Кул Гали, ни Биккул ата не пойдут на это. Значит, Лейля вынуждена будет участвовать в какой-то политической игре. Поймет ли девушка просьбу хана? Даст ли на это согласие ее мать Зульхида? Даже если Зульхида согласится, как отнесется ко всему этому сама Лейля? Пожелает ли она выйти замуж за этого Йэгерек? Правда, Йэгерек из татар и даже недавно под влиянием Маули Худжи принял ислам, и все же...

— Досточтимый хан, — нарушил неловкую тишину Биккул. — Одно дело, если девушка согласится, но если нет? Что тогда?

— Биккул ага, ты человек бывалый, мир повидал, поэтому не мне тебя учить, как повлиять на душу юной девушки. Во всяком случае, я верю тебе, верю, что ты и на этот раз исполнишь свой долг. Думаю, и Кул Гали не будет противиться. Судьба народа, родины превыше всего.

— Да, мой хан. Вы правы.

— А теперь пришлите ко мне Лейлю и ее мать. Я хочу побеседовать с ними. Времени мало, войдите и вы в мое положение.

Биккул ата и Кул Гали переглянулись, поклонились, молча встали и пошли к выходу. У ханского дворца их ждала карета на мягком ходу, в которую была запряжена пара лошадей. Ханский телохранитель Бахтияр помог им сесть в карету, потом крикнул кучеру: — Трогай!

Всю дорогу отец с сыном не проронили ни слова, и только у самых ворот Биккул сказал:

— Зульхиде сам скажи. Я не могу. Боюсь.

— Хорошо, отец.

Зашли в дом. Лейля что-то читала. Зульхида тоже рылась в книгах.

— Зульхида, Лейля, вас зовет к себе во дворец хан Ильгам. Послал нас за вами. Проводить или сами доедете?

— Конечно, сами, правда, мама? — вскочила Лейля. Зульхида, похоже, не разделяла живости дочери. Она пристально посмотрела на Кул Гали.

— Что случилось, Гали?

— Хан хочет увидеть вас с Лейлей.

— И только?

— Он мне ничего не сказал.

Лейля уже надела лучший свой наряд. Зульхида тоже переоделась, вышла из своей комнаты и снова пытливо взглянула на мужа. И тут Кул Гали не выдержал, подошел к ней и шепнул на ухо:

— Хан хочет познакомить Лейлю с одним джигитом.

Это известие, однако, еще более озадачило Зульхиду. Впрочем, больше всего она боялась за Гали. Но промолчала, ни о чем не спросила, вышла вслед за Лейлей на крыльцо. Кул Гали проводил их до кареты, помог сесть, хотя тут уже крутился, как обычно, Бахтияр.

— До свидания!

Карета тронулась.

— Кул Гали, мне очень тревожно! — крикнула Зульхида, предчувствуя неладное.

— А я довольна, довольна! Очень рада, мама! — помахала рукой Лейля.

* * *

Кул Гали не знал, о чем они разговаривали с ханом, но вскоре к ним в дом пожаловал визирь, чтобы позвать к хану Биккула. А во второй половине дня Биккул ага привел в дом нарядно одетого сотника Йэгерек.

Лейля и Зульхида были дома, занимались по хозяйству. Видимо, Ильгам хан сумел уговорить Лейлю, потому что девушка имела вид вполне довольный, даже радостный, и что-то напевала вполголоса. Кул Гали не выдержал, подошел к Зульхиде и, обняв ее за талию, спросил:

— Ну, что там решили?

— Замуж Лейлю выдаем. Уже сегодня будет никах. Сам хан повелел. Лейля увидела джигита, дала согласие. Завтра он увезет ее в родные края, за Урал, а может, в свой стан... Он же воин, воин Субедей багатура?..

— Куда спешить, не пожар ведь, — пробовал шутить Кул Гали.

— Выходит, что пожар. Он завтра уезжает. Завтра, Гали!..

— Кто он? — спросил Кул Гали, хотя прекрасно знал, кто жених.

— Его зовут Йэгерек. То ли сотник, то ли телохранитель, не поняла. Лейле парень понравился. Скоро он будет здесь. Вон — уже идут! Лейля, иди во внутренние покои!

Кул Гали почувствовал себя в каком-то глупом положении. Действительно, странная сложилась ситуация. Впрочем, они с Зульхидой тоже женились спешно. И Биккул атай с Мафтухой апа. Теперь вот третья скоростная пара. Что происходит в этом мире? Эпидемия мгновенных браков? С легкой руки Кул Гали и Биккул ага? Он пробовал сказать об этом Зульхиде, но та сказала, как отрезала:

— Брось! Ты заранее знал об этом.

Кул Гали до ушей покраснел.

— Прости меня, Зульхида. Хан Ильгам заставил меня пойти на обман.

— Дурачок, — неожиданно смягчилась Зульхида. — Радоваться надо, а не извиняться. Ведь Лейле джигит понравился. И приданое хорошее: двадцать лошадей, пять кобылиц, сорок аршин ткани, десять платьев для Лейли, а нам с тобой по тысяче монет серебром.

— Приданое хорошее и джигит неплох. Только почему-то радости нет.

— Это потому, что ты любишь Лейлю как родную дочь, вот тебе не хочется ее отдавать.

— Может, и поэтому, — задумчиво ответил Кул Гали. И пошел навстречу жениху.

* * *

Еще через два дня монгольских купцов проводили в стан Бату. Вместе с ними на белом верблюде уезжала и Лейля. Зульхида, Кул Гали и Биккул ага провожали ее до ворот внешнего города.

— Если устану на верблюде, переседаю на лошадь, — весело крикнула Лейля, махая на прощание рукой. Йэгерек, спешился, чтобы попрощаться с родителями жены, подтвердил:

— Я приготовил для нее пару прекрасных скакунов. Если захочет, переседет на коня.

Он обнял каждого из провожающих.

— Зять! — сказала ему Зульхида, держа джигита за руку. — Ради Аллаха, береги Лейлю, не обижай ее и не давай в обиду.

— Не беспокойтесь, буду беречь ее как зеницу ока, мама!

Джигит молодецки вскочил на коня и поехал догонять ушедший караван. Провожавшие смотрели им вслед, пока те не переправились через реку Малый Черемшан.

— Пора возвращаться, — сказал Биккул ага и махнул рукой кучеру.

* * *

Конечно, Бату хану не понравился ответ Ильгам хана. Но что сделано, то сделано. Сотник Йэгерек вез ему письмо от болгарского хана. Письмо через Субедея будет передано Бату хану. Ильгам хан отказался

подчиниться Угедей хану. Впрочем, Субедею как раз и нужен был такой ответ: это развязывало ему руки. Теперь монголы обрушатся на Булгар всей мощью.

... Ильгам хан пробовал представить себе Бату хана в момент передачи ему письма. Вот ему передают пакет, и Бату хан, даже не взглянув на него, передает письмо уйгурскому толмачу. Тот вскрывает пакет и читает, сначала про себя. Толмач чувствует, что ответ болгарского хана рассердит монгольского владыку, поэтому не спешит с чтением вслух. Наконец, Бату хан в гневе выхватывает письмо из рук толмача и читает текст сам. По мере чтения он медленно поднимается с трона, потом, дочитав, в ярости рвет письмо на кусочки, топчет их ногами и кричит, глядя на Субедея:

— В поход! Завтра же в поход!

* * *

Вечером Ильгам хан позвал своих приближенных в тронный зал Ханского дворца. Были приглашены и Кул Гали, Биккул ага и Зульхида.

Да, Ильгам хану не впервой сражаться с монголами и одерживать победы над ними. Наверное, поэтому он перед лицом грозного врага так спокойно собирал меджлис за меджлисом, как где-нибудь в деревне собирались на посиделки незамужние девушки.

Вот и теперь он решил собрать меджлис, несмотря на то, что монголы уже стучались в ворота Булгара. Он велел своей супруге, ханбике Марьям, одеться красивее, сам тоже облачился в лучшие одежды, лично встречая и приветствуя каждого приглашенного.

Встретил он и Зульхиду с Кул Гали, указав на почетное место. Хан вел себя сегодня несколько странно, словно прислуживал всем. Он похвалил наряд Зульхиды — простой и в то же время изысканный. Все в Зульхиде привлекало: поведение, жесты, походка, голос. Таким нежным голосом, пожалуй, можно было излечить любого больного мужчину. От своей супруги хан никогда не слышал такого теплого, нежного, певучего обращения. Говорят, что в любви слова излишни, но это не так. Ласковое слово женщины очень много значит для мужчины.

Ильгам хан сел между Кул Гали и его женой, переспрашивал Зульхиду о монголах, послушал еще раз ее чарующий голос с южным акцентом, потом, будто извиняясь, сказал:

— Зульхида абыстай, спасибо вам, что вы не только сочувствуете мне, но одобряете мой поступок. По правде говоря, я боялся, что Лейля отвергнет мое предложение. Но она оказалось смелой девушкой, правильно поняла меня, можно сказать, по-государственному подошла к этому вопросу...

— Не беспокойтесь, уважаемый хан, — Зульхида доверительно взяла хана за руку. — Лейля действительно полюбила сотника Йэгерекка и несколько на нас не обиделась. Во всяком случае, не подала виду. Даст Аллах, все будет хорошо...

— Я послал вслед за ними купца Салахутдина с караваном, — сказал хан. — Примет его хан Угедей — хорошо, нет — пусть сам на себя пеняет. Я отправил ему даже взрывающиеся ядра — пусть испытывают у себя во дворце.

— С походом на нас идет Бату хан, ваше величество, а Угедей хан — всего лишь кукла в руках чингизидов. Кроме того, говорят, что Угедей хан сильно увлекается зельем, пьет араку. Надо было вам торговый караван отправить Бату хану, который уже стоит у ворот твоей страны.

— Что ж... Купцы еще недалеко отошли от Булгара, возможно, мы изменим их маршрут, — задумался хан, ища глазами визиря. — Говорят, во главе монгольского войска стоит Субедей багатур.

— Субедей багатур — тень Бату хана, ваше величество, только тень...

— Не ошибаешься ли, Зульхида? Полководец Субедей даже во времена Чингисхана никогда не был тенью монгольских ханов, при Бату хане — и подавно ею не будет, — присоединился к их разговору Кул Гали.

— Это верно, — согласился Ильгам хан. — Субедей багатур — вовсе не тень. Все войско в его руках. Ни один поход не был задуман и проведен без его советов и рекомендаций. К тому же он — талантливый военачальник. Такого же мнения придерживается и купец Биккул, а он-то прожил в юрте Субедея почти целый год. Пока Субедей, видимо, беспрекословно подчиняется Бату хану, но кто знает, что будет завтра. Нам нужно посеять семена раздора между этими людьми, поссорить их друг с другом. Возможно, мы добьемся этого с помощью Лейли, если она благополучно доберется до батыевской ставки. И, конечно, если на то будет воля Аллаха.

Кул Гали внимательно слушал беседу Зульхиды с Ильгам ханом и не переставал удивляться своей жене. Зульхида была осведомлена обо всем, могла поспорить на любые темы даже с самим ханом.

Ильгам хан, Биккул и Кул Гали пошли к кумысному столику.

— Жаль, — сказал хан, подняв чашу с напитком, — что князь Юрий не пришел к нам на помощь. Я не ожидал от него такого поступка. Ханбике говорит, что он и в детстве не отличался храбростью. А ведь они с ним сводные брат и сестра, от одного отца рожденные. Ханбике ему письмо написала, так он даже не ответил.

— По-моему, князь Юрий себе на уме и задумал что-то нехорошее.

— Так-так, Кул Гали, и что же, по-твоему, он замыслил?

— Он хочет отдать нашу страну на растерзание монголам, чтобы потом после их ухода без особых проблем захватить наши города и села, завладеть нашими богатствами, а главное, прибрать к рукам наши торговые пути.

— Гм-м, — хмыкнул Ильгам хан. — Возможно. Только князь совершит ошибку, если так сделает. Монголы в случае победы над нами здесь не остановятся, пойдут дальше. Так что князь Юрий, если твое предположение верно, своими руками роет себе могилу. Но я не думаю, что он настолько глуп, чтобы подставить свою спину под камчу Бату хана. Я также не думаю, что князь настолько неблагодарен по отношению к нам, своим соседям. Гм-м... А ты как думаешь, Биккул ага?

— Сохрани Аллах, ваше величество, от такого соседа. В народе говорят: если тебя предаст брат — рушится семья, если хан или князь — государство, мой хан.

— Ваше величество, я посоветовал бы немного вспомнить нашу историю, — сказал Кул Гали.

— Ну, ну, ученый, — подбодрил его хан. — Послушаем твои исторические повествования.

— Вам, должно быть, известно, что начиная с 965 года наши предки свободно стали заключать с киевскими князьями мирные договоры на каждые двадцать лет. Известно также, что в 985 году в Булгар приезжал князь Владимир, который женился на болгарской принцессе по имени Зубаржат, дочери болгарского хана Муэмина. Договор был продлен еще на двадцать лет. Но после смерти киевского князя Владимира центр русских земель переместился во Владимиро-Суздальское княжество. Обратите внимание, ваше величество, что мирный договор, тем не менее, действовал. Но несмотря на это, в 997 году князь неожиданно совершает поход на Булгар, совершенно не подготовленному для отражения набега с севера. Булгарский хан не был готов к этой войне, потому что попросту не ждал ее: ведь с русскими продолжался долгий мир. В итоге владимирский князь пленил небольшую пограничную рать. Воины хана были в кожаных сапогах. Старший воин князя Добрыня, видя одежду, доспехи болгарских воинов, сказал: «Князь, они не будут нам платить дань, они хорошо одеты и вооружены, пойдём искать лапотников». Князь еще раз посмотрел на воинов хана и убедился: Добрыня прав. Тогда он решил послать к хану своего связного. А потом князь Владимир даже женился на дочери хана, и они составили новый мирный договор. И все же, как вы думаете, в чем причина такой перемены в русской политике? Дело в том, что с 985 года киевские князья начинают склоняться к принятию христианской веры и уже имеют своего митрополита. В Киев приезжает византийский миссионер и догматик Кирилл, который призывает князя крестить также и волжских болгар, уже принявших ислам. «Слышали, что болгары предлагали вам свою веру, — выговаривал князю миссионер, — только вы им не верьте, вера их нежизнеспособная, вредная. Не вздумайте принять их веру». Князь Владимир для вида согласился, а сам послал в Булгар своих эмиссаров, дабы разузнать про «веру болгар». Узнав, что ислам запрещает свинину и зелье, князь сказал: «Питие — есть веселие Руси, без того нам не быти». С тех пор начинается между русскими и булгарами разобщение на религиозной почве, вражда, кровопролитие.

— Все это, дорогой Кул Гали, и мне известно, — сказал хан Ильгам. — Хвала Аллаху. Я знаком с историей нашего народа. Но я бы не стал сводить болгаро-русское противостояние к одной лишь религии. В период с 985 по 988 годы центр русских земель переместился из Киева во Владимир. С тех пор русские постоянно совершают походы на восток от своих княжеств. Как их остановить?

— Во всяком случае, походы русских невозможно остановить только заключением династических браков. Так думали в свое время болгарские правители. Простите, ваше величество, но от истины не уйдешь. Ваш брак с владимирской княжной ничуть не остановил натиск русских на Булгарию. Истина заключается в том, что русские избрали своим ремеслом грабежи соседних народов, то есть захватнические войны. Ваше величество, по-моему, у нас появляется единственная возможность избавиться от русской агрессии — попросить Угедей хана принять нас под свое покровительство, а потом вместе с монголами...

Ильгам хан порывисто встал, бросил яростный взгляд на Кул Гали и сказал:

— Кул Гали, мой род несколько веков стоит во главе государства. Не забудь, что и ты принадлежишь этому славному роду! Не может быть и речи о вассальном подчинении нашей страны монголам. И больше никогда не заводи со мной об этом разговор!

Вслед за ханом поднялись со своих мест и Кул Гали с Биккулом ага.

— Но если мы не решимся на это сегодня, завтра это сделают русские и тем самым сохранят во имя будущей страны свой народ.

— Народ... — буркнул хан. — Что такое народ? Стадо овец, быдло.

— Однако именно это быдло дает возможность вашему величеству сохранить ваш трон, страну, — возразил Кул Гали с несвойственной ему горячностью.

— Я не хочу с тобой ссориться, — ответил хан и вышел. Кул Гали хотел нагнать хана, но Биккул ата остановил его:

— Не надо, сын. Ты видишь, что хан рассержен.

— Но я просто хотел отдать ему письмо Субедея, которое ты привез, отец.

— Это письмо еще больше разгневает хана. Потерпи. Оставь письмо визирю.

— Остается только молиться, отец, чтобы Аллах наставил на путь истинный этих гордецов. Прости, что немного погорячился. Но неужели хан не догадывается об истинных намерениях русских князей? Ведь они хотят не просто завоевать нашу страну, но и обратить насильно в христианство.

— О, Аллах! Не зря болгары называют тебя великим шейхом. Ты даже осмелился пререкаться с самим ханом. Что дадут нам монголы, сын мой? Что?..

— Как же не пререкаться, отец? Ильгам хан, конечно, человек праведный. Но как можно отправить восвояси, почти прогнать посольство Угдей хана, который послал ему письмо, где напомнил о словах Чингисхана? Ведь Ильгам хан принял это письмо, но никому не показал, даже своей ханбике.

— Потерпи, Кул Гали, потерпи. Нам, кстати, сейчас лучше уйти отсюда. Распрощаемся с ханбике и...

— Удобно ли это будет?

— Сейчас самое время удалиться. Видишь, хан встречает багатура Бачмана, а они с ним единомышленники, намерены в пух и прах разбить чуть ли не трехсоттысячное войско монголов. Да, не зря говорят, что чересчур гордый правитель вознесется в небеса, а свой народ кинет оземь.

Ханбике проводила их до крыльца, и даже почему-то не поинтересовалась причиной их раннего ухода с меджлиса.

* * *

Уже по походке и по выражению лица багатура Бачмана хан понял, насколько осложнилась обстановка на границах государства и поспешил навстречу Бачман багатуру.

— Ваше величество, — сказал хану багатур. — Я вынужден был оставить город.

Они прошли в залу, уселись на мягкие подушки.

— Мне уже сообщили об этом, багатур. Однако тебе удалось сохранить костяк войска и отступить в город Сэмбель. Монголы не побоятся переплыть реку Итиль, багатур. Как сам, благополучно ли доехал?

— Хвала Аллаху, хан. Погода хорошая. Везде колосятся обильные хлеба, но они монголам ни к чему. Разве что потопчут их, хан.

— Да, сердце сжимается от боли при мысли об этом. Много ли было у тебя потерь?

— Битва без потерь не бывает, мой хан. Но основную дружину сохранил. Да, я вынужден был оставить город, потому что, по правде говоря, мои джигиты не привыкли сражаться на городских стенах. Мы, кипчаки, степной народ, хотя после присоединения к Булгарии и начали жить в городах. Но летом мы по-прежнему кочуем.

— Не сожалею о том, что живешь в городе, багатур. Нынче от монголов нас могут защитить разве что наши укрепленные города и крепости.

— Не знаю, хан, не уверен. Лично я не намерен запираюсь в городах. Я всюду степным волком стану нападать на монголов, где они появятся, там и буду их ожидать и внезапным нападением раздроблю их силы. Я не дам монголам спокойно кочевать в своих степях, хан.

— Хорошо, хорошо, багатур.

Бачман выпил полную пиалу кумыса и продолжил:

— Хансеяр углан привез в Саксин еще семнадцать пушек, но при отступлении пришлось утопить их в Итиле, хан мой.

— Жаль. А где твоя дочь Сэмбель?

— Ее я отослал в Казань.

— Мастер Дауран продолжает отстраивать город Биляр. Абдулла эмир доволен мастером. Он заново построил Восточную мечеть, возвел ее на каменном фундаменте. Он полон энергии. Но я очень боюсь: они восстанавливают город, а монголы разрушат, багатур. Доведи до тархана Биляра, пусть готовится к дли-

тельной войне с монголами, хотя я уже его предупредил, скажи еще, что хан просил. Пусть бережет своих людей.

— Мы строим, а монголы разрушат, хан, — мрачно заметил Бачман.

— У монголов, оказывается, есть греческий огонь, тараны, камнеметы...

— Есть, мой хан, вооружение у них не хуже нашего.

— Значит, ты не намерен, мой багатур, отсиживаться в городах?

— Нет, хан.

— А я думал отправить тебя на помощь эмиру Абдулле.

— Пошли туда арского багатура Алатыря, хан. Почти все его войско состоит из пехоты. Биляр лежит среди лесов, а ары отменно воюют в лесах. Или пошли туда Джик Мергена с его меткими стрелками.

— Джик Мерген вместе с багатуром Баяном отданы в распоряжение моего старшего брата, эмира Хаджи. Джик Мерген со своими джигитами засел в Кашане, а багатур Баян — в Суваре.

— А где углан Хансеяр?

— Эмир оставил его в Казани.

— А пушкари?..

— Пушкарями командует менбаши Ташбай углан.

— Насколько я помню, этот джигит до сих пор был лишь помощником командира пушкарей?

— Вчера был помощником, сегодня — менбаши. Этот джигит оказал мне большую услугу. Он разбил монголов на Яике, привел тысячи пленных, не говоря уже о захваченных богатых обозах.

— Хансеяр углан — мой зять. Я хотел бы помочь ему защищать его город. Но где же ваши внуки?

— Один — в Кашане, другой — возле отца.

— Не лучше ли передать внуков под надежную охрану, для их же безопасности? Ведь они — будущее династии, хан.

Ильгам хан с некоторым удивлением посмотрел на багатура. Он не понимал его. Бачман багатур всегда был его единомышленником, по крайней мере, хан всегда считал его таким. Но теперь кипчакского полководца явно одолевали сомнения. Стремление спрятать куда-нибудь ханских внуков, отправить их подальше под чью-то надежную охрану говорило о неверии в собственные силы, в возможность отразить монгольское нашествие.

— Я верю вам, — сказал Ильгам хан, решив почему-то на этот раз обратиться к своему полководцу на «вы».

— Где бы я ни был, всегда и всюду буду тревожить монголов. Я им не дам ни дня покоя. Они отняли у меня мои пастбища и кочевья, лишили мой народ степи, взяли мой город. Я не дам им спокойно вздохнуть ни в степи, ни в городе. В Саксине я оставил своих верных людей... Вот что я хотел сообщить, мой хан. Тумены Бату хана со всех сторон идут к Булгару. Говорят, хан обещал по-царски наградить того туменбаши, чей сотник первым подойдет к стенам болгарской столицы. Но я буду их кромсать, резать, кусать неустанно. Я стану уничтожать их обозы, угонять их стада, нападать из засад, устраивать им разные ловушки. Я у себя дома, это моя степь, где мне знакомы каждый кустик, каждая тропинка, каждая поляна, каждый холм, лес, речка, овраг. По дороге в Булгар я наткнулся на воинов багатура Пургаса. Его люди бегут от русских разбойников в пределы Булгарии. Совсем распоясался князь Юрий...

— Да, ты прав, Бачман, князь распоясался, — подтвердил Ильгам хан, разливая по пиалам кумыс. — Багатура Пургаса с его дружиной я приму в городе, а простой народ отправлю на восточные земли, пусть там обустроивается.

Зашел дворецкий, сообщил о прибытии арского багатура Алатыря. Ильгам хан пошел встречать гостя. Кипчакские и арские багатуры поздоровались, посидели за кумысным столиком, потом вместе с ханом подошли к карте, чтобы обсудить дальнейшие действия.

— Багатур Алатырь, что ты намерен делать? — спросил хан. — Остаться в городе или расположиться в лесу? Если выберешь лесные позиции, то мои дозорные на городских башнях с помощью сигнальных флажков смогут сообщать тебе о передвижении монголов.

— Я буду атаковать их из лесу, мой хан.

— Хорошо, багатур, так и сделаем.

Ильгам хан подлил кумыса арскому багатуру.

— Главная задача нам ясна, багатуры. Защищать столицу, отражать монголов. Вы — из лесу или степи, ну, а мы из города не будем давать врагу покоя до тех пор, пока он не уберется с нашей земли. Вместе мы должны сломать хребет монгольскому хищнику. Повторим подвиг наших джигитов, разгромивших когда-то монгольскую армию в Жигулевских горах!

— Да поможет нам Бог, — сказал багатур Алатырь.

Монгольские тумены шли не вместе, а каждый своей дорогой, предварительно посылая вперед разведывательные отряды. Два таких отряда наткнулись на дружину Ташбай углана. После ожесточенного боя в Булгар привели около двадцати пленных монголов. В это же время Ильгам хан сообщил Бачману, что монголы не стали переправляться через Итиль, а по левобережью направились к Булгару. После этого Бачман со своей ратью оставил Сэмбель, переправился через Итиль и через два дня встретил передовой отряд монголов, численностью не более тысячи человек. Бачман багатур окружил этот отряд и вырубил всех монголов. Когда Ильгам хан узнал об этом, то испытал какое-то непонятное неудовольствие. Он смутно чувствовал, что Бату хан на жестокость ответит жестокостью вдвойне. И все-таки ничего не сказал об этом Бачману, лишь приказал ему спрятаться до поры до времени в лесах за рекой Черемшан.

Монголы не заставили себя долго ждать. На 29-й день месяца Сафар монголы увидели, наконец, шпили минаретов и дозорные вышки Великого Булгара. Бату хан долго смотрел на раскинувшийся перед ним город с высоченными минаретами многочисленных мечетей, белокаменным Ханским дворцом, толстыми крепостными стенами. Город был окружен глубокими рвами и четырьмя поясами валов с врытыми в них заостренными бревнами. Бату велел поставить свой шатер на холме, недалеко от реки. Субедей с тысячько кишектинов обошел крепостные сооружения, не приближаясь к городу ближе, чем на полет стрелы. Его кишектины взяли несколько пригородных сел и слобод, покинутых жителями, вышли на берег Итили, повернули обратно и вернулись в лагерь. Субедей решил осмотреть город и с другой стороны, но уперся в маленькую речку Малагу, не стал ее переплывать, поскакал дальше, увидел плотину и приказал своим людям разрушить ее. Бату хану он доложил, что город укреплен сильно, и взять его быстро не удастся. В ответ на это Бату хан лишь усмехнулся и, осушив пиалу кумыса, сказал:

— Багатур, мы должны говорить только о взятии городов. На днях придут метательные тараны с греческим огнем. Вот тогда поговорим. А где же, багатур, твои булгарские советники?

— Я еще в Тургайских краях отпустил их домой, в Булгар, чтобы они подбивали местное население на сдачу города.

— И чтобы они вернули тебе твою жену Карлыгач, так? — снова усмехнулся Бату хан.

— Так, хан... спокойно ответил Субедей, хотя у самого кошки на душе скребли.

Вот что значит молодость и власть! Уже не первый раз Субедей становился объектом язвительного языка Бату хана. Да, возгордился хан, возомнил себя пупом земли, мало считается со старшими. Вот и сейчас испортил багатуру настроение своим метким замечанием. Да, Субедей послал юркого кишектина в Булгар, чтобы тот доставил ему похищенную когда-то жену Карлыгач. Но зачем насмехаться над этим? Ладно если бы возле хана не сидели еще двое китайских советников. Но Бату хан поиздевался над Субедейем и притих, а улыбки китайцев говорили о том, что они прекрасно поняли, о чем идет речь.

— Сотника Йэгерек я взял к себе, — сообщил ему Бату хан. — Выделил ему отдельную юрту. Он, оказывается, женился в Булгаре. Говорят, взял одну из девушек-воспитанниц Джамалбике абыстай. Сам я ее не видел, но говорят, что очень красивая.

— Он должен был привезти мне Карлыгач, а вместо этого привез себе жену, — заметил Субедей, чувствуя, как нарастает в нем гнев.

— Ну, видел их крепость? — переменял тему разговора Бату хан.

— Видел, — ответил Субедей. — Они сильно укрепили ее. С одной стороны город примыкает к полноводной Итили, с другой его омывает какая-то небольшая речка, которую они запрудили. Я приказал разрушить плотину. Завтра снова осмотрю укрепления города.

Они вышли из юрты и снова взглянули на оборонительные укрепления, потом на сам город, который, казалось, весь был утыкан минаретами мечетей. В середине города высился белокаменный Ханский дворец с Ханской мечетью, минарет которой неудержимо летел в небо. Субедей об этих постройках знал и раньше, через купца Биккула.

— Возможно, нам придется здесь зимовать, багатур, — сказал Бату хан, не отрывая глаз от города.

— И бани у них есть, — сказал вдруг Субедей, которому уже доводилось ходить в наскоро построенную «баню», вернее, наглухо закрытую юрту с раскаленными в ней камнями.

— Главные силы кинем на Кипчакские ворота, багатур, — сказал Бату хан.

— Ты уже перестал спрашивать моего совета, углан, — заметил Субедей, тоже не отрывая глаз от города, а сам подумал: «Может, он больше меня знает? На таких же молодых опирается? У них глаз зоркий, они видят, возможно, лучше старцев».

Багатур перевел взгляд на флаг над юртой Бату хана: он совсем не был похож на знамя болгар. Субедею приходилось держать в руках болгарский стяг, на зеленом полотнище которого красовалось изображение барса, а выше — мусульманского полумесяца. Скоро над дворцом болгарского хана затрепещет девятихвостый флаг Чингисхана. Однако надо будет подумать о том, кого потом посадить на трон покоренной Булгарии. Когда-то Субедей мечтал посадить на болгарский трон своего сына Кулькана, но Кулькан, став приемным сыном Чингисхана, настолько зазнался, что стал чуждаться родного отца. Другой, любимый сын Субедея — Ташбай — в раннем детстве попал в болгарский плен, вырос и воспитывался среди болгар и теперь успешно сражается на их стороне. Кто бы мог подумать...

— Мне этот город нравится, — сказал Бату хан. — Когда я его возьму, то сделаю этот город своей ставкой. Во всяком случае, на какое-то время.

Субедей промолчал, зная, что Бату хан все равно не прислушается к его советам. Правда, Бату хан еще ни разу не затронул вопрос о будущем правителе покоренной Булгарии.

— Булгары — это те же тюрки, — заметил, наконец, Субедей. — У нас в туменях так много тюрков, что меня это часто заставляет задуматься, мой хан. Один только Бурантай со своим туменом чего стоит!

— Багатур Бурантай — степной человек, ему город без надобности.

— Багатур? — удивился Субедей. — Еще вчера Бурантай был туменбаши, а теперь — уже багатур?

— Я сделал его багатуром. Он сражается умело и бесстрашно. Это настоящий степной волк. Мне такие люди нравятся, багатур.

А Субедей все еще не мог отвести глаз от города, где осталась его Карлыгач, где был сейчас его верный советник Биккул саудагар. Субедей найдет Биккула и под землей и заставит его отыскать и привести к нему Карлыгач. И только тогда они с Биккулом распрощаются. Судьба их соединила, она же их разъединит.

22

Ильгам хан с детства обладал зорким зрением. С дозорной башни он без труда разглядел юрту Бату хана, поставленную на холм возле реки, плотина которой уже была разрушена. На конической крыше шатра развевался монгольский флаг. Вон хан вышел из юрты, за ним вышел высокий воин, наверное, Субедей. Говорят, что он следует за ханом как тень. Вокруг тихо, ни звука, будто монголы пришли сюда не воевать, а отдыхать на лоне природы, а болгары будто бы вовсе не приготовились защищаться от монголов до последней капли крови, а принимать их как гостей. Обе стороны внимательно наблюдали друг за другом. Не могло быть и речи о крупных вылазках болгар — монголов было в четыре-пять раз больше, чем защитников. Подходили все новые и новые тумены, и, наконец, вся земля в окрестности стала дрожать и звенеть от тяжести вражеских войск. Подоспели камнеметы, которые стали устанавливать, невзирая на опускавшиеся сумерки.

«Их в пять раз больше, может, даже в десять раз, — думал Ильгам хан, шагая взад-вперед по стене крепости. — Такой мощной силы Булгар еще не видел. Русские не раз приходили под эти стены, и было их в два раза больше, чем защитников, и все равно мы их побеждали, гнали до Суры. Правда, иногда одерживали верх русские, но тогда мы умели находить с ними общий язык. Но с этими хищниками договариваться бесполезно».

Да и не хотелось Ильгам хану вести переговоры с монголами. Поздно уже об этом думать. Он принял решение биться, и свой трон монголам задешево не отдаст.

К хану на дозорную башню поднялся багатур Артык.

— Собираются, как хищные птицы, со всех сторон окружают город. Вокруг города не осталось места, не придавленного конским копытом. Плотину на Малаге разрушили. Субедей там рыскал, его рук дело.

— Багатур, ты проводил женщин?

— Их Биккул увез, хан. Ханбике тоже уехала. Та русская девушка, что жила у тамгачи Асылгирея, с ней укатила. Но Карлыгач уезжать не хотела. И все же пришлось ей тоже уехать. Хотела со мной остаться. До последнего вздоха хотела сражаться с врагом рядом со мной, мой хан.

— Славная женщина. Я горжусь такими людьми, мой багатур. Они тоже через Кашан поехали?

— Нет, через Казань, мой хан.

— Бахтияр поехал их провожать?

— Поехал, — ответил Артык, не совсем понимая вопрос хана.

Ах, если бы Артык багатур знал всю подоплеку этого вопроса. Но нет, лучше ему не знать этого. Дело в том, что хан задумал не совсем благородное дело. Даже прямо скажем — неблагородное, но в случае удачи надеялся спасти осажденных. Как помочь — об этом даже сам хан еще не знал.

Еще за неделю до того, как Бату хан раскинул свой шатер на холме, который болгары называют Девичьей Горой, к Ильгам хану пришел купец Биккул, предложивший отправить из города ханбике, русскую девушку Наталью и жену Артыка багатура — Карлыгач. Но отправить так, чтобы по дороге Карлыгач выкрали, инсценируя внезапное нападение монголов, и доставили Субедею, а ханбике с Натальей проводили дальше, до самой Казани.

Хан долго сидел молча, размышляя над необычным предложением купца. Хитер купец Биккул, ох, хитер! Одним махом отправит двух женщин в стан врага. Однако после долгих раздумий хан согласился с Биккулом, который привел очень веские доводы в пользу своего предложения. Решили, что Бахтияр должен увезти ханбике и русскую девушку, а Карлыгач оставить по дороге. Ильгам хан пошлет в условленное место своего верного десятника, переодетого в монгольскую одежду, который должен совершить неожиданное нападение и захватить Карлыгач. Ну, а Бахтияру оставалось проводить до Казани ханбике Марьям и дочь купца Митряя Наталью. Предполагалось, что когда Карлыгач окажется в юрте Субедея, грозный багатур в благодарность готов будет сделать если не все, то многое для ловкого купца Биккула. Возможно, он даже снимет осаду Булгара. Кто знает. Во всяком случае, Биккул сделает для этого все возможное. Но Артык багатур ничего не должен знать об этом. Получив свою жену Карлыгач, Субедей, возможно, удержит от наступления хотя бы те тумыны, которые подвластны ему. Как бы ни было, но решение уже принято, приказ отдан. Женщины уже в пути, возможно, они уже подъезжают к Кашану, где и должно совершиться нападение. По правде говоря, исход операции вызывал сомнение, потому что, во-первых, она была построена на обмане, а во-вторых, Субедей, даже получив Карлыгач, вместо благодарности мог, наоборот, с новой силой ударить по Булгару. И все же Ильгам хан скрепя сердце дал добро на эту операцию. Поэтому он и чувствовал себя так неловко перед Артыком, который вместе с сыном Ташбаем руководил обороной города. Хану было почти стыдно перед ними. Но что делать! Стрела выпущена. Хоть бы Бахтияр скорее приехал: хан полюбил своего верного телохранителя и нуждался в нем. Бахтияр смышлен и ловок, сумеет проскользнуть мимо врага, пользуясь подземными ходами, ведущими в город. Ильгам хан велел ему проводить ханбике до Суры, а дальше начинаются русские земли, и княгиня Мария, ханбике Марьям, доедет до Владимира сама.

— Странная ситуация получается, хан. Значит, наш зять Йэгерек будет воевать против нас?

— Он — воин, багатур.

— Мне Лейлю жалко.

— Дева — что птица, все равно улетела бы, рано или поздно.

— А ведь она согласилась выйти за Йэгерек, лишь повинувшись вашему приказу, хан.

— Я бы так не сказал, багатур. Ее мать сказала, что джигит понравился девушке. А девушка очень даже милая. На самом деле она должна проникнуть в юрту Бату хана. Такова была мечта Биккула ага. Ни слова не говоря Субедею, Бату хан должен взять Лейлю к себе в юрту. А багатура Йэгерек к себе на службу первым кишектином. Повторяю, багатур, такова была мечта Биккула ага. Вместе с Лейлей, разумеется. С ее помощью я хочу воткнуть клин вражды в отношениях этих двух людей — Субедея и Бату хана.

— Нехорошая это игра, хан.

— А хорошо нас окружили, можно сказать, взяли в тиски. Посмотри, багатур, Бату хан уже начал устанавливать стенобитные машины. Что за чертовщина? Может, пальнуть в них из пушек для остротки? Сегодня, сейчас же! Заодно нужно просигналить багатурам. Да и Бачману, чтобы они своими дружинами потренировались в тисках Субедея багатура... Под покровом темноты, внезапной атакой! Потом пусть снова уходят в лес. Монголы лесов боятся не только ночью, но и днем.

— Это мысль! Так и сделаем, хан!

Артык багатур позвал в башню Ташбай углана.

— Углан, готовь пушки!

— Хорошо, отец!

Он убежал к своим пушкам, и вскоре оттуда раздался крик: «Все готово!»

Артык багатур велел ему подождать. Тем временем зашло солнце, и, как только начало смеркаться, Ильгам хан поднял руку, давая сигнал сотням пушкарей открыть огонь.

Земля словно вздыбилась, в монгольском лагере поднялся переполох, испуганные лошади ломали оглобли и неслись вскачь с остатками упряжи, разметая возы. Ядра попали в самую середину обоза, вздымая в воздух части телег и груза. Прислуга, таскавшая к камнететам огромные булыжники, частью разбежалась, частью была сражена осколками ядер. Из леса с криками «ура!» выскочил конный отряд джигитов Бачмана багатура, рубя направо и налево собиравшихся на отдых монголов. Вспыхнула жестокая сеча. Реzались страшно. Субедей с ханом пили в то время кумыс в ханской юрте. Услышав стрельбу и переполох,

они выбежали из шатра. Телохранитель Субедея подвел ему коня, но багатур не спешил вскочить в седло. Не оборачиваясь на хана, многозначительно сказал:

— Ильгам хан поторопился.

— Нет, багатур, он надел петлю на возможный договор. Значит, никакого договора не будет. На штурм! Завтра же на штурм и не давать им покоя ни днем, ни ночью! Слышишь, багатур!

Как не слышать! Все слышал Субедей, но не понравился ему тон, каким отдан был ему приказ. Конечно, он ничего не сказал хану. Все-таки Бату хан был избран великим ханом Джучиева Улуса на всемонгольском Курултае, и Субедей как человек военный должен был подчиниться ему. Дисциплина прежде всего. И все-таки не выдержал Субедей, вскочил в седло и помчался в ту сторону, откуда атаковали болгары. Но когда он достиг места, болгары уже бесследно скрылись в лесных дебрях. Атаковавшие нанесли большой урон туменам Бучек и Байдар угланов, частично уничтожили обозы, вырезали не одну сотню воинов. Оба туменбаши встретили Субедея с виновато опущенными головами, но багатур даже не взглянул на них, ни слова им не сказал, хотя имел право наказать их как главнокомандующий. Однако судя по всему Бату хан сам решил взять командование войсками в свои руки, вот сам и пусть берет все неудачи себе. Багатур, наконец, слегка повернул голову и приказал пристыженным менбаши:

— Трупы на земле не оставляйте, сегодня же похороните. И не забудьте на ночь выставить надежную охрану. Тут вам не найманская степь, а земля Великой Булгарии, где смерть ожидает вас за каждым кустом, деревом, домом. Будьте бдительны!..

— Слушаемся, багатур. Мы удвоим бдительность и будем начеку, — ответили молодые сотники, несколько обескураженные необычайной мягкостью сурового и жестокого Субедея, этого старого одноглазого волка, не знавшего пощады.

Субедей вернулся в ставку Бату хана уже в кольчуге, в шлеме с разноцветными перьями, с камчой в руке, рвал и метал, ругал Бачман багатура, болгарских пушкарей и своих ротозеев-сотников. Он был готов сию же минуту стереть Булгар с лица земли. Артык багатур добился своего: разбудил у Бату хана ненависть неожиданной для монгол атакой. Бату хан не ожидал такой смелости от болгар. Он до сих пор надеялся, что Ильгам хан опомнится и пойдет на мировую, вручив ему ключи от города. Но теперь... Никакой пощады!

Лишь ближе к полуночи Бату хан успокоился. «В конце концов, что такое — семнадцать поверженных кишектинов и две-три сотни погибших воинов?» — думал он. — Под его началом сотни туменов. Завтра же с восходом солнца он кинет своих изголодавшихся по красивой победе воинов на ближние города и аулы, на степи Булгарии, и этот гордец, Ильгам хан, сидя в своей клетке — городе Булгаре, почувствует мощь монголов...

Субедей, напротив, всю ночь ворочался на своей жесткой постели. Он вообще не посылал вперед части, состоявшие из монголов, берег их. А тут, как назло, пострадали именно монгольские воины, стоявшие позади передовых частей. «Ох, Бачман, Бачман, — шептал Субедей пересохшими губами. — Мы еще встретимся с тобой, старый степной лис, встретимся».

С утра Субедей направился в юрту Кулькана, своего сына, которого усыновил когда-то сам Чингисхан. Ему хотелось поговорить с сыном. Открыв полог, он зашел внутрь, поздоровался. Сын встал и вытянулся в струнку: перед ним стоял не только отец, но и главнокомандующий, правая рука хана Бату. На курултаях и совещаниях молодой хан хорохорился, как задиристый петушок, но при решающем наступлении предпочитал отдавать бразды правления опытному ветерану Субедею, многолетнему сподвижнику Чингисхана. Только Субедей знал, какой тумен послать вперед, а какой — попридержать. Тумен своего сына Субедей тщательно оберегал, не бросал его в самое пекло. Все-таки Кулькан был его сыном, хотя официально считался приемным сыном Чингисхана. В последнее время Субедей не раз ловил себя на мысли, что хочет поговорить с сыном, хотя Кулькан и начал сторониться родного отца. Но ведь Субедей — его отец, как он может сторониться собственного сына? Даже судьбы их были похожи: ведь их жены находились в Булгаре, в руках врага. Было, ох, было о чем поговорить отцу и сыну! Субедей скучал по Карлыгач, а сын Кулькан быстро забыл разлюбезную кипчачку, из-за которой раньше готов был умереть. Кулькан даже не вспоминал ее, по крайней-мере, при отце. А ведь когда-то он так любил ее, что Субедей вынужден был послать самых отчаянных джигитов выкрасть женщину, по которой умирал от тоски сын Кулькан. Неужели сын не помнит ту женщину, за которую готов был умереть, о дочери багатура Бачмана? Хорошо, допустим, не думает, не вспоминает, забыл. Когда-то Субедей хотел посадить Кулькана на трон Булгарии или сделать его тарханом. А теперь что? Все изменилось. Монголы завоевывают страну за страной, а тарханами и эмирами становятся родственники хана. Этот совет хану дали все те же китайцы да чжурджени. Лама — так и вовсе от него не отходит, хотя Бату хан склоняется более к христианству. Не беда: Чингисхан не запрещал никакую религию. Субедей тоже терпим к религиям покоренных народов, хотя и не забывает божество предков

— Тенгре. Все чингизиды, да и Кулькан углан, бьют себя в грудь, кичась своим монгольским происхождением. Но ведь даже сам Чингисхан не был чистым монголом, а происходил из древнего татарского рода. Всем известно, что в древности монголы были под началом татарских ханов, и сам китайский император назначал именитых татар ханами над монгольским народом. Например, у деда Чингисхана Бартан багатура отец был татарин. Позднее монгольский хан Хутулла женился на татарке. При отце Чингиза Езукей багатуре монголы снова стали ослабевать. Может, поэтому Езукей, взяв однажды в плен татарского батыра Тимерджана и умертвив его, назвал в его честь своего сына, будущего Чингиза, чтобы сила и слава татарского батыра вместе с его именем перешла к сыну. И ведь как в воду глядел. К Темуджину-Тимерджану действительно перешла сила и слава убитого в его честь татарского богатыря. Сколько стран покорил потом Чингисхан! Теперь, в свою очередь, темуджиновская татарская сила переходит к внуку его — Бату хану. Впрочем, сам Субедей тоже не совсем монгол. Он из племени уренхоев. Когда-то Езукей багатур победил уренхойского багатура и подчинил себе его племя. После этого уренхойцы вынуждены были всюду следовать за монголами. Уренхойцы издавна жили по соседству, а часть и вместе с татарами, поэтому каждый уренхоец знал по-татарски, даже детей своих часто называл татарскими именами. Да и Субедея называли по-татарски — Су бэдэнле, проще говоря, Долговязый.

Кулькан, конечно, правильно сделал, не отказавшись стать приемным сыном хана, и Субедей не в обиде на него за это! Теперь под началом углана — целый тумен, у него есть громкое имя, звание, титул, равные права с остальными чингизидами. Правда, так считалось только при Чингисхане, а теперь чингизиды, хотя и не отвергают Кулькана, но и не считают его себе равней. Образно говоря, чингизиды находятся на вершине Священной горы, а Кулькан — у ее подножия. Несмотря на это, Кулькан по-прежнему считается сыном Чингисхана, хотя сам и не носит титул хана. Другого сына Субедея — Уряктая, происхождение которого было сомнительным, Бату хан и вовсе не взял с собой в поход. Возможно, из-за его молодости, а может, Бату хан тоже знал тайну его рождения. Как бы ни было, но Субедей всей душой тянулся не к Уряктай, а к Кулькану, хотя последний сторонился его, иногда забывая даже здороваться с отцом.

Субедею захотелось поговорить по душам с Кульканом именно теперь, у ворот гордого Великого Булгара, пока еще город не пал. Ведь в этом городе находятся их любимые! Разве можно забыть истинную любовь, которую Тенгре дает человеку лишь раз в жизни?! Ведь именно из-за Сэмбель Кулькан едва не отдал богу душу!

— Проходи, отец, присаживайся, — Кулькан подвинул отцу кожаную подушку, велел слуге принести крепкий кумыс.

— Мусульмане араку не пьют, кажется, — заметил Субедей.

— Араки нет, отец.

— Утром — на штурм, какое тут питье.

— Лазутчики донесли, отец, что в лесах прячутся тумены кипчакского багатура Бачмана и арского багатура Алатыря.

— Бачман уже показал себя. Во всем блеске. Вырезал сотни моих воинов у Бучек и Байдар углана, и был таков. Лихой, однако, рубака. Ни одного раненого не оставили, всех до смерти зарезали. Бачман умеет воевать.

— Мы все равно поймем его, отец.

— Кстати, не от его ли дочери ты был когда-то без ума? Даже чуть не умер от тоски. Кажется, ее звали Сэябель.

Субедей нарочно завел об этом разговор, ожидая, какое впечатление на сына произведут его слова. При имени возлюбленной Кулькан покраснел, как-то засуетился, переставляя на столе блюда с угощением, вздохнул, не зная, что ответить.

«Нет, дитя природы, не забыл ты кипчакскую зазнобу, — подумал Субедей и даже обрадовался этому открытию. — Истинная любовь не забывается, потому что даруется человеку самим Тенгре».

— Жива ли она еще, отец?

— Слышал я, что жива, сына растит, — ответил Субедей, стараясь не глядеть в глаза сыну. — Я узнал по срокам, получается, что это твой сын.

Кулькан жестом приказал стоявшему на пороге слуге — кишектину выйти из юрты.

— Если это мой сын, что же мне делать, отец?

— Чингисхан никогда не отказывался от своих детей. Ты, наверное, знаешь, что его первая жена была похищена меркитами и жила в юрте меркитского багатура. Когда ее освободили из плена, она была уже беременна. Так что старший сын Чингисхана Джучи родился от меркита, и вовсе не был похож на Чингисхана ни лицом, ни цветом кожи, ни характером. Все чингизиды — рыжеволосые и веснушчатые, а Джучи,

царство ему небесное, был смуглым, черноволосым, с плоским лицом. Но хан никогда не обижал его, почитал за сына своего. К сожалению, Хулан хатун...

— Не говори плохо о тете Хулан, отец. Она меня любила, как своего сына.

— Гм-м... Хорошо, сын, пусть будет по-твоему. В конце концов, Чингисхана уже нет в живых, Джучи тоже умер. Хулан хатун прогнали, один бог знает, где она сейчас обитает...

— Я очень любил Сэбель, отец, очень! — вдруг взволнованно признался Кулькан. — Так любил, что умер бы без нее.

— Было дело, было. Но не забудь, что Бачман багатур может стать тебе тестем, а сыну твоему — дедушкой. Мы, урэнхой, давно уже ходим под монгольской рукой, а кипчаки — народ по-своему независимый, гордый. И вождем кипчаков является теперь твой тесть, неукротимый багатур Бачман, отец твоей Сэмбель.

— Кипчаков не отличишь от булгар, — заметил Кулькан. — Язык один, те же обычаи, традиции, даже вера.

— В том-то и все дело, углан. Бату хан после взятия Булгара хочет на время обосноваться в этом городе. Но в таком случае он быстро растворится среди тюрков: монголы станут говорить по-тюркски, исповедовать ислам. К нам и так присоединилось очень много тюркских племен: огузов, найманов, киргизов, башкир, кипчаков, не говоря уже о татарах. Если и булгары присоединятся... Булгары — не просто тюрки, главные среди туран. У них — своя письменность, города, мечети. Одержав над ними победу, мы со временем можем сами оказаться в положении побежденных, усвоив язык и культуру булгар и примкнувших к ним других племен. Пройдет немного времени, и народ Бату хана невозможно будет отличить от тюрков. Уже теперь нас всюду называют татарами. Впрочем, так нас начали называть еще тогда, когда Чингиз одолел, наконец, татар и подчинил их себе.

— Отец, — обратился к нему Кулькан, не забывая подливать кумыс. — Скоро начнется штурм. Оба мы пойдем навстречу стрелам, навстречу смерти. Скажи, если это не секрет, почему ты отдал Бату хану своего сотника Йэгерек? Знаю, что, как хан, Бату может и не ставить тебя в известность, а тем более просить разрешения. И все же... ты ведь главнокомандующий.

— Сотника Йэгерек я послал в Булгар, он там влюбился в редкой красоты девушку, женился и привез ее сюда. Я не видел ее, но говорят, что красива так, что глаз не отвести.

Субедей хотел сказать о Карлыгач, но промолчал. Ведь послал он Йэгерек не для того, чтобы тот женился на булгарке, а чтобы привез ему Карлыгач. А Йэгерек его предал, женился там, с женой приехал. Еще и Бату хан взял Йэгерек к себе кишектином.

— Теперь туменбаши Байдар мечтает выкрасть у Йэгерек его молодую жену. Только, ради бога, никому об этом не говори, отец. Я тебе по секрету сказал.

— За плохое дело взялся Байдар, и добром для него это не кончится. Йэгерек не из таких джигитов, кто молча проглатывает обиды, да ты и сам это знаешь. Не к лицу туменбаши заниматься кражей чужих жен.

— Только ты никому...

— Не беспокойся, сын, никому не скажу. Ну, прощай, мне пора.

Кулькан проводил его. Уже рассветало, солнечные лучи робко тянулись к небу. Скоро болгарские минареты окрасятся в цвет зари, а потом раздадутся первые звуки азана — призыва к утренней молитве. Субедей начал привыкать к звукам азана сначала в Ургенче, потом в Хиве... Ему казалось, что азан обладает какой-то волшебной силой, почти чародейством. Но смысла азана Субедей все равно не понимал, несмотря на все попытки хазрета Маули Худжи объяснить ему это...

Тумены готовились к первому штурму. К наполненным водой рвам тащили сотни мешков с песком. Снова начали устанавливать стенобитные машины, но на этот раз подальше, куда не могли долететь пушечные ядра. Значит, Бату хан уже успел отдать приказания и, судя по всему, берет осаду города под свое начало. Субедей стал испытывать неприятное чувство собственной неполноценности. Ему еще никогда не было так плохо. Не принес успокоения и разговор с сыном. Видно, что Кулькан успел забыть некогда безумно любимую Сэмбель. А если и не забыл, то не особенно переживает за нее. Но Субедей... Субедей до сих пор не может забыть Карлыгач, и никогда не сможет забыть. С годами он все сильнее любил ее, все сильнее хотел увидеть... Сын не понял его. Видно, мы женщин понимаем по-разному. Вероятно, Кулькан больше похож на мать. А к Субедею как прицепилось прозвище «Железный», так и ходит с ним всюду, предупреждая всех о характере его владельца. Прозвище «Железный» настолько неотделимо от Субедея, насколько сам Субедей неотделим от любви к своей Карлыгач...

Мм-да, в последнее время «Железный багатур», похоже, перестал быть нужен молодежи. Бату хан даже теперь, перед штурмом, не спешит звать Субедея в свою юрту, чтобы выслушать мудрые советы ветерана. Но внук Чингисхана не сможет обойтись без «Железного багатура», если не хочет вернуться в Каракорум с

пустыми руками. Сам Чингисхан считался с Субедеем, и как считался! Сил «Железному багатуру» еще не занимать, и он способен на многое, что неподвластно обычному человеку. Он еще способен творить чудеса! И готов к этому...

Субедей вскочил на коня и поскакал к юрте Бату хана, чувствуя, что без него молодой хан может совершить не одну ошибку. Субедей ощутил в себе необычайный прилив силы, порыв отваги, острое чувство преданности хану и тому общему делу, которое они с Темурджином-Чингизом начинали много лет назад. Что ж, сам Тенгре выбрал для Субедея такую судьбу: быть верным помощником, вечным охотничьим псом. У него и теперь есть хозяин — Бату хан, внук «Потрясателя Вселенной». Субедей свято выполнит свой долг, и будет для Бату хана верным полководцем. Вероятно, такую судьбу уготовил ему сам бог Неба и Солнца — Тенгре...

* * *

На двенадцатый день месяца Рабигьльауваль 633-го года Хиджры (1236-го по христианскому летоисчислению) рано утром монголы начали осаду и первый штурм болгарской твердыни. Было это накануне большого мусульманского праздника — Дня рождения пророка Мухаммеда, когда во всех мечетях читаются проповеди во славу пророка.

«Заговорили» стенобитные машины, но двухпудовые камни не смогли разрушить мощные стены толщиной в семь-восемь шагов. Рвы с водой в трех местах были завалены мешками с песком. Осаждавшие ждали приказа Бату хана о штурме, готовые по мановению его руки кинуться на болгарскую твердыню, карабкаться по высокому валу, презирая смерть, добраться до врага, сломать ему хребет, открыть ворота для победоносного вступления в город главнокомандующего монгольских туменов — Бату хана. Но защитники тоже были не лыком шиты, они метко стреляли из луков, пушек, метали горшки с греческим огнем, который невозможно было потушить водой.

Ильгам хан на рассвете поднялся на сторожевую башню и наблюдал, как монголы устанавливали камнеметные машины, тараны. Потом он приказал пушкарям открыть огонь, и снова полетели на врага шароподобные снаряды. Камнеметные машины ломались, прислуга выбывала из строя, но монголы, не обращая на это внимания, ринулись на штурм. Ильгам хан дал приказ открыть Кипчакские ворота, и вывел оттуда отряд конных лучников, которые осыпали монголов тучей стрел и вернулись в крепость, успев закрыть ворота. Несмотря на потери, монголы упорно лезли вперед. Бату хану стало известно, что Ильгам хан решил обороняться до последнего.

Монголов шло настолько много, что стрелять из лука можно было даже не целясь. Но стрелы были бессильны перед такой лавиной. Монголы, не моргнув глазом, перешагивали через трупы своих воинов и продолжали лезть на крепостные стены. Они одолели первую и вторую оборонительные полосы, достигли третьей. Потери их были ужасными, но они по-прежнему лезли вперед с криком: «Ур-ра! Ур-ра!» Десятки веревочных лестниц свисали со стен. Сотнями монголы падали со стен, и вместо них, словно из-под земли, лезли новые сотни и тысячи. Ильгам хану казалось, что сама земля огромными буграми и валами подвигалась к стенам крепости. Пушки не переставали палить, стрелы косым ливнем разили монголов, но они все лезли и лезли вперед. Первые из них уже стали карабкаться на стены крепости, но падали обратно, спихнутые крюками, копьями, пораженные стрелами, дротиками, обожженные кипящей смолой.

«Лети обратно!» — кричали болгары, сталкиваясь со стен монголов.

Но и среди монголов были меткие лучники, начавшие выбивать защитников города.

Артык багатур летал то в один, то в другой конец города, руководя обороной.

В этот момент Субедей багатур не вытерпел и решил лично ввязаться в бой. Он вскочил на коня, кликнул аскеров туменбаши Байдара, поскакал с ними через засыпанный ров, преодолел вал. Вдруг рядом с ним разорвалось пушечное ядро. Конь в испуге понес, перестав слушаться хозяина, помчался куда-то вдоль рва. Не успел рассеяться пороховой дым, как на монголов обрушился град стрел. На стенах и башнях сражались отчаянно, яростно крича, рыча. Монголы медленно, но неотвратимо шли вперед по трупам своих товарищей. Такой поразительной самоотверженности Ильгам хан еще не видел ни разу в жизни. Он даже невольно начал сомневаться в своей правоте — защитника своего города...

Ильгам хан заметил, как Субедей багатур, наконец, приструнил взбесившуюся лошадь и поскакал к валу, где стоял Бату хан. Он что-то сказал хану, но Бату хан даже не посмотрел в его сторону, продолжая наблюдать за боем.

Случилось нечто страшное: возглавляемый Субедеем байдаровский тумен стал отступать, атака захлебнулась. Зато на левом фланге тумен углана Кулькана перешел в такое решительное наступление, что все

булгары на миг дрогнули, растерялись. На втором валу монголов стали осыпать ядрами, но наступавшие прорвались через пушечный огонь и подступили к городским стенам, на которые змеями взлетели тысячи лестниц. Артык багатур кинулся на помощь Ташбай углану, приказал лить на врага кипящую смолу, метать греческий огонь. В семи-восьми местах запылал греческий огонь, и монголы с воплями кинулись в арыки, напрасно пытаясь потушить огонь. К тому же монголы обычно не умели плавать и тонули даже в неглубоких каналах. Но и монголы успели метнуть за стены города десяток-другой горшков с греческим огнем, отчего в городе начался пожар, и тушили его до самого вечера.

И в это время Бату хан приказал остановить атаку. Успеха он не добился и понял это. По всему было видно, что осада города захлебнулась.

Наступил вечер, закатилось за горизонт солнце. Монголы и булгары принялись собирать своих павших в бою воинов, оказывать помощь раненым. Артык багатур оставил на стенах надежную охрану, а сам поспешил в Ханский дворец, куда его срочно вызвал хан. Ему было что сказать хану. Он хотел спросить его, почему не были призваны на подмогу отряды Бачмана и Алатырь багатура. Ведь монголы дважды чуть было не взяли крепость.

Ильгам хан сидел, опершись локтем о колено и опустив подбородок на ладонь. Он приветствовал багатура кивком головы, потом позвал визиря.

— Хан, нужно было вызвать из засады воинов Бачмана и Алатыря.

— Багатур, мы должны каким-то образом остановить монголов. Во что бы то ни стало. Я все видел, наблюдал. Монголы все равно не прорвались бы. Поэтому и не стал отдавать приказ засадным полкам. У монголов более десяти туменов, и если они навалятся на Бачмана с Алатырем, то окружают и рассеют их. В таком случае нам оставалось бы надеяться только на свои силы. А так наши потери небольшие.

Ильгам хан знал: завтрашний штурм будет еще страшнее. Он думал о завтрашнем бое.

* * *

Вечером Бату хан собрал в своей юрте всех туменбаши. Именно в этот вечер он решил взять целиком в свои руки осаду города. Субедей понял это, едва взглянув на хана, но промолчал. Хан даже не посмотрел его сторону, будто Субедея вовсе не было в юрте.

Бату хан обвел взглядом всех полководцев. Сегодня он впервые, как говорится, понюхал порошу, принял боевое крещение. Субедей, хвала Тенгри, побывал во множестве битв, покорил десятки стран, и ему интересно было, что же скажет Бату своим туменбаши. Субедей, например, много о чем мог их спросить. Скажем, зачем им непременно сегодня надо было брать сильно укрепленный город? Почему бы для начала не разгромить близлежащие города, крепости да и деревни, оторвав их от главного города-крепости, оставив у стен Булгара два-три тумена? Вообще, почему бы сначала не завоевать все болгарские земли? Тогда заносчивая столица падет сама собой...

— Я предвидел такое начало битвы, — начал, наконец, Бату хан. — Предвижу и конец ее. Население города, хочет оно или нет, рано или поздно откроет ворота. Люди должны есть и пить каждый день, запасы провианта в крепости рано или поздно все равно истощатся. Вокруг нас зеленые поля, над нами — синее небо. Разорим сначала окрестные города и селения. Сначала надо стереть с лица земли города, а народ отправив в Каракорум, оказавших сопротивление — уничтожить. Впрочем, большую часть населения можно пригнать сюда, чтобы они сами заваливали эти проклятые рвы. И только после этого возобновить штурм города. Кто согласен со мной?

— Я согласен, хан Бату, — сказал Туранбай бек.

— И я... И я... Согласен... — кивали головой туменбаши.

Бату хан, наконец, посмотрел на Субедея.

— Сегодня мы понесли большие потери, хан. Вы правы, мой хан, нужно изменить тактику наступления, — сказал Субедей.

— И багатур на моей стороне, — подытожил Бату. — Кто еще хочет сказать? У кого еще есть предложение, какое-то мнение?

— В Булгарии, наверное, много городов, подобных столице, — сказал Кулькан углан.

— Вот ты со своим туменом и отправишься на покорение одного из таких городов. Не должны остаться непокоренными ни один город, ни один аул. Но если город или аул сдадутся без боя, их пока не трогать. Это приказ Бату хана.

— Среди них найдутся те, кто готов платить ясак, — заметил Бучек углан.

— Таких не трогать. Чингисхан не трогал городов и селений, добровольно ему покорявшихся. Кем бы ни был сдавшийся — ханом, эмиром, беком, тарханом или набом — посылать таких ко мне. Договорились?

— Договорились, хан! Договорились!

— Раз так, завтра же — в путь. На осаде столицы останутся тумены Бучека, Байдара и Берке. Хуш! С богом, туменбаши!

По правде говоря, Субедею не понравилось поведение Бату хана, но он промолчал. Бату хан мог хотя бы скупно похвалить тумен Байдара, джигиты которого, несмотря на большие потери, достигли крепостных стен, многим удалось даже залезть на стены. Если бы все тумены действовали так, город можно было бы взять за один день. Субедей поднялся со своего места, затаив в душе обиду на хана.

— А ты, багатур, останься, — остановил его Бату хан.

Субедей снова присел.

— Я внимательно слушаю вас, хан, — сказал он с нарочитым послушанием и чуть ли не подобострастием.

Но Бату хан пропустил это мимо ушей, подошел к нему и спросил:

— Уважаемый багатур, ты давно знал о наличии у болгар пушек?

— Впервые я понюхал порох болгарских пушек еще во время битвы под Саксином.

— Почему не сказал об этом великому хану на Курултае?

— Монголам не нужны громоздкие виды оружия. Монгольский воин должен быть легко вооружен, чтобы не потерять скорости, быстроту маневров. Монгола в бою выручают быстрота, ловкость и блестящее владение луком и саблей.

— Тем не менее, багатур, легковооруженного монгола могут остановить пушки болгар. Они разбили больше десяти камнеметных и таранных машин. Это очень большие потери для нас, багатур. Чжурдженские пушки сюда подвезти не удалось, они слишком тяжелые, неповоротливые, к тому же ядра для них изготавливать очень хлопотно. А тут к нам в руки так и просятся легкие, скорострельные, усовершенствованные болгарские пушки.

— Если бы сегодня тумены Байдара и Бучека получили своевременную помощь...

— И кто же не оказал им эту помощь? Я, что ли, багатур? Чья лошадь взбесилась от грохота болгарских пушек и помчалась как угорелая вдоль арыка?..

— Моя вина, хан. Я ошибся, согласен с вами. Отдай приказ, и мы завтра же приступим...

— Нет уже, багатур, каждый туменбаши получит отдельный приказ, и получит его от меня. А вам я поручил бы найти и доставить ко мне хотя бы одного пушкаря, который мог бы и заряжать, и стрелять, и наводить на цель. Выбери лучших джигитов из каждого тумена и пошли их за пушкарем. Он мне нужен живой, живой, багатур мой Субедей.

— И сотника Йэгерек?

— Нет, он останется со мной, багатур. Его не тронь.

— Хорошо, мой хан.

Субедей снова ощутил себя униженным, каким-то даже пристыженным. Выйдя из юрты, он взглянул на стражника — им оказался Йэгерек, и единственный глаз Субедея округлился от удивления. Не помня себя от ярости, багатур потянулся за кинжалом, но телохранитель опередил его, молниеносно схватив за локоть железной хваткой.

— Не надо, багатур, — сказал тихо сотник Йэгерек. — Пожалуйста, не надо. Я на страже. Нельзя так.

— Пусти руку, подкидыш!

Субедей ушел, потирая локоть, даже не оглядываясь на своего прежнего телохранителя. Он был зол уже не только на хана, но и на сотника Йэгерек. А ведь когда-то Субедей учил их обоих воинскому искусству.

Бату хан сдержал свое слово. Он опустошил окрестности Булгара, пленил много людей, часть которых отправил в Каракорум, другую часть погнал на защитные сооружения Великого Булгара. Кто смог убежать от рук врага, убежал.

Ильгам хан смотрел на юрту Бату хана, пока не зарябило в глазах: конечно, не было смысла воевать с монголами в чистом поле, поскольку врагов во много раз больше. Кроме того, ни Артык багатур, ни шейх Кул Гали не советовали воевать вне города. С другой стороны, не было сил спокойно смотреть на врага,

уже сорок дней осаждавшего столицу. В последние дни почти не было видно Артык багатура. А монголы вольготно раскинули свой стан, словно были на кочевье, и вели обычный для степняков образ жизни: женщины доили кобылиц, готовили кумыс, варили еду, мужчины упражнялись в военных играх, будто Великий Булгар вовсе и не был в осаде.

Но уже на следующее утро монголы вновь двинулись к крепостным стенам: устанавливали тараны, пытались скрытно подобраться к стенам болгарской твердыни. И вдруг они снова остановились. «Ночью хотят подтянуть таранные машины», — подумал Ильгам хан, и, отыскав Артыка, сказал ему об этом. Он отдал приказ поставить на Ханских воротах лучших мергенов, стрелы которых были обернуты пропитанной нефтью тряпкой. Мергены эти должны быть начеку всю ночь.

Наступил сорок первый день осады Великого города. Ильгам хан почти все время проводил на площадке дозорной башни. Несмотря на потери, монголы сумели подкатить тараны и принялись методично крушить ворота города. На Ханских воротах пришлось поставить дополнительные подпорки. Весь день в город летели горшки с греческим огнем, снова полыхали пожары. В некоторых домах люди сгорали заживо. Число защитников таяло на глазах. Монголы ночью собирали трупы павших собратьев, а болгары хоронили своих товарищей в братской могиле. Шейх Кул Гали, имам-хазрет, муллы, мюриды читали ясин — отходную молитву. Конечно, не обошлось без слез, но не было и надрывных плачей: они вообще не были свойственны болгарскому народу. Во время захоронения павших воинов Ильгам хан спускался с дозорной башни, чтобы разделить скорбь по погибшим товарищам. Ему было больно смотреть на то, как тела защитников одно за другим падают в вырытую братскую могилу. Хан и не предполагал, что монголы окажутся настолько упорными. Если их бешеный натиск не ослабнет, горожанам рано или поздно придется открыть ворота. Но Ильгам хан не пойдет на это, будет стоять до конца, призовет народ на джихад — священную войну, сам погибнет, но будет сопротивляться до последней капли крови.

Утром, когда монголы пошли на штурм, показали себя в действии, наконец, засадные полки Бачмана и Алатыря. Штурм захлебнулся, поскольку Субедей повернул монгольские тумены против болгарских засадных отрядов. Опытный боец, Субедей багатур довольно скоро взял в окружение корпус Бачмана. Завязалась жестокая сеча. Бачман пробовал разорвать кольцо, но понес большие потери. Видя это, Ильгам хан приказал открыть Ханские ворота, и послал отряд отборных джигитов на выручку Бачману. Пока монголы не опомнились, болгары опрокинули в ров таранные машины, и триста самых лучших мергенов врубались в ряды монголов, словно нож в масло. Увидев маневр болгар, Субедей повернул один тумен в сторону Ханских ворот. Бачман багатур, словно только и ждал этого, прорвал кольцо и скрылся в спасительных лесных дебрях. Отряд болгарских лучников, осыпав врага тучей стрел, успел укрыться за Ханскими воротами. Со стен на монголов снова обрушился град стрел, ядер. Упала раненая лошадь Субедея, кто-то дал багатуру своего коня, и Субедей сумел спастись живым и невредимым. Все это наблюдал Бату хан, и когда Субедей прискакал к его юрте, хан долго бранился, потрясая в воздухе камчой: дескать, кто велел Субедею соваться под самые ворота, будто он простой воин, а не полководец!

Как только закрыли Ханские Ворота, Ильгам хан вновь поднялся на дозорную башню и взглянул в сторону Батыевского шатра: хан все еще ругал Субедея, ходя вокруг него с камчой. Багатур с виноватым видом кивал головой.

И тогда Ильгам хану в голову пришла одна мысль. Впрочем, идея это не была нова, но хан ухватился за нее от безвыходности. Вечером, после захода солнца, Ильгам хан позвал во дворец Артык багатура и шейха Кул Гали, чтобы поделиться с ними своей идеей. Однако Артык багатур воспротивился предложению хана. Шейх тоже поддержал багатура. Однако высказал свою мысль.

— Ваше величество, — сказал Кул Гали. — У меня есть предложение. Я хочу сам пойти к Бату хану, конечно, с вашего разрешения.

От его предложения Ильгам хан заерзал на месте, а багатур Артык приподнялся с места.

— Возможно ли это, Кул Гали?

— Возможно, мой хан, возможно. С собою я возьму жену, Зульхиду бике.

— И что ты хочешь сказать Бату хану, преподобный шейх? — спросил хан.

— Сначала я хочу знать ваше условие, хан?

— Мое условие тебе известно, шейх: я не собираюсь отдавать город монголам. Разве что они обернутся птицей и прилетят сюда на крыльях.

— Мой хан, думаю, что можно уступить Бату хану, при условии, если он не разграбит город.

— Умная мысль, — сказал Артык багатур. Ильгам хан мгновенно вскинул на него глаза, но промолчал.

— Нет, хазрет, добровольно мы ворота не откроем. С Бату ханом можно договориться, если он снимет осаду и удалится от города.

— Договориться?

— За ценою мы не постоим, шейх. И потом: уверен ли ты, что Бату хан примет тебя?

— Нам известно, что его дед Чингисхан не трогал имамов, даже освобождал их от ясака.

— Времена меняются, взгляды тоже. Внук Чингисхана может запросто зарубить тебя на глазах своих подданных. А ты для нас не просто шейх, но еще и всенародный поэт. Так ведь, Артык багатур?

— Шейх прав, мой хан. Бату хан не станет разговаривать ни с кем, кроме духовных особ.

— Значит, и ты поддерживаешь шейха?

— Мы в безвыходном положении, хан. Лишь четверть нашего войска способна держать в руках оружие. Ханский дворец и мечети полны раненых. Каждый день мы хороним больше ста воинов.

— Сколько людей привел с собой Бахтияр?

— Двадцать человек. Но монголы могут знать о потайном ходе...

— Кул Гали, я верю в тебя, но отпустит ли Бату хан тебя обратно? Тем более твою жену?

— Бату хан — глава монгольских воинов. Если хан откажется от переговоров, сделает что-нибудь против закона монголов, весть об этом распространится по всему миру. Поэтому каждый хан стремится сохранить свою честь, казаться справедливым.

— Ладно, ладно, но мне очень трудно отдавать тебя в руки Бату хану, войди и ты в мое положение. Почему — не спрашивай. А условия Бату хана я и так знаю.

— У меня к вам еще одна просьба, хан. Пусть Бахтияр выведет из города мирное население и проводит его в Казанский улус.

— Я подумаю об этом, шейх.

Мне нужно будет от вас письмо, скрепленное печатью. Негоже идти к Бату хану с пустыми руками.

— Письмо будет. Однако предупреждаю, Кул Гали, я все равно не сдамся Бату хану, буду сражаться с ним до последней капли крови. Даже могу выйти на поединок с ханом. В письме будет и это условие. Я двадцать пятый хан из рода булгар. Я предпочитаю умереть на поле брани за мой народ, за мой город, за мое государство, шейх мой.

Кул Гали встал. Он не знал, что сказать. Хан был прав. Он — двадцать пятый правитель Булгарии, и Мухаммед — двадцать пятый пророк Земли. Что это? Случайно ли совпадение цифр? И как отразится это на судьбе Булгарии?

— Я выйду на поединок с Бату ханом. Пусть сам выбирает оружие.

— Простите, ваше величество.

— Нет, ты прав, несомненно, прав. Нужно остановить войну тюрок против тюрок. Но не за счет чьей-то победы. Слава страны — в хане, слава хана — в стране, в народе, которым он управляет, в его предках и потомках. Даже если Бату хан завоюет Булгарию, я завещаю страну своим сыновьям, внукам, сородичам, всему болгарскому народу. Всевышний наделил землей каждый народ, и только на своей земле может быть счастлив этот народ, если, конечно, его образ жизни можно считать богоугодным.

— Так я пойду, хан.

Ильгам хан встал и обнял Кул Гали.

— Мое письмо с условием телохранитель привезет к Ханским Воротам. Тебе придется выйти из города на рассвете, еще до штурма.

— Хорошо, мой хан. Прощайте!

* * *

К этой мысли он пришел дня три назад. Сначала поделился мыслью со своей супругой, но Зухлида сразу ударилась в плач. Кул Гали успокоил ее, как мог, но от мысли своей не отказался. Его заботило лишь одно: как довести свое предложение до хана и получить от него добро? Наконец, разрешение получено, и скоро они с Зухлидой предстанут перед грозным Бату ханом. Остальное — в руках Аллаха. Хотелось бы оставить в неприкосновенности и город, и народ. Не сегодня-завтра монголы все равно возьмут город, и тогда не жди от них пощады. Город будет разграблен, население — уведено в полон.

Домой он пришел за полночь и сразу сказал Зухлиде:

— Собирайся, мы идем к Бату хану!

— И я? — растерялась Зухлида, но тут же пришла в себя. — О, Аллах, что я говорю? Куда же я без тебя?

Она начала собираться.

— Возьми только немного одежды. Мы же идем на переговоры.

— Давно ты это решил?

— Дня два-три назад. Бахтияр сообщил, что монголы готовятся к решительному штурму, стягивают все свои тумены к Булгару.

Кул Гали посмотрел на Зульхиду, на освещенный светильником стол, и вздохнул: «Зульхида, солнышко мое, прости меня, я вот о чем не подумал: тебе, конечно, лучше остаться здесь, потому что в монгольском стане тебя может увидеть Кунбай. Если он тебя увидит, то непременно отберет».

— Не отберет, Кул Гали. Я упаду ему в ноги. Думаю, он согласится.

— Разве можно отнять у собаки кость, Зульхида?

— Я — с тобой, Гали джан. Я не отстану от тебя, куда бы ты ни пошел — в ад, рай, в лапы Бату хана... И не проси, не трать понапрасну слова.

Кул Гали заключил ее в объятия.

— Я мечтал увидеть твое ясное лицо и умереть. А увидел — как-то успокоился. Тебя красит не только красота, но и сила духа. Ты была для меня словно сладкое вино, а теперь еще укрепляешь мой дух. Не беспокойся, дух мой тверд, как камень. Скоро нам идти, нужно отдохнуть.

— Мы увидим там Лейлю?

— Возможно. Что ни говори, но Лейля вышла замуж за Йэгерекка по любви, хоть он и враг нам.

— Об этом саму ее нужно спрашивать. Не только тебе, но и мне она не сказала, почему выходит замуж за Йэгерекка.

— Я боюсь брать тебя с собой, Зульхида.

— Я не отстану от тебя, даже если камни с неба падать начнут.

— Я бессилен, Зульхида. Переплетенные книги я отправил в Казань к углану Хансеяру, и все равно душа не на месте.

— Радуйся, что народ наизусть знает твою поэму, придумывает к ней музыку. Булгарский народ не забудет твой дастан о Юсуфе. Не забудет тебя, нас. Даже — меня. Кто-нибудь обнаружит в книге меня, хоть и не зовут меня Зулейхой, но имя это стало как бы и моим.

— Все в руках Аллаха, Зульхида.

— А ты — в моих руках. Ну-ка, обними свою Зулейху-Зульхиду.

Он обнял, поцеловал ее. Зульхида заплакала.

— Не плачь, Зульхида, не плачь.

— Мы так мало пожили вместе, Гали джан. Я даже не заметила эти дни. Но чувствую нутром — не простят меня монголы, особенно Кунбай бек.

— Все — в руках Аллаха, любимая, доверим ему свою судьбу.

Кул Гали обнял жену за тонкую талию, притянул к себе. Он был счастлив, а счастьем этим обязан великой, всепоглощающей любви.

Хотя Кул Гали отправился в путь на рассвете, уход его не остался незамеченным. Возле Ханских ворот Кул Гали получил запечатанное письмо хана, сунул его во внутренний карман и велел страже открыть ворота и опустить подъемный мост. Несмотря на раннее время, собрался народ. Некоторые кричали:

— Мы не отпустим тебя, Кул Гали, не отпустим!

— Куда смотрит хан? Разве можно отдавать врагу шейха, поэта? Они ведь варвары, они ведь язычники!..

— Стой спокойно, успокойся. Шейх идет к хану Бату, чтобы уговорить не разрушать город.

— А нас будут держать в осаде до зимы, да? Мы же вымрем здесь все, как тараканы.

— Когда монголы пойдут дальше на запад, вздохнем. Они ведь кочевой народ, не могут на одном месте жить.

Стражники не обращали внимания на выкрики в толпе, они открыли ворота, опустили мост, и Кул Гали с Зульхидой вышли из города. Не успели ворота закрыться, как во весь опор подскакал Ильгам хан, соскочил с коня, обнял Кул Гали и прижался щекой к щеке поэта.

— Прощай и прости, родной, благослови меня! Не держи на хана булгар обиду. Может, иногда я был несправедлив. Прости меня...

— Мы еще попьем с тобой кумыса, Ильгам хан. Прощай! До встречи!

— До встречи в раю! В раю, если будет на то милость Аллаха!

Увидев двух людей, вышедших из Ханских ворот, Бату хан велел привести их к себе в юрту. Кул Гали был одет в скромную одежду, на голове — чалма, в руке — посох, Зульхида с котомкой в руке шла на пол-

шага позади него. В левой руке Кул Гали держал священный Коран в красном кожаном переплете. Немного не доходя до ставки Бату хана, Кул Гали передал Зульхиде посох, поднял обеими руками Коран и трижды воскликнул:

— Аллах Акбар! Аллах Акбар! Аллах Акбар!

Стоявший рядом с Бату ханом Субедей сразу узнал Зульхиду и что-то сказал хану. Бату хан в ответ лишь кивнул головой. Зульхида была по-прежнему ослепительно красива и чем-то напомнила Субедею его Карлыгач.

Кул Гали подошел к хану Бату, положил Коран на кожаную подушечку, поданную Зульхидой, встал на колени и поприветствовал хана.

— Хорошо, хорошо, посол, — сказал Бату хан. — Что, неужели Ильгам хан взялся за ум?

Кул Гали встал, вытащил из-за пазухи письмо и протянул его хану. Бату хан сидел на позолоченном троне с подлокотниками, пол был застелен красно-зеленым ковром. Бату хан отдал письмо толмачу, принял Коран из рук Кул Гали и отдал его стоявшему возле него имаму, которого Кул Гали видел впервые. Имам поклонился Кул Гали, поцеловал Коран и положил его перед собой. Сначала кишкетины хотели пропустить к Бату хану одного лишь Кул Гали, но, видимо, по совету Субедея, разрешили войти и Зульхиде. Бату хан взглянул на женщину, и ему показалось, что все драгоценности на его царской одежде поблекли перед ослепительной красотой булгарки. От нее исходил какой-то волнующий свет, ощущаемый почти физически. Зульхида тоже встала на колени перед ханом, хотя Кул Гали сделал попытку поднять ее на ноги. Зульхида, уже побывавшая в руках монголов, знала, что делать. Монголы оценили ее поступок, и даже Бату хан выдал улыбку, жестом приказав кишкетинам расширить площадку перед ним.

«Садитесь, посол, присядьте и вы, абыстай», — сказал Бату хан на чистом татарском языке.

«Видно, хану известно все, что происходит в Булгаре, — подумал Кул Гали. — Знает он, кто сейчас находится перед ним».

Кул Гали и ханский имам подняли руки и прочитали мусульманскую молитву. А Бату хан пристально посмотрел на Зульхиду, потом перевел взгляд на Кул Гали и, наконец, поманил пальцем секретаря:

— Ну, и что пишет хан?

— Он предлагает сразиться в честном поединке, один на один. И еще предлагает оставить его город в покое и удалиться восвояси.

Бату хан некоторое время молчал. Саркатиб, вздернув козлиную бородку, внимательно ждал ответ хана.

— Что еще пишет хан? — переспросил Бату хан.

— Пишет, что готов сразиться с вами любым оружием. Кто победит, тот будет владеть страной. Подпись: правитель многих волжских земель и столицы народов булгар хан Ильгам, сын Салима. Год 633-й, год Обезьяны, 12-й день месяца Рабигъльяхыр.

Снова Бату хан замолчал, отпил напиток и спросил Кул Гали:

— Посол, у Булгарии были враги?

— Да, были, ваше величество. Соседи-уруситы. Иногда они воевали с булгарами, но сейчас наши народы в дружбе. Вообще-то мы старались жить с соседями по возможности в мире.

— Я вас позову завтра. Посла поместите в соседней юрте, женщину отправьте с ним, — сказал Бату хан и отчего-то улыбнулся.

Кул Гали с Зульхидой пошли в соседнюю юрту. Никто их не беспокоил. Только прислужник заносил им еду, а вечером зажег светильник, ходя бесшумно, как тень.

— Бату хан намерен завтра дать ответ? — спросила Кул Гали Зульхида.

— Он не станет утруждать себя ответом, дорогая. Он всеми силами набросится на город, это и будет его ответом.

— Сохрани Аллах, — прошептала Зульхида и принялась читать молитву.

Кул Гали прочитал вечерний намаз, прилег на постель. Всю ночь он почти не смыкал глаз, все думал.

Зульхида тоже старалась не спать, перебирая в руках костяшки четок.

— Галиджан, завтра тебя ждет большое испытание. Поспи хоть немного, соберись с силами, успокойся. Все обойдется.

— Захочет ли он говорить со мной уважительно?

— Он будет так говорить с тобой, успокойся, милый. Он должен понять тебя.

— Охо-хо, Зульхида, сомневаюсь я в этом. Разве ты не видела, как потемнел он лицом, услышав условие Ильгам хана? По-моему, Бату даже испугался. У него много войска, вот почему и ведет себя надменно.

— Чу, Гали! Не шуми так. Как бы кто не услышал. Говори потише. У монголов и юрты слушают.

— Что же мне делать, милая моя Зульхида?

— Он позовет тебя, Гали, обязательно позовет и поговорит. Может, даже согласится на условие хана Ильгама. Ты постарайся уговорить его уйти от Булгара. Он согласится с тобой, ведь главной его целью является поход до берегов Адриатики. Он желает омочить в морской воде копыта своих коней. Не знаю, правда ли это, но я слышала это из уст самих монголов. Значит, независимо от того, возьмут они Булгар или нет, монголы не остановятся на нашей земле, пойдут дальше.

— Так, — согласился Кул Гали. — Значит, он во что бы то ни стало должен взять Великий Булгар. Он и так надолго задержался здесь. Судьба Булгара была предрешена давно, еще в Каракоруме.

— Да, еще на курултае в Каракоруме, — подтвердила Зульхида.

— А Ильгам хан тщетно пытается остановить монголов, даже готов звать народ к джихаду, что равно самоубийству.

— Монголы не остановятся, пока не выполнят завещания Чингисхана и не завоюют все земли до Адриатического побережья. Самое удивительное в том, что они действительно верят, что завоюют весь мир, и не знают, бедняги, какая трагедия постигнет их народ через десятилетия, даже века. Когда-нибудь они станут самым несчастным в мире народом.

— Ты что, ясновидящая?

— Да, ясновидящая, Кул Гали. А теперь слушай меня. Он позовет и тебя, и меня.

— Чтобы предать нас мечу?

— Нет. Говорят, что монголы без суда никогда не казнят безвинных. А мы пришли к ним послами. Монголы не трогают тех, кто приходит к ним со склоненной головой. И потом: он принял тебя за дворцового слугу, вернее, раба.

— Ты смеешься? Какого раба?

— Тебя же зовут Кул Гали, то есть «раб».

— Не шути, так Зульхида. Спи лучше. Может, и я засну.

— Ладно, Гали, будь что будет. Да поможет Аллах. Мы люди честные...

* * *

Несмотря на предложение булгар, сделанное через Кул Гали, Бату хан ни на один день не остановил штурм города. Отовсюду в его стан стекались сообщения: завоеван Кашан, спален Биляр, убит эмир Абдулла, погиб Эмир Хаджи. Многие из спасшихся жителей Кашана устремились в Казань. Были разорены города Джукетау, Тубылгытау и другие, уцелевшие жители которых убежали на земли соседних народов. Обо всем этом Кул Гали сообщал батыевский имам, родом из Хорезма. Имам поблагодарил Кул Гали за подаренный Коран.

— Для Ильгам хана лучше бы открыть ворота, Кул Гали, — участливо говорил имам. — Кулькан углан с Байдар угланом переправились через Итиль и взяли несколько городов, вторглись в земли эрзи и мокши, уруситов.

— Значит, булгарское сопротивление бесполезно?

— Видит Аллах, так оно и получается.

В это время Кул Гали с Зульхидой позвали к хану.

— Я же говорила, что и меня позовут, — шепнула Зульхида.

— Да, ты все предвидела, — ответил Кул Гали и поспешил вслед за имамом.

Бату хан приветствовал их кивком головы, указал, где им сесть. Имам с Кул Гали сотворили молитву.

— Посол, — сказал Бату хан, теребя мочку уха. — Дед мой Чингисхан подарил нам много завоеванных стран. Мы, его внуки, объясняем тебе, что не остановимся на границах Булгарии. Два моих тумена уже переправились через Итиль, а Ильгам хан все еще не хочет открыть ворота своей столицы. Ко мне уже присоединились два ваших багатура. Ханскому внуку Галимбеку я дал имя Бала эмир. Хансейр углан тоже склонил голову передо мной, и я отдал ему град Казань. Ильгам хан знает об этом. Мне сообщили, посол, что и сам ты производишь из ханского рода Угуз кахана сына Кубрата. Правда?

— Правда, великий хан. Но хотелось бы подчеркнуть, что я, прежде всего — шейх, особа духовная. Быть правителем — это удел таких великих людей, как вы, хан.

— Наш дед Чингисхан тоже принадлежал к таким людям, и вечная ему слава!

— Стать правителем, в общем, не трудно. Трудно сохранить завоеванные земли, быть праведным и милосердным ханом. Для этого вам придется изучить основы управления государством, языки местных народов, узнать историю их религии...

— Но я, как и дед мой Чингисхан, не собираюсь отдавать предпочтения ни одной религии, посол...

— И вы на правильном пути, хан. Отдав предпочтение какой-либо из религий, вы потеряете не только свою славу, но и уважение завоеванных народов.

— Уважаемый шейх, ты понравился мне. Я задам тебе один вопрос. Чем отличаются государства?

— Чеканкой своих денег, хан. Только то государство полнокровное, которое наладило выпуск своих денег и установило прочные торговые отношения с другими странами и народами.

— А как же войско, шейх? Наконец, где же литература, искусство? Ты же сам поэт?

— Да, я поэт болгарского народа, достопочтенный.

— И тебя Ильгам хан отправил ко мне послом. Нехорошо с его стороны. Скажи, поэт, правитель должен быть щедрым или скупым?

— Везде нужно придерживаться золотой середины. Древние говорили: среднее число — золото, низкое — железо, высокое — медь.

— Значит, правителю нельзя быть ни слишком щедрым, ни слишком скупым?

— Истинно так. Если твое войско кормится, воюет и побеждает за счет грабежей и пленных, значит, хан должен быть очень щедрым. Если армия содержится на средства собственного народа, такое государство быстро распадется, потеряет мощь. В этом случае правитель должен быть сильным.

— Хана должны любить, или его нужно бояться?

— И любить, и бояться. Человек в основном выбирает отношения, основанные на страхе. Вера приходит к нему позднее, с ростом сознания.

— Должен ли правитель держать данное народу слово?

— Безусловно. Во дворце правителя должны жить и лев, и лиса. Лев боится капкана, лиса боится волка. Если правитель ведет себя только как лев, он может попасть однажды в капкан. Правитель-лев с нором лисицы сможет избежать западни.

— Что нужно делать, чтобы завоевать любовь покоренных народов?

— Не мелочиться, быть справедливым, держать свое слово. Конечно, для этого правителю нужен незаурядный ум и зоркий глаз, то есть помощники, которые все видят, слышат, знают.

— Какими качествами должен руководствоваться правитель при выборе помощников?

— Аллах дал человеку три вида разума. Наши предки, древние тюрки, говорили, что разум одних направлен на освоение брэнного мира, другие держат связь с Вселенной, причем и первые, и вторые как бы имеют своих учеников-адатов, зачастую общих. А есть и такие, ум которых всю жизнь прозябает в невежестве, глупости. В помощники правителю нужно брать людей первого и второго вида разума, но никак не третьего. Они невежественны — годятся разве что для войны, битвы, ибо для драки много ума не нужно. Умело используя людей разных способностей, правитель всегда добьется желаемого.

— Как избавиться от подхалимов?

— Умный человек дает совет лишь тогда, когда его об этом просят. Подхалим лезет со своим советом без спросу.

— Хорошо, хорошо, уважаемый шейх. Ты интересный собеседник. Скажи-ка, почему государства все-таки разрушаются?

— Буря не приходит тогда, когда человек ее ожидает. Крах государства — это кара небесная. Обычно причинами распада державы являются плохой правитель, ленивый народ.

— Как сохранить государство?

— Для этого есть два пути. Если на землях державы живут несколько народов, нужно проводить политику: «разделяй и властвуй», если же население государства говорит на одном языке, исповедует одну религию — нужно править с умом, пригласить во дворец мудрецов, советников, философов.

— Слышал, что Ильгам хан — тоже человек ученый.

— Да, хан. И даже очень гордый.

— Его гордыня погубит государство и болгарский народ, шейх. В свое время я брал уроки у уйгурских мугаллимов.

— Я слышал об этом, хан.

— Откуда?

— Моя жена побывала у вас в плену и обо всем рассказала.

— Хорошо, шейх. Ты понравился мне. Завтра мы предпримем последний штурм города. Я — человек щедрый, великодушный, поэтому отдам ваш город своим воинам на три дня.

Бату хан приказал кишектину проводить Кул Гали с супругой в юрту. Кул Гали понял, что никакой надежды на спасение не осталось. Ильгам хан был прав, утверждая, что от монголов никакой пощады не будет. Черная, злая туча нависла над Великим городом и его дворцами и банями, библиотеками и Домом нау-

ки, многоэтажными мечетями, караван-сараями, магазинами, любовно выстроенными домами горожан... Что будет с народом?..

Кул Гали взглянул в сторону города. Сражение шло день и ночь, день и ночь. Уже более месяца болгары отражали бешеный натиск монголов, числом превосходящих защитников города в семь, а то и в восемь раз. Бату хан был в замешательстве, но виду не показывает. Он спешил, не считаясь с потерями. Ему поскорее нужно было овладеть городом и стать хозяином еще одной страны. Больше месяца он пытался поставить на колени Ильгам хана. Но нет, не станет Ильгам хан на колени перед Бату ханом! Это Кул Гали знал хорошо. Завтра — последний штурм...

— Ты что-то задумал, Кул Гали? — спросила Зульхида, видя его обеспокоенное лицо.

— Нужно как-то предупредить Ильгам хана, сообщить ему, что Бату хан бросает на штурм города последние силы.

— Думаешь, он не знает, не видит этого? Со всех дозорных башен видно, как к городу подходят тумены за туменом.

— Может, и знает, и видит...

Зульхида взяла Кул Гали за руку. Она плакала. Кул Гали закрыл глаза, чтобы не видеть гибнущего города. Да, чем невежественнее человек, тем более жестоким и кровожадным бывает. Тот, кому не хватает ума, хватается за саблю, утверждая, таким образом, свою власть...

О, Аллах! Видишь ли ты, как гибнет Великий город, один из прекраснейших исламских городов?! Если видишь, сделай что-нибудь, отведи беду от рабов твоих!

— Дай мне оружие, Зульхида, хотя бы кинжал. Я проберусь в город и встану в строй его защитников. Сделай что-нибудь, о Аллах, сжался над бедным рабом твоим!

— Пошли в юрту, Кул Гали. Нукеры стали обращать на нас внимание.

— Зульхида, где-то недалеко должен находиться наш зять, сотник Йэгерек...

— Я спросила о нем у имама. Йэгерек Бату хан отправил куда-то с поручением.

— Куда?

— Не знает.

— Проклятье, проклятье на них!

— Смотри, смотри, Кул Гали: тумены все идут и идут, под ними уже и травы не видно.

— Город будет отдан на разграбление на три дня, Зульхида. На три дня! Будут убивать мужчин, насиловать женщин. Три дня, три дня!

— Если останемся в живых, Кул Гали, ты напишешь еще один дастан об этой битве. Пошли же в юрту. Не могу смотреть, как гибнут безвинные люди Аллаха...

Они зашли в юрту. Кул Гали в отчаянии бросился на топчан.

— Дай же мне кинжал, Зульхида! — снова взмолился он.

— Нет у меня кинжала, Кул Гали. Твой разум, твой талант сильнее всякого оружия. Ты же поэт! Сядь и пиши дастан о своих братьях.

— Нет чернил.

— Пиши кровью своего сердца!

Кул Гали замер, глядя на жену, потом встал.

— Ты права, Зульхида. Иди, попроси у имама-хазрата чернила.

— Если стража пропустит.

— Пропустит, если хорошенько попросишь. И бумаги принеси. Много бумаги.

Имам-хазрат прислал с Зульхидой и очиненные перья, и чернила, и стопку бумаги. Прислуга принесла еду. Кул Гали наскоро перекусил и сел за работу. Сначала он вывел название нового произведения — «Махшар», то есть «Светопреставление». Кул Гали писал и писал всю ночь, меняя свечу за свечой. Зульхида складывала листы в стопки, потом всю рукопись завернула в платок и положила в свой баул. Только на рассвете Кул Гали устало откинулся на подушки и вытянул ноги.

— Ты за одну ночь написал новый дастан, Кул Гали?

Не отвечая, Кул Гали снова спросил:

— Где твой кинжал?

— Какой кинжал?

— Разве ты не попросила у имама клинок?

— Кул Гали, дорогой, в своем ли ты уме?

В это время в юрту зашел нукер с сообщением, что Кул Гали вызывает хан. Шейх быстро оделся, выпил чашку кумыса.

— Долго он со мной не будет разговаривать, Зульхида. Дай же мне кинжал, дай! Я знаю, что он у тебя есть.

— Это невозможно, Гали! Тебя все равно обыщут перед входом.

— Ладно... Я долго не буду.

Кул Гали вышел, посмотрел на город так, словно видел его в последний раз. Булгар горел. Ворота уже были раскрыты, и монголы наперегонки шли и шли к раскрытым крепостным воротам, грабить Великий город.

— Когда взяли город, нукер?

— Ночью проникли через подземный ход, вырезали стражу и открыли ворота.

На этот раз Бату хан принимал поэта чуть ли не с распростертыми объятиями.

— Я сдержал свое слово, уважаемый шейх! — сказал он, предложив поэту присесть. Лицо хана светилось радостью.

— Я изменил бы своему народу, если поздравил бы вас с победой.

Хану пришлось по душе прямого Кул Гали. Он с улыбкой посмотрел на сидящего рядом Субедея и добродушно сказал ему:

— Не беспокойся, багатур, мы отыщем твою жену. И сына тоже. Радуйся: город, наконец, в наших руках.

В джиляне нараспашку, с двумя кинжалами за голенищами, хмурый Субедей ничего не ответил, только поправил повязку на глазу. Через некоторое время он спокойно заметил:

— Вернулся Кунбай бек. Он взял город Джукетау. Он хочет видеть тебя, хан. По делу.

— По делу? — удивился Бату хан. — По какому делу? Впрочем, своих туменбаши я готов принимать хоть ночью.

В дверях показался нукер.

— Хан, в ставку прибыл Кулькан хан.

— Что ж! — почти развеселился Бату хан. — Как не принять славного хана Кулькана? Пошли!

Все во главе Бату ханом вышли из юрты на майдан, на котором от конских копыт не осталось уже ни одной травинки. Каждый туменбаши спешил сообщить о своей победе. Прибыл с победным известием и Кулькан хан.

— Мой хан! — воскликнул туменбаши, держа за узду свою резвую лошадку. — Взятые города Курсын, Кияюл! Тарханы назначены.

— Молодец, туменбаши Кулькан хан! Каждый десятый пленник и каждая десятая рабыня — твоя. Остальных отправить великому хану.

Не успел Кулькан хан со своими нукерами отъехать, как прибыл Кунбай бек. Он тоже порадовал хана победой. Увидев возле него сотника Йэгерекка на вороном коне, Кул Гали чуть было не окликнул его. Ему хотелось расспросить о Лейле, сказать, что ее мать здесь. Но Кул Гали побоялся не только завести разговор, но даже посмотреть в его сторону.

— Хан, — сказал Бату хану Кунбай бек. — Я слышал, что у нас гости: болгарский посол с моей женой, Зульхидой. Я хочу вернуть ее к себе, законному мужу. Разреши, о справедливый хан.

— Но эта женщина назвала себя женой посла, мой бек.

— Ее украли болгары, хан. Перед Тенгре прошу — она моя.

— Приведите женщину! — приказал нукерам Бату хан.

Возле ханской юрты собрался народ. Кто-то поддерживал бека, кто-то — болгарского посла.

— Эта женщина — моя законная жена, по-мусульмански обвенчанная, — горячился бек.

— Я подтверждаю это, женщина принадлежит Кунбаю, — веско сказал Субедей багатур.

— Выходит, мусульманин нарушил свой же мусульманский закон?

— Я был влюблен в нее еще юношей, хан, — отвечал Кул Гали. — Зульхида вышла за меня замуж по любви. Любовь — не хлеб, ее не отломишь и не разделишь. Она или есть или — нет.

— Значит, вы оба женились на ней по-мусульмански?

— Выходит, так, — согласился Кул Гали.

— Так, хан, — мрачно подтвердил Кунбай бек.

Бату хан взглянул на небо, где с хищным криком парили над городом стервятники, терпеливо выжидая добычу. Некоторые из пернатых падальщиков уже принялись выклевывать глаза мертвецам, лежавшим на стенах и башнях города. Бату хан вспомнил свою беседу с этим болгарским шейхом-поэтом. Если правитель хочет быть справедливым, он и судить должен справедливо. Сейчас его решения ожидают, затаив дыхание, и воины-победители, и покоренный народ. Ведь к Бату хану уже пришли со склоненной головой несколько болгарских предводителей со своими людьми. Что ж... пусть все увидят и услышат, как справед-

ливо может судить Бату хан. Нужно будет пригнать сюда из города оставшийся народ, особенно духовных служителей, торговцев, ремесленников, детей. Бату хан должен разрешить спор по справедливости, невзирая на то, на чьей стороне окажется правда. Этим судом он войдет в народную память под именем хана Саита, что значит — Справедливый. И пусть каждое слово его будет весомым и четким.

— Багатур, — сказал он, оборачиваясь к Субедею. — Приготовьте мне трон на майдане. Застелите поляну коврами. Пригоните сюда всех горожан.

Прошло немного времени, и все было организовано в лучшем виде: вынесены ковры и золоченый трон, пригнан народ. Бату хан отпил кумыса, надел на голову золоченый, сияющий на солнце шлем, взял в руки жезл.

Когда народ собрался, Субедей вышел вперед, подошел к хану.

— Ты — хан, правитель, властитель, Бату углан. Но Кунбай бек — моя правая рука, не забывай об этом, мой хан. Правда, он не монгол, а татарин, но пришел сюда вместе с монголами.

Кунбай бек опустил перед ханом на одно колено.

— Нет судьи выше, чем вы, мой хан. Верни мне жену. Я честно служил вам, ходил с вами во все походы, преодолевал с вами все невзгоды, честно выполнял каждый ваш приказ.

Бату хан сидел на троне в окружении кишектинов. Дед Чингисхан хан завещал ему: «Никто не может быть выше кишектина. Только хан может отдать ему приказ. Когда кишектин спрашивает, ему нужно отвечать точно и четко, кто бы перед ним ни был: десятник, сотник, тысячник или туменбаши. Сам же кишектин не должен отвечать никому, кроме хана».

Бату хан гордо сидел на троне. По обеим сторонам трона стояли советники: лама и имам. Сначала Бату хан медленно повернул голову в сторону ламы, и тот поспешил ответить:

— Хан, оба батыра принадлежат к мусульманам, так что их должен рассудить мусульманский судья — казый.

Бату хан чуть заметно поморщился. Он был недоволен подсказкой ламы и чувствовал себя даже ущемленным. Ведь ему хотелось лично самому распорядиться судьбами этих двух людей, причем в присутствии воинов и народа. Бату хан так же медленно повернул голову в сторону имама, и тот, оказавшийся посмышленей, ответил:

— Мой хан, я передаю право суда вам, но у женщины все равно придется спросить, кого же предпочтет она сама?

Имам правильно понял настроение хана. Конечно, Бату хан спросит у женщины ее мнение, обязательно спросит и учтет его, несмотря на то, что Субедей упорно поддерживает своего Кунбай бека. Бату хан должен стать еще и справедливым — Саит ханом.

— Приведи ко мне эту женщину! — приказал хан.

Безусловно, эта женщина еще при первой встрече произвела на хана сильное впечатление. Была в ней какая-то неземная красота. Да, хан понял теперь, что из-за такой женщины могут сразиться между собой не только два батыра, но и два тумена.

— О луноликая женщина, ясноглазая ханум! Вижу, что сердце твое наполнено счастьем. Но скажи, какого из этих двух мужей ты хотела бы удостоить своим благосклонным вниманием?

— О достопочтенный, великий хан! — склонила перед ним голову женщина. — Аллах наделил человека не только плотью и кровью, но и разумом и сердцем. На сердце невозможно надеть узду, сердце человека — не лошадь. Человеку можно связать руки и отправить в полон, но душа, сердце его неподвластны никаким путам. На сердце аркан не накинешь. Я с юности любила Кул Гали и отдала ему свое сердце. Пусть Кунбай бек, ради Аллаха, простит меня. Тенгре свидетель, что меня везли к твоему отцу, хану Джучи, но Всевышний дал ему мало жизненного срока, и я не успела увидеть его. Потом меня с половины пути повезли обратно и по приказу уважаемого багатура Субедея отдали Кунбай беку, хотя я не давала согласия на никах с ним. Прошу великодушно простить меня, великий хан. Отняв у меня любовь, вы сделаете несчастным не одного, а трех человек.

Зульхида снова поклонилась хану и отошла в сторону.

— Теперь оба подойдите ко мне! — приказал хан соперникам.

Кунбай подошел сам, Кул Гали подвели нукеры. Конечно, Бату хану следовало держать сторону Кунбая, но будет ли он после этого Ханом Справедливости, Саит ханом? Если он с первого же дня проявит несправедливость по отношению к покоренному народу, добром это не кончится. После беседы с Кул Гали хан окончательно удостоверился, что справедливый правитель должен быть прежде всего справедливым судьей.

— Имам хазрет, что скажешь ты? — спросил Бату хан у имама.

— Если опираться на законы шариата, то жена не может уйти от мужа, прежде чем трижды не повторит слова развода: талак, талак, талак.

В это время Субедей багатур что-то шепнул на ухо Бату хану.

— Первым мужем этой женщины был багатур Багман. Его нет — он убит еще при первом нашем походе. Как вы слышали, женщина досталась Кунбай беку. Потом ее похитили болгары. После этого ханум встречается с шейхом, которого любила в молодости, и выходит за него замуж, совершив никах. Так ли это, шейх?

— Зульхида — моя законная жена, хан.

— А как думаешь ты, багатур?

— Твой дед Чингисхан никогда не считался с женами покоренных им мужей, мой хан. И теперь мы не собираемся спорить с ними. Женщина — что лошадь без узды. Кто первым ее обуздает, тому она и будет принадлежать. Багман багатур убит. Женщина была отдана Кунбай беку, значит, узда от этой женщины в его руках.

— Правильно, правильно, багатур. Я надел узду на эту женщину, — нетерпеливо сказал Кунбай.

Бату хану не понравилось поведение нетерпеливого, даже немного задиристого Кунбай бека. Он улыбнулся уголком губ и снова повернул голову к ламе.

— Мой хан, сегодняшней суд необычен. Рассуди же справедливо. Наши предки дрались из-за женщин на саблях или копьях. Пусть и они испытают свое счастье в честном поединке. И на ваше имя не падет тень несправедливости и народ останется довольным.

«Действительно, — подумал Бату хан. — И волки будут сыты, и овцы останутся целы».

Он встал с трона. Дело принимало серьезный оборот.

— Вот что. Будете решать свой спор оружием. Таково мое решение. Я сказал!

— Выбирай оружие, — приказал Кунбай бек Кул Гали, обжигая его взглядом налитых кровью глаз.

Кул Гали когда-то хорошо владел саблей, но все же предпочел копье.

— Копье! — крикнул Кул Гали.

Зульхида снова кинулась в ноги хану.

— Великий хан! Прости его! Я не люблю Кунбая, он взял меня насильно.

Но Бату хан уже словно не видел ее, лишь кивком головы приказал кишкектинам удерживать женщину. Два нукера подняли с колен Зульхиду и увели в сторону. Кул Гали снял джилян, взял в руки копье, потряс им, сделал пару выпадов, рассекая воздух.

— Мне щит не нужен, — кичливо сказал Кунбай бек.

— Мне — тоже, — гордо произнес Кул Гали, почувствовав себя вдруг необычайно сильным.

— Пустите меня, пустите! Я никуда не уйду! — билась в руках кишкектинов Зульхида. В отчаянии она крикнула хану Бату: — О хан! Смилуйся! Он — поэт! Такие рождаются раз в тысячу лет, хан!

Но Бату хан не слушал ее, да и не слышал. Его мысли были заняты предстоящей игрой со смертью двух разных, по его мнению, мужей. Сам он тоже любил упражнения с копьем. Хотя душераздирающий крик женщины не мог быть не услышан, переигрывать решение было поздно. Копейщики встали друг против друга. Смысл и особенность поединка заключалась в том, что противники должны были не метать копья, а использовать их только в ближнем бою.

Бату хан никого из них не будет поддерживать. Стоит ему защитить Кунбая, возропщет народ. Если защищать поэта — недовольны будут кишкектины, с которыми ему предстоит покорить еще немало стран. До чего же народ наивен, прост и бесхитростен! Скажите на милость — монголы в завоеванных странах насилуют тысячи женщин, еще много тысяч тащат на арканах в Каракорум, а тут из-за какой-то одной-единственной женщины двое бьются на копьях! Чего им не хватает? И кто-то должен победить, а Бату хан сам подведет эту кралю к победителю. Ну, и наивен же этот туменбаши Кунбай! В каждом взятом городе он может иметь сколько угодно женщин! Не зря же Чингисхан говорил: «Когда валяется конь, остаются шерстинки, когда мужчина валяется на женщине, остается горячий пот». Сегодня, возможно, Бату хан потеряет одного из своих туменбаши. Но зато после этого в памяти тысяч и тысяч болгар он останется как Саит хан — Хан Справедливый.

Ни Кунбай, ни болгарский поэт не могли одолеть друг друга. Спокойный, тихий с виду шейх, взяв в руки копье, мгновенно преобразился и превратился в разъяренного барса. Он то переворачивался в прыжке через голову, то внезапно отскакивал в сторону. Туменбаши Кунбай даже опешил немного от такой лихости посла. Во всяком случае, он никак не ожидал такой прыти от преподобного шейха. Рассердившись, Кунбай стал теснить поэта, делая молниеносные выпады копьем то слева, то справа, то в грудь. Отступая, поэт попал ногой в ямку, вероятно, сделанную копытом коня, и запнувшись, не удержал равновесия и упал. Кунбай тут же кинулся вонзить в него копье, но в самую последнюю секунду Кул Гали извернулся всем те-

лом, встал на ноги и, пока Кунбай выдергивал глубоко засаженное в землю копьё, ударил его копьём по голове — ударил, но не пронзил. Это уже было похоже на издевательство. Кунбай заревел от обиды, изменился в лице и яростно набросился на противника. Кул Гали, видя, что враг взбесился, остановился. Он хотел выбить копьё из рук Кунбая, но то ли силы были уже не те, то ли удар был неточен, но Кунбай копьё удержал и бросился на поэта, как бык на красную тряпку. Вот копьё снова скрестились в воздухе, и Кул Гали снова упал. На этот раз Кунбай был начеку и с быстротой хищника набросился на жертву, вонзив копьё в грудь соперника. В тот же миг Зульхида закричала, вырвалась из рук нукеров и, подбежав к мужу, упала ему на грудь. Тем временем, Кунбай бек подошел к Бату хану, поклонился, ожидая решения хана.

Кул Гали с трудом поднял голову, попытался улыбнуться Зульхиде, но голова его снова упала на землю.

— Я люблю тебя, Зульхида... — прошептали его губы.

Зульхида какое-то мгновение давилась слезами, а потом с быстротой молнии схватила копьё Кул Гали и вонзила его в спину кланявшегося перед Бату ханом Кунбай бека. Из рта Кунбая хлынула кровь, и он ничком упал на землю. В тот же миг просвистела стрела и пробила грудь Зульхиды. Она повернулась, ища стрелка таким счастливым взглядом, будто хотела отблагодарить его, а потом, шатаясь, подошла к поэту и рухнула ему на грудь, сжав его в своем последнем объятии.

Все кругом затихли. Стало так тихо, словно никто даже не дышал. И вдруг будто что-то взорвалось, толпа ахнула, заволновалась, женские ахи-охи заставили Бату хана вскочить с трона:

— Кто стрелял в женщину? Войти на середину майдана!

Толпа снова затихла, ожидая появления злополучного стрелка. На середину майдана медленно вышел кишектин Йэгерек. Его нельзя было оставить безнаказанным. Досадуя в душе из-за потери самого лучшего своего телохранителя, Бату хан левой рукой подал знак верным нукерам и в тот же миг десятки метких стрел полетели в грудь кишектина Йэгерика.

На майдан выбежал Субедей багатур и поднял руку с зажатой в ней камчой. Шум затих, только кое-где еще слышались всхлипы и приглушенные рыдания.

— Разойтись! Расходитесь! — крикнул «Железный багатур». Имам подошел к Бату хану и встал перед ним на колени.

— Ну, что еще тебе?

— Мой хан, разреши похоронить по-мусульмански поэта Кул Гали и святую мученицу Зульхиду.

— Разрешаю, — отмахнулся от него Бату хан и направился к своей юрте. Но возле юрты остановился, посмотрел на мертвые тела и спросил кишектина:

— Почему сотник Йэгерек застрелил женщину?

— От него сбежала жена Лейля, а эта женщина была ее матерью.

— Разве за это убивают человека?

— К сожалению, мой хан, сотник Йэгерек стал безвинной жертвой. Да-да, на нем нет вины, как нет вины и на женщинах.

— Как так?

— Дочь этой женщины, Лейля, убежала от Йэгерика. Никто не знает почему. Говорят, что Лейлю будто бы похитил Байдар углан, пока Йэгерек был в походе...

Бату хан понял свою оплошность и еще раз посмотрел на утыканное стрелами тело Йэгерика. Действительно, он стал жертвой обстоятельств, застрелив безвинную женщину. Вот чудак! Хоть бы посоветовался с ханом. Что ж... Покойников не возратить, а последовать за ними всегда успеется. Бату хан, как всегда, был спокоен.

— Эта Лейля... Она что, действительно так красива?

Кишектин неожиданно до ушей покраснел:

— О, да, хан! Глаз не отвести. Красавица из красавиц. Образованна, умна, воспитывалась в заведении Джамалбике абыстай.

— Что ж, приведите эту Лейлю сюда, поместите в отдельную юрту. Приставьте слуг, дайте все, что она попросит, и никому ее не показывайте!

— Будет сделано, мой хан.

На другой день Бату хан сел на коня и поехал осматривать покоренный город. Для начала он направился напрямик в Ханский дворец. Его сопровождали тысячи кишектинов во главе с Субедей багатуром.

Ханский дворец сохранился почти полностью. Бату хан вошел во дворец, прошел в тронный зал и замер. Такого великолепия он еще нигде не видел. Особенно хорош был высоченный трон с подлокотниками в виде барсов. Бату хану пришлось даже немного подпрыгнуть, чтобы сесть на трон. Потом он отыскал глазами между кишектинов гонца, позвал его, потом поманил пальцем секретаря.

— Пиши: «Великий хан Угедей, с вашего благословения завоеван трон Булгарии, народ подчинен. Бату хан. Печать». А ты, гонец, немедленно отправляйся в путь.

Он подождал, пока будет закончено под диктовку письмо и собственноручно отдал гонцу. Потом велел подать араку. Опрокинув в рот пиалу с крепким напитком, он поднял ее над головой:

— Ур-ра! — выпил араку до дна. Остальные, уже наделенные чашами с аракой, тоже подняли свои пиалы и закричали: «Ур-ра, хур-ра!»

Выпив, как по команде, все вытерли рукавами губы.

После этого Бату хан велел кишкектинам удалиться, а сам с Субедеем, имамом и ламой отправился осматривать дворец. Он не цокал языком от удивления, но все же не мог не восхищаться мастерством болгарских зодчих. Осмотрев женскую половину, он прошел в светлицу с полами, застеленными мягкими персидскими коврами, он остановился в одной из них. Присел на саке, устланное шкурой выхухоля, и сказал:

— Здесь будет комната Лейли ханум!

— Она мусульманка, — заметил имам.

— Очень хорошо, — невозмутимо ответил Бату хан, у меня мама тоже была татарка и, кажется, даже мусульманка — тебе работы прибавится, — добавил он, не глядя на имама.

— Хан, — обратился к нему лама. — Ваша жена с двумя сыновьями уже в пути.

— Очень хорошо, — повторил хан. — Пусть едут. Ты поедешь к ним навстречу, устроишь их в городе Саксин. Как освобожусь, навещу их.

Лама почтительно склонил голову.

Бату хан вернулся в тронный зал, снова уселся на трон и позвал верного сотника из числа кишектинов.

— Я хочу отблагодарить своих батыров. Организуйте праздник, чтобы еды и араки было вдоволь.

Кишектин вышел. Бату хан с удовольствием откинулся на спинку трона. Ему очень хотелось видеть правителя этой страны, где построено столько красивых городов, дворцов, замков, мечетей, где бани порой не отличались от дворца, а дома иных горожан — от общественных библиотек. Было, было чему удивляться в этой удивительной стране.

— Субедей багатур, — сказал Бату хан. — Мы одержали великую победу. Мы будем стоять здесь, пока не узнаем, насколько уязвимы народы западных стран и их города-крепости. Для этого мне нужен такой визирь, какой был у хана Ильгама. У тебя, если не ошибаюсь, жил один болгарский мудрец по имени Биккул. Где он?

— Мой хан, я уже послал своих джигитов навести о нем справки. Они найдут его и приведут к тебе.

Бату хан покосился на Субедея и слегка усмехнулся.

— И ты доверяешь ему, багатур? Ну, этому купцу-советнику?..

— Я верю только тем, кто верит в меня, мой хан.

Субедею явно не понравился намек хана. Бату хан почему-то все время старался уколоть багатура. Как-то он насмешливо назвал Кулькан углана «ханом», и углан не заметил скрытой насмешки хана. Но Субедей не слеп, хотя потерял один глаз, и не глух. Он-то насмешку почувствовал. Обидно было за сына, за его слепоту, наивное тщеславие. Кажется, еще недавно Субедей мечтал взять Булгар и посадить там эмиром или тарханом своего сына Кулькана. Но все мечты его превратились в прах. Осадой Булгара командовал сам Бату. Кулькан не стал эмиром. А ведь Субедей хотел похвастаться перед братом Джэбэ, что посадит сына на трон болгарский. Хорошо хоть, что не поклялся! Эх, найти бы сейчас Карлыгач! Может, они с ней нашли бы общий язык и уговорили бы хана Бату дать их сыну Ташбаю какой-нибудь удел или город. А Кулькана тебе, Субедей, придется увы, забыть. Он уже не твой сын, его слабая душа заражена червоточной величия. Как же — приемный сын Чингисхана! Дескать, и он сын хана. А ведь никогда не признают тебя чингизиды, никогда! Кто-кто, а Субедей знает гордый род чингизидов, выходцев из татарского племени.

— Завтра устроим праздник в честь победы, багатур. Мы потратили сорок пять дней на взятие этого города.

— Под его стенами вечным сном остались лежать почти два тумена воинов.

— Да, остались, багатур. И их помянем.

— Бачман багатур до сих пор не пойман, а град Казань еще не завоеван.

— В Казани сидит какой-то ханский внук под именем Хансеяр со своими пушкарями.

— Я пошлю к нему посла. Если он склонит голову и перейдет ко мне, прощу его и возьму в свое войско, а город его не трону. Его пушки дороже мне, чем твой тумен, багатур.

— Меня тоже интересует этот мастер пушкаррей. Биккул часто говорил мне о нем. Пушки они отливают в каком-то местечке под названием Чертово городище. Мои джигиты до сих пор не дошли до этого города.

— Я сам поговорю с этим угланом, багатур.

— Хорошо, мой хан.

На другой день монголы начали отмечать победу. Праздник длился целую неделю. Был пир, арака, кумыс лились рекой. Купцы из города прикатили бочки заморского вина и угорское пиво, за которые Бату хан велел расплачиваться звонкими монетами, отобранными у болгарских купцов. Ему хотелось быть щедрым, ведь он все еще помнил наставления мудрого болгарского шейха. В какой-то мере ему удалось добиться доверия болгар. В городе на улицах стали появляться прохожие, все больше горожан возвращалось в город. В конце праздничной недели опухший от пьянства Бату хан позвал Субедея в тронный зал. Каким бы ни было веселье, но хан чувствовал, что его «Железного багатура» изнутри съедает какая-то тоска. Кишечтины все еще не могли найти Биккула. Во всех принадлежавших ему домах слуги толком ничего не могли сказать о местонахождении хозяина.

— Где бы он ни был, я найду его, хан.

— Ты прав, он от нас не спрячется. А я вот сижу и радуюсь. Ты целых десять лет стучался в ворота Великого Булгара, не так ли? Так. Теперь вся страна лежит под копытами твоих коней.

— Ты, наверное, хотел сказать, хан, что я пришел сюда с большими надеждами. Здесь остались моя жена и сын. Карлыгач похитили, взяли в плен люди багатура Артыка. Кишечтины нашли этого багатура болгар, проткнули копьями и сбросили с башни. Тело Артыка багатура было опознано.

— А тело Ильгам хана? Ты отдал его тело для захоронения на ханском кладбище?

— Он был ханом, правителем гордого государства. Я сделал это для того, чтобы в будущем ханов не хоронили вместе с собаками.

— Вы, урэнхой, кажется, почитали собаку как священное животное?

— Да, мой хан. Но я на чужой земле и должен уважать их обычаи. Так мне настоятельно советовал наш имам. Да, мой хан, я воин, однако у меня здесь есть сын. Дошли до меня сведения, что он женился и даже мальчика имеет, значит моего внука.

— Это твой сын Ташбай уничтожил китайский таран и камнеметы, багатур? Кишечтины видели, что ему удалось от них ускакать. К сожалению, не смогли его поймать.

— Он — мой сын, моя кровь течет в его жилах, хан, — виновато повторил Субедей, смутно представляя после араки не только сына, но и бывшую жену Карлыгач.

— Ты хотел встретить его с распростертыми объятиями?

— Он — пушкарь и может помочь нам. Нам еще предстоит покорить много городов, мой хан. Прежде чем поднять на него руку, я хотел бы поговорить с ним, мой хан. Он ведь мой сын, мой мальчик. За ним гнались, но ему удалось укрыться в лесах.

— Значит, пошел в отца, — сказал как бы с иронией Бату хан.

Субедей неловко поправил повязку на лице и взглянул хану в глаза. Единственный глаз багатура поблескивал слезой. Но Бату хан не понял багатура. Его разозлила неожиданная плаксивость этого сурового человека, способного хладнокровно отсечь голову врага одним взмахом острого клинка.

— Выпей еще араки, успокойся, — только и сказал Бату хан.

Субедей выпил, вытер, по обыкновению, губы рукавом и продолжил:

— Мне очень дорога эта женщина, хан. Мне, кажется, не будет человека счастливее меня, когда я обрету, наконец, свою жену и сына. А ты, хан, вызвал жену и детей, а сам велел ламе поселить их в отдаленном городе Саксине.

— Здесь, среди мусульман, их вряд ли поймут, багатур. И, кроме того, у меня есть другое желание.

— Лейля ханум? — спросил Субедей, наливая в чашу араку.

— Возможно, я и на ней женюсь. У моего отца тоже было много жен. А ты, багатур, не страдай понапрасну по Ташбаю, а призови лучше углана Уряктая.

Субедей снова посмотрел прямо в глаза хану, размышляя, сказать ему или нет о своих сомнениях. Наконец, он решился, тем более что Бату хан рано или поздно узнал бы и сам.

— Хан, Уряктай — не мой сын. Сэмбель родила его от главного пастуха Чингисхана, мой хан. Второй сын — тоже от него.

— А Кулькан?

— Кулькан, — покачал головой Субедей. — Кулькан уже давно не мой сын. Хан его возвысил, сделал приемным сыном, вот он и возгордился и считает себя ныне не иначе как наследником Чингисхана.

— Но Кулькан действительно сын хана, багатур. У него есть полное право стать ханом среди чингизидов.

— Раз так, как он может быть моим сыном? Я теперь очутился в положении покойного Кунбай бека. Хочется драться...

— С кем же?

— Я и сам не знаю, с кем. Но руки у меня так и чешутся. Сердце окаменело, а душа жаждет крови. Если бы нашлась Карлыгач, прижал бы ее к своему сердцу и вдоволь поплакал бы. От счастья бы плакал, мой хан, от счастья...

— Брось ты, багатур. Не раскисай. Успокойся. Все обойдется. Найдутся и Карлыгач, и Ташбай. А я ему какой-нибудь город дам. Веришь?

— Правда дашь?

— Дам, мой багатур, дам.

— Чтобы ни случилось, я найду жену и сына, хан. Человек — не иглолка в стоге сена.

— Найдут, багатур. Завтра я соберу самых знатных жителей города. Пусть живут так, как жили раньше. Для них будут открыты все торговые пути, ремесленников и всяких мастеров я призову восстанавливать город, а заплачу им много больше, чем Ильгам хан. Говорят, что внук Ильгам хана Галимбек укрылся в том самом Чертовом Городище — Шайтанкале. Мне хочется знать, что это за город, посмотреть его, но я не поеду туда, а призову Галимбека к себе, перетяну его на свою сторону.

Субедей откашлялся и снова взялся за кувшин с аракой. Ему нравилась решительность хана. Бату хан тоже выпил кумысной водки, обнял багатура, потрепал его по редковолосой голове.

— Ну-ну, мой багатур, я запрещаю тебе стареть! Нам еще нужно покорить много стран.

— Для этого нам нужны пушки, хан, пушкари с прислугой, мастера, которые делают это грозное оружие. Таких пушек пока у нас нет, мой хан.

— А углан Хансеяр? Ведь твой Ташбай должен быть теперь у него. Мы перетянем их на свою сторону, багатур, обласкаем их, наградим, если надо, сделаем их менбаши. Они, если будет на то воля Тенгре, пройдут с нами до Адриатики.

Субедей багатур взглянул на хана, снова поправил повязку на лице, улыбнулся, обнажив редкие желтые зубы, но Бату хан, кажется, так и не понял, чему улыбается его прославленный багатур. Вообще, после долгой беседы с болгарским поэтом Бату хан изменился, стал относиться к своему окружению по-другому, более философски. Багатур чувствовал эту перемену в хане, и не только по отношению к себе.

Кому теперь подчиняется Субедей? «Железный багатур» когда-то спас деда Бату — Чингисхана — от колодок раба. Да, было дело. С тех пор минуло больше сорока лет, за это время «Потрясатель Вселенной» с помощью Субедея завоевал много стран. А сейчас дело завоевания мира осталось в руках таких коротконогих птенцов, как Бату хан.

— Мне очень дорог мой сын Ташбай, хан. Хоть он и воевал на стороне болгар, я сумею оправдать его.

— Я тоже оправдаю его, багатур. Но сначала ты найди и приведи ко мне этого воина. Вот тогда поговорим. А так... Чего же делить шкуру неубитого медведя?

На пороге появился нукер.

— Что тебе? — сдвинул брови Бату хан.

— Там Байдар с Бучеком дерутся.

— Чего не поделили?

— Наверное, женщину.

— Сейчас выйдем. Багатур, разнимем этих петушков, пока они друг другу перья не выщипали.

При взятии Булгара отличились тумены именно этих двух угланов — Байдара и Бучека. На их джигитов лилась кипящая смола, падали стрелы и ядра, но они упорно лезли на стены. В уличных боях они тоже показали себя с лучшей стороны. Монголов было много, они заполняли улицу за улицей. Павшие оставались лежать, остальные шли дальше, стреляя, очищая путь саблями и копьями. Защитники дрались на удивление мужественно. Они поднимали завоевателей на копья, рубили саблями, кололи кинжалами, душили голыми руками. Каждый дом, каждая мечеть были превращены в маленькие крепости. Улицы, переулки, площади заполнились трупами, среди которых невозможно было пройти, поэтому монголы просто бежали по телам павших своих войнов и убитых защитников. Целый день длились ожесточенные уличные бои. Силы были неравные, и болгары знали об этом, но никто и не думал отступать, а тем более бежать. Бой шел уже на крышах медресе, мечетей. С огромными потерями монголы брали улицу за улицей, дом за домом, мечеть за мечетью.

Ильгам хан с отрядом верных джигитов пытался бежать через Кашанские ворота, но навстречу уже бежали плотной толпой аскеры Байдара. Болгары осыпали монголов стрелами, потом рубились на саблях.

Поскольку монголы сражались обычно без кольчуги, шлема и не брали щиты, их полегло великое множество, болгарские воины рубили им головы, пронзали пиками, стягивали с седел баграми. Но и болгар становилось все меньше и меньше. Увидев, что рать Байдара тает на глазах, Бату хан послал ему в помощь джигитов Бучек углана, и только тогда болгарских рыцарей удалось окружить. Булгары образовали круг, в середине которого оказался Ильгам хан, и медленно стали продвигаться к воротам. В это время как из-под земли выскочили два всадника с заводными лошадьми. Увидев их, булгары разомкнули кольцо. Ильгам хан вскочил на одну из лошадей, выхватил из ножен саблю. Еще раз, разомкнув кольцо, булгары выпустили троих всадников, помчавшихся к Ханским воротам. Маневр этот был для монголов полной неожиданностью, их растерянность длилась какой-то миг, и за это время трое всадников успели оторваться от монголов. Кони их летели птицей. Им наперерез помчались монголы туменбаши Буре, которых послал Бату хан.

— Мне он нужен живым, только живым! — крикнул он вдогонку воинам, которые помчались за ускокавшими.

Но болгарский джигит не только не испугался отряда монголов, но отважно кинулся прямо на них, врубился в толпу, двумя ударами свалил с седла двух воинов Субедея, достал третьего. Четвертый отшатнулся в сторону. За лихим болгарским батыром скакал Ильгам хан. Отчаянные болгарские рубаки уже прорвались через отряд опешивших монголов и продолжали мчаться прямо на Бату хана, который с возвышенности наблюдал за сражением. Ильгам хан быстро оглянулся по сторонам и направил коня на хана Бату. Навстречу ему двинулся отряд кишектинов, прорваться через который в одиночку было немислимо. И все же на какой-то миг Бату хана охватил страх, тем более что два телохранителя Ильгам хана, неуязвимые и неустрашимые, неслись к хану по обе стороны своего господина. Кишектины не решались застрелить хана Ильгама из лука, ведь им было приказано захватить его живым. Поэтому они усердно обстреливали двух телохранителей Ильгам хана, но их, казалось, не брала ни одна стрела. Происходило что-то непонятное. Трое болгарских рыцарей перемолотили уже второй ряд отборных кишектинов и бросились на третью шеренгу. Бату хан вынул саблю из ножен, натянул поводья. Но нет, болгарский богатырь как бы ни был он силен и ловок, не смог одолеть третий ряд кишектинов, свалился с коня. Впрочем, нет, вот он снова появился в седле — видимо, он переметнулся под брюхом коня на другую сторону и снова рубил своей страшной саблей. Лихой вояка, ничего не скажешь! Бату хан прищпорил коня и, размахивая саблей, помчался навстречу Ильгам хану. Вплотную за ним двигались кишектины. Вдруг откуда-то сбоку появился Субедей и метнул в сторону Ильгам хана длинный волосяной аркан. Но прежде, чем аркан сдавил шею жертвы, в грудь Ильгам хану попала стрела одного из мергенов Бату хана. Ильгам хан пошатнулся от удара стрелы, и петля субедеевского аркана лишь скользнула по крупу лошади. Телохранители болгарского хана на всем скаку осадил коней. Один из телохранителей подхватил раненого хана, положил его на коня, и поскакал совсем в другую сторону, в направлении Кашанских ворот. Но ворота уже были заняты монголами, и болгарские джигиты изменили направление, нырнув в кривые и узкие переулки, и мгновенно исчезли из виду.

Субедей багатур со злостью сплюнул, а Бату хан в сердцах даже бросил камчу на землю.

— Догнать! Схватить! Взять живым!

Часть кишектинов бросилась в один из переулков, а туменбаши Буре с двумя джигитами — в другой... Сын Чагатая Буре углан был еще знаменит тем, что ездил на лошади без уздечки. Он со своими мергенами очутился на Базарной улице почти одновременно с болгарскими воинами. Но булгары знали город как свои пять пальцев. Через два дома они внезапно повернули к зданию мечети и через задние ворота ринулись к Караван-сараяу, откуда можно было спуститься в лощину Исмагила. А там и до леса рукой подать. Но Буре углан уже врывался в ворота мечети, натягивая на ходу лук. Подоспевший Бучек углан крикнул: «Не стреляй! Брать живым!» Булгарские удалыцы снова исчезли из виду. Байдар углан повернул лошадь, помчался за булгарами. Булгары уже были на пути в лощину. Меткий стрелок, Байдар решил сначала убить телохранителя, на коне которого лежал раненый Ильгам хан. И стрела его, наконец, достигла цели. Но когда Байдар целился во второго телохранителя, его лошадь отпрянула, испугавшись внезапно вынырнувших из переулка джигитов Бучек углана. Оставшийся в живых телохранитель успел скрыться... Байдар взвалил на своего коня раненого Ильгам хана и прискакал к Бату хану. И вот теперь эти самые герои — Бучек и Байдар — что-то не поделили.

Хан с багатуром подошли к дерущимся угланам. Бату хан подал знак багатуру, и тот огрел камчой обоих забияк, так что те взревели благим матом и запрыгали на месте от боли.

— Это ты его упустил, ты! — все еще кипятился Байдар.

— Это ты, наследие грыжи, во всем виноват! — не уступал ему Бучек. — Если бы ты мне не помешал, я бы давно его на аркане приволок живым и невредимым.

— Багатур, — заметил с усмешкой Бату хан, — может, их еще раз огреть для острастки?

— Вот собаки, — буркнул Субедей. — Весь праздник испортили!
— Завтра обоих отправлю на поиски Бачмана багатура, — сказал хан. — Пусть они доставят его ко мне живым.
— Хм-м, — усмехнулся Субедей. — Разве такой джигит, как Бачман багатур, даст себя поймать этим щенкам?.. Встать на колени перед ханом! — вдруг рявкнул он. — Просите у хана прощения!
«Умен багатур, умен, — подумал Бату хан. — Всегда старается поддержать авторитет хана».
Забияки-туменбаши упали хану в ноги.
— Прости нас, хан! Прости, владыка!
— Чего не поделили?
— Мы уже договорились, хан.
— Завтра же отправляйтесь на поиски Бачмана багатура!
— Слушаюсь, хан!
— А теперь уйдите с глаз долой. Чуть праздник не испортили.

* * *

Как только Бату хан переехал в Ханский дворец, тут же дал указание устроить Лейлю в покои бывшей болгарской ханбике и приставить к ней двух поварих и двух горничных. Лейля все еще не понимала сути своего нового положения. Конечно, ее привезли сюда по приказу хана Бату, но зачем? Из юрты Йэгерек ее выкрал Байдар углан. Она противилась, кричала, но никто не пришел к ней на помощь.

— Не ори! Я — туменбаши Байдар, сын хана Чагатая, увезу тебя в свою юрту.
— Нет! Я — жена сотника Йэгерек!
— Йэгерек в походе, а ты будешь моей. Я полюбил тебя с первого взгляда.
— Нет-нет, я жена Йэгерек! Нам никах читали, родители нас благословили.
Когда Байдар привез ее в свою юрту, он опустился перед ней на колени, поцеловал подол платья, потом встал и погладил ее по тяжелым косам. Он не скрывал своего восхищения. Он влюбился в Лейлю.
— Ты, Лейля, никуда отсюда не уходи. Я скоро вернусь. После поговорим, ладно? Обещаешь?
Ситуация показалась Лейле такой интересной, что она чуть не прыснула от смеха.
— У меня муж есть, Байдар, и пока он не давал мне развода...
— Ничего. Развод он тебе даст. И «талак» скажет. Заставлю. Не бойся, найду муллу, он прочитает никах. Я имею такое право. Я — сын хана Чагатая. И я люблю тебя.

Лейля промолчала. Казалось, что все это происходит не с ней, а с каким-то совершенно другим человеком, а сама Лейля просто видит сон. Байдар, конечно, парень видный, молодой и красивый. Наверное, поэтому Лейля ничуть не испугалась его. Постепенно она уверилась в реальности происходящего.

Два дня ее охраняли нукеры Байдара. Старик-повар приносил ей еду, выводил на улицу, стражники ходили за ней по пятам. О побеге не могло быть и речи. Лейля вообще перестала что-либо понимать. Когда за ней пришли кишектины, она поначалу пробовала сопротивляться, но стражники при виде кишектинов и вовсе онемели от страха, и Лейле пришлось безропотно подчиниться очередным похитителям. По дороге к ней подъехал один из кишектинов-тюрок и шепотом сказал:

— Лейля, твои мать и отец...
— Что, что случилось с ними? Говори, ради бога!
— Они погибли...
— Монголы взяли город?! Это правда?..
— Город взяли. Но они погибли не в городе.
— Почему? Кто убил их? Ты кто, огуз, болгарин или кипчак, говори же, не томи душу!
— Я — татарин, Лейля, а татары тоже тюрки. Твой отец с Кунбай беком сошлись в поединке.
— И Кунбай... моего отца...
— Твой отец вышел с копьём против Кунбая.
— И что дальше?
— Когда он заколол твоего отца, мать взяла копьё и вонзила его в спину бека. А твой муж Йэгерек застрелил ее из лука. А сотника Йэгерек застрелили мы...

Лейля уже не слышала последних слов кишектина, она уткнулась лицом в гриву коня и разрыдалась. В голове ее вдруг зазвучали родившиеся только что стихи.

*Его дастан в наследство нам достался,
И сквозь века его нам стрелы донесли.
Его словами каждый восхищался —*

Какая мощь в поэзии Гали!..

— Гали, мама! Где мои родные сейчас, где они лежат, где похоронены?.. — спросила она, всхлипывая.

— Их тела выпросили у хана Бату горожане и похоронили на мусульманском кладбище. Бату хан приказал нам отвезти тебя туда.

Мусульмане хоронят быстро. На кладбище уже никого не было. Кишектины подвели Лейлу к свежена-сыпанному могильному холмику.

Лейля сползла с лошади, качаясь, подошла к холмику и упала на него в слезах. На белом надгробном камне углем были написаны имена погибших супругов, год и день смерти. Лейля плакала, пока не выплакала все слезы. Кишектины не торопили ее, молча ожидали в стороне. Наконец, Лейля поднялась, нарвала на ближайшем лугу цветов и возложила их на могилу. Еще раз прочитала надгробную надпись: «Здесь нашли упокоение цвет булгар, великий поэт Кул Гали и его прекрасная супруга Зулейха. Восславим каждого, кто остановится у этой могилы святых и благословит души умерших, трижды прочитает суру «Их-лас» (Откровение). 12-й день месяца Рабигыльхыр 633-го года».

Лейля встала на колени и снова заплакала. Как мало была счастлива ее мать! Всего несколько недель! Но все-таки она нашла свою любовь, которая была ниспослана ей самим Аллахом, и умерла в объятиях любимого! И она нисколько не жалела об этом! О дорогой Кул Гали! Ты был и моей любовью, и моим наставником, и успел побыть моим отцом! Как ты любил мою мать! Как вы с ней были счастливы! Булгарский поэт Кул Гали вдохновился образом моей мамы, проникся божественным светом и сотворил бессмертную поэму — дастан. Но почему, мои дорогие земляки, вы назвали мою маму Зулейхой? Ведь ее звали Зульхидой. Это имя он повторял и повторял, как заклинание, когда писал свое сказание. Но я не обижаюсь на вас, родные! Ведь в лице моей мамы вы видели героиню поэмы. Здесь нет никакой вашей вины. И пусть имя на камне останется таким — Зулейха. Пусть это имя будет увековечено в памяти народа. А для Кул Гали эти имена были одинаково дороги и любимы.

Один из кишектинов подошел к ней и тихо позвал:

— Ханбике! Пора, ханбике!

— Почему вы так называете меня? — подняла голову Лейля.

— Бату хан велел привезти вас во дворец. Там вас ждут отдельные покои, слуги. Пожалуйста, простите меня, это я невзначай назвал вас ханбике. С языка сорвалось...

— Ничего, — ответила Лейля. — Я прощаю вас. Только впредь не называйте меня так, не ставьте меня в глупое положение.

— Хорошо, ханум, хорошо. Еще раз прошу простить меня.

— Скажите, джигит, сотника Йэгерек тоже на этом кладбище похоронили?

— Нет, он погребен в братской могиле.

Лейля встала, поправила складки платья и пошла за кишектинами. Сев на лошадь, она снова погрузилась в мысли. Да, она была счастлива с ними, с мамой и новообретенным отцом, очень счастлива. Она и замуж вышла за Йэгерек, чтобы их счастье было еще полнее. Впрочем, Йэгерек нравился ей. Когда она встретилась с Ильгам ханом, хану удалось пробудить в ней интерес к родине, политике, внушить ей кое-какие мысли. Она, с одной стороны, приняла эти мысли, с другой — испугалась их. Но все это время она думала о счастье матери и отца. Она видела, как хотели они этого счастья. Кроме того, Кул Гали, может, сам того не подозревая, укрепил ее в этой мысли, сказав: «Лейля, этим браком ты сможешь повлиять на судьбу булгарского народа, принести благо потомкам». Возможно, он был прав. Сотник Йэгерек, посланный в Булгар с важным заданием, при возвращении ни слова не сказал Субедею, а напрямую направился в юрту хана Бату. После стало известно, что Бату хан взял Йэгерек к себе и выделил для молодой четы отдельную юрту.

Ни хан, ни Лейля не видели друг друга. Уходя, Йэгерек оставлял ее под надежной охраной, словно под замком. Лейлю это унижало, она даже плакала от обиды, но никому, даже поварихам, не жаловалась. Потом ее выкрали нукеры углана Байдара, а теперь — кишектины самого хана Бату. У Лейли голова шла кругом от этих событий, но все же она понимала, что ею заинтересовался сам хан. Ведь это и было ее главной задачей — проникнуть в шатер Бату хана! А остальное... остальное она сделает так, как прикажет ей Биккул бабай. Этот мудрый старик по секрету дал ей много полезных советов.

Лейля еще ни разу не видела Бату хана, честно говоря, ей вовсе не хотелось его видеть. Но если ее решат показать хану, она потребует для себя самые лучшие одежды и наряды. Уж на это у нее хватит ума.

Ее действительно доставили во дворец, поместили в покоях бывшей ханбике. Оставшись одна, она внимательно осмотрела помещение. Странно, что ханбике Марьям почти ничего не взяла с собой при бегстве. Все было на месте: мебель, постель, одеяла из соболей, дорогие персидские ковры, посуда... Может, ханбике надеялась вернуться? Но возможно ли это? Говорят, что Ильгам хан погиб, а ханбике Марьям отправили в Казань, потом, очень возможно, отправили во Владимир. Обо всем этом Лейле рассказывала служан-

ка-кипчачка. Старуха ходила взад-вперед и все время что-то говорила, но ни о чем не спрашивала. Ее, видимо, не интересовало, зачем девушку привезли в покои бывшей ханбике, откуда и кто она, почему сам Бату хан интересовался ею.

— Что же это такое, бабушка? — спрашивала Лейля, ходя по пустым комнатам. — Зачем меня сюда привезли? Кому я нужна?

— Ты посмотри на себя, доченька, на лицо свое, на всю себя взгляни. Ведь ты богиня! На тебе нет места, где бы тебя не целовали ангелы Господни.

— Да что за слова такие ты говоришь, тетушка, — качала головой Лейля.

— Не называй меня тетушкой, я для тебя — бабушка!

— Присядь-ка со мной, бабушка. Скажи, почему я здесь?

— Субханалла, господи, доченька! Неужели сама не догадываешься? В этих покоях Бату хан должен был поселить свою молодую жену. Все говорили: вот скоро придут, скоро, со дня на день... Но как-то приходит один усатый кишектин и говорит: «Бабушка Насима, мы привезли того, кого должны были привезти, принимай. А тех, прежних гостей, не жди, они останутся в Саксине». Мм-да... Усатый такой кишектин, мусульманин, то ли Мифтахутдином, то ли Ходжа Насретдином зовут, уж не помню. Я прибежала сюда, смотрю, а здесь ты сидишь. Мм-да... Мне сказали, что привезут ханскую жену. Дескать, двое сыновей у нее. А увидела тебя, так сразу и полюбила. Ты — как девочка, славная, милая. Никакого секрета в твоём приезде нет, просто хан на тебя глаз положил, вот и все. Может, даже в жены тебя возьмет. Словом, если хочешь понравиться ему, выбирай наряды, их тут полный сундук. Как выберешь, покажешь мне, я подгоню платье по твоей фигуре.

— Бабушка, милая бабушка Насима! Неужели это правда?

— Правда, дитя мое, правда. Только смотри, постарайся ему понравиться. Ведь он — сам хан Бату! Бату, понимаешь? Хорош собой, статен, умен и владеет половиной мира!

— А если я его не полюблю, бабушка?

— Свяжут тебя, как овцу, и кинут ему под ноги. Не говори глупостей, доченька! Ведь он — хан! Его охраняет отборная тысяча кишектинов и пять тысяч нукеров. Говорят, что кишектины хранят его душу, а нукеры — тело. А ты, доченька, если будешь умницей, сможешь завладеть и его душой, и его телом. Если не сможешь сделать этого — пеняй на себя. Искромсают твоё нежное личико саблей или обожгут щелочью, а на твоё место приведут другую.

Первым человеком, которого полюбила Лейля, был мугаллим Кул Гали. Потом на её горизонте промелькнул телохранитель Ильгам хана Бахтияр. Затем она вышла замуж за сотника Йэгерек. Но все это в прошлом. Теперь, если будет на то воля Аллаха, она может стать женой самого Бату хана! Странно, но Лейля никак не могла себе это представить. Вот удивилась бы Джамалбике абыстай, узнав, что её воспитанница вышла замуж за самого хана Бату, внука Чингисхана! Но в душу Лейли закрадывалось сомнение: сумеет ли она понравиться хану? Он ей, конечно, понравится. Ведь он — хан. Этим все сказано. Лейля, может, даже влюбится в него. Впрочем, она тоже сумеет понравиться этому человеку. И у хана есть сердце, глаза, уши. Не из камня ведь он сделан! Ого, Лейля еще заставит его влюбиться в себя!

Лейля наденет самые роскошные наряды, подведет брови, покрасит губки, напудрит щечки и будет мило хлопать длинными ресницами. Словом, использует все, что дал ей Аллах, и все, что подскажет ей Всевышний..

— Ты улыбаешься, дитя мое, — проворковала бабушка. — Улыбайся, улыбайся, доченька, тебе улыбка к лицу. Бог щедро одарил тебя красотой. Пользуйся этим божьим даром. Прошлое уже не вернешь. Следующая весна будет принадлежать, увы, не тебе. У каждой весны — свой цвет, свои лучистые стебельки, у стебельков, как у людей, тоже своя судьба.

— Хорошо, бабушка, я постараюсь...

Если бы конь Шункар не мчался, как на крыльях, Бахтияру вряд ли удалось бы уйти от преследовавших. Как только Бахтияр приблизился к лесу, преследователи отстали. Монголы до сих пор боялись леса как огня. Для монгола сутью и смыслом жизни, его мировоззрением была необъятная, бескрайняя степь, где он рождался, делал первые шаги, впервые садился на лошадь, брал в руки лук и стрелы. Поэтому с врагом монголы предпочитали встречаться в привычной им обстановке — на равнине, в степи. Они избегали больших и малых лесов, даже жиденьких рощиц, не говоря уже о лощинах, оврагах, тесных ущельях, поросших деревьями. В лице болгаров монголы обнаружили неожиданных для себя противников. Вся терри-

тория Великой Волжской Булгарии была испещрена лесами, холмами и горами, реками, речками, озерами и непроходимыми болотами, оврагами, ущельями, теснинами, где булгары чувствовали себя как дома, ориентируясь мгновенно и превосходно. С одной стороны горизонт упирался в равнину, а с другой стороны на расстоянии двух-трех полетов стрелы лежали бесчисленные холмы, курганы, леса и перелески. И вот в душу монгольского всадника начинает проникать страх. За каждым деревом, кустом, за каждой скалой, в каждом водоеме монголу чудится какая-то зловещая тень, нарастает с детства внушенный взрослыми страх. В Булгарии монголов ждал враг необычный: на каждом шагу смерть смотрел на них застывшими пустыми глазницами из-за деревьев, камней, утесов, кустов, болот. Из-за боязни утонуть в болотах монголы отказывались преследовать бежавших булгар, и тем самым ставили в трудное положение своих багатуров и даже ханов, которые вынуждены были за деньги формировать отряды наемников из местного населения.

Вот почему Бахтияр так быстро и сравнительно легко ускользнул от монгольской погони. Он перевел дыхание, когда его усталый Шункар с галопа перешел на шаг, уже не чувствуя дыхания погони. Бахтияр должен был спасти Ильгам хана, и он спас бы его, но хан сам не захотел этого. Вместо того чтобы спастись бегством, Ильгам хан с обнаженной саблей кинулся в последнюю атаку на врага. Все пешие его телохранители были перебиты. Лишь они втроем, Ильгам хан и двое телохранителей на лучших конях, могли еще спастись. Все было рассчитано. Но хан заупрямился, и Бахтияр не смог приказать ему, да и не послушал бы его хан. Много монголов они порубили, а потом Ильгам хан увидел сидевшего на коне Бату хана и как одержимый бросился на него. Невозможно было его остановить, и Бахтияру ничего не оставалось, как последовать за своим господином в попытке помочь ему. Они уже почти прорвались к монгольскому хану, и вот-вот должны были схватиться, когда монгольский мерген поразил Ильгам хана стрелой. Бахтияр послал стрелу в мергена, застрелившего Ильгам хана. Он видел, как его стрела пронзила насквозь грудь кишектина. Бахтияр стрелял, пока в саадаке были стрелы, а потом схватился за саблю. Другой телохранитель подхватил сраженного стрелой хана и крикнул Бахтияру: «Бежим! Это приказ хана!»

Бахтияр выехал на какую-то круглую поляну, соскользнул с лошади, обнял ее голову и постоял немного. Он благодарен был коню. «Шункар! Родной! Быстрокрылый мой тулпар, ведь ты спас меня, вынес на своих крыльях из когтей смерти!» Он не заметил, как на глаза его навернулись слезы. Бахтияр пустил коня пастись, а сам растянулся на траве. Конь с удовольствием щипал сочную зеленую траву. Бахтияр долго лежал, не в силах освободиться от переживаний последнего боя. Монголы все-таки обнаружили потайной ход и пустили по нему шпионов, одетых в булгарскую одежду. Лазутчикам удалось перебить стражу у двух ворот и открыть ворота. Бой с городских стен перешел на городские улицы и площади. Бахтияр со своими джигитами защищал Ханский дворец. Потом они вышли из дворца, отогнали монголов. Окружили плотным кольцом Ильгам хана и двинулись к воротам. Бахтияр видел, как навстречу им скакал отряд кишектинов. Он взял с собой телохранителя Сулеймана — отважного, ловкого джигита — и поскакал в ханские конюшни. Остальные события промелькнули в одно мгновение...

Бахтияр сел на траву и закрыл лицо руками, словно ему было стыдно. И ему действительно было стыдно. За то, что не уберег своего хана.

Бахтияр подошел к Шункару. Не раз спасал его конь от неминуемой гибели. Спас и на этот раз. Но на душе все равно было беспокойно. Имел ли он право на спасение, на бегство?..

* * *

Бачман багатур не стал задерживаться у своего зятя — углана Хансеяра. Вообще, он не был согласен с зятем. Как можно идти к монголам со склоненной головой? Не-ет, Бачман никогда не пойдет на это. Пусть его зять принял покровительство вчерашнего врага, но Бачман — багатур кипчакских степей — никогда не унижится до этого!

Углан Хансеяр пробовал уговорить тестя отомстить врагу. Он любыми путями хотел попасть в стан врага. Может, как Кунбай бек, поступить к ним на службу? Однако Бачман багатур и об этом слышать не хотел. Видя бесплодность уговоров, Хансеяр углан, наконец, сказал: «Хотя бы народ свой надо спасти, ведь монголы могут истребить весь род кипчакский, что потом делать, отец?!» Хансеяр говорил, что монголы не пощадят ни Хансеяра, ни его жену, ни других женщин, если придут сюда. Словом, он чуть ли не в ноги падал тестю, но Бачман багатур и глазом не моргнул, хотя слушал внимательно, качая головой, будто бы в знак согласия. Выслушав, так сказал Хансеяру старый кипчакский вождь:

— Зять, ты не обижайся на меня, но я уйду, меня степь ждет. По твоему пути я не смогу идти, прости. Пока монголы будут топтать мою землю, я не выпущу из рук сабли, не сниму с плеч лука. Прощай, береги Сэмбель, внука, ради них хоть в пасть шайтану можешь лезть, а не только к монголам. Но меня, прошу, не

уговаривай. Алтынбека тоже береги. Мужчины — не бывает без коня, а страны — без хана. Даст Аллах, уйдут когда-нибудь отсюда монголы или растают среди нас. Ведь их так мало...

Они обнялись. Бачман поднял на руки внука, подбросил его и посадил на коня.

— Я уеду тоже! — загорелся вдруг мальчик. — Хочу уехать с дедушкой!

На глаза Бачмана навернулись слезы, он отвернулся, вытер платком повлажневшие глаза.

— Прощай, зять, прощай, внучек, не поминайте меня лихом! В Казани хорошо, но у меня есть степь, моя страна, мой бескрайний мир.

— Тебе, отец, в случае нужды можно будет укрыться в Шайтанкале.

— Нет, зятек, моя рать в этих пещерах не поместится, да и защищать их не сможет. Я — степняк, родился в степи, в ней же и умру. Саксин я потерял. Булгар — любимый город — лежит в развалинах. Не слышны в его мечетях звуки азана, не любоваться более его дворцами, банями, караван-сараями, не слышать споры мудрецов, рассказы дервишей и путешественников и песни милых белолицых девушек наших...

— Бату хан собирает люд ремесленный, хочет восстановить город.

— Если Бату хан хочет обосноваться в Булгаре, я не дам ему ни дня покоя, ни дня...

— Отец, я слышал, что Бату хан послал по твою голову двух туменбаши с отборными воинами. Ты пока в Шайтанкале укройся.

— Скоро они уйдут на запад. Ты пока куй в Шайтанкале оружие, а я временами буду навещать тебя, пользоваться твоим арсеналом. Я всегда буду нападать неожиданно, не дам монголам покоя ни днем, ни ночью.

— Ты не рыба и не птица, отец. Рано или поздно тебя достанут. Джик Мерген и Баян багатуры поступили по-другому — взяли у Бату хана ярлык.

— Хм-м, — криво усмехнулся кипчак. — Если поедешь, и тебе ярлык дадут. Но сделает ли он тебя свободным? Станешь ты ярлычный, но будешь ли хозяином своей страны, своего народа?

— Народ скоро поднимется. Пока он, будто оглушенный бык, застыл в недоумении. Надо потерпеть, отец. Теперь можно и поклониться завоевателю, взять у него ярлык, узнать свои права и обязанности, словом, договориться. Может, нам же и поручат собирать ясак.

— Нет, я же сказал: и не уговаривай, бесполезно. Ты сам поступай, как велит тебе совесть. Я ни слова поперек тебе не скажу. Если Бату хан дает ханзадэ Алтынбеку города Казань, Кашан, Джукетау, а возможно, прибавит еще и Алабугу и Шайтанкалу, тогда соглашайся, держи эти земли в своих руках. Впрочем, Бату хан постарается привлечь тебя на свою сторону — и тебя, и твоих пушкарей. А правителем назначит ханзадэ Алтынбека. Хитер, ой, хитер этот Бату хан, хитер, собачье отродье! Отдавая бразды правления в руки десятилетнего мальчика, он тем самым успокаивает народ, потому что знает: ребенок этот из ханского рода, его признают все болгары.

— Разве это плохо, отец?

— Да кто же по своей воле сует голову в петлю?

Бачман и торопился, и в то же время не решался уйти. Походив туда-сюда, он, наконец, остановился, задумчиво поглаживая бороду.

— Скажи, где сейчас Галимбек?

— Бату хан дал ему титул эмира и разрешил строить город неподалеку от Биляра.

— Удивительно, — пробормотал Бачман и снова принялся отмеривать шаги. — Это удивительно. Монголы стараются сохранить ханский род. Здесь какая-то хитрость, какой-то подвох. Заигрывают с народом, со знатью. Зачем?.. Какая цель у Бату хана?..

— Войска Бату на восемьдесят процентов состоят из тюрок-татар, отец. Хотят этого монголы или нет, но скоро и они заговорят по-татарски.

— Уже говорят, зять, и еще как говорят! Ведь они учились письменности у уйгуров, наших братьев по крови и языку.

Хансеяр углан невольно залюбовался своим тестем: несмотря на годы, он был крепок, как скала, и одежда лишь подчеркивала его стать. Он был одет в шелковую рубаху, соболий джилян с короткими рукавами, широкие штаны, пояс с серебряными монетами, на котором висели два кинжала — один с простой костяной рукояткой, другой — украшенный драгоценными камнями. Широкоплечий, приземистый, как дуб, голубоглазый, густобровый, рыжеволосый, с легкой сединой в бороде, Бачман багатур представлял собой великолепный образец потомственного степного хана.

— Ханбике уехала во Владимир?

— Многие подались туда. Князь Юрий, говорят, не нарадуется приходу болгарских ремесленников, мастеров, хлеборобов.

— Они плохо знают цену земли, отец...

— Может, и так, не буду спорить. Ведь земля — как женщина, она любит ласку, уход, бережное обращение, только тогда она дает обильный урожай. А русские слишком ленивы, предпочитают воевать и жить военной добычей... Вот что, сынок, если ты решил ехать на поклон к этому окаянному монголу, не тяни, соберайся в дорогу. И не забудь о своей клятве.

— Клятву свою я никогда не забуду, отец.

— Биккула и Карлыгач в Шайтанкале долго не держи. Субедей, говорят, повсюду рыщет. Ты можешь их даже с собой к монголам повезти. Биккул — старая лиса, он выкрутится, а ты перед Субедеем возвысишься, авторитет заработаешь. Бату — это Бату, а Субедей — совсем другое дело. Он главная фигура у монголов, даже, я бы сказал, опора орды.

— А Ташбай ехать не хочет?

— Ташбая не тронь. Он со мной. Я никому его не отдам, ни Субедею, ни самому черту. Мне сказали, что багатура Артыка подняли на копья и ахнули с дозорной башни?

— Да, слышал, отец.

— Ташбай хочет отомстить Субедею за отца.

— Сказать ему, что его отцом в действительности является Субедей?

— Я уже сказал ему об этом, не стал скрывать. Он очень расстроился, бедняга. Мне даже стало жалко его. Оказывается, мать не говорила ему про настоящего отца.

— Надо было сказать, надо было. Теперь, как ни крути, большой грех поднять руку на собственного отца.

— Разве я не знаю этого? Ну ладно, я пошел, зять, джигиты меня, наверное, заждались. Повторяю, береги Сэмбель, береги внука Хусаина... Где ты, Хусаин? А ну-ка, иди сюда, к деду. Прокачу тебя еще раз на моем коне. Садись, не бойся. Или боишься?

— Нет, дед, не боюсь.

— Не боишься? — Бачман стал подкидывать внука высоко в воздух. — Не боишься?

— Еще! Еще, дедушка! — завизжал от восторга мальчик.

— Зять, слушай, а сколько, по-твоему, народу можно разместить в пещерах Шайтанкалы?

— Ну, тысячу, не более. Хочешь туда идти?

— Точно не могу сказать. Если очень туго станет, может, и пойду. Чтобы спрятаться и отлежаться, как медведь. Впрочем, у меня есть только один город — лес и острова.

Едва Хансеяр углан проводил тестя, как к нему нагрянул Бахтияр. Хансеяр удивился гостю и обрадовался, усадил его за стол, выставил угощенье. Бахтияр поел, прочитал молитву и уселся поудобнее у ног учителя, приготовившись к разговору.

— Не будем говорить о том, что произошло, — сказал ему углан Хансеяр. — Какие ветры занесли в Казань?

— Я пришел к тебе на службу, Хансеяр углан, — прямо ответил Бахтияр. — Если примешь, прими, нет, уеду восвояси, куда глаза глядят.

— Говори прямо, джигит, — заметил Хансеяр.

— В этих краях лишь твой город целым остался, Хансеяр углан.

— Почему ты думаешь, что монголы не идут сюда, Бахтияр?

— Ты же, говорят, сам дал им знать, что готов перейти на их сторону вместе со всеми пушками?

— А если это правда? Что бы ты делал?

— Служил бы у тебя, углан.

— Вот что, джигит. Сейчас ты пойдешь в мой караван-сарай и найдешь там тупчибаши Ахматсафу. Скажешь, что Хансеяр углан послал.

— А еще я знаю о твоей клятве, углан Хансеяр.

— Очень хорошо, очень хорошо.

— А ведь там были и князь Святослав с Рязанским князем Изяславом.

— Знаю, джигит, но зачинщиком был Святослав. И потом: для чего тебе нужно это знать?

— У меня к этому человеку свой счет имеется. У него моя старшая сестра — Гаухар апа. Он похитил ее, изнасиловал, хотя теперь апа и считается его женой, растит от изверга малыша.

— Да, мне говорили об этом. Но мне кажется, ты немного спешишь. Сейчас наша задача — присоединиться к монголам.

— Я согласен, углан, согласен. Я везде буду верно служить тебе.

— Где твои родители?

— Сказали, что живы они, были на похоронах Кул Гали и Зульхиды бике.

— Как же после этого ты можешь служить монголам?
— Я, Хансеяр углан, выбрал из двух зол меньшее.
— Вот что, Бахтияр. Как я уже сказал, иди в караван-сарай к Ахметсафе, получи довольствие, возьми оружие, одежду, лошадь...
— У меня есть и конь, и оружие, и одежда.
— Не перебивай. Сделаешь, как я сказал, а завтра к обеду приходи ко мне. Я пошлю тебя в Шайтанкалу, чтобы привезти оттуда Биккула ага. Когда возвратишься, поговорим и об остальном. Хорошо, Бахтияр?
— Слушаюсь, Хансеяр углан. Я пришел сюда с верой в вас. И не ошибся, спасибо.
— погоди, погоди. Там, в Шайтанкале, может оказаться и имам-хазрет Мауля Худжа. Захвати с собой и его. Кроме того, с Биккулом ага будет находиться супруга, вернее, вдова Артыка багатура. Ты все понял, джигит Бахтияр?
— Понял, все понял, Хансеяр углан.

* * *

Мауля Худжа когда-то был учителем Хансеяра углана и поражал своего воспитанника, да и многих других, мощью своих знаний, широтой философских взглядов. Мауля Худжа имам был для молодого Хансеяра светом в ночи или маяком в море. Этот сухошавый, с небольшой бородкой имам обладал таким красноречием, что мог часами держать собеседника в восторженном напряжении. Не было для него тайной и учение суфиев. Он знал наизусть Ахмета аль-Газнави, Ахмета-аль-Ясави, мог интересно рассказывать о других знаменитых философах. Мауля Худжа сам был шакирдом философа Ахмета аль-Ясави. Достиг степени маули, переехал в Булгар и стал имамом дворцовой мечети.

Никто не знал, сколько ему лет, настолько он был стар. Сам он на вопросы о своем возрасте обычно отвечал: «Не спрашивайте о моем возрасте, я уйду из этого мира, как только того пожелает Аллах».

Сегодня Хансеяру нужен был именно такой мудрый человек. Одобрит ли он решение Хансеяра или обвинит в измене родине, народу, может, даже проклянет его? От этого старика всего можно ожидать. А с другой стороны, именно этот хитрый и мудрейший старик был послан Ильгам ханом в монгольский стан. Как бы там ни было, но совет Мауля Худжи тому, кто стоит на перепутье, будет как нельзя кстати.

* * *

Через полмесяца Бахтияр привез в Казань обоих стариков, а также вдову багатура Артыка — Карлыгач. Они напрямик направились во дворец, к Хансеяру. Сначала он приветствовал своего наставника Маулю Худжи.

— Субханалла! Боже мой, кого я вижу!

Хансеяр обнял имама, похлопал его по спине. Поздоровались с Биккулом ага, с Карлыгач бике, потом долго молились. Хансеяр углан повел их в залу, усадил на мягкие подушки, а Карлыгач бике отвел на женскую половину: у женщин свои разговоры.

— Хорошо ли дела, внук хана Хансеяр? — спросил Мауля Худжи.

— Хвала Аллаху, не жалуемся, имам-хазрет.

— Мы с Биккулом не нарадуемся: город твой цел, не разрушен, люди довольны. Говорят, ты отправлял посла к Бату хану?

— Да, посылал.

— Сотворим еще одну молитву. Правитель, сумевший сохранить земли и свой народ — самый мудрый правитель, Биккул, не так ли?

— Так, так, Мауля. Жаль только, что наш хан Ильгам покинул мир, так и не поняв этой истины.

— Смерть героя достойна похвалы, Биккул. Не говори худого слова о нашем геройски погибшем на поле боя хане, видно, такова была его судьба.

Биккул вытащил из своей кожаной сумки книгу и протянул ее Хансеяру.

— Это тебе от Кул Гали — дастан великомученика-поэта. Он дал его мне, чтобы я собственноручно передал тебе в руки, Хансеяр углан. Посвящение написано позолотой. Кул Гали сам его написал: вам и Назлыгуль, Сэмбель, ну и, конечно, маленькому Хасану...

Хансеяр углан бережно принял подарок, прошептал молитву.

— Услышали мы о трагической гибели Кул Гали и решили поехать в Булгар, поставить надгробный памятник Кул Гали, высечь на нем слова прощания. Его же стихами... — начал было говорить Биккул карт, но тут Мауля Худжа остановил его, показывая на застывшего над книгой Хансеяра. Углан сидел отрешенно, ничего не слыша и не видя. Наконец, он пошевелился.

— Аксакалы, — поднял он голову. — Если собрать воедино кровь булгар, пролитую монголами, получится большое озеро. Однако не меньше, если не больше, булгарской крови пролили и другие. Поймите меня правильно, аксакалы.

Биккул и Мауля Худжа переглянулись, потом слово взял мудрый имам.

— Внук хана, мы как раз хотели говорить об этом. Душа человека, прожившего всю жизнь без покаяния, будет трепетать в Судный день, словно осиновый листок на ветру. Грешник, за всю жизнь ни разу не покаявшийся, будет вечно гореть в аду. Перед грешником поставят весы с двумя тарелками для добра и зла, и тогда страх войдет в сердце грешника, но будет поздно. В Судный день ангел-вершитель будет выкрикивать имена людей, откроет тетрадь со списком их прегрешений и благодеяний. Если перевесят грехи, человек отправится в ад, если больше окажется добрых дел — человека ждет рай. Ты, углан Хансеяр, если желаешь принести добро своему народу, умерь свою гордыню и склони голову перед ханом Бату, поклянись быть верным ему. Если ты не сделаешь этого, милости и защиты Бату хана станут искать другие. Если сочтешь нужным, я тоже могу поехать к хану Бату. И Биккула с собой возьмем. — Мауля покосился на саудагара. — Он умеет ладить с монголами. Кроме того, в его руках находится бывшая жена Субедея Карлыгач, которую багатур ищет повсюду. Субедей очень любил ее. Ты знаешь, Биккул, что ангел Джабраил обратил свой благосклонный взор на райскую деву гурию. Посмотрел и обомлел, так красива была та дева. Волосы черные как смоль; длинные, слегка загнутые вверх ресницы; брови — как крошечные натянутые луки со стрелами любви; чистое, благородных линий лицо; медоточивый голос. Пышное платье состояло из семидесяти полупрозрачных кружевных украшений с оттенками семидесяти цветов. Стройна, изящна, грациозна. Эта гурия, говорят, встречает попавших в рай мусульман, которые будут обнимать, целовать, ласкать ее, жалея, что в брэнном мире не смогли встретиться и насладиться ею. Потом они с гурией пройдут к тронам, приготовленным для них самим Аллахом. Один трон будет сделан из золота, другой — из яхонтов, третий — из жемчугов, четвертый — из кораллов. Мусульманин с гурией воссядут на трон и предадутся блаженству. Аминь.

— Мауля, Мауля, ты не ходи так долго по райским кушам, спустишься на землю. Говорят, что моя Мафтуха жива. Даст Аллах, увижу ее.

— В райские кущи я поднимался, чтобы благословить туда Кул Гали и Зульхиду. Они сегодня нуждаются в нашем благословении. Даст бог, сегодня прочитаю молитвы для них и за них.

— Аминь, — произнес Хансеяр углан.

— Мафтуха, твоя супруга, дорогой саудагар, жива-здоровая, и твой дом обошли нечистые...

— Вернемся в Булгар, Алла бирса, затопим баню, попаримся, потом посидим на мостках у реки. Говорят, там часто появляется Водяная. Я непременно поймаю ее и приглашу на пир.

— Аминь, аминь, Биккул. Твоими устами бы да мед пить! Сначала навестим Бату хана. Повинную голову меч не сечет. Да, говорят, не прочь он поговорить с мудрецами. Пока поклонимся ему, а потом, придет время, выпрямимся во весь рост. Вот увидишь, Биккул, пройдет немного времени, и Бату хан примет нашу веру, если даже не примет, он же говорит на нашем языке! А может, возьмет в жены татарскую девушку...

— Ну, хватит, хватит краснобайствовать. Видишь, стол начали накрывать. Не оскорбляй трапезу преждевременной болтовней.

Хансеяр углан с доброй улыбкой смотрел на этих двух стариков. Приятно было слушать их затейливый и безобидный разговор.

— Хотелось бы испить воды из родника Каусар, углан, — сказал Мауля Худжа.

Углан Хансеяр позвал слугу и приказал принести целебную воду из источника, что у подножия Святой горы.

Хансеяр углан не удерживал уходящих от него кипчакских воинов, не упрашивал их остаться. Каждый человек сам ответственен за свою судьбу. Между тем в его войске было немало кипчакских воинов. Позднее через менбаши он узнал, что в войске осталось всего две с половиной тысячи пушкарей и обозников, остальные ушли к Бачман багатуру.

Несмотря на это, в один из дней Хансеяр углан с оставшимися пушкарями двинулся к Булгару. Конечно, он взял с собой и Биккула ага, и Мауля Худжу хазрета, и жену Субедея Карлыгач. Для них он выделил повозку с двумя шатрами: в одной сидели неугомонные аксакалы, в другой — Карлыгач.

Он не стал извещать Бату хана о своей поездке, поскольку еще раньше посылал к нему послом тысячника Ахметсафу с просьбой, чтобы завоеватель не трогал его города и ждал его в скором времени с пушкарями. Бату хан довольно милостиво принял посла болгарского пушкаря Хансеяра и заверил его, что Казань не тронет, будет ждать приезда пушкаря и даже выдал ему ярлык для беспрепятственного проезда.

С женой Субедея Хансеяр разговаривать не мог, да и не хотел. После гибели Артыка багатура эта женщина сникла, напоминая птицу с перебитыми крыльями, ни с кем не разговаривала. Что-то надломилось в этой женщине.

На четвертый день пути, наконец, достигли столичного града Булгара. В окрестностях города их встретил монгольский десятник и приказал следовать за ним. Десятник держал себя высокомерно, почти презрительно, горячий конь так и танцевал под ним.

Они прошли навесной мост, через открытые ворота вошли в город и возле Ханских ворот увидели таможенника Асылгирея. Он выбежал из своего караульного дома, увидел в прибывшем караване своего сына Бахтияра и ахнул от радости и изумления.

— Родной, ты жив, жив?! Мы уже совсем не надеялись увидеть тебя. Мама все глаза... думали, ты... — Он обнял сына, похлопал его по спине, словно проверяя, действительно ли перед ним его сын, отстранившись, снова посмотрел на него с невыразимой любовью.

— Хватит, отец, перестань! К чему такие нежности? Перед людьми неудобно, — бормотал баском Бахтияр, хотя и у самого душа была переполнена чувством нежности к отцу.

— Мама жива, — успел сообщить сыну Асылгирей. — А братья полегли...

Потом он посмотрел на Хансеяра и пушкарей, словно спрашивая, зачем они здесь. В это время из повозки вылез Биккул саудагар и засеменял к тамгачи Асылгирею.

— Смотрите-ка на него! — воскликнул он, всплескивая руками. — Асылгирей, ты ли это, дружище?! Ты цел и на своем неизменном месте? Чудеса, да и только! Как дела?

— Слава Аллаху, Биккул. Ты тоже еще жив, руки ноги целые, борода на месте! — Совсем не к месту хотел пошутить Асылгирей. Затем, как бы опомнившись, обнял саудагара и заплакал.

— Жив, жив, Асылгирей, что со мной сделается? Ты о Мафтухе не узнавал? Что с ней?..

Асылгирей удивлялся смелости и даже бесшабашности своего старинного друга. Ведь рядом с ним стоял монгольский десятник с аскерами, а монголы теперь почти все понимают по-тюркски. А Биккул болтает такое, что для монгольских ушей, по меньшей мере, неудобоваримо. Ведь не две головы у Биккула. Стоит только монгольскому десятнику подать знак...

Биккул понял переживания друга. И увидел, Асылгирей посмотрел на монгольского сотника, охранявшего ханские ворота, опустил голову.

— Жива твоя Мафтуха, Биккул, и дом целехонький, и слуги на месте.

— Не бойся, Асылгирей, десятник — свой человек. Не гляди на него так. Добрый джигит попался тебе.

— А?.. Ах, да. Дом хотели было разграбить, сотник не дал. Видимо, получен был от тысячника приказ: дом Биккула саудагара не трогать. Да и Мафтуха твоя испугала их, показав им пайцзу. Это ты оставил ей пайцзу?

— Нет, не оставлял, видно Салахутдин саудагар добыл для нее. Ну, а что с нашими?..

Асылгирей понял его с полуслова.

— Твоего сына Кул Гали и Зульхиду похоронили, Биккул. С почестями, с молитвами, по-мусульмански. Бату хан дал даже имама. Народу пришло много. Печальный конец... Прости, не могу говорить об этом. Тут такое творилось! Город грабили, аскеры Субедея гнали народ к Бату хану. А там... Лучше бы глаза мои этого не видели. Нашего поэта, певца народного, сына твоего, убил Кунбай бек, заколол копьём. После этого Зульхида — богатырской души женщина — подняла копьё Кул Гали и сразила им наповал Кунбая бека. Ну, а Зульхиду застрелил кто-то из кишектинов. Она еще нашла в себе силы дойти до тела Кул Гали и в предсмертный миг обняла его... Так, вместе, их и похоронили, в одной могиле, с большими почестями, на городском кладбище. Души их, верно, уже пребывают в раю. Святые были люди...

Из глаз Биккула текли слезы, он уже не слушал Асылгирея, а смотрел куда-то в сторону городского кладбища, словно желая увидеть отсюда могилу сына и невестки.

— Хотя бы надгробный камень поставили?

— Поставили, поставили, Биккул. Надпись, правда, сделана углем. Имам-хазрет написал. Ты уж сам найди резчика по камню, хорошо? И памятник закажем. И я свою лепту внесу, и народ...

Биккул собирался уходить, когда Асылгирей снова ухватил его за рукав.

— Еще одна новость для тебя, Биккул. — Асылгирей нагнулся к уху друга. — Бату хан собирается жениться на прекрасной Лейле, той самой, что была женой сотника Йэгерек. Говорят, ждут только, когда Субедей багатур поймает Бачман багатура. Да и сотник Бату хана Йэгерек...

— Что, и сотник Йэгерек?

— Его расстреляли кишки Бату хана. Лейля поставила хану условие: брак должен быть мусульманским, по никаху.

— Вот за эту весть спасибо, Асылгирей, — обрадовался Биккул и пошел к своей повозке, дав знак Хансеяру, что разговор закончен. Но Асылгирей нагнал его и сказал:

— Субедей багатур ходит мрачный и злой. Не попадайся ему на глаза, Биккул...

— Хорошо, хорошо, Асылгирей. Бывай!

— Поехали! — приказал углан Хансеяр. — В Караван-сарай!

Асылгирей подбежал к сыну, уже собиравшемуся прыгнуть в седло.

— Сынок, навести мать, зайди сейчас же. Она все глаза проплакала, сколько горя...

— Хорошо, отец.

На перекрестке Биккул сошел с повозки, подошел к Хансеяру.

— Карлыгач к Субедею отведешь сам. Нам с Мауля Худжой лучше пока не показываться ему на глаза. Не теряй нас из виду, мы будем дома. Сегодня мне не хочется видеть ни хана, ни багатура.

— Хорошо, Биккул ага.

Только они повернули к Ханскому дворцу, как навстречу им выехал Субедей багатур.

— С благополучным приездом, пушкарь, с прибытием! — обратился он к углану Хансеяру.

Субедей с недоумением оглядел «двугорбую» повозку: дескать, что за персоны там едут? Потом подошел к кибитке, откинул полог. Остальное произошло в мгновение ока. Субедей буквально выдернул Карлыгач из кибитки, усадил ее на своего коня и, пришпорив его, умчался. Хансеяр сказал своим тысячникам: «Вам, менбашлары, в Караван-сарай, а мы с Бахтияром и его джигитами — в Ханский дворец».

Проехав в ворота Ханского дворца, он спешил к крыльцу. Бахтияр с джигитами остались ждать его, а Хансеяр медленно стал подниматься по ступенькам до боли знакомого крыльца. Казалось, еще недавно он бегал по этим лестницам, будучи телохранителем хана Ильгама, являлся по первому его вызову. А теперь вместо него на троне сидит кровный враг — Бату хан, и он, Бахтияр, должен склонить перед ним голову. Сердце сжимала острая боль, в душе накатывали волны гнева, но Бахтияр был бессилен что-либо изменить. Безвыходность шла впереди него. И все-таки Бахтияр верил в возрождение своего народа, будущий светлый день, и именно во имя этого дня пришел он на поклон к врагу.

— Милости просим, добро пожаловать, пушкарь Хансеяр, ханский внук, — Бату хан приветствовал его уже в дверях, совсем как некогда Ильгам хан. — Я тебя с утра жду. Проходи, присаживайся, будь моим гостем.

Около трона находились имам-хазрет, секретарь, прорицатель и... (Хансеяр не поверил своим глазам) — внук хана Ильгама Галимбек эмир. Сын Абдуллы эмира тоже находился здесь. К растерявшемуся Хансеяру устремился имам-хазрет, протягивая ему обе руки.

— Сын мой, — сказал имам-хазрет после молитвы. — Ты — мусульманин. Не церемонься, не чувствуй себя в неловком положении. Хан восхищен мусульманами. Положись на Аллаха и скажи хану слово, что хотел сказать.

Бату хан уже сидел на троне, он все слышал, все понимал. Хансеяр углан подошел к нему и остановился, снова ощутив в себе неприязнь к этому человеку.

— Смелее, смелее, — прошептал ему сзади имам. — Ты делаешь это ради нашего народа, во имя несчастных болгар.

— Ваше величество, уважаемый хан! — начал Хансеяр заранее заготовленную речь и стараясь собрать воедино вдруг рассыпавшиеся слова. — Древние говорили: «Ум не в возрасте, а в голове». И сегодня, несмотря ни на что, я решил вручить свою судьбу вашему великодушию и мудрости, по воле Аллаха. Хотите — принимайте, хотите — я найду на земле уголок, где буду коротать свое существование. Птица найдет приют в любой стране, и человек найдет себе место, но без родной земли он — как заблудившийся жеребенок. Я пришел к вам на поклон...

Сказал так углан Хансеяр, опустил на колени и едва заметно склонил голову. Бату хан улыбнулся. Раньше для него были в диковинку витиеватые речи мусульманских послов, святош, ученых, но в последнее время ему начало нравиться восточное красноречие. Впрочем, еще уйгурские мугаллимы говорили ему, что высокое искусство красноречия доступно лишь людям умным, тонко чувствующим речь. Лишь такие люди могут безраздельно завоевать внимание как толпы, так и сильных мира сего. И судя по всему, — думал Бату хан, — такое искусство особенно распространено среди тюркских народов.

— Я благодарен тебе, углан Хансеяр, — сказал Бату хан и посмотрел на Галимбека эмира, — этому внуку хана Ильгاما я дал в кормление город Алабугу. Пусть отстроит его, возведет новые здания. Я не хочу прерывать ханскую династию, в ханах — душа и вера народа.

— Пусть Всевышний ниспошлет лучи своего величия вам, хан Бату, который сумел собрать под своим крылом множество народов, — запел имам-хазрет. — Аллах, милостивый и милосердный, Мухаммед, пророк его, ниспослал луч своего света и на внука славного хана Ибрагима — Хансеяра углана, который привел к Бату хану доблестных пушкарей. Прими их, великий хан, прими с благодарностью. И от меня прими как божественный подарок искреннюю молитву...

— Хорошо, хорошо, имам-хазрет, — прервал его разглагольствования Бату хан. — А ты, углан Хансеяр, с сегодняшнего дня — багатур пушкарей моих славных туменов. Будете действовать совместно с Субедеем багатуром. Если найдете общий язык и взаимоуважение, нам тогда никакой враг противостоять не сможет.

* * *

Вот так Хансеяр углан был отдан в распоряжение «Железного багатура». Уже через несколько дней Хансеяр показал хану, как стреляют пушки на конной тяге. Бату хан остался весьма доволен стрельбой пушкаря. Пушечная пальба произвела на него большое впечатление. Всадники, посланные на «быстрые пушки», были рассеяны артиллерийским огнем, большинство лошадей, не слышавшие ранее такого громкого взрыва, взбесилось, некоторые всадники выпали из седел. Воины, привыкшие воевать в степи, смотрели на главного пушкаря как на мага, повелевавшего молниями небесного Тенгре... Так что авторитет болгарских пушкарей перед монголами значительно вырос, и на них уже не смотрели с пренебрежением.

Поступив на службу к монголам, Хансеяр понял одно: этот народ живет только за счет награбленного и завоеванного добра. Однако рано или поздно наступит время, когда этому народу придется вести жизнь самостоятельно, без грабежей, ибо и разбоям тоже есть предел. Вот тогда-то придет беда. Народ-паразит, почти забывший ремесло скотовода и не знавший земледелия, уже привыкший жить отнятым чужим добром, со временем превратится в ленивый и беспомощный народ. А народы, некогда бывшие под монгольским ярмом, продвинутся далеко вперед, достигнут больших успехов. Это заставит завоевателей вновь взяться за оружие. Но сил у него уже не хватит удержать в узде даже свой народ. Ведь сила народа заключается в упорном труде и вере. Исламские проповедники давно уже во всеуслышание твердят, что мусульманин не может быть рабом.

Бату хан решил большинству болгарских купцов дать ярлыки-пайцзы. На них были выбиты части тамги Чингисхана и Бату хана. Не было монгола, не знавшего этих двух священных для него знаков. Обладателю пайцзы была открыта дорога на любой базар любого города. Плати пошлину таможеннику и отправляйся на базар, занимай свое место, торгуй, богатей, да о ханской казне не забывай. Кроме того, Бату хан сдержал свое слово и организовал чеканку серебряных монет в Булгаре, причем по совету имама-хазрета монеты чеканились от имени халифа правоверных мусульман. Именно в это время Хансеяру стало известно, что Бату хан и Субедей багатур серьезно взялись за сбор сведений о западных странах. Зная это, он помалкивал и не вступал в политические дела монголов.

* * *

Хансеяр углан уже два дня как вернулся в Казань. Он соскучился по своему городу. Кто-то знал о его вступлении в орду Бату хана, кто-то — нет.

При виде Хансеяра и его свиты опустили подъемные мосты, открыли ворота. На страже стояли аскеры Джик Мергена. Хансеяр спросил у них:

— Багатур в Казани?

— Он уехал на охоту, тархан.

Хансеяр взялся за луку седла, чтобы запрыгнуть на коня, но вдруг задумался на мгновение, а потом сказал Бахтияру:

— Ты, Бахтияр, зайди ко мне сегодня вечером, дело есть.

«Странно, — подумал он, садясь на коня. — Монголы разоряют еще не завоеванные города Булгарии, а багатур Джик Мерген, видите ли, выехал на великосветскую охоту».

«Караулбаши, — крикнул он начальнику стражи. — Пусть багатур сразу же по возвращении зайдет ко мне».

— Хорошо, ханзадэ.

У крыльца его встретила Сэмбель, бросилась ему в объятия.

— Уехал и забыл меня, — нарочито обиженно проговорила она.

— Где Хасан?

— На рыбалке. Скоро придет. Пошли домой, устал, наверное. Чай готов. Потом в баню пойдем, а то на тебя смотреть страшно, весь в дорожной пыли.

Сэмбель пошла в дом прислуги, а ханзадэ с восхищением посмотрел ей вслед, любуясь изящной походкой жены. Сэмбель, всегда ощущающая на себе этот взгляд, обернулась и шутиливо погрозила ему пальцем. Хансеяр довольно ухмыльнулся. Найдя конюха, он велел ему поставить коня в стойло и медленно стал подниматься по ступенькам крыльца. Дом его не был слишком большим. Когда-то здесь жили его родители, горячо любившие друг друга. Говорят, что способность любить передается от отца к сыну, от матери к дочери. Возможно, это так. Во всяком случае, Хансеяр до сих пор любил жену пламенной любовью, не уставал любить ее, всегда скучал по ней.

В зале стояло широкое саке, застланное перинами. Пол был покрыт белым войлоком. Хансеяр снял верхнюю одежду, на цыпочках прошел к саке и удовольствием растянулся на перинах. Солнце еще не зашло, хотя сумерки уже начали заползать в углы комнаты. Последние лучи солнца слабо освещали перину и подушки, скользили по цветастым занавескам, будто оживляли их узоры.

Вспомнились прекрасные дни в городе Саксине, когда они с Сэмбель не могли насытиться чувствами друг друга. Оставшись вдвоем на берегу Итили, они нежились, как голубки, не в силах расстаться. Им казалось, что если они расстанутся, что-то произойдет. С тех пор Хансеяр жить не может без Сэмбель, она — его единственная судьба.

Но однажды в жизни Хансеяра наступил черный день: Сэмбель вдруг пропала. Сначала боялись, что она утонула, потом думали, что уехала к родным. Но ни одно из предположений не подтвердилось. Оставалось лишь одно, самое горькое предположение: ее похитили. Так оно и было. Правда, вскоре Сэмбель освободили, город Саксин вновь возвратили кипчакам, и любимая снова очутилась в его объятиях. Воспоминание об этом до сих пор волнует его. Три дня и три ночи они почти ничего не ели и не пили, а лишь иступленно любили друг друга. И тогда Хансеяр почувствовал, что в любимой произошла какая-то перемена. Это была уже не прежняя Сэябель. Порой она начинала играть, дурачиться, как ребенок, порой злилась и капризничала, иногда бывала чересчур чувствительной. Хансеяр никогда не спрашивал, где и с кем она была в неволе, потому что знал, что она обидится на такой вопрос. Он любил ее страстно, беззаветно, самозабвенно.

Только тогда он понял, насколько дорого однажды потерянное и вновь обретенное счастье.

Он встал, подошел к окну, посмотрел на сад. Ивы вдоль ограды окрашивались в цвет заката, и как бы застывали в этом зареве. Их кроны напоминали распущенные волосы юных розовощеких девиц, а даже при небольшом воображении можно было представить под кронами личики юных дев. В центре сада росла раскидистая ель, крона которой расширялась к низу, как подол женского платья. На берегу реки стояла большая бревенчатая баня. Служанка таскала туда воду. На противоположном берегу были чуть слышны сердитые крики женщин, зовущих домой своих заигравшихся детей. Возле бани служанку пытался обнять Хибатулла, давно домогавшийся ее. «Не стыдно тебе, Хибатулла?» — выговаривала, должно быть, она. Этот Хибатулла настолько присох к красивой служанке, что спросил у эмира Хансеяра разрешение на брак с ней, и Хансеяр великодушно разрешил: он хорошо знал, что такое настоящая любовь. Но служанка решительно заявила, что не любит Хибатуллу, и что у нее есть свой любимый джигит. Но Хибатулла, вероятно, решил, что разрешение эмира дает ему какие-то права на девушку. Может, он сейчас сказал ей: «Придет день, когда ты будешь топить баню для нас». Девушка, наверное, рассердилась на эти слова.

По тропинке шла Сэмбель. Из-под подола ее цветастого платья мелькали белые болгарские сапожки. Вот она остановилась, нагнулась, дотронулась рукой до васильков, рвать их не стала, а словно бы погладила и что-то ласково сказала. Во всяком случае, губы ее при этом шевелились, Хансеяр попробовал сравнить себя с Сэмбель. Он, вероятно, вообще не заметил бы темно-голубых васильков. У него других забот полон рот.

Где-то невдалеке нежно зазвучал курай. Услышав его, Сэмбель остановилась, прислушалась. Тонкая, одухотворенная улыбка тронула ее губы. И она пошла дальше какой-то расслабленной, волнуемой, чарующей походкой. Столько грации, изящества были в ее походке, что Хансеяру захотелось выбежать в сад, подхватить любимую на руки и унести ее на заветные мостки, под тень прибрежных ив. Тут Сэмбель заметила его в окне, снова погрозила ему пальчиком и бегом забежала в дом.

— Ах, ты, бессовестный! — накинулась она на него. — Подсматриваешь исподтишка!

— Что, уж и посмотреть нельзя? Боишься сглаза?

— Дурачок ты мой...

— Кто ты, Сэмбель? Ангел? Гурия? Богиня?

Она прильнула к нему и зашептала:

— Хансеяр, я так соскучилась по тебе. Любимый, без тебя мне свет не мил. Когда ты рядом со мной, я словно не хожу, а летаю, у меня будто крылья вырастают. Почему так, Хансеяр?

— Когда я вижу тебя, душа успокаивается, тревоги исчезают.

— Что случилось, Хансеяр?

— Я со своими пушкарями поступил на службу к Бату хану.

Сэмбель от удивления замолчала, не зная, что и сказать. Потом освободилась от объятий мужа, села на саке.

— Мне сообщили, что монголы зарубили моего отца, — сказала она. — Услышав эту весть, я не знала, верить или не верить.

Хансеяр подсел к ней, обнял ее за плечи. Посмотрел ей в глаза.

— Отец твой героически погиб в схватке с монголами. Это правда, Сэмбель. Завтра я собираю аксакалов, позову своего отца, имама-хазрета, чтобы прочитать Коран и ясин за упокой души героя кипчакского народа, твоего отца.

Сэмбель без слов бросилась на грудь мужа и заплакала. Хансеяр не утешал ее, да и не смог бы утешить. Когда приходит горе, человеку лучше выплакаться, чтобы сердце вовсе не окаменело.

— Кул Гали и Зульхида тоже трагически погибли, Сэмбель. Какие люди! Святые!

Сэмбель подняла на него глаза.

— Я его поэму-дастан три дня читала и плакала. О, Аллах, что за проклятый народ эти монголы! Чем мы виноваты перед тобой, Аллах мой, чтобы заслужить такую страшную кару?

— Успокойся, Сэмбель, не плачь. Мертвых не возвратить. Налей-ка лучше чайку, ты ведь обещала меня чаем напоить.

Уселись за стол.

— Почему не спрашиваешь об отце Бахтияра, Сэмбель?

— Я знаю, куда и зачем он уехал. Ташбаю удалось спастись, он приезжал и обо всем рассказал.

— Где он сейчас?

— Скрывается в Шайтанкале. Сказал, что больше не будет воевать, а станет выплавлять медь и чугун, лить пушки.

— Не сможет он не воевать. Субедей все равно найдет его и заставит сражаться.

— А где его жена, дети?

— Семью взял с собой. Говорит, что мать жалко, что Хансеяр углан совершил большую ошибку, выдав Карлыгач Субедею.

— Значит, Ташбай до сих пор не знает, кто его настоящий отец?

— Почему не знает? Знает. Но говорит, что вырос в Булгаре, и Булгар — его родина. А эту родину растерзал Субедей. Города разграбил, лучших мастеровых в Каракорум отправил. Ташбай говорит: как я после этого могу называть его отцом?..

— С одной стороны, он прав. Но он ошибается, видя в нем врага. В конце концов, он его отец, родная кровь! Грех поднимать руку на отца.

— А он не собирается поднимать на него руку. Говорит, буду лить чугун у Бекира.

— А каким он был пушкарем! — сказал Хансеяр. — И жена не смогла переубедить его?

— Муж — голова, жена — шея, — ответила Сэмбель. — Что она может сделать?

— Значит, и ты — моя шея? — усмехнулся Хансеяр.

— А как же...

— И куда ты собираешься повернуть мою бедную голову?

— В данный момент — в баню, мой воин. Договорились?

— Договорились, еще как договорились! Пошли.

Хансеяр никогда не уставал любоваться телом Сэмбель. Супруга тоже души не чаяла в муже. Но не зря говорил мудрый Мауля Худжа: «Если женщина обнимет мужчину — получится мать, если мужчина обнимет женщину — получится любовница». Сэмбель отдавала свою любовь как женщина и мать, и любовь эта переполняла ее, заполняла, кажется, всю вселенную. Но однажды ее похитили и сделали наложницей. Похитили не только ее чудное тело, но и ее прекрасную душу. Потом ее освободили, возвратили к мужу. Хансеяр никогда не спрашивал Сэмбель о подробностях ее неволи. Его всегда удивлял темперамент жены, ее

способность ценить любовь. Сам он с юных лет мечтал о тихой, чистой, вдохновенной, самоотверженной любви и нашел эту любовь в лице прекрасной Сэмбель. Она всегда была желанна, сладка, пылка. И в то же время могла умерить необузданный, грубый, чувственный порыв мужа. Словом, она была такой, о которой мечтал Хансеяр.

Хансеяр смотрел на жену, плескавшую воду на камни банной печи, любовался ее стройным телом, полными плечами, крепкими тугими бедрами, рассыпанными по плечам волосами. Он закрыл глаза и долго не открывал их, боясь сглазить. Конечно, красота — явление не такое уж редкое, но данную богом красоту люди могли совершенствовать сами, из поколения в поколения, шлифуя, доводя ее до неземных, почти фантастических форм.

Не открывая глаз, он тихо подошел и обнял ее.

— В предбаннике есть широкое саке, Сэмбель, там послан мягкий войлок, подушка.

— Подушка! Ты что, спать собираешься? А веник, Хансеяр? Веник тоже мягкий?

— Потом, потом, ладно?

— Иди, выходи пока, я только веник ошпарю.

Хансеяр лег на саке. Ему было хорошо, невыразимо хорошо. Он заложил руки за голову, вдыхая полной грудью теплый банный воздух. Где-то на реке гоготали гуси.

Вышла Сэмбель, набросив на плечо халат, легла на саке рядом с ним.

От близости желанного тела кровь взыграла в жилах Хансеяра. Каждая его клеточка тянулась к Сэмбель. От нахлынувшей страсти у него даже остановилось на мгновение дыхание.

— Ты ждала меня, Сэмбель?

Она ничего не ответила, лишь приоткрыла грудь, на темных сосках еще поблескивала влага. Сэмбель прижала голову мужа к своей груди и сладко застонала.

* * *

Серьезный разговор с Сэмбель произошел у него после возвращения Хасана с рыбалки. Мальчик с удочкой на плечах, с гирляндой красноперок на заостренной ветке зашел во двор через задние ворота.

— Хасан, мальчик мой, где ты так долго был? Отец приехал, а тебя все нет и нет.

Мальчик не сразу понял суть сказанного, потом пошарил глазами по двору, не увидав отца, сказал:

— Не обманывай.

И тут отец появился на крыльце. Хасан, увидев его, бросил удочку со связкой рыб и помчался навстречу Хансеяру.

— Папа!

Хансеяр обнял сына, подбросил его несколько раз в воздух.

— А у тебя борода желтая, — сказал мальчик. — Мы сегодня видели монголов, они берегом подошли. Бороды у них черные, а некоторые совсем безбородые.

— Борода у меня не желтая, сын, а рыжая.

— Не рыжая, а желтая, как пух у гусят. Так сказала мама.

— Так, так, сын. Да слезь ты с отца. Иди в баню.

— Я в баню с дядей Хибатом пойду.

— Он уже там, не болтай много, беги.

— Ладно, мать, — сказал Хансеяр, — посидим вдвоем, поговорить надо.

— А у меня волосы черные, а у тебя борода желтая, и волосы тоже, — выпалил Хасан и убежал в баню.

— Подрастешь, и у тебя волосы рыжие станут, — крикнула ему вдогонку мать, но крикнула как-то неуверенно, словно желая успокоить саму себя.

Вот тогда-то и зародилось в сердце Хансеяра сомнение насчет своего отцовства. Вечером, после ужина и намаза, в постели он как бы невзначай спросил жену:

— С чего бы это, Сэмбель, у одного человека волосы черные, у другого — рыжие?

— Один вырос в тени, другой — на солнце, — попыталась отшутиться Сэмбель. — Да брось ты об этом. Кто отправился на поиски моего отца?

— Хан Менгу, еще кто-то...

— А Кулькан среди них есть? Сын Субедей багатура?

— Не знаю, они уехали еще до моего прибытия в Булгар. Спи. Устал я. После бани разморило.

Хансеяр сначала не обратил внимания на вопрос Сэмбель, но потом задумался: почему она спросила о Кулькане? Хотел спросить, но Сэмбель уже спала, сладко свернувшись калачиком. Во всяком случае, ему

казалось, что она заснула. Хансеяр тоже должен был спать, ведь он устал после долгой дороги, но вопрос Сэмбель не давал ему ни покоя, ни сна. Почему она спросила о Кулькане, а не о ком-то другом? Скажем, о Бучеке или Байдаре? Не-ет, она не просто спросила о Кулькане, она послала в Хансеяра стрелу, и эта стрела уже летит к нему со странным свистом. В Ханском дворце ему сказали, что Кулькан — сын Чингисхана. Но какая разница? Самое главное, что в тот год он был в Саксине, а Сэмбель похитили монголы.

Хансеяр беспокойно заворочался. Сэмбель сквозь сон сказала:

— Спи уж, спи, Хансеяр, милый, ты же устал. И мне завтра с утра Хасана в медресе нужно отвести.

* * *

Бату хан собрал в Булгаре Малый курултай. Как раз в этот день у Ханских ворот остановился со своей ратью Бурантай бек, владевший землями вдоль реки Белой. Бату хан приказал впустить бека во дворец. Тот пришел вместе со своим сотником. Бурантай бек был неуловим для монголов, кроме того, он ни разу не дал монгольским коням вступить на территорию своих пастбищ, а в сражениях всегда был левой рукой Ильгам хана. Монголы почему-то не преследовали его, как преследовали теперь Бачман багатура, и не захватывали его пастбищ. Может, они видели в нем собрата-кочевника, а возможно, ждали его появления со склоненной головой. Как бы ни было, этот неуловимый Бурантай бек теперь сам прибыл в Булгар. Сначала Бату хан принял его вместе со своим имам-хазретом, ибо Бурантай был, как большинство тюрок, правоверным мусульманином.

Бату хан встретил Бурантая сам, уже на пороге, как встречал недавно Хансеяра, и сразу повел его к кумысному столику.

— Добро пожаловать, Бурантай бек, милости просим. Испей кумыса. Сначала прочитаем молитву. Имам-хазрет сейчас устроит это.

Возле Бурантая остался один имам, а Бату хан уселся на трон. Разговор был примерно таким же, как с Хансеяром. Бурантай тоже встал на одно колено, поцеловал девятибунчужный флаг Чингисхана и сказал:

— Я в твоём распоряжении, хан.

В отличие от Хансеяра, Бурантай бек оказался немногословен, и это понравилось Бату хану. Вообще, тюрки все больше и больше нравились ему, невзирая на то, красноречиво или кратко они говорили.

Бату хан велел Бурантай беку участвовать в Малом курултае. После этого еще раз пригласил к себе всех угланов, ханов, туменбаши.

— Мои ханы, угланы, туменбаши, пушкари, — обратился к ним Бату хан. — Осенью прошлого года мы собирались на Курултай, чтобы вынести решение о покорении земель, расположенных по берегам Нижней Итилии. Нынче мы собираемся обрушиться на западные страны. Народы Нижнего Итилия завоеваны. Чтобы исполнить завещание великого Чингисхана, нынешней зимой мы должны вступить в земли уруссов. Имам-хазрет и лама уже дали свое благословение. Теперь я хочу посоветоваться с вами, доблестные мои туменбаши. За Итилем — страна урусичей. Земля их, говорят, большая, городов тоже много. Одолеем ли?

— Когда двинемся на запад? — нетерпеливо спросил Кулькан углан. — Воины уже застоялись, могут возникнуть беспорядки, недовольство. Кроме того...

— Да-да, — поспешил кивнуть имам. — Поход на урусичей надо начать с Рязани. Таков будет наш совет. К походу обязательно подготовьте Хансеяра углана и Бурантай бека, потому что их джигиты часто бывали в их землях и хорошо их знают. Время похода — зима, — и это аксакалы тоже одобряют, великий хан. Переправимся по льду.

— Почему зимой?

— Земли урусичей изобилуют лесами, болотами, для летней битвы неудобны. А зимой там все как на ладони.

— Мы так и решили, имам-хазрет. Значит, вы даете благословение?

— Даем, уважаемый хан, даем.

— Почему мы не видим здесь Субедей багатура, хан? — раздался чей-то голос.

— Багатур Субедей выехал встречать угланов, — сухо ответил хан. — Туменбаши, вам для подготовки десять дней. Через десять дней все мы переправляемся через Итиль. Здесь остается мой брат Берке. Тенгре с нами! Все, я сказал.

Лейля любила одеваться и выбирать наряды. Принесенные кипчакской старухой наряды она свалила возле двери. Одежды было так много, что она загородила вход. Но Лейля надела тот наряд, который купил ей когда-то Кул Гали, походила по светлице, уселась на саке.

Древние, видимо, не зря говорили: «Красивые девушки, прежде чем упасть в объятия мужчины, семь раз целуются с шайтаном». Лейля сидела, будто выкупанная в божественном источнике, и всякий мужчина, кто увидел бы ее в эту минуту, онемел бы от восторга. Одна коса ее лежала на груди, другая былакинута за спину. Брови — ласточкой, а чуть пухлые вишневые губки таили в себе море страсти и неги. Глазасияли звездочками Вселенной. Белыми пушистыми котятками выглядывали из-под платья болгарские сапожки. Лейля сидела, беззаботно покачивая ножкой. Но на душе было тревожно. Она не раз пыталась представить себе будущую встречу с ханом. Встреча эта и пугала ее, и тревожила, и манила, но Лейля старалась никому не показывать своих переживаний.

Она сидела затворницей, почти узницей в юрте Байдара, когда кишектины хана Бату увели ее оттуда. Поначалу она испугалась, думая, что это очередное похищение, но, слава богу, среди кишектинов оказался джигит, понявший ее состояние. Он приблизился к ней и тихо сказал: «Мы возьмем тебя к самому хану Бату». Но сначала ее повели на кладбище, где были похоронены ее мать и ставший ей отцом великий поэт Кул Гали. Потом все переменялось. Теперь она находится в просторных, богато обставленных покоях, раз в день ее выводят гулять в сад. И — снова четыре стены светлицы. Хотя это и была комната бывшей ханбике Марьям, но Лейлю вскоре стала угнетать такая обстановка. Постель была застелена мягким выхухулевым одеялом, от которого так приятно пахло. Валяться бы на этом пушистом одеяле, ни о чем не думая. Но душа Лейли не была спокойной. В голову лезли разные мысли, в сердце воцарилось тревожное ожидание. Скоро минет сорок дней со смерти ее мужа Йэгерек, и Бату хан придет к ней. А может, позовет ее к себе.

Об этом она сначала даже думать боялась, но постепенно привыкла к этой мысли. Ее мысли, хотела она этого или нет, возвращались к Бату хану. Иногда она их отгоняла, но они упорно возвращались. Слишком все для нее оказалось неожиданным. Ильгам хана нет, мама и учитель в могиле, а она? Где она, Лейля? В светлице Бату хана! Радоваться этому или нет?

Перед глазами Лейли вставал образ джигита Бахтияра, потом вновь появлялись лица матери, шейха Кул Гали, их счастливые дни в Булгарах. А ведь пылкий Бахтияр все-таки успел, хоть и немного, задеть сердце Лейли! Но когда она увидела своего любимого мугаллима, то забыла обо всем на свете, словно ветер унес прежние впечатления. Впрочем, нет. Этот Бахтияр все-таки остался в ее сердце, в каком-то маленьком его уголке.

Тихо открылась дверь, показалась чья-то козлиная бородка, потом явился ее владелец — почтенный благообразный старик. Он вошел, посмотрел на кучу сваленных нарядов, подумал немного, перешагнул кучу и уселся на низенький стульчик. Он даже не взглянул на Лейлю, лишь поднял руки и сотворил молитву, а потом сказал:

— Здравствуй, Лейля.

Лейля чуть склонила голову:

— Здравствуйте, дедушка.

— Дитя мое, ты ведь дочка Багмана багатура? А потом Кул Гали...

— Ну и что, если так? — не совсем вежливо перебила его Лейля. Ей больно было вспоминать погибших близких.

— Твою мать и отца, поэта Кул Гали, я хоронил, я читал им ясин. Пусть земля будет им пухом. Что делать? Видно, так угодно было Аллаху. Пришел ангел смерти Азраил и забрал их святые души. Сейчас их души находятся среди нас и слышат нас. Меня потрясла их трагическая смерть, дитя мое. Как они любили друг друга! Их любовь трогала сердце каждого правоверного мусульманина. Несомненно, они заслужили место в раю. Хотя люди делятся на правителей и их подданных, но перед Аллахом все равны. Аллах забирает душу каждого истинного мусульманина мягко и осторожно, не причиняя большой боли, и все же на долю твоих родителей выпала настоящая трагедия, непреодолимая. Зато их души сейчас в раю. Если безвинный обижен на этом свете однажды, на том свете он дважды будет награжден добром. На твоём лице, доченька, я не вижу улыбки. Если такой раб божий, как я, обращается к тебе от всего сердца и на родном языке, ты хотя бы терпеливо выслушай меня, прежде чем что-нибудь возразить. Один поэт сказал: «Невежда тот, кто мнит себя шейхом, не слушает слов ученого». Я к тебе пришел не как невежда, а как ученый. Ты для наших болгар — дар божий. Монголы разрушили нашу страну, города, многих мастеров и женщин угнали в Каракорум. Многие с семьями ушли подальше на север. Кто не успел, сделался рабом монголов. Волос на голове не хватит, чтобы пересчитать погибших наших батыров. Но все это произошло главным

образом из-за гордыни и высокомерия нашего Ильгам хана. Если бы он смирился, мы не оказались бы сейчас в таком плачевном положении, и тысячи наших юношей и девушек, мастеровых и хлеборобов не отправились бы в далекий пустынный Каракорум. Теперь болгарский народ возлагает надежду на тебя, дочь моя. Приручи Бату, заворижи его, роди ему сына. Правда, у хана уже есть жена и двое или трое сыновей. Их он пока не привез сюда, держит в Саксине. На тебя сегодня, Лейля, с надеждой смотрят болгары от мала до велика. Ты или спасешь нас или погубишь. Выбирай и решай. Что касается меня, я готов пасть перед тобой на колени и подметать своей седой бородой землю под твоими ногами, лишь бы ты спасла наш народ. Остальное, дитя мое, в твоих руках — или ты прислушаешься к моим словам, или выгонишь меня, старика... Внуши хану любовь, проси у Аллаха ниспослать на этого человека страстную любовь к тебе.

— Дедушка! Я даже не знаю, кто ты. Но я, как и ты, отношусь к последователям пророка Мухаммеда, мир ему и благословение, и я знаю законы ислама, шариата. У каждого в этом мире должен быть свой суженый. Если мне суждено соединиться с ханом — я полюблю его, и мне помогут в этом ангелы любви, иншалла. Но если Аллахом он не предназначен мне, тогда прости, дедушка, я ничего не смогу поделаться даже при большом моем желании.

— Дитя мое, любовь без молитвы, а молитва без любви не бывают. Аллах, милостивый и милосердный, одарив тебя красотой райских гурий, наверное, не позабыл наделить тебя нежными чувствами, лаской, страстью, негой. Ищи счастья не только для себя, но и для всего народа, ищи, найди и цени его.

— Дедушка, я уже давно поняла, о чем вы меня просите. Но я даже ни разу еще не видела его! На необузданного коня не вскочишь, сначала его нужно поймать, объездить, пока с него пот пеной не падет на степную траву, говорили наши предки.

— Бату хан — мужчина из мужчин, дитя мое. Ты к нему и привыкнешь, и объездишь его, как сама сказала, до пота на боках. Булгарию бедную совсем взбаламутили. Нетронутыми остались лишь два-три города. Внук Ильгам хана Галимбек после гибели отца своего Абдуллы эмира по моему совету поехал к Бату хану со склоненной головой, и хан дал ему в правление город Алабугу. Алтынбек углан сидит в Казани, за него ходатайствовал перед ханом Батыем Хансеяр углан, и город остался цел.

— Хорошо, бабакай, я постараюсь, хотя ваши уговоры не совсем по сердцу мне.

— А я, дитя мое, буду славить твое имя в молитвах... Ну, прощай же...

Едва старик ушел, как зашла служанка.

— Что это такое?! — всплеснула она руками, едва не споткнувшись о груды платьев на пороге. Схватив в охапку кучу нарядов, она молча вышла.

— Уф! — вздохнула Лейля, встала и принялась ходить по комнате.

Ее, откровенно говоря, озадачила просьба странного старика, хотя она еще до его появления стала готовиться к встрече с ханом. Она еще не забыла разговор с Ильгам ханом.

Узнав об обычаях мусульман у своего имам-хазрета, Бату хан согласился войти в комнату Лейли не раньше, чем пройдут сорок дней со смерти ее мужа Йэгерка. Это, конечно, хорошо. Но Лейлу затянувшаяся пауза начала тяготить. И все же ей пока все здесь нравилось: ее светлица, обстановка, заботливые слуги, обильная изысканная пища и даже эта таинственная неопределенность впереди. Ведь она была всего лишь женщиной и, как всякая женщина, стремилась к счастью.

Все военные приготовления Субедей багатур взял на себя. «Железный багатур» решал все: каким путем идти каждому тумену, как охранять обозы, как не терять друг друга из виду, какие города брать прежде всего, а какие — временно обойти, и так далее, и тому подобное.

За год все земли Великой Булгарии были завоеваны, и секретари Угэдей хана занесли это событие в Золотую Книгу монголов — Алтын дафтар.

Равно через десять дней после Малого курултая свыше 140 тысяч войск Бату хана перешли через Итиль и ступили на русские земли. Был взят город Рязань, а князь рязанский за непокорность — обезглавлен. Затем были покорены другие города, пленен князь Московский Владимир, которого монголы взяли с собой. Произошло это в феврале, студеной зимой. Подойдя к городу Владимиру, Бату хан по обыкновению потребовал от владимирского князя Юрия сдачи города. В ответ горожане стали выкрикивать ругательства. После этого Бату хан показал им плененного московского князя Владимира. Увидев молодого князя, горожане заплакали от жалости, но не открыли ворот даже по слезной просьбе несчастного пленника. Монголы ринулись на приступ и овладели гордым городом. Великокняжеская семья епископом Митрофаном была укрыта в церкви. Бату хан приказал сжечь храм.

Пушкари заходили в город последними, после конных и пеших частей. Когда Хансеяр углан со своими джигитами вошел в город, церковь уже пылала, на улицах воины хватали людей в плен, грабили дома и лавки, волокли за косы женщин. Народ бежал, кто-куда может. Вскоре на улицах не осталось никого, кроме воинов и павших. Однако уцелевшие жители все же нашлись, и по приказу Бату хана их погнали к Золотым Воротам, чтобы они выслушали приказ и условия хана. Хансеяр углан с помощью кишектинов Бату хана пробирался сквозь толпы воинов и горы трупов к дому купца Митряя. Кишектинов он выпросил у хана специально, чтобы разъяренные монгольские воины не трогали его. Они прошли Караван-сарай, еще два каких-то узких переулка. В переулках и малых улочках шныряли в поисках добычи монголы. Победители ни с кем не церемонились, потому что знали: Бату хан отдал им город на три дня на разграбление.

Увидев дом Митряя, Хансеяр углан прищпорил коня, потому что какие-то монголы уже тащили из дома купца его добро и грузили на сани. Значит, они знали, чей это дом, и чем здесь можно поживиться. Увидев перед собой кишектинов Бату хана, грабители кинулись наутек, но кишектины оказались проворнее. Один грабитель был застрелен на месте, двое других остановились в страхе. Десятник подскакал к ним и приказал:

— Немедленно разгрузите все, что взяли и дуйте отсюда во весь дух, пока мы не передумали.

Десятник дал знак Хансеяру: дескать, делай теперь то, что тебе нужно. Хансеяр спешился, открыл ворота и вошел во двор митряевского дома.

— Дядя Митряй, дядя Митряй! — позвал он. — Это я — ханский внук, углан Хансеяр!

Услышав знакомое имя и, главное, знакомый голос, дед Митряй вышел из-за конюшни, все еще держа в руках вилы. Осторожно, не веря глазам своим, подошел он к зовущему его человеку. Узнав, воткнул вилы в снег и спросил:

— Это ты приезжал сюда с другом Гиреем?

— Да-да, это я, дядя Митряй.

Купец обвел взглядом кишектинов и вопросительно посмотрел на Хансеяра: мол, а это что за люди?

— Об этом потом, дядя Митряй, потом. А сейчас забери обратно сани с добром и поехали со мной. Дело есть.

Купец все еще колебался, кося глазом на дверь своего дома. На крыльце появилась тетя Марфа.

Не обращая на жену внимания, купец вскочил на коня и последовал за кишектинами. Откуда-то из-за угла вылетел отряд монгольских всадников, рыскавших по городу, однако, увидев ханских кишектинов, они резко осадил коней и повернули обратно: от греха подальше. Одного кишектина десятник послал охранять дом Митряя. Дом с охранной тамгой становился неприкосновенен.

Когда они подъехали к Золотым воротам, Бату хан уже восседал на своем троне с золотыми подлокотниками. Этот кочевой трон был сделан весьма искусно, украшен драгоценными камнями, позолочен вплоть до основания ножек. Перед ханом углан Хансеяр соскочил с коня, ступил на зеленоватый армянский ковер и опустил на колено.

— Саит хан Бату! Владимирские князья и купцы испокон веков торговали с Булгарией. Среди них были и грабители с большой дороги, любители поживиться за чужой счет и пролить чужую кровь, но были и честные люди, желавшие спокойной, мирной торговли. Молодой московский князь Владимир, стоящий сейчас на коленях по левую от вас руку, подтвердит это. Ведь мы ходили торговать и в Москву, хотя это еще молодой и небольшой город. А здесь, во Владимире, у меня есть хороший знакомый — честный и справедливый купец Митряй. Я покорнейше прошу оказать ему вашу безграничную благосклонность и надеть его пайцзой. Пусть для него будут открыты все торговые пути вплоть до священного Каракорума.

Бату хан взглянул исподлобья на почтительно замершего на коленях купца Митряя. Потом он нагнулся к ламе Юлай Чусай за советом. Лисья шапка ламы коснулась Батыева уха.

— Саудагар, — обратился к Дмитрию хан. — Где великий князь Юрий?

Тот встал, прижав руку к левой половине груди, и снова поклонился.

— Саит хан, князь Юрий бежал со своей дружиной, бросив не только свой народ, но даже свою жену и детей.

Бату хан, не отрывая глаз от купца, выслушал толмача и удовлетворенно кивнул головой.

— Выдайте купцу двустороннюю пайцзу! — приказал он.

Ему принесли пайцзу. Хан посмотрел на нее, на дедовскую и свою тамги, и положил пайцзу рядом с собой. Потом он поманил пальцем какого-то человека, стоявшего за спиной русского купца. Хансеяр с Дмитрием отошли в сторону, а вперед вышел... о, боже! — сам епископ Кирилл с большим серебряным тазом, наполненным золотыми и серебряными монетами.

Народ владимирский был потрясен, увидев, что епископ Ростовский и Суздальский Кирилл пришел к Бату хану со склоненной головой и богатыми дарами. Ведь именно этот человек, этот святоша год назад

науськивал народ на крестовый поход против болгарских басурман и обвинял в сговоре с болгарам владимирского митрополита Митрофана, пытавшегося остановить кровопролитие. И вот Митрофан сгорел в Успенской церкви вместе с семьей бежавшего великого князя, а святоша Кирилл приполз к завоевателю на коленях, с тазом, полным золота и серебра.

— Оборотень! — донеслось из гущи собравшегося народа.

— Куда бежал князь Юрий, митрополит Кирилл? — спросил у него хан Бату.

— Саит хан, дружина у князя небольшая, а сам он стоит лагерем у леса, где соединяются речки Сити и Монога, и ждет помощи от киевского князя. Если поспешите, вы успеете поймать его.

Выслушав переводчика, Бату хан милостиво кивнул головой митрополиту, и тот, угодливо выгибая спину, поднес ему таз с золотом и серебром. Бату хан, не глядя, отдал таз ламе, а сам сказал митрополиту:

— Церковь восстановишь, от ясака я тебя освобожу, народ склоняй на мою сторону. Повтори мои слова.

Хан поманил пальцем Бурантай бека:

— Догони князя, перережь ему все дороги на запад.

Бурантай бек будто только и ждал этого приказа. Схватившись за эфес сабли, он побежал к своим телохранителям. Субедей, остановив его, сказал:

— Будет туго — пошли гонца.

— Слушаюсь, багатур!

Субедей решил сделать вид, что тоже поверил митрополиту. Кто знает. Во всяком случае, Кирилл прекрасно был осведомлен, что с ним сделают, если его слова окажутся неправдой. Нет, митрополит не совсем точно знал, что с ним сделают монголы за обман. Субедей не будет его вешать или рубить голову. Впрочем, может, он его и повесит, но только на кресте, возвышающемся над храмом. А может, просто-напросто прикажет раздеть донага и запороть насмерть. Если в указанном митрополитом месте его людей ждет засада... Субедей, в общем-то, не жалко было тумена Бурантай бека. Но, с другой стороны, не хотелось терять человека, хорошо знавшего западные земли. Поэтому он еще раз предупредил Бурантая насчет гонца.

— Продажная шкура, — процедил сквозь зубы Митряй, когда митрополит Кирилл с поклонами отходил от хана. — Завоевателю-хану отдал деньги, что народ жертвовал на церковные нужды. Ладно если бы свои сбережения отдал! Вот вернется князь, устроит тебе свой суд.

— Ты веришь, что князь вернется, Митряй? — спросил Хансеяр.

— Все в руках божьих, ханский внук, все в руках Бога.

— Правду говоришь, все в руках божьих. Если помните, дядя Митряй, Ильгам хан послал нас к князю с предложением совместно выступить против врага. Князь был высокомерен и горд, он отверг нашу просьбу, просьбу соседа, и выдворил нас восвосяси. И где теперь ваш хваленый князь? Бросил на произвол судьбы город, народ, даже часть дружины, прячется в лесу где-то у реки Сити. Так что не обольщайся, дядя Митряй, не вернется он сюда, не вернется.

— Да, не вернется, — согласился старик. — Слишком боязливый был. Рязанскому князю не помог, и московского князя без помощи оставил! И теперь этот молоденький московский князь в руках у монголов. Один бог знает, что они с ним сделают.

— Дядя Митряй, с кем пошел князь Святослав?

— С великим князем, с Юрием. А народ попросил: дескать, хоть ты, Святослав, останься город оборонять. Да и великий князь просил его об этом, обещал привести киевскую помощь. Да куда там! Святослав самым первым из ворот выехал, и бежать пустился во все лопатки.

— Я найду его, дядя Митряй, обязательно найду! Проклятье на него! Он убил моего брата, мою сестру, сравнял с землей и сжег город Ашлы, от которого осталась лишь куча пепла. А ведь мы заключали договор, должны были жить мирно, торговать, ездить друг к другу в гости... Дядя Митряй, иди, тебя хан Бату зовет.

Когда коленопреклоненный купец поднял голову, хан Бату протянул ему пайцзу.

— Для тебя, купец, отныне открыты все торговые пути. Я даю тебе не простую, а золотую пайцзу, на одной стороне — тамга деда моего Чингис-хана, на другой — моя тамга. Никто не вправе останавливать тебя, в любой город ты зайдешь беспрепятственно...

После церемонии Хансеяр отвел Митряя в сторону и сказал:

— А теперь иди домой, а мы собираемся в дорогу.

— Я не забуду твою доброту, ханский внук, буду славить тебя в молитвах...

— Иди, иди, дядя Митряй, теперь тебя никто не тронет, у тебя в руке ханская пайцза, теперь ты нужен мне, а я — тебе.

Митряй смотрел на золотую пайцзу и не верил своим глазам. Он не понимал знаков на тамге, но знал: именно в ней заключено его будущее, его надежда.

— Хорошо, ханский внук, поклон мой тебе.

— Спешу, дядя Митряй.

Вечером Бату хан вышел из юрты, раскинутой на краю города, и взглянул на город с его церквами и золочеными крестами. Его удивил этот народ. Поклоняются каким-то картинкам, вывешивая их у себя дома на самое видное место, встают перед ними на колени, крестятся, кланяются. Нет, хан решительно отказывался понимать такое поклонение. Он помнит, как уйгурские мугаллимы предлагали ему эту веру, вернее, похожую веру, но уйгуры, тем не менее, не поклонялись каким-то картинкам. Ведь Тенгре невидим, недосыгаем для человеческого взора. Тенгре — небесное Божество — как бы и есть, и его как бы нет. Он — в твоей душе. А здесь картина, рисунок. Сразу видно, что никакие картинки не помогут этому народу. Если бы они им помогали, монголы не смогли бы победить их. Значит, Тенгре много выше их божества.

Рядом с Бату встал Субедей и молча принялся смотреть на догорающий закат.

— Багатур, почему ты не взял с собой жену?

— Она осталась дома. Мы, хан, собрались на войну, а не на пастбище или охоту. Для нее тяжело было бы перенести здешнюю зиму. Кроме того, мы уже не молоды. А вот ты почему не взял с собой молодую жену?

— Причина та же. Не приспособлена она для зимних дорог. Она так нежна, хрупка, прекрасна, что было бы кощунством таскать ее по таким диким заснеженным дорогам.

— Ты полюбил ее, хан?

— Да, полюбил, багатур. Поэтому и женился. Она мусульманка, и брак мы совершили по-мусульмански, прочитав никах.

— У тебя же есть жена в Саксине, хан.

— Саксин — город хороший, пусть и живет там. Завтра с утра нам выходить в поход, багатур. Ты с пушкарями пойдешь впереди, на помощь Бурантай беку. Скажи сотнику пушкарей, что Святослав находится в дружине князя Юрия. Хансеяр горит желанием отомстить Святославу. Преподнеси этого князя ему на тарелочке, хорошо?

— Хорошо, так и сделаю, хан.

Субедей довел до Хансеяра приказ хана. Командир пушкарей лишь кивнул головой в ответ и пригласил Субедея на вечернюю трапезу, налил ему араки.

— Возьмем только пятнадцать самых опытных пушкарей. Нам надо как можно быстрее нагнать дружину князя.

Субедей отпил араки, отрезал мяса и стал медленно жевать. Зубов у Субедея мало, жевать трудно, поэтому багатур предпочитал основательно повалить во рту кусок мяса, а потом проглотить.

— Налей-ка еще араки.

— Может, в баньку сходишь? — предложил Хансеяр. — Скоро будет.

— Разве у русских нет бани?

— Они предпочитают мыться дома, в печи или кадке. Хотя некоторые из них по примеру болгар рубят бани у себя на задворках.

— Вернемся в Булгар, тогда и в баню ходим. У вас бани первоклассные. Карлыгач через день баню топил. Как попаришься, помоешься, сразу легче станешь.

— Как чувствует себя Карлыгач? Привыкает?

— С Карлыгач все нормально. А Ташбая до сих пор не видел, и найти его нигде не могут. Вернемся, и я тогда основательно примусь за его поиски. И Карлыгач об этом просит, все глаза по сыну выплакала. Говорит: «Найди сына, иначе не будет мне жизни».

— Может, он еще сам придет, опомнится?

— Кто знает? Хорошо, если твои слова сбудутся.

Субедей ушел, а Хансеяр улыбнулся, вспомнив, как там, в Булгаре, женившись на Лейле, Бату хан блаженствовал не только в объятиях этой гурии, но и в очищающем пару бани. Не знавший до этого бани Бату хан пошел с юной женой мыться. Лейля наподдала жару и слегка прошлась горячим венником по батыевой спине. Хану это так понравилось, что он сладострастно замычал: «Еще! Еще-о-о! Покрепче! Посильней!» Потом Бату хан через день требовал топить баню. Частые банные дни молодой царствующей четы вызывали в городе разные толки. Одни посмеивались, говоря: «Вот что делает с мужчиной молодая жена». Другие загадочно замечали: «Кто не видел, пусть зажжет днем свет». Как бы там ни было, а Бату хан уже не мог обходиться без бани и без юной пылкой жены. Не зря он так быстро отправил первую свою жену с детьми в окраинный город Саксин.

Карлыгач тоже рассказывала интересные истории из небогатой банной практики Субедея. Дескать, однажды вернувшийся из какой-то поездки Субедей залез на банную полку и крикнул жене: «Давай, Карлыгач, жарь, парь посильнее!» Под ударами веника он то выл, как голодный степной волк, то визжал, как нежная девушка от щекотки. «Карлыгач! — кричал он. — Будто кожа сошла!» Не вытерпев, он выхватил веник из рук уставшей жены и принялся отчаянно нахлестывать себя сам, рыча, воя, визжа и ухая. Потом он нагишом выбежал из бани и бросался в реку, долго плавал, купался, потом снова забегал в жаркую баню и парился, затем опять нырял в речку, и так по несколько раз.

Субедей даже не вспоминал оставшуюся в Каракоруме жену Сэябель и только при виде сына Кулькана мимолетом вспоминал и его мать. С Кульканом Субедей не мог поговорить по душам. Во-первых, Кулькан редко появлялся в стане. То на охоте пропадал, то гонялся за полонянками. Купил одну, переспал с ней, а наутро подарил своему менбаши. Субедей не нравились выходки сына, но он молчал, не решался говорить об этом Бату. А вот сын Карлыгач — Ташбай углан — часто снился ему. Субедей очень хотелось видеть его, он мечтал о встрече и верил, что этот день наступит. Он не находил себе места, узнав, что Ташбай ушел вместе с непокорным кипчакским багатуром Бачманом. Ташбай особенно стал ему дорог, когда Субедей вновь отыскал Карлыгач и привел ее в свою юрту. И Карлыгач все время вспоминала сына, теребила мужа, требуя найти Ташбая, и даже как-то сказала, что живет с ним только ради сына. «Или ты найдешь сына, или...» не договорила она, но Субедей и так все ясно было. Карлыгач словно сыпала соль на старую незаживающую рану Субедея. Багатур в душе верил, что найдет сына. Верил, что Ташбай, наконец, поймет бесполезность борьбы с монголами и сам придет к своему родному отцу — прославленному монгольскому полководцу.

Карлыгач лишь бередила ему душу, говоря, как Ташбай похож на своего родного отца. «Как две капли воды», — прибавляла она, и у Субедея снова щемило сердце. Он и так знал, что сын похож на него, но его угнетала неопределенность. Отправляя Берке хана на поиски дерзкого Бачмана багатура, Субедей предупреждал его: «Если в ваши руки попадет Ташбай, береги его как зеницу ока и доставь ко мне живым и невредимым; я сам поговорю с сыном».

* * *

Рано утром отправиться не удалось. Сам Субедей не особенно спешил. Когда Хансеяр попросил у него разрешения взять с собой в поход купца Митряя, багатур не только разрешил, но и дал в сопровождение кишектина. Эта мысль пришла Хансеяру в голову лишь ночью. Дядя Митряй прекрасно знал местность, мог указать не только дороги, но и каждую тропинку. И, конечно, только Митряй мог показать самую короткую дорогу к логову затаившегося в Ситинском лесу князя Юрия. Кроме того, в княжеской дружине находились Святослав и его верный цепной пес Егорка, которого мог опознать только Митряй. А князя Святослава Хансеяр все равно найдет, никуда этот зверь от него не убежит. Выслушав предложение Хансеяра, Субедей одобрил его.

Утром углан Хансеяр пришел в дом Митряя. Купец открыл дверь, усадил гостя на почетное место, велел жене приготовить угощение. Но Хансеяр от угощения отказался и напрямую, без обиняков, изложил ему свою просьбу.

— Дядя Митряй, я ведь за тобой пришел. Ты нужен мне, чтобы опознать этого супостата Егорку.

— Собрался разыскать Егорку? — спросил купец. — Да, без меня тебе, ханский внук, его не найти.

— Пожалуйста, дядя Митряй, прошу. Я тебя отблагодарю.

— Знаешь, ханский внук, ведь этот мерзавец после того, как вы Наталью увезли, разграбил оба моих магазина, а потом поджег их. Кроме того, потащил меня к великому князю и митрополиту и стал охаивать перед ними да перед всем честным народом! Гореть бы Митряю живьем на огне, да выручил меня ростовский князь Василько, защитил от наветов.

Митряй придвинулся к гостю и понизил голос.

— Знаешь, ведь это зверь... Ну... Марфу мою... понимаешь?... Поганец, стервец... «Дочку свою спрятала, — кричал он на нее, — так ложись теперь вместо нее!» Представляешь? Мою Марфеньку...

Митряй вдруг выпрямился, голос его стал твердым.

— Когда поедем? Я согласен, еду с тобой, ханский внук.

— Едем сейчас, дядя Митряй.

— Марфа, приготовь еды на неделю. Да, да, сегодня же, сейчас же еду!

Войска собралось много. Хансеяр углан послал вперед своих разведчиков. Купец Митряй ехал рядом с Хансеяром. Весь день войско переправлялось через замерзшую реку, и лишь в сумерках накормили лошадей, а заодно поели сами. На рассвете двинулись дальше. Приезжали разведчики, докладывали, что следов князя пока не обнаружено. Хансеяр велел поставить юрту, куда пригласил дядю Митряя. Поужинав, купец, привыкший к дальним дорогам, почти сразу заснул. Хансеяр долго лежал в задумчивости. «Если он, наконец, схватит Егорку, что он с ним сделает? Зарубит саблей? Но Хансеяру еще ни разу не приходилось рубить саблей человека. Конечно, он видел, как монголы лихим ударом сабли наполовину разваливали человека. Нет, Хансеяр не сможет поднять руку на Егорку, лучше он отдаст его дяде Митряю. Ведь Егорка разграбил и сжег его магазины, изнасиловал жену. Но ведь он и Энже, сестру Хансеяра... Нет, не простит Хансеяр ни Егорку, ни, в особенности, Святослава. Так и быть, Егорку он отдаст в руки Митряя, а Святослава казнит сам — лично.

Только он задремал, как послышалось: «Хай-хай-хай!...»

Все вскочили и спешно стали собираться в поход, на ходу закусывая, седлая лошадей, приторачивая переметные сумки. Разведчики донесли, что Бурантай в полдня пути отсюда обнаружил стан князя, который явно кого-то поджидает.

Разведчики донесли правильно. Через полдня пути тумен Бату хана присоединился к тумену Бурантая. Бек с радостью сообщил, что к нему по пути присоединились отряды эрзи и мокши.

— Они точно знают, где сейчас скрывается русский князь, — сказал Бурантай бек.

Ханский кишектин, на которого была возложена обязанность вести войско, переложил теперь эту почетную обязанность на Бурантая бека.

— Хорошо, — обрадовался Бурантай, окрыленный оказанным ему доверием. — Сейчас я начерчу на снегу, как лучше поймать в силки эту дичь.

Бурантай бек вспотел от усердия, поднял уши меховой шапки. Две тысячи своих джигитов он уже оставил в засаде. Перед тем как пойти в наступление, Бурантай бек решил послать в атаку присоединившихся к нему угров. Русский князь, конечно, без труда погонит этот лесной народ, и вот здесь-то, на изгибе реки, русских будут поджидать болгарские пушкари. Сначала обстреляют русских ядрами, а потом с обоих берегов реки засыпят стрелами. Таким образом, князь сам угодит в мешок.

С планом Бурантая согласились все командиры, и две угорские дружины двинулись вдоль реки навстречу русским. Хансеяр углан построил своих пушкарей и послал двух своих разведчиков вслед за уграми. Предполагалось, что когда русские дружинники погонят угров, пушкари пропустят отступающих союзников, а русских встретят губительным огнем пушек. Остальное завершат лучники.

Так и произошло.

Битва эта случилась 21-го дня месяца Рамазан. Заметив движение угорских дружин, князь Юрий как ястреб набросился на них и после короткой схватки погнал их вдоль реки. На изломе реки угры пронесли через расступившихся болгарских пушкарей, и русские попали под убийственный пушечный огонь. Ряды их смешались, возникла паника. Русские стрельцы повернули назад, но там их ждали стрелы лучников. Вперед идти не было смысла. Нескольким русским всадникам удалось выйти из-под обстрела, но далеко уйти не удалось, потому что в той стороне их поджидала засада бурантаевских аскеров. Оставалось только драться: все пути к отступлению были отрезаны. Началась жестокая кровавая сеча. Когда кончились стрелы, схватились за сабли. Окруженная со всех сторон русская дружина таяла на глазах. Из кольца удалось вырваться лишь горсточке отчаянных храбрецов, за которыми кинулись в погоню джигиты Бурантая. Беглецов одного за другим настигали стрелы, и все же нескольким, в том числе Святославу, удалось уйти. Во всяком случае, Святослава не оказалось ни среди убитых, ни среди пленных. Расстроенный Митряй довольно быстро отыскал в толпе пленного своего врага Егорку. Увидев среди монголов старого владимирского купца, которому он причинил много зла, Егорка смертельно побледнел, даже пошатнулся, как от удара, и тут же упал купцу в ноги — вымаливать пощаду...

Пленных было мало, человек двадцать. Хансеяр подъехал к Бурантаю и сказал ему, что нашел среди пленного нужного ему человека.

— Где он? — спросил Бурантай, щуря на пленного и без того узкие глазки. — Который?

— Вон тот, рыжебородый, его мой знакомый купец нашел.

— Я дарю его тебе. Только сначала пусть они похоронят всех мертвых.

— Хорошо, бек, — сказал Хансеяр и, пойдя к Митряю, велел ему отпустить схваченного Егорку.

— Пусть сначала своих похоронят.

— Очень хорошо, — согласился купец.

На расчищенную площадку наложили дров, подожгли их, подождали, пока растопится мерзлая земля, потом заставили пленных вырыть большую братскую могилу. Таким же образом была вырыта вторая могила — для павших монголов.

Рытье братских могил и захоронение длилось два дня. На третий день Бурантай отдал Егорку Хансеяру. Углану вдруг стало жалко этого изможденного, перепачканного углем и землей человека. А ведь Хансеяр хотел живым утопить Егорку в проруби, как поступали русские священники с неверными, если они не хотели креститься: и хоронить не надо, и крови не будет. Монголы тоже не очень любят пускать кровь, когда казнят человека за какую-то провинность. Например, они ломают осужденному хребет и оставляют его умирать в степи. Бедняга еще жив, но двигаться не может. Дальнейшую его судьбу решают степные волки, орлы-стервятники. Страшная казнь — быть заживо растерзанным волками.

Желая успокоить Хансеяра, Бурантай велел привести ему Егорку уже в середине дня. Впрочем, Бурантаю тоже не хотелось быть зрителем кровавого спектакля мести. Однако Бурантай был не только воякой, при случае он мог показать себя и судьей.

— За что ты хочешь наказать этого человека? — спросил он Хансеяра.

Бурантай обо всем знал, но спрашивал исключительно для своих воинов. В этом случае он подражал Бату хану.

— Этот человек убил моего брата Заббара и мою сестру Энже, спалил болгарский город Ашлы, увел много женщин в полон. Кроме того, он отрезал у женщин косы с вплетенными монетами и продавал их на базарах Владимира и Киева.

— А какую месть затаил на него этот русич?

— Дядя Митряй — честный владимирский купец, хороший, мирный человек. За то, что Митряй торговал с булгарами, Егорка разграбил и сжег его магазины, изнасиловал его жену.

Хансеяр знал, как играть на слабой струне Бурантая. И все же лишнего не стал говорить. На собравшихся воинов его слова и так произвели сильное впечатление. Бурантай велел развязать пленнику руки, а сам стал дожидаться, какую же казнь придумают для этого пленного. Да, бек выступал в роли судьи. На нем была черная шуба, на ногах валенки, на поясе — сабля и кинжал. Шапка из лисьего меха надвинута чуть ли не на глаза.

Когда Егорку выдали Хансеяру и Митряю, они переглянулись, гадая, кто же из них будет совершать казнь?

— Может, ты? — спросил купец.

Хансеяр покачал головой.

— Этот — твой, а мой — Святослав, дядя Митряй.

Купец перекрестился, вынул саблю и подошел к Егорке. Тот вдруг обмяк, кинулся ему в ноги.

— Куда! — сквозь зубы процедил Митряй.

— Дмитрий Васильевич, прости, Христа ради, бог все видит. Ты же православный христианин. Прости, бога ради!

— О боге вспомнил, Иуда! Поздно же ты о нем вспомнил. Э-эх!..

Голова Егорки отлетела в сторону, а тело одно мгновение продолжало стоять на коленях, а потом упало на землю. Из отсеченной шеи хлестала кровь. Снег тут же окрасился в красный цвет. Митряй схватил окровавленную голову за волосы и кинул ее в прорубь. Туда же последовало тело злодея Егорки.

— Фу, неверный, — поморщился Бурантай, — испортил прорубь, из которой лошади пьют.

Однако казнью он остался доволен. Отчасти потому, что именно этот «неверный» Митряй помог отыскать ему среди убитых князя Юрия. Найдя тело великого князя, Митряй отправился на поиски Изяслава, нашел и его тело.

— Это князь Изяслав, который участвовал в уничтожении города Ашлы, — сказал купец. — Я слышал, что они нагрянули в Ашлы внезапно, подожгли деревянные городские стены с подветренной стороны. Город был небольшой, народ от пожара стал спасаться через ворота, а тут их хладнокровно расстреливали дружинники князя. Булгарские воины не смогли вовремя прибыть на помощь, потому что Ашлы находился на правом берегу реки, а булгарские отряды — на левом берегу. Поэтому грабители орудовали спокойно, ничего не боясь. Князь Юрий потом сказал булгарским послам, что Святослав напал на город без его приказа, самовольно. Но это была ложь. Князь Юрий, выйдя из Золотых ворот, сам лично поздравлял с победой своих братьев Святослава и Изяслава. В честь этого события был праздник, на котором тут же стали продавать захваченных в рабство женщин и мужчин. Теперь этим злодеям-князьям не то что земли Ашлы, а трех аршинов земли хватит. Будем их хоронить или оставим на съедение волкам?

— Похороним, дядя Митряй. Не тела их жалко, а души. Мы, мусульмане, никогда не оставляем людей непогребенными, дядя Митряй. Грех это. А тот, князь Святослав, все-таки сумел сбежать, а, дядя Митряй?

— Бежал, трус, я уже расспрашивал у пленных. Но ты поймаешь его, далеко он не уйдет. Теперь-то мне чего делать?

— Поезжай, дядя Митряй, домой поезжай. Я тебе дам коня и сани.

— Прости меня, ханский внук. И бог пусть простит. Все-таки злодеяние мы совершили.

— Бог простит, дядя Митряй. Мы только отомстили за нанесенное нам зло.

Митряй обнял Хансеяра.

— Спасибо тебе, ханский внук, спасибо. Если бы все мусульмане были такими, никаких войн и в помине не было бы.

— И если больше было бы таких людей, как ты, дядя Митряй.

— На что надеялись эти князья, один бог знает. А как надменно разговаривал тогда с вами князь Юрий Всеволодович, помочь вам отказался! А сам-то потом в каком положении оказался. Ушел без чести, похоронен без молитвы.

— Злому человеку, пусть он хоть трижды князь, бог и смерть посылает лютую. Поэтому, дядя Митряй, нужно стараться быть честным, справедливым, бояться греха.... Ну, прощай, что ли, счастливого тебе пути. Не забывай Булгар, Казань мою, приезжай и в гости, и с товарами. Теперь все торговые пути для тебя открыты.

30

Это случилось во время осады небольшого городка Козельска. В один из дней осады погиб туменбаши Кулькан углан. Похоронили его 18-го дня месяца Шауваль. Субедей багатур сам опустил тело своего сына в могилу, долго смотрел на его мертвое лицо. Странно было видеть слезы на глазах этого «Железного багатура», который покориł Волжскую Булгарию, сжег десятки ее городов, без содрогания вырезая целые селения, угоняя в полон, отправляя в Каракорум тысячи и тысячи людей и ни во что не ставя жизнь человека. Ведь только за два года «Железный багатур» покориł столько русских городов, что пальцев не хватит сосчитать — Владимир, Суздаль, Ростов, Городец, Кострому, Углич, Ярославль, Тверь и еще десятки городов и селений, — сжигая, грабя, убивая, а на оставшихся накладывая ясак. Кто бы мог подумать, что приемный сын Чингисхана Кулькан углан погибнет возле стен захудалой крепости, появившейся на пути грозной монгольской лавины? Впрочем, стены у этой крепости были на удивление высоки, да и стоял городишко Козельск на крутом холме, склоны которого были облиты водой и превратились в неприступную ледяную твердыню. Какая нелегкая дернула багатура остановиться у этой злополучной крепости? Почему он ее не обошел, как обходил не раз такие второразрядные и третьеразрядные крепости и городки, жители и князья которых позднее, склонив голову, сами шли к Бату хану?.. Трудно было ответить на этот вопрос. Вполне возможно, что после нескольких дней неудачной осады монголы просто плюнули бы на этот богом забытый Козельск и двинулись бы дальше завоевывать мир. Но дело в том, что именно под стенами этого городка погиб углан Кулькан. Выпущенная то ли прицельно, то ли наугад стрела пронзила Кулькана со спины. А тут еще Бату хан подошел с тремя-четырьмя туменами, отказавшись от похода на Новгород. Посмеявшись над Субедеем, который никак не мог взять невзрачный маленький Козельск, Бату хан, однако, на следующий же день сам обломал зубы о стены этого городка. Горожане стойко защищались. Теперь уже не только Субедей, но и сам Бату хан загорелся мстостью на стойких защитников этого городка, а когда взяли Козельск, приказал сровнять его с землей, а все население, до последнего человека, истребить. Вечером в ханской юрте прошел военный совет. Кулькан уже лежал в земле, и над его могилой монголы по старинному обычаю пропустили табун лошадей. Субедей не выпускал из рук стрелу, которой был убит его сын. Он держал эту стрелу, когда табун коней прогоняли по могиле Кулькана, и держал эту стрелу даже на военном совете Бату хана, как будто стрела могла усмирить горькое чувство утраты.

Хансеяр почему-то сразу невзлюбил заносчивого, хвастливого, высокомерного Кулькана. Впрочем, нужно отдать должное этому углану: Кулькан отличался отчаянной смелостью, граничащей с бесшабашностью. Он презирал смерть и этим как бы дразнил ее. Не раз предупреждали его, чтобы он в одиночку не приближался к высоким стенам крепости. Однажды Хансеяр, славившийся острым зрением, отчетливо увидел несущегося во весь опор у крепостных стен всадника. Хансеяр видел, как Кулькан упал на круп лошади. Дальше ехать было опасно. Хансеяр повернул коня и во весь опор погнал его в лагерь.

Приемного сына Чингисхана нашли его аскеры и тут же отвезли тело в юрту Субедей багатура. Даже стрелу из спины Кулькана не вынули. Стрелу Субедей вытянул сам, упал на грудь мертвого сына и беззвучно заплакал.

С этого дня лагерь монголов закипел. Участь Козельска была решена. Субедей багатур два дня сидел возле тела погибшего сына, почти ничего не ел, только пил араку. На третий день Кулькана похоронили. Потом прибыл с грозными туменами Бату хан. Услышав черную весть, Бату в ярости забегал по юрте, а потом сказал туменбаши:

— Проклятый город! Мы возьмем этот злой Козельск, слышишь? Камня на камне не оставим! — Вдруг он умирил пыл и тихо сказал: — Крепость падет завтра. Все слышали? Завтра, ни днем позже!..

Во время осады Козельска, как, впрочем, любого другого города, каждый туменбаши по вечерам объезжал вокруг крепости, проверяя бдительность защитников, а заодно ища слабые места обороны. К тому же нельзя было давать покоя защитникам ни на минуту, все время держать в напряжении, обстреливая их.

— Сравнить город с землей! — злобно крикнул Субедей багатур, не поднимая головы. — Вырезать все население! Никого в живых не оставлять!

— Не оставим! — отозвались кишектины.

Еще не наступил рассвет, как Хансеяр принялся обстреливать из пушек городские ворота. Но ядра не причинили им особого вреда. Потом начался штурм — до того яростный, беспощадный, неумолимый, что город, около месяца сдерживавший натиск врага, был взят за считанные часы. Когда, наконец, забрезжил рассвет, монголы уже карабкались по веревочным лестницам на стены, рубились с защитниками, падали мертвыми, уступая путь другим воинам. Козельчане отбивались отчаянно, но монголов было слишком много, и они пребывали в великой ярости. Вот уже открыты ворота, монголы хлынули в город, круша все на своем пути. Целый день длилась страшная резня. Вечером город, вернее, то, что от него осталось, подожгли со всех сторон, превратив в пылающий костер. Ошалевшие собаки и кошки бежали к воротам, и тут их, посмеиваясь, расстреливали монгольские лучники. Весело было завоевателям: ведь они в самом деле не оставили в городе ни одной живой души.

А наутро Субедей багатур пришел на то место, где над могилой сына был прогнан табун лошадей, и долго стоял со склоненной головой. Потом покосился на догорающий город, вскочил на коня и приказал:

— Вперед!

Летом в год Свиньи Субедей багатур со своим туменом вернулся в Булгар. Он приехал злой: в Булгрии начались народные волнения. Да и не только в Булгарии. На усмирение крымцев Бату хан послал Шайбани хана, а Байдар хана направил в Дешти Кипчак, где вольнолюбивые и непокорные кипчаки убивали монгольских баскаков. Наказать взбунтовавшихся булгар должен был Субедей багатур, в помощь которому Бату хан послал тумен из верных кишектинов. Хан вышел из себя, узнав, что восстание булгар возглавили Джик Мерген и Баян багатур, те самые, что получили ярлык из его рук. Что ж, Субедей быстро поставит их на место. Оставшийся со своим туменом в Булгаре Берке хан, видимо, проявил мягкотелость и не смог обуздать взбунтовавшихся булгарских багатуров.

Странно, что в тронном зале Субедея встретил имам-хазрет Мауля Худжа. Субедей недовольно посмотрел на него и уселся за кумысный столик. Имам в зеленой шелковой чалме робко подсел к нему, налил себе кумыса.

— Имам-хазрет, — сказал Субедей, прихлебывая пенный напиток. — Почему так случилось? Джик Мерген и Баян подняли народ против баскаков? Почему они набросились на назначенных Бату ханом тарханов, эмиров и баскаков? Говорят, среди баскаков есть убитые. А мятежники прикрываются именами малолетних булгарских царевичей. Разве они забыли, из чьих рук брали ярлык?

Имам-хазрет осторожно прочистил горло. Ему, в общем, нечего было ответить. Впервые он растерялся. Действительно, он сам уговорил Джик Мергена и Баяна прийти с поклоном к Бату хану. Да, эти багатуры взяли опеку над малолетними ханзадэ и до их совершеннолетия должны были править вверенными им улусами. Оба багатура выразили покорность Бату хану и получили у него ярлык на улусы. Кроме того, они собственноручно подписали условие, выдвинутое Бату ханом, то есть, по сути, письменно дали клятву о верности великому хану. Что случилось с этими двумя багатурами? Или кобылица в голову их лягнула? Подняли народ, чернь против молодых ханов. А кто такой народ? У татар не зря говорят: «Чернь — что овцы, куда погонит пастух, туда и бегут». Действия багатуров не укладывались в голове имама. И все же Мауля Худжа — он и есть Мауля Худжа, чтобы как-то выкручиваться из создавшейся ситуации, — выслушав хана, протяжно и мелодично продолжил:

— О-о, мой багатур! — протянул он. — Если, с одной стороны, Аллах наделил человека умом, с другой стороны, Иблис-Шайтан нарочно сбивает его с пути истинного. Аллах так сказал человеку: «Я создал для

тебя такое существо, которого ты никогда не увидишь, но который все время будет сбивать тебя с пути истинного, поворачивать на дела злые, несправедные. Ты не поддавайся ему, иначе утонешь в трясине греха, и останется тебе лишь обратиться за помощью к святым людям или наложить на себя руки».

— Как бы тебе, старик, — остановил старика Субедей, цедя кумыс сквозь редкие зубы, — самому не оказаться среди людей злых и несправедных. Иди, уговаривай, увещевай этих полоумных багатуров, не знающих чувства благодарности. Приведи обоих сюда, и как можно быстрее, слышишь? Остальное — мое дело. Куда смотрел Берке хан?

Берке хана, по правде говоря, Мауля Худжа давно прибрал к своим рукам, поэтому его нужно было как-то выгородить, обелить.

— Он усмиряет кипчаков где-то возле Саксина.

— Значит, Берке хан уехал, чтобы приструнить кипчаков, а эти два багатура подняли болгарскую чернь против законной власти? — сердито воскликнул Субедей. — Ну, хорошо, я знаю, как с ними говорить.

— Не спорю, ты разберешься с ними, — ответил имам, — но успокоишь ли ты этим народ, мой багатур? Древние говорили: страну защищает не армия, а народ.

— Я сделаю так, старик, что этих багатуров побьет их собственный народ, болгарская чернь!

Мауля Худжа почувствовал, что приперт к стенке. Намерения разгневанного Субедея были весьма и весьма серьезные. Несомненно, он еще раз пройдет войной по всей Булгарии, после чего страна вряд ли возродится. И так уже от народа осталась едва ли треть, остальные были угнаны или бежали. Единственный человек, кто способен хотя бы приостановить волну субедеевского гнева — это молодая жена Бату хана, несравненная Лейля — Божий Дар. Имам знал, что остановившийся в степи Бату хан вызвал к себе любимую молодую жену.

— Что потребуешь, то и будет сделано, багатур, поверь мне, — смиренно произнес имам.

В его тихом ответе чувствовалась такая непоколебимая уверенность, что даже выдавший виды Субедей слегка удивился, поставил недопитую чашу на стол, поправил повязку на глазу и негромко сказал:

— Люблю прямых людей, имам-хазрет. Когда отправишься в путь? Сегодня, завтра?

— Завтра, багатур. Говорят, утро вечера мудренее.

— Хорошо, хорошо, так и сделаешь, имам-хазрет. Тебя будет сопровождать ханский внук углан Хансеяр.

— Очень хорошо, багатур. Малолетний хан Алтынбек сидит в Малой Казани, а Джик Мерген, стало быть, от его имени мутит народ, вызывает волнения. Между тем на эти владения имеет право и углан Хансеяр.

— Об этом, имам-хазрет, Бату хан позаботится, когда вернется из похода.

— Он намерен вернуться?

— Да, вернется. Ему нравится этот город. Отсюда его жена. И здесь такие великолепные бани!

— Налей еще кумыса, багатур. Что-то в горле пересохло.

— Пей, старик, пей. Если Бату хан изберет своей столицей этот город, слава Булгара распространится по всей земле.

— Наш город, багатур, — смиренно поправил его имам.

— Наш, наш город, — согласился, посмеиваясь из-под усов, Субедей.

— Аминь, аминь, багатур. Прежде чем покинуть город, я хотел бы сообщить тебе новость. М-м-да... Ташбай углан объявился, он здесь, в городе.

Субедей вздрогнул, как от удара мони, даже в лице изменился, однако взял себя в руки и, выдержав паузу, наконец, недоверчиво спросил:

— Да ты что, старик?

— Ты, багатур, был ли у себя дома?

А ведь хитрый имам знает, что Субедей дома еще не был, прямиком во дворец прискакал. Сначала нужно осмотреться, ознакомиться с обстановкой, отдать необходимые приказы, а потом уж и домой можно отправиться. Да, поначалу он должен был встретиться с Берке ханом, но того не было в городе. Оставшиеся в Булгаре два туменбаши ничего толком не могли сказать. Дескать, они люди маленькие, подневольные. Только этот странный старик-имам без утайки рассказал багатуру, что происходит на самом деле в городе и стране.

— Слушай-ка, имам хазрет, — несколько смягчился Субедей. — Думаешь, мой сын находится сейчас возле матери?

— Конечно возле матери, где же еще? И потом... учти, что он не знает о твоём возвращении.

Ни слова не говоря, Субедей подошел к двери и велел позвать Бурантай бека.

— Бурантай бек, — обратился к нему Субедей. — Оставляю имам-хазрета на твое попечение. Прими и береги. Покуда не вернусь, имам никуда не должен уходить. Поговорите пока здесь, посоветуйтесь, как утихомирить чернь.

И поспешно ушел.

— Слушаюсь, багатур, — ответил Бурантай бек и поприветствовал имама: здравствуйте, преподобный имам-хазрет!

— Хвала Аллаху, Бурантай бек, — ответил имам.

Усевшись, они принялись за молитву.

— Ну, как дела, имам-хазрет? — покончив с молитвой, спросил его бек уже за чашкой кумыса.

—хлопоты, сын мой, одни хлопоты. Джик Мерген и Баян баламутят народ от имени малолетних ханзадэ. Знаешь ведь наш народ: за хана в огонь готов лезть. Поверили им. Дескать, Булгария — для болгар и все тут. Мол, хотим жить независимо, самостоятельно, без монгольских баскаков.

— Мы быстро поставим их на место, имам-хазрет, не беспокойся. Зачинщиков и подстрекателей повяжем и бросим в темницу. Вернется хан Бату, и сам учинит над ними суд. Бату хан наказал мне не трогать города, присягнувшие ему на верность.

— Завтра утром я отправлюсь к ним, попробую уговорить их, может, одумаются, придут с повинной. Так приказал мне Субедей багатур. У «Железного багатура» и хватка железная, бек. Да, как-то неладно получилось...

Бурантай бек встал. Одежда на нем была распахнута, длинные волосы свисали до плеч.

— Негоже мусульманину ходить с такими длинными волосами, — заметил имам. — У меня есть один очень искусный мастер, он приведет в порядок твои волосы.

В это время к ним вошли сыновья Субедея, приехавшие из Каракорума.

— Мы ищем багатура, — сказал тот, что постарше.

— Его нет во дворце.

— Багатур ушел домой, к жене, — сказал Мауля Худжа.

— Нам хочется вернуться в Каракорум, — сказали мальчики в один голос. — Ханбике нас обманула. Сама осталась с детьми в городе Саксине, нас послала сюда, к отцу.

— Хорошо, очень хорошо, ради бога, езжайте к себе в Каракорум, — ответил Мауля Худжа. — Ну и название нашли — Каракорум...

— Завтра в Каракорум идет караван. Мы уже договорились с караванбаши.

Бурантай бек промолчал, лишь улыбнулся краешком губ. Мальчики стушевались, потоптались и поспешили выйти из дворца.

— Имам-хазрет, — сказал Бурантай бек. — Мулла, которого ты направил к нам, умер, царство ему небесное. Простудился, кажется. Три дня в горячке метался... Хороший был человек...

Имам начал читать молитву. Потом добавил:

— Пусть душа его блаженствует в раю, Бурантай бек.

— Нравился он мне, его молитвы, имам-хазрет. И джигиты мои стали совершать намаз, следуя наставлениям твоего проповедника. Надеюсь, преподобный имам, найдете для нас еще одного муллу.

— Конечно, бек, но только после того, как вернусь, — ответил имам, поднимаясь с места. — Мулла Шамгун Ахун был хорошим, праведным человеком.

— А нельзя ли решить этот вопрос сейчас, имам-хазрет?

— Я же сказал: когда вернусь. Ты же видишь, какую обузу взвалили на наши плечи легкомысленные багатуры Джик Мерген и Баян. Эта страна была потоплена в крови. Мало осталось народу в этой стране, мало. А они задумали поднимать, волновать чернь. Так можно совсем подорвать устои государства, бек. Сначала упрявился Ильгам хан, его упрямство продолжил неугомонный Бачман багатур, а теперь эти двое, от имени малолетних ханзадэ, вздумали мутить неразумный народ. Если так будет продолжаться, от Булгарского царства не останется ничего, кроме воспоминаний, а Ильгам хан может оказаться последним правителем в истории болгар. Если, не дай бог, юных царевичей кинут в темницу, кто возродит ханскую династию, кто взойдет на престол болгарский? Лучшие наши люди томятся в далеком Каракоруме. Я думал, предводители наши, наконец, успокоились, взяли за ум, принялись восстанавливать страну. Но их снова бес попутал. Чего добился хорезмшах Улуг Мухаммед, подняв народ на борьбу с монголами? Или наш покойный хан Ильгам? Ответь, Бурантай бек, чего молчишь, будто воды в рот набрал? Я на тебя не обижаюсь, даже благодарен тебе, радуюсь, что и среди мусульман есть умные головы. Никогда не отворачивайся от Аллаха, Бурантай бек, никогда не поднимай меч на собственный народ, ты не Субедей, что без имана и веры. Его накажет Всевышний, но ты — разумный человек, и хотя слуга хана, не забывай, что ты правый. Не давай успокаиваться душе своей, молись, твори намазы, не умножай грехи свои, которые будут

взвешены на божьих весах в Судный День. Мусульманин мусульманина должен беречь, защищать. Не проливай понапрасну крови, бек. Поднять руку на неверного — грех, поднять руку на своего же мусульманина — грех тысячекратный.

— Я отомстил Владимирскому князю, имам-хазрет, послал его подлую душу в ад.

Не зная, что сказать, имам некоторое время молча смотрел на бека, потом провел ладонями по лицу и направился к выходу.

— Прощай, Бурантай бек, постарайся быть добропорядочным.

— С тобой, оказывается, едет ханский внук Хансеяр углан, тот самый, начальник пушкарей?

— Да, едет.

— Хорошо, но только знай, имам-хазрет, что следом за вами двинется с своим туменом Субедей багатур.

Об этом Мауля Худжа не знал.

— Он мне не верит? — спросил имам у бека.

— Не в тебе дело. Он хочет найти и разрушить Шайтанкалу. Нам сообщили, что именно там куют оружие для восставших.

— Возможно, возможно, — задумчиво сказал Мауля Худжа. — Что ж, прощай, Бурантай бек.

* * *

Неожиданно, слишком неожиданно пришла счастливая весть о возвращении сына Ташбая. У ворот его ждали сыновья Уректай и Кукече и стали что-то взволнованно говорить.

— И вы здесь? — только и спросил багатур. — Завтра же уезжайте. Караван уходит в Каракорум. Я караванбаши сказал.

— Мы узнали, что ты вернулся, и поспешили во дворец, но тебя там уже не было. Нас к тебе послала мама Ташбая. Вернулся брат наш Ташбай.

Ташбай... Ташбай... Его надежда. Радость Карлыгач. Наконец-то душа ее отгадет. А то все ходила сумрачная, чернее тучи, как в воду опущенная. А ведь уже забыл, когда на ее лице видел улыбку: ходит и молчит. Какая-то безрадостная, будто тяжелый недуг точит ее. О Тенгре, как я хочу видеть ее счастливой! Сын Ташбай — не только ее, но и мое единственное утешение. Потом я его сделаю тарханом, воевать он не будет. Обещал ведь Бату хан, обещал. Какой он хан, если слово не сдержит!

Субедей сказал мальчишкам:

— Идите в дом, я — за вами.

И увидел десятника с кишектинами, которые сидели в старом доме хозяйки. Но он не обратил на это внимания. Он ждал, когда на крыльце парадного покажется его сын Ташбай. Истинный воин. Именно таким его хотел видеть Субедей. Он не спешил. День клонился к закату. Войско свое он оставил за городом, чтобы не пугать горожан. Да, болгары многое пережили и питали ненависть к монголам. Субедей спиной это чувствовал, но никогда никому вслух не высказывал. Вдруг он посмотрел в окно, почувствовав что-то неладное. В окне промелькнуло лицо жены и, кажется, Ташбая. Субедей медленно поднялся на крылечко и, увидев у задних ворот оседланных лошадей, шагнул в переднюю, где стояла побледневшая и чем-то напуганная Карлыгач, руки и губы ее дрожали, она тщетно силилась что-то сказать.

— Где он?!

— Кто, Субедей, кто? — наконец смогла выговорить женщина.

О Тенгре, хоть не задавала бы такого глупого вопроса! Ведь Субедей видел в окне лицо сына, видел!

— Ташбай, где Ташбай? — закричал Субедей.

— Ташбая здесь нет, — сказала Карлыгач дрожащим голосом. — Он ушел. Он боится тебя.

— Дурья голова! Я его отец, я!

Субедей выбежал на крыльцо. Но всадник уже выезжал через задние ворота.

— погоди, Ташбай, стой! Сынок!

Всадник уже несся лугом, пересек небольшую речку и направился к Девичьей горе. Субедей прозительно свистнул, призывая своего коня. На ходу вскочив в седло, он ринулся через огород напрямую к Девичьей горе.

— Но, Тулпар, догони его, дуралея!

Субедей бешено стегал коня. Тулпар, и так привыкший слушаться хозяина с полуслова, летел стрелой.

— Айда, Тулпар, айда! Догони его!

Он еще не знал, что скажет сыну, но душа рвалась к нему, все тело дрожало, спина взмокла от волнения.

Субедей давно не вязывался в сечу, обычно он руководил военными действиями, наблюдая с какой-нибудь высоты. Его кишектины доводили до каждого туменбаши его приказы, а враг почти всегда терпел поражение. Много раз ему приходилось догонять убегающего врага и разить его стрелами. Но на этот раз впереди был не враг, а его родной сын Ташбай.

Как-то на реке Келтя Субедею пришлось сразиться один на один с русским князем. Поблизости не оказалось ни одного кишектина. Князь был облачен в кольчугу, стальные налокотники и наколенники. Князь мчался во весь опор на него, так что Субедей даже испугался. Свернуть было нельзя, потому что тогда его бок открылся бы для вражеской стрелы. В этот момент князь поднял копьё, ибо увидел, что перед ним не простой воин, а знатный монгол. Разгоряченному князю, похоже, уже было все равно, от чьей руки умирать. Он понимал, что битва проиграна, но он хотел умереть красиво. У Субедея не оказалось копья, и он выхватил кривую саблю, еще не зная, как сможет клинок противостоять смертоносному копьё. И тут, видимо, Тенгре пришел ему на помощь. Переднее копыто облаченного в железо коня попало в яму, и всадник со всего размаха рухнул наземь. Субедей мгновенно соскочил с лошади и рубанул князя саблей по шее. Но клинок лишь зазвенел о сталь: князь был хорошо защищен доспехами, однако прежде чем князь поднялся на ноги, Субедей рубанул его еще раз, на этот раз в лицо...

...Гонка продолжалась.

— погоди, Ташбай, стой! стой, сынок, стой, углан!

Субедей знал, как понукать коня. Вернее, его не нужно было понукать. При необходимости Субедей просто отпускал удила, и конь, прекрасно поняв, рывком устремлялся вперед. Теперь Тулпар или догонит всадника, или упадет где-нибудь бездыханный.

— стой, Ташбай, стой!

Они уже поднялись в гору, поскакали вдоль хребта. До Ташбая было рукой подать, во всяком случае, из лука его можно было достать. Ташбай слышал его голос, несомненно слышал, но не хотел останавливаться, а все мчался, мчался вперед. На скаку Ташбай ловко пересел на заводную лошадь.

— Уйдет, — подумал Субедей. — Уйдет. Ну, Тулпар, давай поднажми еще немного!

Солнце садилось, но Субедей еще хорошо видел сына. Чу, что случилось... Внезапно Ташбай пропал, как сквозь землю провалился. Раздалось ужасное, предсмертное ржание коня, сорвавшегося с крутого обрыва и увлекшего за собой вторую, привязанную к седлу, лошадь. Субедей закричал, не услышал своего голоса. Отчаянный вопль разрывал его, словно крик вырывался из самого его сердца.

— Ташбай! сынок! — надрывно закричал Субедей, чувствуя острую боль в сердце.

У обрыва он спешил, подбежал к краю, жадно вглядываясь в сумрачную глубину. Где-то там на дне пропасти раздались глухие стоны, и потом все затихло. Сердце Субедея гулко и часто стучало. Под ногами беззаботно стрекотал сверчок. Подняв лицо к небу, Субедей завывал, как волк воет на луну. Потом встал на колени, нагнулся, снова оглядел зияющую пропасть. Там, внизу, было темно и страшно. Некоторое время он стоял не шелохнувшись, прижавшись лбом к краю обрыва. Единственный его глаз наполнился слезой, и даже выбитый глаз стало щипать под грубой повязкой.

— Чье, чье же проклятье пало на мою голову?!

Он оставил лошадь и обходным путем спустился на дно пропасти. С трудом нашел тело сына, поднял его на руки и, рыдая, стал подниматься вверх, к лошади, а где-то за рекой, будто вторя его недавнему крику, выл на луну одинокий матерый волк.

Он положил тело сына на седло, а сам пошел рядом с лошады. Умный Тулпар шел осторожно, иногда тихо ржал. Через некоторое время Субедей увидел своего десятника, выехавшего навстречу. Увидев тело Ташбая, десятник повернул своего коня обратно.

Карлыгач встретила их у задних ворот. В лице ее не было ни кровинки, волосы растрепаны...

— Ты убил его? — прошептала она.

Субедей не ответил. Что он мог сказать? сын мертв, и этим все было сказано.

Во дворе он снял с седла тело сына. Лицо Ташбая почернело, из носа медленно текла стывшая кровь, одна рука висела бессильно, словно перебитое крыло. Субедей занес тело сына в дом, положил на белый войлок и встал на колени. Он долго смотрел на сына, затем прижал его голову к груди и беззвучно заплакал. Лишь плечи его сотрясались от рыданий.

Карлыгач все еще находилась в оцепенении и не могла прийти в себя. Как же так?.. Еще недавно он обнимал ее, глядя по спине, уверял, что с ним все будет хорошо, чтобы она не волновалась понапрасну. И вот теперь он лежит бездыханный, а его отец, вечно жаждущий крови, плачет у него на груди. Сердце матери словно окаменело от горя, она все еще не верила в реальность происходящего. Ей казалось, что сын всего

лишь прилег, чтобы отдохнуть немного. Вот-вот он откроет глаза, встанет и скажет: «Мама, пусть он уйдет, я не хочу с ним говорить. Чужой он мне, чужой!»

Кишектины зажгли свет, Субедей поднялся, обнял все еще не пришедшую в себя жену.

— Он хотел скрыться от меня и сорвался в пропасть, Карлыгач...

— Зачем ты догонял его, Субедей, зачем?!

Он слегка отстранил жену и посмотрел в ее помертвевшее лицо. Действительно, зачем он догонял его? Если бы он не гнался за ним, сын бы не сорвался бы с кручи. И сам нашел бы свой путь. Но ведь Субедей догонял его с единственной целью: он хотел, наконец, объясниться с ним. Ведь отец же он ему, отец!

Ничего не сказав, Субедей направился к двери, и только тут опомнившаяся Карлыгач с плачем кинулась бездыханному сыну на грудь. Рыдая, она проклинала, проклинала имя своего мужа. Не в силах выдержать этого, багатур вышел через задние ворота, прислонился спиной к старой плакучей иве, взглянул на небо и тоскливо подумал: «О, Тенгре, что ты сделал со мной?..» Далеко на западе догорал закат. Так же обычно догорали спаленные им города. Его мечтой было выполнить завещание Чингисхана и привлечь к этой великой цели сына. Он мечтал подарить Ташбаю улус Булгарии. Да, было, было... О-о, Тенгре, дай мне терпения, дай много терпения. Прости, прости, грешен я, грешен перед тобой...

Еще одного сына потерял он. Но до сих пор не выпускает из рук саблю... И не выпустит, потому что «Железный багатур» поклялся Чингисхану выполнить его завещание, довершить начатое великое дело. И он выполнит клятву. Но какова будет цена? Каких еще жертв потребует от него эта грандиозная цель?

* * *

Ташбай был мусульманином, и похоронили его на мусульманском кладбище. Субедей слушал, как мулла отпевал его сына. Молитва звучала то протяжно, то переходила почти в песню, плач. Субедею тоже хотелось плакать и молиться. Молиться и плакать. А мулла все читал и читал...

Когда мулла закончил дженазу, Субедей вынул из кошелья все золото и серебро, сунул в руку духовника, повернулся и молча ушел.

Когда он вернулся домой, Карлыгач все еще лежала в постели, почерневшая и осунувшаяся, с неподвижным взглядом опухших от слез глаз. Субедей молча разделся и лег рядом. Мудрецы говорили ему: «Человека может сделать счастливым только победа». Читать и писать Субедей не умел, но любил слушать речи разных ученых, которых собирал подле себя Чингисхан. Превыше всех изречений для Субедея была любовь к Карлыгач. Он не мог объяснить, почему его так неудержимо тянуло к ней. Вероятно, он так и не поймет этого до конца своей жизни. Субедей часто говорил себе, что Карлыгач была послана ему самим Тенгре, но вряд ли он вникал в смысл этих слов. Сэябель была для него лишь средством удовлетворения мужского желания, а Карлыгач завладела Субедеем полностью, без остатка. Видя ее стройную фигурку, он волновался, как влюбленный юноша. Ни одна из его жен не пробуждала в нем таких чувств. Что это было: колдовство, ворожба, судьба? Мусульмане говорят, что счастливым будет только тот, кто найдет своего суженого или свою суженую. Любить и ласкать Карлыгач было для Субедея то игрой, то реальностью, потому что любовь к ней то возвышала его до небес, то опускала на холодную землю. Она вроде бы была, и ее словно не было. Иногда она кричала от страсти, а порой была безучастна к его ласкам...

Он не заметил, как заснул. Проснулся рано утром, пошарил рядом рукой — Карлыгач не было. Она всегда вставала с зарей, любила сама готовить завтрак. Но сегодня все было иначе. Не до еды была Субедею. Черная мысль, что, по сути, он своими руками убил собственного сына, терзала его сердце. Нет ему за это прощения!

Он встал, умылся, оделся, посмотрел в окно. Мрачным квадратом смотрели на него задние ворота, через которые отправился на смерть Ташбай. А ведь он действительно был поразительно похож на него, на отца.

Зашли дети, весело повисли на шее отца. Субедей не знал, зачем Сэябель отправила к нему детей, но принял их радушно.

— Мы кушать хотим.

— Где же мама, неужели она ничего не сварила?

— Она не наша мама, она не любит нас.

— А чья же она мама?

— Она мама Ташбая.

— Кто сказал?

— Берке хан.

Младший из сыновей Сэябель — Кукечи болтал с отцом беззаботно, наивно. Уряктай, что постарше, больше молчал. Он уже много понимал на этом свете. Вообще, Уряктай приехал сюда, чтобы постичь под руководством отца воинское искусство, но до сегодняшнего дня они еще ни разу об этом не говорили. А все-таки негоже Берке хану говорить такие слова детям. Впрочем, он хан, и этим все сказано. Хотя какой он хан?! Где теперь такие ханы, каким был некогда великий Чингиз?! Нынешние ханы окружают себя тысячами кишектинов и сами боятся высунуть нос из юрты. И только Бату хан растет на глазах. Остальные ханы лишь грызутся между собой, пьют араку, окружают себя девицами. Даже Кулькан, приемный сын, совсем испортился и так глупо погиб из-за своей бравады и глупости.

— Кто тебя же кормит? — продолжал Субедей допрос Кукечи.

— Мама Карлыгач.

— Сегодня она тебя кормить не будет, один день поголодаешь.

— Почему?

— Потому что детей кормит мать. А вашей матери здесь нет. У тети Карлыгач самой много забот и хлопот.

Уряктай с Кукечем переглянулись.

— Мы будем называть тетю Карлыгач мамой.

— Хорошо, идите, умойтесь в речке.

Дети побежали к воде, а Субедей спустился на первый этаж, к кишектинам. Кишектины завтракали. Увидев своего багатура, они тут же повскакали со своих мест. Субедей остановил их.

— Сидите.

— Милости просим к нашему столу, багатур.

Субедей отмахнулся:

— Спасибо, не хочется. Покормите-ка лучше моих сыновей.

У Субедея действительно не было аппетита. До еды ли в такой черный день?

Вдруг прибежали сыновья:

— Отец, отец, — замахал руками младший. — Там... Там... В воде...

Субедей стрелой выскочил из дома, кинулся к реке. Пока он преодолевал эти пятьдесят-шестьдесят шагов, в голове пронеслись тысячи мыслей. И лишь одну мысль он пытался отчаянно прогнать, лишь одну... Она подкралась к нему еще утром, когда возле него не оказалось Карлыгач...

Под мостками виднелось белое платье.

«Карлыгач!» — страшная мысль обрела плоть. Он лег на мостик, дотянулся до утопшей, вытянул из воды и прижал ее голову к груди.

— Карлыгач, милая, что же ты наделала? Что же ты наделала?..

Он встал, подняв тело на руки, не в силах сделать и шага, словно кто-то невидимый держал его за ноги. Наконец, он медленно пошел навстречу бегущим к нему кишектинам, неся на руках тело любимой. С ее платья и волос ручьями стекала вода. Никому не сказав ни слова, он прошел мимо своих кишектинов, даже не посмотрев на них, шел будто в никуда, не осознавая, что делает. Еще вчера он так же заносил в дом тело погибшего сына. И сейчас он снова поднялся на второй этаж, положил на белый войлок тело любимой и так же долго смотрел на лицо безмерно дорогого ему человека. Что происходит в этом мире? Почему в последнее время все несчастья обрушиваются на него? Он не плакал, плакало его сердце, а душа его словно окаменела.

* * *

Субедей не противился, когда имам-хазрет попросил похоронить Карлыгач в этот же день. Ведь бедняжка Карлыгач была набожной мусульманкой, ежедневно творила намаз, читала молитву. А теперь она уходила от него в другой дом, Дом Вечности. В чужой для Субедея дом.

Когда-то он слышал, как имам сказал ей: «Мир — это для раба божьего поле, чтобы делать добро. Что посеешь, то и пожнешь». И вот теперь Карлыгач отправляется к Аллаху, которому поклонялась. Если верить имаму, на том свете Субедей и Карлыгач обязательно встретятся. Это как-то не укладывалось в голове Субедея. Для него жизнь заканчивалась с уходом из этого мира, где светит солнце и правит небесное божество Тенгре, а на том свете, казалось ему, нет ничего, кроме холода и тьмы. Но если есть на свете Аллах, о котором не устает говорить имам, Субедей будет безмерно благодарен ему за будущую загробную встречу с Карлыгач. Ведь именно с ней он отведал вкус настоящего человеческого счастья в этом брэнном и грешном мире.

Похороны Карлыгач были похожи на похороны сына. Так же напевно, раскачиваясь, читал молитву мулла, так же отсыпал на подол ему золота и серебра Субедей...

Теперь никто и ничто не держало его в Булгаре. Сколько лет он мечтал прийти в эту страну, чтобы отыскать свою ненаглядную Карлыгач. Мечту он осуществил, и был счастлив, очень счастлив. И вдруг все его счастье рухнуло, разлетелось на мелкие куски. И все-таки Субедей был человеком военным, и он должен следовать приказам Бату хана. Субедей, многоопытный полководец и завоеватель, чувствовал, что в лице Бату нарождается новый Чингисхан, новый потрясатель Вселенной. Наступит день, когда достигнет могущества чингизид Бату хан и перестанет подчиняться великому кагану монголов Угедей хану, ибо обретенная власть заставит его сделать это. Субедей наблюдал этот процесс еще на примере покойного Чингисхана. Каким был в юности Темурджан? И каким стал, когда его выбрали великим ханом и подняли на белой кошме, назвав Чингисханом! Он вырос не на голову, а на высоту целой юрты. А юрта для монгола — это весь мир...

Утром он позавтракал, снабдил сыновей деньгами и всем необходимым, выделил им в сопровождение кишкетинов и проводил в Каракорум. Сам же с войском двинулся на Шайтанкалу. Он не спешил, не суетился. Горе от потери жены и сына было настолько велико, что он серьезно думал, не вернуться ли ему после усмирения булгар домой, в Каракорум. Такая возможность у него была. Угедей хан радушно примет ветерана и сподвижника самого Чингисхана. Но что он скажет ему? Разве не Субедей с пеной у рта доказывал на Курултае необходимость нового завоевательного похода вплоть до берегов Адриатического моря? Разве не он просил поставить во главе армии чингизидов внука Чингисхана хана Бату?..

Субедей багатур с войском не спеша шел по следам Хансеяр углана и Маули Худжи, едва не наступая им на пятки. Казалось, никто из них никуда не спешил, будто и не было в стране бунта. Так, не спеша, они достигли Шайтанкалы и вошли в город. Первым делом Субедей велел привести к нему мастера Бакира. Когда тот упал перед ним ниц, багатур сказал ему:

— Чтобы отныне в Шайтанкале не было выковано ни одной сабли, ни одного наконечника стрелы или копья. Делайте плуги, лопаты, грабли и прочие инструменты для мирян. Пушки и ядра все до одного сдайте моим туменбаши.

Приказ багатура был выполнен быстро и четко. Более семидесяти новых пушек с ядрами было отправлено в Булгар. Перед уходом из города Субедей подошел к Хансеяру, положил руку ему на плечо и сказал:

— Здесь долго не задерживайся. Я тебя жду в Булгаре.

Вскоре после отъезда Субедея город покинули и Хансеяр с Мауля Худжой. Шайтанкала вновь осталась в распоряжении мастера Бакира. Однако недалеко от города, у подножия горы расположилась лагерьм тысяча джигитов Бахтияра, которые ждали лишь сигнала от Джик Мергена и Баяна. Хансеяр знал, где находится Бахтияр, но не захотел с ним встречаться. Сначала ему хотелось переговорить с багатурами.

Властитель города Алабуги ханзадэ Галимбек встретил гостей у городских ворот и преподнес Мауле Худже поднос с чак-чаком. Мауля Худжа отведал чак-чак, похлопал юного ханзадэ по спине и направился к стоящему в доспехах Баян багатуру.

— Салямалейкум, багатур!

Багатур протянул ему руки для приветствия.

— Вагалеякумассалям, имам-хазрет.

— Субедей вот-вот нагрянет сюда. Почему открыты городские ворота?

Баян багатур оглянулся, метнул на своих джигитов такой взгляд, что те оробели. Действительно, почему они открыли ворота углану, который состоит у монголов на службе? Но теперь уже поздно, войско Хансеяра уже заполняло площадь. Но разве брат пойдет на брата?..

— Я ни с кем не хочу воевать, — заявил Баян багатур.

— Так почему же ты поднял народ, подговаривал малолетнего хана? — нагнулся к царевичу Мауля Худжа.

— Я не хотел этого, — ответил подросток. — Дядя Баян пообещал мне трон Булгарии.

Юнец чуть не плакал от досады.

— Если у тебя очень уж чешутся руки, в моем войске найдутся джигиты, чтобы померяться с тобой силой, багатур, — сказал углан Хансеяр. — Да и я могу сразиться с тобой.

Баян багатур побагровел, но стерпел обиду, промолчал, и только пальцы его нервно дрогнули на рукоятке сабли.

— Отдай ярлык обратно, багатур, — властно потребовал Мауля Худжа. — Давай, давай, багатур. Я отдам ярлык нужному человеку. Сначала ты прятался в городе Ибрагиме, теперь обосновался здесь, в Алабуге. Я тебе советую отдать ярлык и вернуться в Ибрагим калу. И немедленно.

Баян багатур нехотя вынул из кармана ярлык и протянул его Мауле Худже.

— Прости меня, имам-хазрет, я нарушил клятву, данную Бату хану.
— Сначала ты поедешь с нами в Булгар, к Субедей багатуру. Он будет судить клятвоотступников. Плохо это или хорошо, но мы с тобой соплеменники и даже родственники. Среди нас не найдется никого, кто поднял бы на тебя руку. Великий князь Владимира, сын Всеволода Большое Гнездо уже давно в могиле. Когда-то ты поддерживал владимирского князя и даже до некоторой степени служил ему. Пора тебе, багатур, одуматься и прекратить волновать народ, проливать кровь ближних.
— Я так и сделаю, имам-хазрет.
Мауля Худжа передал ярлык углану Хансеяру.
— А сейчас, углан Хансеяр, передай при всем честном народе этот ярлык его законному владельцу ханзаде Галимбеку. Передай, передай. Пусть все видят и слышат. А в поддержку юному хану я оставляю достопочтенного муллу Бельбаша.
Хансеяр углан произнес торжественную речь и вручил ярлык юному хану. Счастливый юнец вдруг как-то повзрослел и послушно повторял вслед за Мауля Худжой слова присяги.
На другой день они выехали в Казань, взяв с собой Баяна багатура.

* * *

— Все перепуталось в этом мире, — сетовал Бакир, встречая Бахтияра. — Не знаешь, кому верить. Самый близкий мне человек, можно сказать, почти властитель этого города, пляшет под дудку монгольских завоевателей. Как это понимать?
— Хансеяр знал, что мы здесь, Бакир ага?
— Не знаю, Бахтияр, ничего не знаю. Мне ясно только одно: с сегодняшнего дня я не вправе выплавлять ни одну пушку, ни одно ядро. Отныне мое производство — это всякие лопаты, грабли, мотыги, плуги...
— Что ж... Это хорошее дело, Бакир ага. Только ты и нас не забывай.
— Ты где? А я где? Вот ты и войди в мое положение. Кто хозяин этого города? Может, тебе напомнить? А он этот город наверняка передаст в руки ханзаде Галимбека.
— Мы быстро приберем его к рукам.
— Если тебе позволят это сделать.
— Кто, например?
— Тот же углан Хансеяр, имам-хазрет Мауля Худжа. Это они сейчас правят страной, они и правители, и судьи...
— Мне кажется, Бакир ага, что Хансеяр углан не поднимет против нас оружие.
— Смотри по какому пути ты пойдешь. Если станешь разбойничать, он может на тебя и с оружием прийти. Ну, а если встанешь за интересы народа... народ уже по горло сыт войной, кровью. Бахтияр, я надеюсь, что со временем Бату хан и Субедей багатур покинут все-таки наши земли.
— Дай-то бог...
— И тогда тебе придется идти на поклон к тому, кого изберут булгарским ханом. Если, конечно, мы доживем до этого.
— Доживем, Бакир ага, доживем, иншалла, — ответил Бахтияр и направился к своим джигитам. Он уже решил: найдет пушечников внука хана Хансеяра и присоединится к ним.

32

Субедей занемог. Он отказался даже от вареной баранины — болел живот. Багатур жаловался то на повара, то на своего врача. Табиб дал ему попить какого-то травяного отвара, но багатуру все равно не полегчало. Один кишектин посоветовал ему пить гусиную кровь. Гусей в Булгаре было превеликое множество. Тут же поймали одну птицу, перерезали ей горло. Выпив теплой гусиной крови, Субедей долго раскачивался из стороны в сторону и лег на живот. Через некоторое время ему стало легче. Боль в животе прошла, и багатур, наконец, заснул мертвым сном.

Услышав о болезни багатура, к нему пожаловал Мауля Худжа, только что вернувшийся из Казани, но его к багатуру не пропустили: Субедей только что заснул, и никто не решался его беспокоить. Кишектин надежно охраняли покой багатура. Мауля Худжа сдержал свое слово и привез бунтарей Баяна и Джик Мергена в Булгар. Юный хан Алтынбек остался на воспитании у Сэмбель, и теперь играл вместе с ее сыном, неугомонным Хасаном, учился вместе с ним в медресе. Джик Мерген, говорят, мучил народ казанс-

кий. Мауля Худжа и Хансеяр также отняли ярлык у него и передали его ханзаде Алтынбеку, назначив малолетнему хану учителей и духовника. Как только проснется Субедей, имам должен представить ему обоих клятвоотступников. Остальное — дело Субедея, и все же Мауля Худжа хотел присутствовать на суде, сказать свое веское слово, чтобы спасти бедовые головы болгарских багатуров. Ведь они в злодеяниях своих не пошли далеко: убив четырех баскаков, они опомнились и остановились. Конечно, они виноваты, еще как виноваты! Разве можно жить, не платя ясак государству?! Монголы освобождали разве что дервишей. А уж поднять руку на сборщика налога! Нет, такого еще не было в Булгаре. И не будет! Кто бы ни стал правителем — хан, кахан, князь...

Мауля Худжа остался, решил ждать, пока проснется багатур.

* * *

Однажды Мауля Худжа сказал Бату хану: «Наступит день, Саит хан, когда тебе придется править державой во много раз сильнее Булгарии. Иначе тебе не удержать в узде народ. Без государства и правителя народ — что конь без узды и шпор. Тебе уже сейчас надо назначить в завоеванные города эмиров, наибов, тарханов. Пусть каждый из удельных правителей получит ярлык из твоих рук, с твоей тамгой на сбор ясака. Только так придут к тебе слава, уважение и почет. Затем для управления покоренными народами обучи своих сыновей языкам завоеванного народа. Нанимай лучших учителей, мулл, имамов».

Бату хан прислушался к словам Маули Худжи: он послал в Саксин мугаллимов, чтобы те учили его сыновей всяким языкам и наукам. Бату хан нашел даже русского дьяка для обучения своих чад русской речи...

Теперь, когда уже было завоевано много русских городов, Бату хан стал задумываться над выбором своей столицы. Мауля Худжа догадывался об этом. Имаму стало известно, что Бату хан собрался покорить и древний город Киев. Начал собирать сведения об этом городе и княжестве, ибо монголы никогда не шли в поход без основательной подготовки. Киев расположен на высоком холме, взять его будет непросто. Но Бату хан все равно возьмет его, в этом Мауля Худжа был уверен. Если бы в свое время Ильгам хан не упрямился и заключил союз с монголами, Булгар и вся Волжская Булгария жили бы по-другому.

В поход на Киев Бату хан позвал и Субедей багатура, и Хансеяр углана. Может, еще и Бурантай бек присоединится. Словом, сила соберется немалая. Мауля Худжа знал, что Киев для русских дорог как духовная столица, как мать городов русских.

Субедей спал недолго. Проснувшись, он потянулся, зевнул. Живот уже не болел, настроение было хорошее. Он встал, умылся, оделся и направился к трону. Мауля Худжа ожидал его. Субедей почтительно, обеими руками поздоровался с имамом, присел рядом с ним.

— Ну, привез ко мне мятежников?

— Привез, мой багатур. Они в твоём распоряжении. Хочешь — голову руби, хочешь...

— Погоди, погоди, имам, не спеши. Я не буду их ни вешать, ни резать. Я хочу их сегодня угостить. Да, сегодня они — мои гости! Накрою стол и буду угощать их до позднего вечера. Приходи и ты, имам-хазрет. Вот и Берке хан вернулся, его тоже позову. И Хансеяр углана. Гулять будем!

— Как твое самочувствие, багатур?

— Ноги немного болят, а живот отпустило, слава Тенгре.

— Бату хан тоже жаловался на боль в ногах.

— Это от постоянной езды верхом, имам хазрет, вечная беда кочевого народа. Редко когда с коня спустишься. Мне уже шестьдесят и я с малых лет не слезал с коня. Утром встаю, иногда ноги вообще меня не слушаются, немного похожу — вроде легчает.

— Пора, багатур, на заслуженный отдых, к спокойной жизни.

— Отдохну, когда омою копыта моего коня водой Адриатического моря. Когда была жива Карлыгач, я подумывал обосноваться и осесть в Булгаре. Но, видит Тенгре, не суждено. Теперь меня здесь ничто не держит.

— И все-таки, если надумаешь здесь остаться...

— Кто знает, какой город выберет себе Бату хан в качестве столицы?..

— Молодая жена приведет его сюда, в Булгар, багатур, помани мое слово. У нас говорят: жена — шея, муж — голова.

— Дай-то Тенгре, имам-хазрет. Мне этот город нравится.

К вечеру Субедей багатур оказал неожиданное радушие и гостеприимство ожидающим суда багатурам Баяну и Джик Мергену. Незадачливые повстанцы готовились к смерти, но вместо этого «Железный бага-

тур» стал угощать их аракой, кормить разными яствами. Очень скоро они все опьянели и принялись за еду, разговорились, смякли... Бесспорно: Субедей мог одним взмахом руки отправить их на небеса, но не стал делать этого, проявив невиданное доселе великодушие. Пьяные, одурманенные аракой багатуры пали перед Субедеем на колени, и Субедей, недолго думая, тоже бухнулся на колени, и в такой умильной позе все трое стали обниматься, лобызаться и расхваливать друг друга. Субедей не просто оказал им такой радушный прием. Ему надоело воевать с этим народом. Кроме того, очень неплохо было бы, если бы эти багатуры стали служить под его началом, как угланы Хансеяр и Бурантай бек. Если бы Субедей казнил Баяна с Джик Мергенем, то это неизменно насторожило бы верных ему болгарских батыров. Лучше было пойти с ними на мировую, общаться, дружить и — принять в свою среду.

Веселье и песни затянулись чуть ли не до утра, когда все, еще не совсем протрезвевшие, стали расходиться. И не было конца клятвам, которые опальные болгарские батыры давали Субедей багатуру.

На следующий день Субедей послал к Бату хану гонца с сообщением: «С виновными болгарскими багатурами разобрался, конфликт исчерпан. Пушки собраны. Я готов».

Мауля Худжа тоже был безмерно рад тому, что так легко, без крови был усмирен бунт, и Булгария, участь которой снова висела на волоске, была чудесным образом спасена.

А еще через два дня в Булгар неожиданно вернулась молодая жена Бату хана Лейля ханум. Ее сопровождали верные хану кишектины. Четыре служанки и повивальная бабка устроились во дворце. Ханбике прошла в покои, немного отдохнула с дороги, привела себя в порядок и вышла в тронный зал. Она обратилась напрямую к Субедей багатуру:

— Багатур, вас зовет Бату хан. Завтра же вам с Хансеяр угланом и Бурантай беком необходимо отправиться в путь, к реке Тын. Берке хан остается здесь для охраны города и соблюдения порядка в стране.

Даже человек, опыт которого намного уступал опыту многомудрого Субедея, понял бы: ханбике познала власть и вошла в силу. Это заметил бы и слепой, а Субедей не был слепым, хотя смотрел на мир одним глазом. «Значит, — подумал Субедей. — Бату хан после похода вернется в Булгар. Возможно, он провозгласит этот город своей столицей». Сегодня... Сегодня никто, даже Субедей багатур, не знал, какой город будет объявлен столицей западного улуса Великой Монгольской империи.

Наутро войско Субедей багатура отправилось к реке Дон. Произошло это в год Свиньи. Предстоял долгий, утомительный, кровавый путь до соленых берегов Адриатики, где монголы намеревались омыть копыта своих коней. До этого предстояло завоевать множество городов, подобных Киеву, пролить реки крови, чтобы потом построить великую, необъятную империю, которая будет держать в своих руках треть человечества.

Когда величественные стены древнего Киева были разрушены, а ворота крепости распахнуты, углан Хансеяр вошел в город. Но того человека, которого он искал, в городе не было. Князь Святослав останавливался в Киеве, но, когда монголы стали окружать город, сбежал с несколькими своими друзьями на запад. Хансеяр углан надеялся, что именно в этом городе он найдет, наконец, своего давнего врага и встретится с ним лицом к лицу. Видно, не судьба. Князь Святослав снова ускользнул от возмездия...

Но это уже другая история, о которой я еще поведаю вам, мой читатель.

Литературно-художественное издание

Хабибуллин Мусагит Мударрисович

БОЖИЙ ДАР

Редактор *Г.М.Хасанова*

Художник *Б.А.Гильванов*

Художественный редактор *Р.Х.Хасанишин*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С.Н.Нуриева*

Корректоры *А.Г.Хамитова, Н.И.Максимова*

Оригинал-макет подписан в печать 26.10.2007. Формат 84×108 1/32.

Усл. печ.л. 17,64. Тираж 2000 д. Заказ С-1321.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

ОАО Полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».

420066. Казань, ул.Декабристов, 2.